

М.И.Семевский

СЛОВО И ДЕЛО

М.И.Семевский

СЛОВО
И
ДЕЛО

1700-1725

М. И. Семевский. Очерки и рассказы изъ русской исторіи XVIII в.

СЛОВО И ДѢЛО!

1700—1725.

МОСКОВСКИЙ КАДРОВЫЙ ЦЕНТР
СОВМЕСТНОЕ ПРЕДПРИЯТИЕ Х. Г. С.

1991

М. И. Семевский. Очерки и рассказы из русской истории XVIII в.

«СЛОВО И ДЕЛО!»

1700—1725

С-Петербург 1884 г.

Недостатки воспроизведения текста обусловлены состоянием книги издания 1884 года

ОТВЕТСТВЕННЫЙ ЗА ВЫПУСК А. П. СЕРЫЙ

Подписано в печать 01.11.90 г. Формат издания 84×108^{1/32}. Бумага тип. № 2. Печать высокая. Уч. печ. л. 17,52. Уч.-изд. л. 17,40. Тираж 130 000 экз. Заказ № 701.

103031, Москва, ул. Рождественка, 8, стр. 2, Московский кадровый центр. Совместное предприятие «Х. Г. С.»

Диaposитивы изготовлены в тип. № 3 УВИ МО СССР. Отпечатано в ленинградской типографии № 2 головном предприятии ордена Трудового Красного Знамени Ленинградского объединения «Техническая книга» им. Евгении Соколовой Государственного комитета СССР по печати. 198052, г. Ленинград, Л-52, Измайловский пр., 29.

П 050302020—86 без объявления
488—90

ISBN 5—7588—0001—5

© Художник С. Е. Погорелый

М. И. Семеvскій. Очерки и рассказы изъ русской исторіи XVIII в.

СЛОВО И ДѢЛО!

1700—1725.

Тайная канцелярія при Петрѣ Великомъ. — Самуилъ Выморковъ, проповѣдникъ явленія антихриста. — Камеръ-фрейлина Гамильтонъ. — Петръ I-й какъ юмористъ.

Изданіе второе, пересмотрѣнное и исправленное.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, Среди. Подъяч., № 1.

1884.

Средняя Подъячская, д. № 1
2521.

СОДЕРЖАНІЕ.

	СТРАН
Предисловіе изд.-ред. журнала „Русская Старина“.	V—VI
I. Тайная канцелярія при Петрѣ Великомъ въ 1720—1725 гг.	1—124

„Слово и дѣло!“

I. Введеніе	3
II. Цесарскіе корабли	10
III. Необычный поклонъ	12
IV. Новый титулъ	17
V. Волокитство полицейскаго	20
VI. Нѣжная укоризна	22
VII. Царевъ указъ	25
VIII. Холопъ царевича Алексѣя	26
IX. Непристойное желаніе	30
X. Таинственныя литеры	33
XI. Небесное видѣніе	37
XII. Кликуши	43
XIII. Прапорщикъ Скобѣевъ	48
XIV. На дворянской пирушкѣ	51
XV. Портной царевича Алексѣя	53
XVI. Шволяры	55
XVII. Двойня царицы Натальи	65
XVIII. Многолѣтіе Екатеринѣ Алексѣевнѣ	77

СОДЕРЖАНІЕ.

	СТРАН.
XIX. Богохульниѣ	80
XX Кикимора	87
XXI. Шведъ-вѣдунъ	90
XXII. Колодниѣ	96
XXIII. Боярская толща	99
XXIV. Антихристъ	107
II. Самуилъ Выморковъ, проповѣдникъ явленія въ Россіи антихриста въ 1722—1725 гг.	125
III. Камеръ-фрейлина Марія Даниловна Гамильтонъ, † 14-го марта 1719 г.	185
IV. Сны Петра Великаго, 1714—1719 гг.	269
V. Петръ Великій какъ юмористъ, 1700—1725 гг.	277
Приложенія къ этому очерку:	
I. Свадьба князь-папы Петра Ивановича Бутурлина въ Москвѣ, въ январѣ 1714 г. Разсказъ Ив. Ив. Голикова	318
II. Удостовереніе въ годности папы въ IX—XII вв.	327
III. Письма архи-игуменни Ржевской, 1708—1717 гг.	329
IV. Просьба дьяка Протопопова о небытіи въ маскарадѣ, 1722 г.	332
V. Петръ Великій въ его толкованіяхъ заповѣдей, а также о ханжествѣ и лицемеріи	332
VI Покушеніе на жизнь Петра Великаго, 1720 г.	337

Перечень историческихъ трудовъ и изданій М. И. Семеваго
съ 1856 по 1884 гг.

Въ настоящей книгѣ собраны историческіе очерки и рассказы изъ эпохи Петра Великаго, составленные нами болѣе двадцати лѣтъ тому назадъ, именно въ 1860—1862 гг.

Всѣ эти статьи тогда же были напечатаны въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ, каковы: „Отечественныя Записки“ изд. А. А. Краевскаго, „Время“ изд. М. М. и О. М. Достоевскихъ, „Свѣточъ“ изд. Д. И. Калиновскаго и А. П. Милюкова, „Вѣкъ“ изд. А. В. Дружинина, К. Д. Кавелина и П. И. Вейнберга, „С.-Петербургскія Вѣдомости“ изд. В. О. Корша, „Русская Рѣчь“ изд. Евгеніи Туръ и „Иллюстрація“ изд. г. Баумана.

Если настоящіе очерки и рассказы не утратили и по истеченіи двадцати трехъ лѣтъ своего значенія и интереса, то, главнымъ образомъ, потому, что всѣ они составлены по подлиннымъ, до того времени неизданнымъ, документамъ. Матеріалы эти суть бумаги Тайной Розыскныхъ дѣлъ Канцеляріи времени Петра Великаго, болѣе ста лѣтъ хранившіяся въ Петропавловской крѣпости въ С.-Петербургѣ, но при императорѣ Николаѣ Павловичѣ перенесенныя, по его волѣ, въ Государственный архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ, въ зданіе главнаго штаба, и разобранныя по картонамъ подъ ближайшимъ наблюденіемъ графа Дмитрія Николаевича Блудова.

Взявъ въ основаніе нашихъ очерковъ архивный матеріалъ, передавая его съ наивозможно болѣею точностью, мы старались обставить его всѣми данными, какія нашли въ печатной исторической литературѣ до 1860-хъ гг., русской и иностранной, относительно времени императора Петра Великаго.

Читатели, конечно, замѣтятъ легкое, живое изложеніе, быть можетъ не всегда соответствующее серьезности предмета, о которомъ мы повѣствуемъ въ томъ или другомъ очеркѣ. Это явленіе объясняется какъ молодостью автора (23 года) въ то время, когда писались настоящіе очерки, такъ и увлеченіемъ—явить нѣкоторый протестъ противъ той сухой и напыщенной фразировки, которою отличались покойный

академикъ Николай Герасимовичъ Устряловъ- и его предшественники И. И. Голяковъ, даже Н. А. Полевой и проч. лица во всѣхъ тѣхъ статьяхъ и книгахъ, въ которыхъ трактовали они о Петрѣ Великомъ, размалевывая этотъ историческій, истинно величавый, образъ такими бѣлилами и румянами, въ которыхъ онъ вовсе не нуждался, да никогда и не будетъ нуждаться.

Превосходный трудъ С. М. Соловьева о Петрѣ I и эпохѣ преобразованія Россіи не существовалъ еще, когда мы углубились въ изученіе преимущественно бытовой исторіи времени царя Петра Алексѣевича.

Съ тѣхъ поръ, когда настоящіе наши очерки были впервые напечатаны,—явилась, кромѣ труда С. М. Соловьева, дѣлая литература, болѣе или менѣе важныхъ по значенію и интересу, книгъ, монографій, очерковъ, дѣлныхъ сборниковъ матеріаловъ, посвященныхъ изученію Петра Великаго и его царствованія.

Много данныхъ, въ этомъ отношеніи, представилъ, въ ряду прочихъ изданій, и нашъ историческій журналъ „Русская Старина“ въ четырнадцать лѣтъ его изданія, съ 1870 по 1883 г. включительно.

Все это дало бы намъ возможность восполнить настоящіе наши очерки и рассказы, но мы воздержались отъ дополненій.

Мы удовольствовались только пересмотромъ и исправленіемъ нѣкоторыхъ, впрочемъ немногихъ, замѣченныхъ нами погрѣшностей. Намъ жаль было отнимать у нашихъ рассказовъ именно тотъ особый колоритъ, которымъ они отличаются и который, быть можетъ и незаслуженно, привлекъ къ нимъ въ свое время вниманіе многихъ читателей, настолько по крайней мѣрѣ, что мы даже въ послѣдніе годы получили нѣсколько писемъ отъ подписчиковъ „Русской Старины“ съ выраженіями пожеланій видѣть наши историческіе очерки и рассказы 1860-хъ годовъ собранными въ новомъ и отдѣльномъ изданіи.

Во удовлетвореніе этихъ пожеланій, мы выпустили въ свѣтъ, въ 1883 году, изданіе книги „Царица Прасковья“, 1664—1723 гг., а нынѣ представляемъ сборникъ нашихъ-же историческихъ очерковъ и рассказовъ изъ эпохи Петра I-го, подъ заглавіемъ: „Слово и дѣло“.

Впослѣдствіи времени надѣемся представить и остальные наши историческіе труды изъ области русской исторіи XVIII вѣка, подготовившіе насъ къ изданію „Русской Старины“, посвященной, почти исключительно, изученію отечественной исторіи послѣднихъ трехъ столѣтій.

Михаилъ Семеновскій.

С. Мерекюль. 5-го сентября 1883 г.

ТАЙНАЯ КАНЦЕЛЯРІЯ ПРИ ПЕТРЪ ВЕЛИКОМЪ

1720—1725 гг.

„Слово и дѣло!“

ТАЙНАЯ КАНЦЕЛЯРІЯ ПРИ ПЕТРѢ ВЕЛИКОМЪ.

„Слово и дѣло!“

I.

Вершенныя дѣла Розыскныхъ дѣлъ Тайной Канцеляріи (полное развитіе которой, безспорно, принадлежитъ Петру Великому) представляютъ неисчерпаемый, драгоцѣннѣйшій матеріалъ для знакомства съ духомъ времени, съ законодательствомъ его эпохи, съ сподвижниками великаго монарха, а главное—съ обществомъ, съ русскимъ людомъ того времени.

Въ самомъ дѣлѣ, за громкими и славными побѣдами Петра, за дивнымъ основаніемъ пышнаго города на тряскихъ болотахъ, въ пыли, поднявшейся при ломкѣ всего стараго, за пристройками и постройками новаго зданія, пышными декораціями всевозможныхъ учреждений, пересаженныхъ съ иноземной почвы, мы рѣшительно не видимъ того народа, ради котораго дѣлалось все это.

Гдѣ же онъ, съ своимъ своеобразнымъ взглядомъ на вещи? Что не слышать его толковъ и разсужденій по поводу преобразованій? Какъ принимаетъ онъ тотъ, либо другой указъ, что толкуетъ онъ объ этомъ нововведеніи, о начатой войнѣ, о заключенномъ мирѣ, о казняхъ стрѣльцовъ, о заточеніи царицы Авдотьи, о казни царевича Алексѣя, о лютыхъ истязаніяхъ сотенъ людей, его явныхъ и тайныхъ сторонниковъ и согласниковъ? Какъ принимаетъ этотъ народъ указы о перемѣнѣ одеждъ, нравовъ и обычаевъ, освященныхъ давностью и духовными властями? Какъ принимаетъ этотъ народъ вѣсти о неудачахъ царскихъ, о его немощи; насколько онъ понимаетъ его великія идеи, насколько сочувствуетъ имъ?...

Находимъ ли мы отвѣты на нескончаемый рядъ подобныхъ вопросовъ хоть у кого-нибудь изъ длинной фаланги писателей о Петрѣ и петровской эпохѣ? Заглянемъ въ сочиненія Крещина, въ дневники и записки Нащокина, Гордона, Гизена, Желябужскаго, Корба, Неплюева, въ сочиненія и записки Бергмана, Галема, Шотлея, Мовильона, Теофана Прокоповича, Рабенера, Туманскаго, Катфора, Теодози, Коха, Шелля, въ достопамятныя сказанія Штелина, въ толстыя томы Голикова, Устрялова, въ рассказы Вольтера, Леклерка, Левока, Полеваго... Ну, да пересмотрите хотя всѣ сочиненія о Петрѣ, какія только собраны (а ихъ нѣсколько шкафовъ) просвѣщеннымъ начальствомъ Императорской Публичной Библиотеки. Что-жъ? Много ли вы найдете въ нихъ отвѣтовъ на наши вопросы? При вашемъ пересмотрѣ, вы найдете болѣе или менѣе искусные рассказы о дипломатическихъ сношеніяхъ дворовъ, о походахъ, битвахъ, осадахъ, о постройкахъ крѣпостей, городовъ, о путешествіяхъ, празднествахъ, увеселеніяхъ, нерѣдко о всякаго рода казняхъ, наконецъ, зачастую встрѣтите длинныя разсужденія авторовъ о нравахъ, объ обществѣ того времени, о важности либо вредѣ того или другого указа. Большинство этихъ творцовъ записокъ, разсужденій, исторій, обзоровъ, повѣствованій, взглядовъ и т. п. произведеній падаетъ во прахъ предъ великимъ преобразователемъ, съ умиленіемъ лобызаетъ его державную руку, дивится его генію, превозноситъ его величіе... меньшинство же пускается въ насмѣшки, доходящія до брани, нерѣдко ни на чемъ неоснованной.

За всѣмъ тѣмъ, вы почти нигдѣ не видите русскаго человѣка петровскаго времени. Мало того, вы не видите даже главныхъ дѣятелей эпохи иначе, какъ либо поставленныхъ на высокія ходули, такъ что шапка валится съ головы, при одномъ взглядѣ на „сіи знатныя персоны“, либо персоны эти брошены въ грязь, такъ что на нихъ не видать лица человѣческаго...

Но оставимте великихъ людей.—Для нихъ есть историки искусные, патентованные... нѣтъ, мы хотимъ ограничиться людьми „подлой породы“; мы хотимъ сойтись сколь возможно ближе съ мелкимъ людомъ того времени. Вѣдь эта мелочь, эта забытая историками толпа—основаніе картины, вѣдь безъ нея она мертва, она не имѣетъ смысла!...

Ради этого знакомства, мы поспѣшимъ зайти въ келейку тогдашняго затворника, пройдемъ путемъ-дорогой со странникомъ да

страницей въ дальнюю пустынь, побесѣдуемъ съ отцемъ-монахомъ о грозныхъ небесныхъ знаменіяхъ, о тайныхъ видѣніяхъ, смущающихъ его и на яву, и во снѣ.... Пошепчемся „безъ утайки“, тѣмъ не менѣе за затворенною дверью, съ болязливою оглядкою, со старикомъ-раскольникомъ о нѣмецкомъ оборотнѣ, о томъ, что пришелъ антихристъ, что рушить и валить онъ все направо да налѣво—и близится, близится паденіе матушки-Руси, а съ ней и всего грѣшнаго міра... А вотъ кабакъ,—то „царское кружало“. На многихъ изъ нихъ мы видимъ портретъ великаго монарха; мы не пройдемъ мимо пріюта радости и горя русскаго человѣка. Не побрезгаемъ. Сядемте, да выпьемте кружку хмѣльнаго пивца, либо стаканчикъ винца... Не бойтесь, мы не потеряемъ время; вотъ этотъ мужичекъ сообщитъ намъ, „подъ утайкой“, весьма важную новость: пришли-моль тучи тучей цесарскіе корабли, требуютъ-де они либо великаго князя, либо измѣнниковъ, погубившихъ царевича (см. далѣ II-й разсказъ); а то вотъ и хохоль, простодушный малороссъ, чокнемся съ нимъ—онъ поговоритъ о новомъ титулѣ, принятомъ государемъ, объ императорѣ всероссійскомъ, досконально объяснитъ свой взглядъ на этотъ предметъ (IV-й разск.).

Вотъ ссорятся пьяный мужъ съ женой (VI-й разск.), бранится „вельми шумный“ подъячій (VII-й разск.), оретъ подгулявшій старецъ, отче Антоній (IX-й разск.); кричитъ слово и дѣло! солдатская женка Ирина (V-й разск.); въ тиши ночной, на нарахъ, ведутъ зазорный разговоръ „школяры“, представители тогдашней учащейся молодежи (см. далѣ XVI-й разсказъ), и проч. и проч. Остановимтесь, послушаемъ. Они пьяны, говорятъ „виѣ ума“; но вѣдь не даромъ же сложилась на Руси пословица: „что у пьянаго на языкѣ, то у трезваго на умѣ“. Не даромъ же ведутъ ихъ за тѣ рѣчи „непотребныя“ въ вертепы Розыскныхъ дѣлъ Тайной Канцеляріи... Еслибы никто не находилъ въ тѣхъ словахъ смысла и значенія, зачѣмъ же вести болтуновъ на пытку, подъ кнутъ, на эшафотъ...

Кто же доставитъ намъ знакомство со всеѣмъ этимъ людомъ, до сихъ поръ почти всегда забываемымъ изслѣдователями петровской эпохи?

— Вершения дѣла Розыскныхъ дѣлъ Тайной Канцеляріи.

Доносы, подметныя письма, справки, отношенія, промеморіи, частныя письма, допросы, показанія, очныя ставки, застѣночныя документы, объявленія, приговоры,—что ни листъ въ нихъ, что ни страница, то, будьте увѣрены, новая черта для обрисовки нашей

картины.—Здѣсь мы найдемъ цѣлыя біографіи лицъ самаго разнообразнаго рода жизни, сословія, возрастовъ и пола; здѣсь мы отыщемъ рассказы объ обычаяхъ и повѣрьяхъ этихъ людей, отсюда узнаемъ ихъ задушевные мысли, ихъ скорби о прошедшемъ, негодованье на настоящее, затаенныя надежды на лучшее будущее...

А это что за люди, по другую сторону? Предъ кѣмъ стоятъ наши новые знакомые, наши рассказчики?

Тѣ люди—важные сановники, то сподвижники Преобразователя. Они передовые люди,—имъ выпала слава и честь вести впередъ дорогую отчизну. Но здѣсь не подходите къ нимъ, не мѣшайте—они запяты дѣлами, по тогдашнему возрѣнію, первой важности... Въ этихъ мрачныхъ и затхлыхъ застѣнкахъ они допрашиваютъ, они записываютъ показанія, они грозятъ подсудимымъ, они весело болтаютъ межъ собой, они розыскиваютъ о государственныхъ противностяхъ...

Тсъ... Тше... Слышите эти вопли?—Кого-то пытаются... Выйдемъ поскорѣй на чистый воздухъ, да и кстати поговоримъ о допросахъ съ пристрастіемъ.

Послѣднее время ¹⁾ въ различныхъ историческихъ розысканіяхъ, съ легкой руки академика Устрялова и съ его тяжеловѣснаго VI-го тома „Исторіи царствованія Петра“, мало по малу начали обнажаться темные углы, мрачныя стороны великаго царствованія. До сихъ поръ ослѣпленные блескомъ всего великаго, гениальнаго, смѣлаго, героическаго въ дѣянiяхъ Петра Великаго, мы (говоря о нѣкоторыхъ) съ отвращеніемъ стали приглядываться къ изнанкѣ этихъ дѣянiй, и, не успѣвъ еще хорошенько приглядѣться, испугались и закричали: къ чему это, для чего, что пользы въ томъ, что намъ стали рассказывать, да показывать! Вотъ, напримѣръ, пытки—для чего намъ знать; что онѣ были, для чего рассказами объ этихъ звѣрствахъ—класть пятно на великое имя, на славное время? Развѣ въ другихъ государствахъ было лучше?... развѣ... и т. д.

О пользѣ изслѣдованій, не обходящихъ темные углы исторіи, мы не станемъ трактовать; это увлекло бы насъ слишкомъ далеко, да и мы, по обыкновенію обѣгая голословныя разсужденія, спѣшимъ перейти къ фактамъ,—къ цѣли и содержанію настоящихъ очерковъ; но не можемъ обойти послѣдней замѣтки: мы не понимаемъ почему

¹⁾ Писано въ 1860 г.

именно въ пыткахъ находятъ какой-то упрекъ времени, лицамъ, обществу, а прежде всего—упрекъ Петру? Для чего отворачиваться отъ страшныхъ подробностей и упрекать тѣхъ, кто по мѣрѣ силъ и возможности рѣшается приподнять доселѣ опущенную надъ ними завѣсу? Вѣдь рано или поздно надо же будетъ узнать истину; вѣдь изъ того, что дѣйствительно было—ничего не выкинешь. Для чего же только внукамъ да правнукамъ нашимъ предоставить право знать историческую истину петровской эпохи во всей ея наготѣ, а самимъ закрыть глаза и наивно повторять высокопарныя, надутыя фразы историковъ?—Неужели же полтораста протекшихъ лѣтъ мало, чтобы дерзнуть, наконецъ, стряхнуть пыль съ прошедшаго?... Пытки... Пытки были неотъемлемою принадлежностью тогдашнихъ судопроизводствъ; были онѣ въ Россіи, и еще утонченнѣе, если хотите, еще ужаснѣе были въ Европѣ. Осуждать за нихъ Петра Великаго—все равно, что осуждать его за то, что онъ не имѣлъ того гуманнаго взгляда на человѣческое достоинство, какое явилъ Александръ I, обнародывая 27 сентября 1801 года знаменитый указъ противъ пытокъ. Точно также негодовать на сподвижниковъ Петра—все равно, что желать, чтобы князя Ѳеодоръ Юрьевичъ и Иванъ Ѳеодоровичъ Ромсдановскіе, Петръ Андреевичъ Толстой, гг. Скорняковъ-Писаревъ, Андрей Ивановичъ Ушаковъ съ товарищи, дѣятели 1700-хъ годовъ, походили бы на Мордвинова, Сперанскаго, Строгановыхъ, Воронцовыхъ (Семена Михайловича и Михаила Семеновича), Кочубея, Н. Румянцева, Новосильцева, Витгенштейна, А. Шишкова и другихъ доблестныхъ сподвижниковъ Александра I-го. Притомъ петровскія пытки были игрушками противъ тѣхъ разнообразнѣйшихъ истязаній, какія выработала цивилизованная Европа... Изъ слѣдующаго документа прошлаго столѣтія совершенно ясно видно, какъ немногосложенъ былъ „обрядъ, како обвиненный пытается“. Обрядъ этотъ былъ у насъ во всей силѣ въ продолженіи всего XVIII вѣка до временъ Александра I-го.

обрядъ како обвиненный пытается ¹⁾.

„Для пытки приличившихся взлодѣйствахъ, здѣлано особливое мѣсто, называемое застѣнокъ, огороженъ полисадникомъ і покрытъ для того, что при пыткахъ бывають судьи и секретарь, и для за-

¹⁾ Мы приводимъ этотъ документъ буквально изъ дѣлъ Тайной Канцеларіи, 1735—1754 гг., карт. XVII, № 9.

писки пыточныхъ речей подъечей; і, въ силу указа 742-го году, велено, записавъ пыточные речи крѣпить судьямъ, невыходя изъ застенка.

Взастенке же для пытки здѣлана дыба, состоящая втрехъ столбахъ, іскоторыхъ два вкопаны вземлю, а третьей сверху, поперегъ.

І когда назначено будетъ для пытки время, то катъ или палачъ явится долженъ взастенокъ с своими инструментами, а оныя есть: хомуть шерстяной, хкоторому пришта веревка долгая; кнутья, і ремень, которымъ пытанному ноги связываютъ.

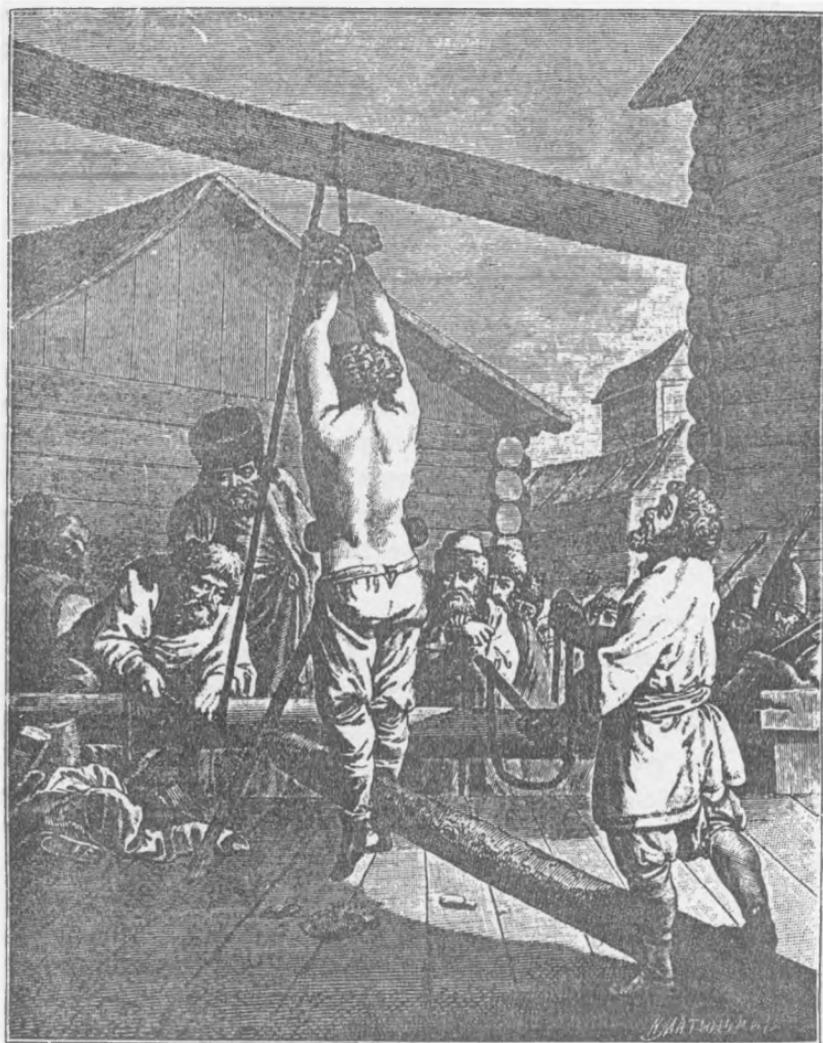
По приходе судей въ застенокъ і по разсужденіи въ чемъ подлежащаго к пыткѣ спрашивать должно, приводитца тотъ, котораго пытать надлежитъ, і от караульнаго отдаецца палачу; которой долгую веревку перекинетъ чрезъ поперечной в дыбѣ столбъ і взявъ подлежащаго к пытке, руки назадъ заворотитъ, і положи ихъ вхомуть, чрезъ приставленныхъ для того людей встягивается, дабы пытаной на земле не стоялъ. У котораго руки і выворотитъ совсемъ назадъ, і онъ на нихъ виситъ; потомъ свяжетъ показаннымъ выше ремнемъ ноги, і привязываетъ к здѣланному нарочно впереди дыбы к столбу; і растянувши симъ образомъ, бьетъ кнутомъ, гдѣ и спрашивается о злодѣйствахъ і все записывается, что таковой сказывать станеть.

Естьли-жъ іс подлежащихъ к пытке такой случитца, которой ізобличается во многомъ злодѣйствѣ, а онъ запирается, і по дѣлу обстоятельства доказываютъ его к подозрѣнію, то для изысканія істины употребляются нарочно:

1-е тиски, здѣланная із желѣза в трехъ полосахъ с винтами, в которые кладутся злодѣя персты сверху большія два із рукъ, а внизу ножныя два; і свинчиваются от палача до техъ поръ, пока іли повинится, іли не можно будетъ больше жать перстовъ і винтъ не будетъ дѣйствовать.

2-е наложа на голову веревку і просунувъ кляпъ і вертятъ такъ, что оной ізумленнымъ бываетъ; потомъ простригаютъ на голове волосы до тѣла, і на то мѣсто льютъ холодную воду только что почти по капле, от чего также въ ізумленіе приходитъ.

3-е при пыткѣ, во время таково-жъ запрательства і для изысканія істины, пытанному, когда виситъ на дыбѣ, кладутъ между ногъ на ремень, которымъ они связаны, бревно і на оное палачъ становитца за тѣмъ, чтобъ на виске потянуть его, дабы болѣе істязанія чув-

ВИСКА ИЛИ ДЫБА ВЪ РОССИИ

ВЪ XVIII ВѢКѢ.

ствовавъ. Есть ли же і потому истины показывать не будетъ, снимая пытаннаго з дыбы правять руки, а потомъ опять на дыбу таким же образомъ поднимають для того, что і чрезъ то боли бываетъ больше.

Хотя по законамъ положено только три раза пытать, но когда случится пытаной на второй или на третьей пытке речи переменить, то еще трижды пытается.

І есть ли переговаривать будетъ в трехъ пыткахъ, то пытки употребляютца до тѣхъ поръ, пока с трехъ пытокъ одинаковое скажетъ, ибо сколькобъ разъ пытанъ ни былъ, а есть ли в чемъ нибудь разнить в показаніяхъ будетъ, то въ утверженіе долженъ еще три пытки вытерпѣть; а потомъ і огонь такимъ образомъ: палачъ отвязавъ привязанныя ноги от столба, висячего на дыбе растянетъ і зажегши веникъ с огнемъ водить по спине, на что употребляетца вениковъ три или болше, смотря по обстоятельству пытанаго.

Когда пытки окончатся і пытаной подлежать будетъ по винамъ ссылки на каторгу, то при посылке от палача вырываются ноздри здѣланными нарочно клещами. Есть ли же которые подлежатъ смертной казни, то і таковыхъ, в силу указовъ, до будущаго о дѣйствительной казни опредѣленія, велено сслать на каторгу жъ, а при посылке также ноздри вырезаются. І сверхъ того особливими присланными стемпелями на лбу і на щекахъ кладутся знаки (:воръ:) в техъ же стемпеляхъ набиты желѣзные острия спицы словами, і ими палачъ бьетъ в лобъ і щоки, і натираетъ порошкомъ, і от того слова видны бывають“.—

Нечего и говорить, что каждый порадуется тому, что нынѣ нѣтъ ни этихъ истязаній, ни вырыванія ноздрей, ни татарскаго обычая брить головы, ни кнутовъ, ни нещаднаго сѣченія батогами, уменьшилось употребленіе клеймъ, плетей и пшицрутеневъ¹⁾...

Нс слѣдуетъ ли изъ этого, чтобы, восхваляя настоящее, умалчивать о прошедшемъ? Только тогда и хорошо настоящее, только тогда и цѣннымъ мы его свѣтлыя стороны, когда знаемъ тотъ историческій процессъ, какимъ онѣ выработались, когда знаемъ темныя стороны доброй старины...

¹⁾ Писано въ 1860 г., то есть до Высочайшаго указа императора Александра II-го, 1863 г., освободившаго Россію отъ тѣлесныхъ наказаній.

Слово и дѣло! Обращаемся къ нему. Мы не имѣемъ въ виду разсматривать юридически этотъ обычай обвиненій въ государственныхъ преступленіяхъ; въ настоящихъ очеркахъ мы только хотимъ познакомить нашихъ читателей съ фактами, возникшими изъ слова и дѣла! Изъ множества дѣлъ мы выбираемъ эпизоды небольшіе по объему, но довольно интересные по содержанію и дѣйствующимъ въ нихъ лицамъ.

II.

Цесарскіе корабли ¹⁾).

Продолжительная борьба съ Швеціей сильно утомила народъ и войско; всѣ съ нетерпѣніемъ ждали мира, и отъ Петербурга до дальнихъ странъ Сибирскихъ всѣ толковали, каждый по своему, о тягостяхъ войны, о времени заключенія мира, объ условіяхъ, на которыхъ онъ можетъ быть заключенъ и проч. Нечего и говорить, что на подобныхъ толкахъ и пересудахъ, совершенно впрочемъ невинныхъ, отпечатывались возрѣнія простодушныхъ и суевѣрныхъ простолюдиновъ, тѣмъ не менѣе и они, проникая въ „Тайную Канцелярію“, вызывали аресты, допросы и штрафованья говорунновъ: „не толкуй-моль, не твое дѣло, жди да молчи; что повелятъ, то и будетъ; не тебѣ вѣдь разсуждать“!...

Какъ ни велика была острастка, а говорунны не унимались; жажда толковъ и новостей быстро распространялась.

Вотъ, напримѣръ, два собесѣдника... О чемъ они толкуютъ съ такимъ жаромъ? Подойдемъ, да послушаемъ.

— ...Куда-жъ ты ѣдешь? спрашиваетъ содержатель шинка Барышниковъ, нагнавъ по дорогѣ въ Пошехонскомъ уѣздѣ слугу пингерманландскаго полка офицера—солдата Малышникова.

— Послалъ меня баринъ къ поручику нашего же полка, къ Кольчугину, въ село Погорѣлое.

— Зачѣмъ?

— А вотъ ѣду къ Кольчугину, для того, что намъ, по указу, велѣно идти въ Ревель...

¹⁾ Вершенныя дѣла Р. Д. Т. К., к. XX, д. № 43.

— Вотъ что! стало быть опять же война, да страженіе будетъ? (Разговоръ происходилъ лѣтомъ, 1720 года).

— Ничего вѣдь не подѣлаешь, отвѣчалъ деньщикъ: пришли къ Кроншлоту царскихъ и шведскихъ девяносто кораблей, и просятъ у его царскаго величества бою; а буде-де бою не будетъ, такъ чтобъ отдали великаго князя. А буде его не отдадутъ, чтобъ отдали измѣнниковъ...

Между тѣмъ собесѣдники подѣхали къ селу Погорѣлому, далѣе ѣхать было не по дорогѣ и разстались.—Барышниковъ, жалѣючи, что не успѣлъ разспросить, „какихъ измѣнниковъ возжелалъ нѣмецкій царь“,—проѣхалъ далѣе, въ село Богоявленское, на рѣку Шекену, гдѣ имѣлъ свой откупной кабакъ.

Дня два спустя Барышниковъ отправился въ село Петровское, и по дорогѣ остановился перекусить въ подмонастырской Германовой слободкѣ.

Въ тамошнемъ кабакѣ встрѣтилъ онъ крестьянина Дмитрія Салтанова. Салтановъ былъ посланъ въ Галицкій уѣздъ, отъ Бергъ-коллегіи, розыскать жѣдную руду. Лицо, слѣдовательно, въ нѣкоторомъ родѣ административное. Барышниковъ весьма любезно предложилъ ему „выкушать“ пивца и, не утерпя, сталъ разтабарывать о политикѣ.

— Слышалъ ты, говорилъ Барышниковъ, что царскихъ сто кораблей пришли въ Кроншлотъ и просятъ у царскаго величества великаго князя, а потомъ и измѣнниковъ? Поэтому самому, сказываютъ, и миръ состоится?

— „Слово и дѣло!“ закричалъ въ отвѣтъ Салтановъ, и въ качествѣ лица, довѣреннаго у правительства, препроводилъ Барышникова въ Помехонь, гдѣ и просилъ воеводу взять его подъ караулъ и допросить о противныхъ словахъ. Доноситель замѣтилъ при этомъ, что онъ не имѣлъ съ Барышниковымъ никакой ссоры и до настоящей бесѣды не былъ съ нимъ знакомъ.

Стольникъ и воевода Д. А. Вестужевъ-Рюминъ принялъ челобитье и поспѣшилъ снять допросъ въ присутствіи нѣсколькихъ чиновниковъ.—Болтунъ сознался во всемъ, сослался на деньщика, но отрекся отъ словъ: „поэтому самому и миръ состоится“. Барышникову казалось, что вина его уменьшится, если онъ отречется отъ этихъ словъ; съ этою же цѣлью онъ стоялъ на томъ, что вмѣсто 100 царскихъ кораблей имъ было сказано 90.

Скинутый десятокъ не спасъ его отъ Тайной Канцеляріи: Барышникова заковали въ ножныя и ручныя кандалы и, какъ тяжкаго преступника, препроводили въ столицу, подъ крѣпкимъ карауломъ, съ донесеніемъ воеводы на высочайшее имя. Съ арестантомъ посланъ былъ и доноситель.

Передопросивъ обоихъ, Тайная Канцелярія не нашла нужнымъ отыскивать неизвѣстнаго деньщика, — первоначальнаго передатчика новости о цесарскихъ корабляхъ, но положила:

— „Крестъянину Ивану Барышникову за дерзостныя, непристойныя слова учинить жестокое наказаніе; вмѣсто кнута бить плетью и освободить съ проѣзднымъ листомъ до Пошехони“.

Въ этомъ эпизодѣ батоги замѣнились плетью. Наказаніе было строже, какъ кажется, только потому, что говорунъ-мужичекъ дерзнулъ намекнуть о великомъ князѣ, — вѣроятно, сынѣ злополучнаго царевича Алексѣя Петровича.

Любопытно, что Салтановъ, столь безкорыстно донесшій на Барышникова, обуреваемый страстью къ доносамъ, — сталъ дѣятельно подвизаться на этомъ поприщѣ; но при успѣхахъ неминуемо были и неудачи: въ 1723 году за ложный извѣтъ онъ былъ посланъ на каторгу и предоставленъ въ распоряженіе адмиралтейскаго вѣдомства. Не унялся онъ и здѣсь, крикнулъ слово и дѣло! на матроса Мѣшкова и по изобличеніи въ ложномъ, воровскомъ извѣтѣ, бить кнутомъ, потерять ноздри въ клещахъ палача и въ февралѣ 1724 г. сосланъ въ Сибирь, въ дальніе города, въ государеву работу вѣчно¹⁾.

III.

Необычный поклонъ²⁾.

27 іюня 1721 года, Петръ праздновалъ годовщину полтавскаго боя. Троицкая площадь, на Петербургской сторонѣ, служила мѣстомъ праздника. Въ обширной палаткѣ, съ алтаремъ внутри, собралось знатнѣйшее духовенство: литургія шла торжественно, вся площадь внимала ей въ гробовомъ молчаніи и стройное пѣнье боль-

¹⁾ Вершенныя дѣла Р. Д. Т. К., к. ХУІІІ, л. № 20.

²⁾ Вершенныя дѣла Р. Д. Т. К., к. ХХVІІІ, л. № 51.

шого хора далеко разносилось по улицамъ да пустырямъ Петербургской стороны.

Шагахъ въ пятидесяти отъ церкви стоялъ мужчина громаднаго роста—въ старомъ зеленомъ кафтанѣ, съ небольшими красными отворотами, поверхъ которыхъ была надѣта кожаная португеза; на ногахъ у него были зеленые чулки и старые изношенные башмаки, въ одной рукѣ палка, въ другой старая, поношенная шляпа. Гигантъ этотъ былъ полковникъ гвардіи, царь Петръ Алексѣевичъ, въ томъ самомъ костюмѣ, въ которомъ разгромилъ Карла XII на поляхъ Полтавы.

Его окружали главные поначальники и офицеры гвардіи; далѣе въ строю, парадомъ, вытянуты были гвардейскіе полки. Государыня Екатерина Алексѣевна, а также вдовствующая царица Прасковья Федоровна, царевны и весь дворъ присутствовали на площади, а тамъ, за рядами гвардейцевъ, толпился народъ.....

Этотъ день для Петра былъ вдвойнѣ радостенъ: къ пріятнымъ воспоминаніямъ о славной побѣдѣ присоединилось удовольствіе встрѣчи съ герцогомъ голштинскимъ (будущимъ мужемъ старшей его дочери); государь давно ждалъ герцога, и тотъ, чтобъ доставить ему удовольствіе, пріѣхалъ какъ разъ въ годовщину полтавскаго боя.

Послѣ молебна, отпѣтаго съ колѣно-преклоненною площадью, при громѣ пушечной и ружейной пальбы,—государь пожелалъ похвалиться гвардіей предъ дорогимъ гостемъ, сталъ въ ея главѣ и съ музыкой, блестящимъ строемъ, повелъ ее по площади...

Заѣзжій гость былъ въ восторгѣ, народъ тѣснился со всѣхъ сторонъ полюбоваться на бравую гвардію великаго преобразователя.

Особенно пріятное впечатлѣніе парадъ произвелъ на мужичка-работника Максима Антонова. Еще предъ литургіей, ради полтавской побѣды, завернулъ онъ съ братомъ въ „австерію“, выпилъ вина денегъ на шесть, а по крѣпости и дешевизнѣ пѣнника, выпитаго было достаточно, чтобъ „учиниться шумнымъ“.

„Шумнымъ“ явился мужичокъ и на площадь; солнышко припекло его обнаженную голову, пальба опеломила, хмѣль сталъ бродить да туманить голову, и Максимъ пришелъ въ восторженное состояніе.

Заиграла музыка, двинулись полки. Мужикъ глядѣлъ на Петра, глядѣлъ на тѣлохранителей и до того умиллся, что возжелалъ лично засвидѣтельствовать монарху свое искреннее къ нему расположеніе. Съ этою цѣлью, не слушая никого, ни на что не обращая

вниманія, Максимъ приблизился къ Петру—отвѣсилъ поклонъ „самый необычный“, тѣмъ не менѣе отъ полноты души, затѣмъ другою и третію..

Тѣлохранители скоро замѣтили человѣка, такъ странно выдѣлившись изъ толпы, а еще скорѣе обратили вниманіе на небольшой ножикъ съ костяною ручкою, висѣвшій у него на пояскѣ. Человѣкъ съ ножикомъ—подходить къ государю, кланяется необычно, что это—не умыселъ ли какой? Слово и дѣло!

— „Схвати, возьми мужика подъ караулъ“, закричалъ одинъ изъ адъютантовъ преображенскому солдату Аракчееву.

Дѣтина здоровый, Аракчеевъ отволокъ Максима; но мужичокъ заспорилъ, закричалъ и отъ „шумства“—ударилъ преображенца по уху до крови. Тотъ сталъ отнимать ножъ, Максимъ и его отставалъ со всѣмъ пыломъ краснорѣчія кулаковъ; ихъ осплили гвардейцы. Максима связали и отдали подъ караулъ.

Два дня спустя мы его видимъ предъ грознымъ судилищемъ Тайной Канцеляріи.

Судилище поспѣшило познакомиться съ прошлымъ и настоящимъ преступника. Максимъ Антоновъ оказался крѣпостнымъ гвардіи прапорщика князя Черкасскаго; пріѣхалъ въ Петербургъ на баркахъ работникомъ, ходилъ по заработкамъ у купецкихъ людей и наконецъ нанялся въ адмиралтейство чистить пеньку. Онъ разсказалъ, съ кѣмъ и когда пріѣхалъ, гдѣ и у кого работалъ, назвалъ хозяина той избы, гдѣ въ настоящее время съ другими работниками нанимаетъ уголь, и затѣмъ съ такою же опредѣленностью отдалъ отчетъ въ прожитыхъ деньгахъ ради полтавскаго праздника.

— „Необычнымъ же образомъ подходилъ я къ царскому величеству, говорилъ Максимъ, безъ всякаго умысла, токмо отъ единого моего шумства. И дурно учинить персонѣ его царскаго величества меня никто не научалъ. Ножъ у меня, каллся чистосердечно Максимъ, давно виситъ на пояскѣ для употребленія къ пицѣ во время работной поры, а дрался ли съ кѣмъ, какъ брали меня подъ караулъ, того за пьянствомъ не помню“.

Дѣло, кажется, было просто, но не для суровыхъ членовъ тайнаго трибунала: необычный поклонъ на площади, ножикъ на пояскѣ, хоть бы и такою невинный, какой былъ у Максима, все-таки въ нѣкоторомъ родѣ оружіе опасное... все это были обстоятельства противныя... Не было-ли тутъ умысла на персону? Не раскольникъ-ли,

не фанатикъ-ли, не государственный-ли это злодѣй? Для разрѣшенія вопроса, дѣйствительно ли онъ былъ пьянъ, потребовали показанія Аракчеева. Преображенецъ письменно засвидѣтельствовалъ, что пощечина Максима сокрушила его ухо до крови, а билъ-ли тотъ его съ пьяна или трезвый, того онъ не призналъ.

Привели къ допросу трехъ поденщиковъ, жившихъ вмѣстѣ съ арестованнымъ. Козьминъ, Сергѣевъ и Ивановъ, одинъ за другимъ, повѣдали о мѣстахъ своей родины, родѣ занятій, времени переѣздовъ изъ города въ городъ и прочихъ обстоятельствахъ, только по пустой формальности внесенныхъ судьями въ допросные листы. Что касается до Максима, то сожители его отозвались, что живутъ съ нимъ около шести недѣль и въ это время видѣли его „весьма пьянымъ“ раза три; а въ хмѣлю, свидѣтельствовали мужички, онъ „здорливъ, бранить кого прилучится и насъ бранивалъ; ножикъ при немъ былъ постоянно и служилъ ему при употребленіи пици, но ни въ какихъ другихъ случаяхъ тотъ ножикъ не бывалъ“.

Показанія работниковъ, спрашиваемыхъ со всею осторожностью, порознь, не обличили однако ничего, чтобы могло обвинить Максима въ томъ, въ чемъ подозрѣвали его неумытныя судьи. Дѣлать нечего—Козьмина, Сергѣева и Иванова на другой же день освободили.

— „А ты, Максимъ, вновь допрашивали судья, — подъ опасеніемъ истязанія и потери живота, покажи все, что знаешь за собой, безъ утайки: ходишь-ли въ церковь, православія крѣпкобъ-ли, какъ крестишься, кто былъ у тебя отецъ духовный, знаешь-ли ты грамоту?“

Эти вопросы были не пустая формальность: затрогивалась религіозность Максима, съ цѣлью извѣдать не фанатикъ-ли и не раскольникъ-ли онъ?

Ожиданія судей не оправдались.

— Я ушелъ отъ своего барина изъ Козельскаго уѣзда, отвѣчалъ Максимъ, тому лѣтъ восемь, вмѣстѣ съ отцомъ, въ Москву. Ходилъ съ нимъ въ бѣгахъ по заработкамъ. Крещусь я трехперстнымъ сложеніемъ; въ церковь хожу, расколу не имѣю; исповѣдывался и причащался въ молодыхъ лѣтахъ, а послѣ того лѣтъ съ десять отца духовнаго не имѣлъ и грамоты не знаю.

Нѣтъ, все не то, не того нужно Петру Андреевичу Толстому съ товарищи. Имъ непремѣнно нужно открыть замыселъ, заговоръ,

иначе для чего-жъ учреждена Тайная розыскныхъ дѣлъ Канцелярія?

Привели помѣщика. Князь Егуповъ-Черкасской призналъ своего бѣглаго крестьянина, но объявилъ, что расколу за нимъ не вѣдаютъ.

Нечего дѣлать, коли никто не вѣдаетъ, такъ розыщемъ.

Максимъ въ застѣнкѣ, его раздѣли предъ орудіями пытки.

— А за что у тебя спина бита кнутомъ и жена огнемъ и тобой розсыкивано? спрашивали судьи, разсматривая сине-багровые рубцы и почернѣлыя язвы на спинѣ Максима.

Въ ожиданіи отвѣтовъ — мужика поднимаютъ на дыбу: руки хрустятъ, вывертываются изъ суставовъ; кнутъ, по пословицѣ: „кнутъ не Архангелъ, души не вынетъ“, подновляетъ зажившія раны.

— „Бить я въ городѣ Почепѣ... показывается между криками и стопами Максимъ,—въ бытность въ Украинѣ въ бѣгахъ, бить кнутомъ и жень съ шестью бурлаками... разбилъ съ ними попа Юскова... пыталъ насъ комендантъ Павловъ.... А къ царскому величеству подходилъ конечно съ пьяна, самъ собою.... безъ умыслу....“

Дано 17 ударовъ.

Новые поиски и справки. Нужно спросить почепскаго коменданта: правду-ли показалъ о первой пыткѣ Максимъ? Кстати, комендантъ оказался въ Петербургѣ—управляющимъ акцизной каморы.

Онъ объявилъ, что въ бытность свою въ Почепѣ перепыталъ такое множество всякаго рода людей, преступныхъ и оговоренныхъ по разнымъ дѣламъ, что о Максимѣ Антоновѣ положительно ничего не помнить.

Желаніе судей добратъся до нити небывалаго заговора было такъ сильно, что необычно поклонившагося поденщика выдержали въ крѣпостномъ казематѣ пять мѣсяцевъ.

Въ теченіе этого времени — государь, по случаю ништадтскаго мира, имяннымъ указомъ изъ Сената въ Тайную Канцелярію (13-го сент. 1721 г.), повелѣлъ составить вѣдомость всеѣмъ государственнымъ преступникамъ для того, чтобъ положить рѣшенія болѣе снисходительныя.

Не ранѣе, какъ черезъ мѣсяць Тайной Канцеляріи удалось составить требуемую вѣдомость. За множествомъ номеровъ трудъ былъ не легкій. Между прочимъ былъ вписанъ сюда и Максимъ Антоновъ съ экстрактомъ изъ его „важнаго и противнаго дѣла“.

19-го октября 1721 г. государь, будучи въ Сенатѣ, толковалъ о необходимости составить милостивый манифестъ.

— „Понеже Всевышній, говорилъ Петръ, во время прошедшей тяжкой и долгой протяжной войнѣ, такъ многократно побѣдами благословлять изволилъ и напоследѣдъ такой славный, и всему государству полезный миръ даровалъ; чего ради, я по достоинству мыслилъ: какъ-бы Ему въ показаніе своей благодарности, за толикую божію милость, какое милосердіе къ народу своему показать? Того ради, всемилостивѣйше разсудя, указалъ такимъ образомъ учинить: генеральное прощеніе и отпущеніе винъ во всемъ государствѣ явить всѣмъ тѣмъ, которые въ тяжкихъ и другихъ преступленіяхъ, въ наказаніе впали или къ онымъ осуждены суть“...

Генеральное прощеніе распространилось и на работника Максима. Правительствующій Сенатъ, обще съ государемъ, разсматривая вѣдомость, отмѣтилъ въ ней: Максима Антонова въ Сибирь.

На основаніи этой отмѣтки, Тайная Канцелярiя составила приговоръ: крестьянина Максима Антонова за то, что „27-го іюня 1721 г. къ высокой особѣ его царскаго величества подходилъ необычно и онъ же въ Малой Россіи, въ городкѣ Печепѣ, былъ на разбоѣ и пытанъ, въ чемъ съ розыску винился, послать въ Сибирь и быть ему тамъ при работахъ государевыхъ до его смерти неотлучно“.

IV.

Новый титулъ ¹⁾).

22-го октября 1721 года, при торжественномъ празднованіи ништадтскаго мира, Теофанъ Прокоповичъ сказалъ хвалебную рѣчь. Вычисляя необыкновенно мудрыя распоряженія и благодѣянiя его величества въ пользу его подданныхъ, архіепископъ объявилъ: что государь заслужилъ названіе отца отечества и великаго императора. За рѣчью духовнаго витiи слѣдовало длинное слово великаго канцлера Гаврилы Ивановича Головкина. Онъ говорилъ во главѣ всего Сената, и отъ лица всѣхъ государственныхъ сословій просилъ при-

¹⁾ Вершенныя дѣла Р. Д. Т. К., к. XXXI, д. № 9.

нять, въ знакъ ихъ вѣрноподданнической благодарности, титулъ: Петра Великаго, отца отечества и императора всероссійскаго.

Сначала государь изъ скромности отказывался отъ „подноса“; но на другой день свѣтскіе и духовные сановники повторили свою просьбу съ такимъ жаромъ, съ такими горячими слезами умиленія и благодарности, представляли такіе доводы, что монархъ рѣшился наконецъ оказать имъ новую неизрѣченную милость — и принялъ титулъ: „Великій, отецъ отечества и императоръ всероссійскій“.

Иноземное слово императоръ, смѣнившее привычное слово царь — возбудило много толковъ въ простомъ народѣ. Много укоровъ, много обвиненій, много текстовъ изъ разныхъ писаній подведено было противъ этого иноземнаго титула въ раскольническихъ скптахъ, въ лѣсахъ, въ глухихъ деревушкахъ. Эти укоры и обвиненія произносились, разумѣется, шопотомъ, въ ежеминутной опасности — жестоко поплатиться за страшное преступленіе. Но были и такіе простяки, которые выговаривали противъ новаго титула слово противное только потому, что вовсе его не понимали и не соединяли съ нимъ понятія о русскомъ государѣ — царѣ-батюшкѣ.

16-го ноября 1722 года въ мѣстечко Конотопъ, въ Малоросіи, пріѣхалъ съ дровами гетманскій мужикъ, хохоль Данило Вѣлоконицкъ. Продавъ онъ небольшой свой возикъ дровецъ, да на вырученные гроши пошелъ купить для семейки соли.

Повстрѣчался съ нимъ гренадеръ Спицынъ. — „Дядя, дядя, — молвилъ гренадеръ: пойдѣмъ-ка въ шинокъ, да выпьемъ винца“.

Простодушный хохоль не устоялъ противъ соблазна, забылъ, что бѣдная семья ждетъ вырученныхъ грошей, что въ хатѣ нѣтъ ни крушинки соли....

Началъ, впрочемъ, угощеніе солдатъ. Купилъ онъ винца на копейчку (вино было дешево) и налилъ Данилѣ. Между тѣмъ подошли хохлы Игнатъ Михайловъ да Тихонъ Антоновъ, и нашъ мужичекъ раскошелился для пріятелей, да для царскаго солдатика. Купилъ онъ вина на два алтына.... Пирушка закипѣла.... Вѣлоконицкъ крѣпко угостился....

— „Вотъ тебѣ еще стаканчикъ, говоритъ гренадеръ подливая, выпьемъ! ... Я вотъ выпью про здоровье императора!“

— На.... (крѣпкое, непечатное слово) де твоей.... съ императоромъ, болтнулъ въ отвѣтъ пьяный; такихъ императоровъ много!

Чортъ васъ знаетъ, кто такой вашъ императоръ! — Я знаю праведнаго государя, за кѣмъ я хлѣбъ и соль ѣмъ!

— „Слово и дѣло!“ крикнулъ Спицынъ и послѣшилъ съ доносомъ къ своему подпоручику. Тотъ препроводилъ его, Данилу Бѣлоконника, и свидѣтелей происшествія при рапортѣ къ командиру полка, „высокородному господину и высокопочтенному полковнику“.

Высокородный господинъ отослалъ ихъ въ Малороссійскую Коллегію. Малороссійская Коллегія сняла допросы и отправила Бѣлоконника скованнымъ, подъ конвоемъ, въ Сенатъ. Правительствующій Сенатъ при указѣ отослалъ его для изслѣдованія въ Тайную Канцелярію.

Въ этихъ пересылкахъ изъ тюрьмы въ тюрьму прошло два мѣсяца.

Канцелярія положила допросить колодника „съ пристрастіемъ“.

Но допрашивать нечего: отвѣтъ Бѣлоконника былъ совершенно согласенъ съ показаніями солдата и свидѣтелей; между прочимъ простодушный хохоль, каея въ непристойныхъ словахъ, объявилъ:

— „Молвилъ я, Данило, такія слова, не вѣдаючи того, что гренадеръ про государево здоровье пьетъ. А мыслилъ я, что онъ пьетъ за какого боярина и называетъ его императоромъ, а не про государя. Не зналъ я, Данило, по простотѣ своей, что его царское величество соизволить зваться императоромъ“.

Неумолимые судьи заглянули въ вопскій артикулъ и прочитали въ IV главѣ пунктъ 43-й: „Когда кто пьянъ напьется и во пьянствѣ своемъ что злаго учинитъ, тогда тотъ, не токмо чтобъ въ томъ извиненіемъ прощеніе получилъ, но по винѣ вящею жестокостью наказанъ быть имѣетъ. И особливо, ежели такое дѣло приключится, которое покарніемъ однимъ отпущено быть не можетъ: яко смертное убивство и сему подобное. Ибо въ такомъ случаѣ, пьянство никого не извиняетъ, понеже онъ во пьянствѣ уже непристойное дѣло учинилъ“.

Приговоръ состоялся четыре мѣсяца спустя послѣ преступленія:

— „Данило Бѣлоконникъ, писалъ Петръ Андреевичъ Толстой, распросомъ показалъ, что непристойныя слова говорилъ онъ отъ простоты своей, не зналъ, что его величество—императоръ; знаетъ-де онъ — государя, а мыслилъ, что солдатъ пьетъ за какого-нибудь боярина и называетъ его императоромъ, а что у насъ есть императоръ—того онъ, Данило, не знаетъ. И хотя два свидѣтеля показали сходно простотѣ Данилы, однакожь безъ наказанія вину

Бѣлоконника отпустить невозможно, для того, что никакой персоны такими непотребными словами бранить не надлежитъ. Того ради, бить его Бѣлоконника батоги нещадно, а по битьѣ освободить, и дать ему на проѣздъ паспортъ“....

Расквитался Данило за незнанье, да непониманіе новаго титула государева, и спѣшить хохольт на родину, въ милую Украину. Тамъ въ Нѣжинскомъ полку, въ Конотопской сотнѣ, въ деревушкѣ Гуть, четвертый мѣсяць ждетъ да поджидаетъ Данилу горемычная семейка. Въ толкъ не возьмутъ ни парни, ни дивчаты, ни батько, ни матка—куда онъ запропастился?... Его взяли по государеву дѣлу! И эта вѣсть—какъ громомъ поражаетъ семью: не вернуться ужъ Данилѣ, такъ думаетъ она; не родное село въ привольной Украинѣ, а Сибирь да каторга — ждуть его. Вѣдь не первый, не послѣдній онъ: вѣдь сотни да тысячи чубатыхъ казаковъ должны были смѣнить Малороссію на дальнюю и студеную страну Сибирскую. Но вотъ является Данило — живъ, здоровъ и невредимъ.... Постегали его маленько.... дали острастку, и вся родня благодаритъ Бога, что такъ дешево заплатился онъ за государево дѣло!

V.

Волокитство полицейскаго ¹⁾).

5-го мая 1720 года въ канцелярію Антона Мануиловича Девиера, с.-петербургскаго оберъ-полиціймейстера, одинъ изъ подчиненныхъ ему полицейскихъ сотскихъ представилъ солдатскую жену Ирину Иванову.

„Вчерашняго числа вечеромъ, доносилъ сотскій, былъ я на Петербургской сторонѣ, въ Мокрушиной слободѣ, и проходилъ я вмѣстѣ съ десятскимъ — для того, чтобъ приказать жителямъ выставить на ночь рогатки. Проходя мимо дома солдатки Ирины, услышали мы въ томъ домѣ крикъ немалый. Вошли во дворъ и стали тамъ крикъ запрещать, чтобы крику не было. А выбѣжали на ту пору изъ пѣбы два бурлака и стали насъ бить; того ради взяли мы подъ карауль ту солдатку Ирину, да съ нею-жъ взяли двухъ

¹⁾ Вершения дѣла Р. Д. Т. К., к. XVIII, л. № 38.

бабъ, что были у нея, и бурлаковъ. А какъ повели ихъ на съѣзжую — солдатка и закричи за собой: слово и дѣло!“

— Неправда, не такъ, все неправда, не такъ было дѣло, голосила въ оправданіе Ирина. Былъ у меня и крикъ, и шумъ великій, а чего ради? — того ради, что пришли на дворъ сотникъ съ десятникомъ. Вошли они въ избу, а въ избѣ сидѣли сестра моя родная, да жена преображенскаго солдата Устинья. Сталь имъ говорить сотскій непристойныя слова къ блуду, а я стала гнать его вонъ со двора; онъ не слушалъ, не шелъ. На то время вошли въ избу два брата моихъ, родной да двоюродный, принесли кружку вина насъ подчивать; а какъ увидали сотскаго съ десятникомъ и ихъ со двора столкали. Тѣ закричали на улицѣ, собрали народу не мало, взяли насъ всѣхъ подъ карауль и повели на съѣзжую. Ведучи дорогою, сталь меня сотскій бить смертнымъ боемъ и я, не стерпя того бою, закричала государево слово и дѣло!

Разобрать было нетрудно, кто правъ, кто виноватъ: виноваты были всѣ. Но полиціи надо было только поскорѣй узнать допрама: дѣйствительно ли есть за солдаткой какое-нибудь важное дѣло, чтобъ доложить о томъ, куда слѣдуетъ, „безъ умедленія“. Руководствуясь печатною формою допроса, полиціймейстеръ задалъ Иринѣ слѣдующіе вопросы:

— Какъ зовутъ и какого чину?

— Сего мая 5-го дня на дворѣ у тебя шумъ и крикъ великій былъ-ли?

На эти вопросы Ирина отвѣчала разсказомъ о волокитствѣ сотскаго, о заступничествѣ за нее братьевъ, наконецъ повинилась: „государева слова и дѣла за мной нѣтъ и ни за кѣмъ не знаю, и въ той моей винѣ воленъ великій государь“.

— Пристанница ворами, продолжали допрашивать, бѣглымъ солдатамъ и матросамъ не держала-ли, и для непотребства, для блуднаго воровства бабъ и дѣвокъ не держала-ли?

Та, разумѣется, отвѣчала отрицательно, причемъ нелишнимъ сочла замѣтить: „и сама я ни съ кѣмъ блудно не живу“.

— Живучи въ Петербургѣ, какое пропитаніе имѣешь?

— „Получаю деньги отъ мужа солдата, да мою на людей бѣлье“.

— Противъ вопросовъ все-ли правду сказала?

Клятвы и увѣренія, что все сказанное правда, а буде что ложно, указаль-бы государь зато казнить ее смертію; — послѣднія

слова были обычнымъ припѣвомъ всѣхъ отвѣтовъ при допросахъ того времени.

Какъ ни ничтожно было происшествіе, но такъ-какъ здѣсь за-жѣпано было слово и дѣло, то оберъ-полиціймейстеръ не рѣшился самъ учинить расправу, а препроводилъ виновную для „подлиннаго розыска“ въ Тайную Канцелярію.

Послѣдней очень часто доводилось имѣть дѣло съ такими, которые, сказавъ слово и дѣло, отступались отъ него, за неимѣніемъ что сказать. Расправа съ такого рода преступниками была коротка.

Въ тотъ-же день, какъ привели солдатку Ирину, побили ее вмѣсто кнута батогами нещадно и отпустили съ напamитованіемъ: ничего не знала, не скизывать за собой государева слова.

VI.

Нѣжная укоризна ¹⁾).

— За что, за что ты меня бьешь?! Зачѣмъ бьешь напрасно? голосила Авдотья Тарасьева, тщетно силясь защититься отъ побоевъ вельми шумнаго супруга своего, Петра Борисовича Раева.

— Я тебя... биваль... въ Москвѣ... ты ушла... Я тебя... сыскалъ здѣсь... а за то тебя я нынѣ бью, приговаривалъ супругъ то опуская, по подымая кулакъ, что ты сказала противныя слова.... Зачѣмъ... сказывала... ты... мнѣ... противныя слова про его царское.... величество... да для чего также молвила... худо о царевичѣ.

— Что ты, что ты, что съ тобой?—вопила въ отвѣтъ Авдотья: статное-ли дѣло мнѣ такія слова говорить? когда-жъ я тебѣ это говорила?

— Помнишь... сверху, сверху-то ты пришедши говорила?... а тогда-жъ сказывала, что тѣ слова слышала отъ зятя, отъ Матвѣя Короткаго, и отъ сестры своей Аграфены Тарасьевны?

Новые побои Петра Борисовича, новые стоны, слезы и крики Авдоты Тарасьевны...

Эта сценка изъ вседневной супружеской жизни тогдашняго общества происходила 7-го октября 1721 г., послѣ обѣда, въ суб-

¹⁾ Вершения дѣла Р. Д. Т. К., к. XXVIII, д. № 54.

боту, въ Петербургѣ, въ домѣ купца Короткаго, въ людскомъ под-
клѣтѣ. Къ несчастію для вельми шумнаго Раева, въ избѣ было нѣ-
сколько свидѣтелей его нѣжныхъ укоризнъ.—Здѣсь были двѣ бабы
работницы, повивальная бабка и хозяйскій батракъ Карнауховъ.

Послѣдній, парень сметливый, познавъ, что то дѣло госуда-
рево, разсказалъ о немъ хозяину.

Хозяинъ былъ родня Раеву; они были женаты на родныхъ се-
страхъ. Раевъ — сынъ боярскій, человекъ грамотный, былъ служи-
телемъ крутицкаго архіерея и пріѣхалъ въ Петербургъ на побывку,
за женой, для взятія ея съ собой въ Москву. Человекъ вѣчно
пыльный и буйный, онъ никакъ не могъ съ ней ужиться, и она
часто укрывалась отъ ласкъ супруга въ домѣ сестры.

Но это свойство не спасло однако Раева. Тестъ далъ зятю
проспаться и на другое утро сталъ спрашивать обо всемъ случив-
шемся. Петръ Борисовичъ помнилъ дѣло смутно; не только вчераш-
няя хмѣль все еще сильно туманила голову, но и въ это утро онъ
успѣлъ уже сходить со двора и былъ „очень шуменъ“; вотъ по-
чему отступиться отъ своихъ словъ при свойственникѣ, а главное при
женѣ ему казалось дѣломъ крайне обиднымъ, и на вопросъ Короткаго:

— Для чего ты такія слова говорилъ?

Раевъ отвѣчалъ: „Какъ для чего?—говорилъ я всю суцую правду!“

Лгалъ онъ и теперь: ни Авдотья, ни сестра ея Аграфена, ни
мужъ послѣдней никогда и не думали говорить того, что взбрело
на умъ вельми шумнаго архіерейскаго служителя.

Дѣло оставить безъ доноса было нельзя. Того и гляди Карна-
уховъ, получающій отъ хозяина въ годъ 6 рублей жалованья, за-
хочетъ получить наградныхъ за извѣтъ 10 рублей и явится съ
словомъ и дѣломъ въ Тайную.

Хозяинъ предупредилъ батрака и въ тотъ-же день ударилъ
слѣдующимъ челобитьемъ:

„Живеть у меня, писалъ онъ въ Тайную Канцелярію, изъ ра-
боты Крутицкаго архіерея сынъ боярскій Раевъ. И сего, 7-го
октября, пришелъ онъ въ домъ пьянъ, и говорилъ слова непотреб-
ныя. Отчего я имѣю опасеніе, чтобъ не причлось впредь мнѣ въ
вины. А о вышписанномъ мнѣ сказывалъ работникъ мой Иванъ
Ивановъ, который прибылъ въ Петербургъ за виномъ подряднымъ.
О семъ доноситъ петербургскій житель, купецкой человекъ Матвѣй
Ивановъ сынъ Короткой“.

Доношеніе принято; по обыкновенію записано въ книгу и тутъ-же положено: „показанныхъ людей сыскать и разспросить съ обстоятельствомъ, по указу“.

Отыскали виновнаго, его жену, донощика-работника и вмѣстѣ съ тремя бабами свидѣтельницами, всѣхъ привели къ допросу.

Карнауховъ и бабы передали подробности описанной сцены; причемъ одна изъ бабъ весьма наивно замѣтила: „а какого царевича Раевъ обзывалъ непристойными словами—того онъ не выговаривалъ“. Шумный служитель струсилъ и присмирѣлъ, каялся во всемъ, старался оправдываться въ „важныхъ непотребныхъ словахъ“ большимъ шумствомъ, за которымъ ничего не упомнить, что говорить и дѣлаетъ, и наконецъ объявилъ, что на него покажутъ работникъ и бабы, и онъ имъ въ томъ вѣрить.

— А ты почему словъ Раева про царевича не показалъ въ первомъ допросѣ? спрашивали судьи Карнаухова.

— Не сказалъ я суще отъ забвенія, отвѣчалъ тотъ.

Не обошлось дѣло и безъ очной ставки. Раевъ стоялъ на томъ, что „непотребныя слова говорилъ-ли—то не помнить, понеже весьма былъ шуменъ, и утверждается въ томъ, даже до смерти“. Съ подтвердительными показаніями бабъ и работника не разладился рассказъ жены виновнаго. Госпожа Раева добавила только одно, что супругъ не только былъ весьма шуменъ въ субботу, но напился и на другой день, съ ранняго утра.

— „Словъ непотребныхъ ни отъ жены, ни отъ зятя я никогда не слыхалъ — каялся Петръ Борисовичъ на очной ставкѣ съ Авдотей Тарасевной, говорилъ я отъ себя, ничего не помня, отъ шума“.

Слѣдствіе продолжалось нѣсколько дней. По истеченіи ихъ всѣхъ свидѣтельница и свидѣтеля выпустили на росписку, съ подтвержденіемъ царскаго указа, подѣ страхомъ смерти никому и ничего не сказывать, о чемъ ихъ допрашивали. Что-же касается до Раева, то его протомили въ колодничьей палатѣ болѣе полтора мѣсяца, и только 1-го декабря 1721 года, по опредѣленію Тайной Канцеляріи, учинено ему „жестокое наказаніе вмѣсто кнута, битъ батоги нещадно съ напаятованіемъ, чтобъ впредь такихъ непристойныхъ словъ не говорилъ, опасаясь большаго истязанія и ссылки на каторгу“.

VII.

Царевъ указъ ¹⁾).

Въ канцеляріи мирнаго городка Карачева, 23-го ноября 1720 года, вспыхнула ссора между фискаломъ Веревкинѣмъ и поручикомъ Шишкинѣмъ. Озлобленные противники, по поводу ношенія русскаго платья, осыпали другъ друга самыми отборными, скаредными словами. Дѣло однако пока не дошло еще до государственныхъ противностей.

Но вотъ въ жару перебранки лукавый попуталъ фискала и онъ при свидѣтеляхъ брякнулъ:

— „Ты, Иванъ Шишкинъ—царевъ сшибаешь и царевѣмъ указомъ—играешь!

Довольно: Веревкинъ государственный преступникъ — слово и дѣло!

Карачевскій судья Коптевъ спѣшитъ доносомъ: „у насъ де въ канцеляріи, такого-то де числа, фискаль—такой-то и проч.“. Донось посланъ въ Курскъ, въ надворный судъ; оба противника отправлены туда же. Начинается дѣло; снимаются допросы.

— Я не говорилъ, оправдывается Веревкинъ, что онъ, Шишкинъ, царевъ сшибаетъ, я просто сказалъ: царевѣмъ ты указомъ играешь.

Проходитъ годъ. Фискаль подъ арестомъ. Заключается ништадтскій миръ, и на основаніи милостиваго указа, объявлявшаго генеральное прощеніе, Веревкинъ просить отпустить его продержостныя слова.

„Сего ради“, спустя еще годъ, курскій надворный судъ препроводилъ и дѣло, и Веревкина въ государственную Юстицъ-Коллегію.

Здѣсь обвиняемый просилъ допросить еще разъ одного изъ свидѣтелей ссоры, поручика Ергольскаго.

Привезли-ли поручика нарочно для допроса изъ Курска или онъ былъ въ Петербургѣ по своимъ дѣламъ, какъ-бы то ни было, но его допросили — и тотъ на св. Евангеліи присягнулъ, что донось судьи Коптева справедливъ.

¹⁾ Вершенныя дѣла Р. Д. Т. К., к. XXXI, д. № 10.

Коллегія, руководствуясь указомъ 18-го января 1722 г., по которому дѣла о фискалахъ вѣдались у оберъ-прокурора, г. Скорнякова-Писарева, препроводила къ нему Веревкина при промеморіи.

Писаревъ далъ пріютъ провинившемуся фискалу въ колодничьей палатѣ Тайной Канцеляріи.

На этотъ разъ приговоръ состоялся скоро: 10-го ноябри 1722 года. т. е. ровно два года спустя послѣ ссоры въ г. Карачевѣ — фискалу Веревкину за продерзостныя слова учинено наказанье: „вмѣсто кнута бить батоги нещадно“, но бить съ сохраненіемъ чести, какъ сказано въ приговорѣ: „не снимая рубахи“.

VIII.

Холопъ царевича Алексѣя ¹⁾).

Въ 1722 году проживалъ въ Воронежѣ Иванъ Михайловичъ Завѣсинъ. Сыпъ площаднаго подьячаго, Иванъ Михайловичъ—имѣлъ многочисленную родню, жившую и служившую въ Воронежѣ, и подъ ея покровомъ записался въ городскую службу—подьячимъ. Служба его шла плохо. Завѣсинъ рано пристрастился къ лютому ворову русскаго человѣка—къ вину, пилъ до безпамятства, а въ трезвыя минуты, какъ истый подьячій, ябедничалъ да сутяжничалъ,—по поводу закрѣпленія крестьянъ. Онъ имѣлъ нѣсколько крѣпостныхъ и, между прочимъ, не безъ выгоды, занимался скупкой и распродажей ихъ въ розничную. Съ этими операціями неизбежно сопряжены были маленькія непріятности. Такъ, напримѣръ, въ 1718 году, за одну изъ операцій онъ судился въ Воронежѣ болѣе года и содержался подъ карауломъ; четыре года спустя попался опять въ тюрьму, по дѣлу подобнаго-же рода: гулящаго человѣка Худякова, проживавшаго у одного изъ его крестьянъ, Завѣсинъ вздумалъ записать въ крѣпостные и составилъ фальшивый документъ. Гулящій человѣкъ не захотѣлъ промѣнять волю на неволю, началъ дѣло и Иванъ Михайловичъ—угодилъ въ тюрьму. Вино также не разъ доводило его до бѣды; одна изъ нихъ была для него крайне непріятна. Пріѣхалъ Завѣсинъ однажды въ Москву, по дѣламъ помѣстнаго при-

¹⁾ Вершенныя дѣла Р. Д. Т. К., к. XXXI, д. № 2.

каза. Въ какой-то праздникъ зашелъ онъ съ своимъ дядей, — сыномъ боярскимъ, — въ пиннокъ, прикушали не мало и отправились къ обѣдѣ, къ Воскресенію, Христову въ Барапахъ. Обѣдня кончалась. Иванъ Михайловичъ стоялъ смѣрно; но вотъ хмѣль затуманилъ голову и онъ преспокойно, съ невозмутимою торжественностью, снялъ съ чаши святой воды крышку и покрылъ ею свою голову; затѣмъ вылилъ воду на полъ. Міряне и церковные служители избили шалуна пзрядно, связали руки и отвели въ Земскій Приказъ, по распоряженію котораго Завѣсину учинено наказаніе — битъ кнутомъ нещадно...

Августъ и сентябрь 1722 года онъ провелъ подъ арестомъ при Воронежской губернской канцеляріи, по дѣлу фальшивыхъ крѣпостей. 5-го числа онъ отпросился съ карауломъ къ дядѣ; дядошку не засталъ дома и Иванъ Михайловичъ зашелъ съ конвойнымъ въ кабакъ. Двухъ-алтынная выпивка совершенно его ошеломила и онъ нашелъ нужнымъ зайти въ Надворный Судъ.

Было три часа пополудни; въ Судѣ оставались дневальный подканцеляристъ Есауловъ, два его товарища, да драгунъ на часахъ.

— Кто-де вашъ государь! заоралъ пыльный, относясь непосредственно къ дневальному.

— Нашъ государь, отвѣчалъ дневальный, Петръ Великій, императоръ и самодержецъ всероссійскій.

— Вашъ... государь... Петръ... Великій... а... я... я... холопъ государя своего Алексѣя Петровича... и за... него голову... свою положу... хотя... меня... разнытай...

Слово и дѣло!

Подканцеляристъ настроичилъ доносъ, — воевода рѣшился снять допросъ и самъ испугался своей дерзости. На разпросы по государеву дѣлу о противностяхъ — предоставлено было въ то время исключительное право Тайной и Преображенской Канцеляріямъ. Нарушители ея подвергались большой отвѣтственности, вотъ почему Измайловъ, воронежскій воевода, поспѣшилъ оправдаться.

„Я допрашивалъ Завѣсина, писалъ воевода въ Тайное судилище, не въ обстоятельствахъ показаннаго на него дѣла, а токмо для того, что не имѣются-ли въ помянутомъ-же дѣлѣ другихъ ему единомышленниковъ, которыхъ немедля надо-бы было арестовать. На вопросы Завѣсина отвѣчалъ, что за великимъ шумствомъ, — говорилъ-ли какія слова того не упомнить, единомышленниковъ-же никакихъ у него нѣтъ. А свидѣтели всѣ порознь подтвердили из-

вѣтъ. Того ради, я спѣшу исполнить указъ: „гдѣ въ городахъ, селахъ и деревняхъ злодѣи съ злыми словами явятся и ихъ въ самой скорости провозать въ городъ къ правителямъ; а тѣмъ правителямъ заковывать ихъ въ ручныя и ножныя желѣза; не распрашивая затѣмъ, вмѣстѣ съ извѣтчиками присылать либо въ Тайную Канцелярію, либо въ Преображенскій приказъ“ (указъ 27 апр. 1722 г.).

Строго выполняя повелѣніе, воевода заковалъ политическаго преступника и препроводилъ его за крѣпкимъ карауломъ въ Москву, гдѣ была въ то время Тайная Канцелярія, туда же отправленъ и доносчикъ Есауловъ.

— Ничего не помню,—говорилъ Завѣсинъ, стоя раскованнымъ предъ г. Скорняковымъ-Писаревымъ. — Ничего не помню, говорилъ-ли что-нибудь или нѣтъ, для того, что былъ весьма пьянъ. А въ трезвомъ умѣ—никогда и ни съ кѣмъ государственныхъ, противныхъ словъ не говаривалъ и отъ другихъ не слыхалъ. У присяги-жъ царевичу Петру Петровичу въ 1718 году—на наслѣдство престола—не былъ (объ этомъ сдѣланъ былъ ему вопросъ) для того, что держали меня въ то время подъ карауломъ въ Воронежѣ, по дѣлу о закрѣпленіи крестьянъ. Со мною, продолжалъ Завѣсинъ, случается, что болѣзнь находитъ: бываю я внѣ ума, и что въ то время дѣлаю, да говорю, того ничего не помню. Болѣзнь та со мной—лѣтъ шесть“.

Въ подтвержденіе справедливости словъ, Завѣсинъ разсказалъ о надѣваніи на себя крышки съ церковной чаши и о неприятныхъ послѣдствіяхъ этого головного убора.

Григорій Григорьевичъ Скорняковъ-Писаревъ приказалъ сдѣлать справку, и отвѣтъ Земскаго Приказа подтвердилъ разсказъ Завѣсина.

— Ну, ты можешь ѣхать назадъ въ Воронежъ, сказалъ судья, отпуская доносчика, а съ колодникомъ мы раздѣлаемся; его надо допросить съ пристрастіемъ, надо имъ розыскать. Хотя онъ и говорить, что будто тѣ слова не помнить говорилъ-ли, нѣтъ-ли, за великимъ пьянствомъ, но его распроса за истину причестъ невозможно; можетъ быть онъ, отбывая вину свою, не покажетъ самой истины безъ розыску.

— А при розыскѣ, положила Канцелярія, спрашивать: съ чего онъ такія слова говорилъ и не имѣеть-ли онъ въ нихъ какихъ-нибудь согласниковъ?

Ноги въ ремень, руки вывернуты въ хомутъ, тѣло вздернуто,—внутю работа...

Стоны, крикъ — показанія тѣ же: ничего не помню за безумствомъ и опьяненіемъ. У трезваго-же и мысли никакой противной царской персонѣ не было и согласниковъ не имѣю...

Дано 10 ударовъ.

Иванъ Михайловичъ провелъ въ тюрьмахъ, по этому важному дѣлу, болѣе полугода; во все это время онъ получалъ кормовыхъ 4 деньги на день, — то было обычное содержаніе „тайныхъ“ колодниковъ. Участь его разрѣшилась приговоромъ 11 марта 1723 года. Приговору предшествовало слѣдующее разсужденіе:

„..... Извѣтчикъ и свидѣтели показали, что Завѣсинъ говорилъ непристойныя слова пьяной; обвиняемый въ распросахъ и съ пытки показаль, что словъ тѣхъ не помнитъ отъ пьянства; да къ тому-жъ съ нимъ случается болѣзнь: бываетъ онъ въ ней безъ ума; Земскій Приказъ согласно съ этимъ извѣстилъ, что онъ, Завѣсинъ, отъ безумія пролилъ въ 1718 году въ церкви воду святую и надѣлъ на себя крышку; но такъ какъ въ Уложеніи (гл. IV, ст. XIV) напечатано: „которые всякихъ чиновъ люди учнутъ за собою сказывать государеву дѣло или слово, а послѣ того они-же учнутъ говорить, что за ними государева дѣла или слова нѣтъ, а сказывали они его за собой, избывая отъ кого побой или пьянымъ обычаемъ, и ихъ за то бить кнутомъ... того ради, воронежцу Ивану Завѣсину учинить наказаніе: бить кнутомъ нещадно“.

Какимъ образомъ вязалась выписка изъ Уложенія съ настоящимъ дѣломъ, когда и гдѣ Завѣсинъ говорилъ за собой слово и дѣло — обо всемъ этомъ некому было спросить Петра Андреевича Толстаго; — можетъ быть главный судья, въ свой чередъ, „пьянымъ обычаемъ“ подмахнулъ этотъ приговоръ.

Впрочемъ выписки изъ законовъ приводились рѣдко. „Инквизиторы“, — такъ именовали членовъ Тайной Канцеляріи, — обыкновенно почти никѣмъ и ничѣмъ не связанные въ своемъ произволѣ, зачастую судили да рядили по своему „разсужденію“. Вотъ почему, предъ многими ихъ приговорами останавливаешься въ тупикъ: почему этому наказаніе было строже — а тому легче? *А* — наказанъ батоги нещадно, а *Б* — вырваны ноздри и бить кнутомъ, *С* — бить кнутомъ и освобожденъ, а *Д* — бить плетями и сосланъ въ торгу, въ государеву работу вѣчно и т. п. И нельзя сказать между тѣмъ, чтобы внимательный разборъ всѣхъ обстоятельствъ далъ отвѣтъ на нашъ вопросъ. Будь извѣстны обстоятельства, при которыхъ судили и ря-

дили инквизиторы, о, тогда другое дѣло! мы-бы знали сильныя дружины, руководившія судьями въ произнесеніи ихъ приговоровъ...

Но мы заговорились, а Завѣснъ — ждетъ экзекуціи; проведемте его на Красную площадь. Здѣсь Ивана Михайловича привязали къ столбамъ, прочли ему приговоръ и отсчитали нещадныхъ 25 ударовъ кнутомъ.

Придя съ площади, взволнованный Иванъ Михайловичъ дрожащею рукою далъ росписку: „ежели я впредь какія непристойныя слова буду говорить, то по учиненіи жестокаго наказанія сосланъ буду на каторгу, въ вѣчную работу, или учинена мнѣ будетъ смертная казнь“.

Росписавшись и запомнивъ смыслъ поученія, „холопъ церевича Алексѣя“ отправился во-сволси.

IX.

Непристойное желаніе ¹⁾.

Еслибы въ концѣ 1720 года мы отправились въ мирную Ху-тынскую обитель, то пріѣхали-бы туда какъ-разъ кстати; вечеркомъ, 23 ноября, у уставщика отца іеромонаха Никона Харкова была маленькая пирушка. Настоятель, достопочтенный архимандритъ Веніаминъ, далъ ему съ клирошанами пива, и отецъ Никонъ созвалъ въ келейку нѣсколько друзей. Мы-бы увидѣли вокругъ ведра головщика лѣваго клироса монаха Антонія, іеромонаха Кипріана Лучанина, и гостя изъ Спасской Старорусской обители, іеромонаха Еѳимія. Отцы чокались другъ съ другомъ немало, пили еще болѣе и стали шумны; пиво, развязавъ языки, оживило бесѣду.

— А вотъ что, заговорилъ вдругъ тихо Никонъ: сказывалъ настоятель, что архимандритъ Александроневской лавры Θεодосій умеръ! Да вотъ молитѣ Бога за государя: нынѣ-де слышать, что онъ немоществуетъ. Сказывали мнѣ то проѣзжіе молебщики изъ С.-Петербурга.

— Да пускай себѣ немоществуетъ, возразилъ отецъ Антоній, какъ кажется болѣе другихъ отвѣдавшій пива. — Пускай его... умереть... Государь вѣдь человекъ не безсмертенъ, воля божія придетъ — умереть; а ужъ тогда... царьцу-то я за себя возьму!...

Почти три года прошло со времени этой бесѣды. Три года

¹⁾ Вершениа дѣла Р. Д. Т. К., к. XV, д. № 35.

„противное“ слово отца Антонія не проникало въ Тайную Канцелярію; три года участники бесѣды вели жизнь спокойно, по-прежнему, въ мирной Хутынской обители: пивцомъ да бражкой встрѣчали празднички, стройнымъ хоромъ распѣвали псалмы и можетъ быть не разъ еще послѣ этого либо отцемъ Антоніемъ, либо къмъ-нибудь другимъ изъ его сотоварищей сказано было не одно противное слово противъ ненавистнаго имъ Преобразователя и его семейки. Все, что было послѣ говорено, осталось въ неизвѣстности; но „непристойное желаніе“ отца Антонія дошло, наконецъ, до чуткихъ ушей свѣтскихъ и невизиторовъ—такъ, какъ мы уже замѣтили выше, называются во многихъ петровскихъ бумагахъ члены Тайной Канцеляріи.

18 сентября 1723 явился къ нимъ іеромонахъ Еѳимій. Его прислали изъ Синода, куда, по прошествіи трехъ почти лѣтъ, онъ обратился съ доносомъ...

Что было причиною столь долгаго молчанія?

„Въ тогдѣшнее время, объяснялъ Еѳимій въ Тайной, нигдѣ я не доносилъ простотою своею, отъ убожества, и никому, и нигдѣ тѣхъ словъ не говаривалъ“.

Неволью сомнѣваешься въ простотѣ отца Еѳимія. Почему-же теперь простота эта исчезла, и именно тогда, когда и самыя слова „непристойныя“, какъ кажется, должны были совершенно забыться?—Нѣтъ, онѣ не забыты. Но только не поладивши со старцами, или вѣрнѣе—пожелавъ выслужиться и очистить для себя ваканцію въ настоятели какой-нибудь обители побогаче, онъ наконецъ рѣшился на доносъ. Послѣднее предположеніе кажется тѣмъ вѣроятнѣе, что донощикъ замѣшалъ въ дѣло архимандрита Веніамина, объявивъ, что съ нимъ говорилъ Антоній о немощи государя.

Впрочемъ трехлѣтняя давность въ глазахъ ревностныхъ судей не имѣла значенія: отъ доноса вѣяло свѣжестью дѣла „важнаго, противнаго, государственнаго“.

Всѣ четыре старца, мирно попивавшіе настоятельское пиво, теперь вновь сошлись, — но уже въ Тайной Канцеляріи. Изъ допросовъ узнали весь немногосложный составъ преступленія. Антоній покался въ непристойныхъ словахъ: „молвилъ ихъ я, каюлся головщикъ лѣваго влироса, отъ безумія, съ простоты, а паче отъ большаго шумства, — не для чего иного“. При этомъ признаніи, виновный тутъ-же поспѣшилъ выгородить изъ дѣла архимандрита Веніамина, отъ котораго, по его словамъ, никакихъ онъ, Антоній, словъ

о его императорскомъ величествѣ и ея императорскомъ величествѣ не слыхалъ; да и самъ никогда, кромѣ настоящаго случая, ничего противнаго не говорилъ. Никонъ съ Кипріяномъ также поддержали своего настоятеля.

Тайная Канцелярія, довольствуясь тремя старцами, оставила настоятеля въ покоѣ и поспѣшила истребовать отъ Святѣйшаго Синода достойнаго человѣка для разстриженія монаха Антонія.

А по разстриженіи, опредѣлено: бить его кнутомъ и сослать въ Сибирь на три года въ каторжную работу.

Надежды Еяимія на награду должны были разсѣяться. По закону, онъ имѣлъ на нее полное право: доносъ, повѣренный слѣдствіемъ, оказался совершенно справедливымъ. Но судьи положили, что „за долговременное необъявленіе о тѣхъ важныхъ словахъ іеромонахъ Еяимій—награды не достоинъ“.

Никонъ съ Кипріяномъ за вѣдѣніе и молчаніе о преступленіи должны были быть также наказаны; но Тайная Канцелярія смущалась въ дѣлѣ расправы ихъ іеромонашествомъ, почему представила самому Синоду взыскать съ обоихъ старцевъ, а потомъ донести ей, въ чемъ состояло взысканіе.

Какъ всегда, дѣло облеклось въ покровъ гробовой тайны и въ лица, наказанныя и ненаказанныя, обязались подпискою никому не сказывать о томъ, что происходило съ ними въ гостяхъ у Толстаго, Ушакова и Писарева.

23-го октября 1723 года Антоній былъ „обнаженъ отъ монашества“. Достойный для сего обряда человѣкъ сыскался въ лицѣ троїцкаго протопопа Семенова. Немедля за обнаженіемъ — спина отшельника покрылась кровавыми полосами... Ему дано было опредѣленное число ударовъ кнутомъ.

Отцы Никонъ и Кипріянь подверглись взысканію болѣе умѣренному, но не менѣе ощутительному: они биты плетью въ Тиунской Канцеляріи, о чемъ члены Тайной были извѣщены своевременно.

За Антоніемъ, какъ мы сказали, — вѣроятно было нѣсколько подобныхъ преступленій; по крайней мѣрѣ уже въ бытность его на каторгѣ, въ концѣ 1724 года, Преображенская Канцелярія (вѣдомства князя Ромодановскаго) въ одномъ изъ своихъ дѣлъ нашла его замѣшаннымъ и просила Тайную Канцелярію дать ей знать: въ чемъ состояло дѣло шумнаго отца Антонія?

Х.

Таинственные литеры ¹⁾.

Въ началѣ 1719 года въ Перновскомъ уѣздѣ, въ мѣстечкѣ Фемингѣ, на посадѣ, мирно проживалъ съ женой Андрисъ Лангъ, лифляндецъ, уроженецъ города Дерпта. Вдругъ страслась надъ нимъ бѣда и странная, и страшная. Странная потому, что вышла не болѣе, не менѣе какъ изъ пивного чана, страшная—потому что привела его въ Тайную Канцелярію и къ преждевременной смерти.

Однажды осенью, по первозимкѣ, былъ онъ въ гостяхъ, въ вотчинѣ генерала Шлиппенбаха, у генеральскаго прикащика, своего свояка Крея. Сытно и весело провелъ здѣсь Андрисъ четыре дня. Дома его встрѣтила жена, озабоченная и встревоженная.

— Что случилось?

— А вотъ что, стала рассказывать супруга:—въ небытность твою здѣсь, заглянула, я въ нашъ пивной чанъ, что стоитъ въ сѣняхъ, и увидѣла внутри его, на стѣнкѣ, у края, черною краскою или чернилами, Богъ вѣсть, написаны вотъ такія литеры:

(П Т) 20

Я списала ихъ углемъ на окончину, а въ чану стерла мокрою рукою. Въ какую силу литеры и кто ихъ написалъ—не знаю. Вѣдомо-жь тебѣ, что чанъ нашъ пивной лѣтъ шесть какъ стоитъ въ сѣняхъ, на ночь сѣни запираются, войти значить некому, а днемъ онѣ отперты; кто туда входилъ—не знаю. Размотри хорошенько, что это за литеры, вотъ я ихъ списала на бумагу.

Простодушный поселанинъ долго разсматривалъ таинственныя буквы, наконецъ откровенно замѣтилъ:

— Не знаю! Худыя-ли это литеры или хорошія, про то Богъ знаетъ; а я разсудить не могу.

Нужно было обратиться къ человѣку разсуждающему, и мужъ,

¹⁾ Вершенинъ дѣла Р. Д. Т. К., картонъ XX, л. № 48.

по совѣту жены, перевелъ литеры на другую бумагу и отправилъ ихъ къ своей свояченицѣ, бывшей замужемъ за шлиппенбаховскимъ прикащикомъ. У Крея нанятъ былъ для обученія дѣтей Гилтерманъ, мужъ ума ученаго. Что за литеры, въ какой онѣ силѣ писаны?—вотъ вопросъ, который задалъ педагогу Андрисъ Лангъ.

Отвѣта не было. Андрисъ пошелъ самъ къ свояку.

— „Не могъ, никакъ не могъ я разсудить твоихъ литеръ“, отвѣчалъ на разспросы Ланга Гилтерманъ.

Любопытный много говорилъ съ учителемъ и хозяиномъ, пили пиво, разсуждали всячески—но ни одинъ изъ нѣмцовъ, послѣ продолжительныхъ бесѣдъ и обсужденій, ничего не рѣшилъ.

Дѣло въ томъ, что въ Лифляндіи, въ странѣ только что успокоившейся послѣ продолжительныхъ и упорныхъ битвъ, набѣговъ, осадъ и опустошеній; въ странѣ, постоянно переходившей изъ рукъ въ руки шведовъ, поляковъ, саксонцевъ, наконецъ подпавшей во власть Россіи — броженіе умовъ было сильное. Лица безпокойныя (а были и онѣ между флегматическими лифляндцами), алкали перемѣнъ, смуть, беспорядковъ и не переставали волновать умы простодушныхъ. То вдругъ облетала молва о какомъ-нибудь наступающемъ грозномъ событіи, то начинались чудеса, появлялись таинственныя, необъяснимыя литеры... и простолюдины безпокойлись, сходились, толковали, кричали, разсуждали, каждый по своему; затѣмъ расходились, чтобы снова сойтись и потолковать о томъ же.

Такъ, на примѣръ, съ весны того же года въ рижской сторонѣ, по Перновскому уѣзду, шла молва, что странныя литеры являлись въ разныхъ мѣстахъ, на стѣнахъ домовъ; писаны то чернилами, то красными красками, на стѣнахъ хоромъ и на воротахъ; всѣ обыватели вѣдали ту молву, нѣкоторые увѣряли, что даже видѣли такія литеры, но никто не могъ растолковать ихъ значеніе. Такъ, на примѣръ, увѣряла Анна Ланге, на мызѣ Гольствъ-Вреръ, на стѣнѣ дома Гавика Михеля явилось надъ дверьми, написанное съ улицы, красною краскою, неизвѣстное слово. Михель говорилъ о томъ прикащику. А у прикащика мнѣ въ то время быть случилось, и я это слышала. „По донесенію мужика смотрѣлъ тѣ литеры прикащикъ, но къ добру или къ худу онѣ, того онъ разсудить не могъ“.

Болтали люди, что вотъ и на мельницѣ, при мызѣ капитанши Гове, въ поль-мили отъ мѣстечка Феминга,—надъ дверьми жилища мельника также явились какія-то буквы; ихъ видѣли, о нихъ толковали....

Толки народныя не могли не дойти до подозрительнаго мѣстнаго начальства, зорко слѣдившаго за страной, столь недавно пріобрѣтенной. Вѣсть-ли о находкѣ Анны Ланге, записка-ли ея съ литерами, чтобы то ни было, но слово и дѣло сказалось, и прямымъ слѣдствіемъ было то, что во дворъ Андриса прилетѣлъ царскій курьеръ, арестовалъ его, жену и мальчика Юрья Андреева, жившаго у нихъ. Всѣхъ трехъ, по высочайшему повелѣнію, помчали на изслѣдованіе въ Питеръ.

— Не доѣзжая Нарвы, такъ рассказывалъ впослѣдствіи Андрисъ Ланге, на одной изъ станцій, во время перемѣны лошадей, подошелъ ко мнѣ высокаго роста комиссаръ, иноземецъ.

— Чего ради везутъ васъ? спрашивалъ незнакомецъ.

— Явились у насъ въ домъ, отвѣчалъ Андрисъ, литеры въ пивномъ чану; а въ какой силѣ, того мы и сами не знаемъ.

— А вотъ и здѣсь также сказываютъ, замѣтилъ комиссаръ, что въ киркѣ Гевилбъ были написаны неизвѣстныя литеры...

Лошади были готовы, арестантовъ повезли далѣе. На одной изъ слѣдующихъ станцій, по словамъ мужа и жены, хозяинъ корчмы, узнавъ причину ихъ ареста, не утерпѣлъ, чтобы не рассказать землякамъ (по-нѣмецки) о собственной находкѣ.

— „У меня въ каморѣ, говорилъ онъ, внутри, на дверяхъ, красною краскою явились ночью буквы. И диковинное дѣло, — камора была заперта, войти въ нее было невозможно, да и постороннихъ людей у меня въ то время не было. Изъ тѣхъ литеръ я нѣкоторыя уже стеръ, а вотъ, посмотрите, одно слово осталось“.

Ланге съ женой, какъ увѣряли, видѣли таинственное слово.

Обо всемъ видѣнномъ и слышанномъ они должны были рассказать въ Тайной Канцеляріи. Сюда ихъ и препроводилъ, по волѣ Петра, Александръ Ивановичъ Румянцевъ при письмѣ отъ 7-го марта:

„Превосходительнѣйшій господинъ тайный дѣйствительный совѣтникъ! писалъ Румянцевъ къ Петру Андреевичу Толстому. Царское величество указалъ въ Канцелярію розыскныхъ Дѣлъ, вѣдѣнія вашего превосходительства, отослать иноземца Андриса Ланге съ женою. О дѣлѣ его, уповаю, что ваше превосходительство извѣстны, однакожь симъ моимъ покорно доношу: у Ланге въ домѣ, въ небытность его тамъ, явились вымышленныя литеры, написаны въ пивномъ чану. Дома кромя жены его, да сожителя ихъ Юрья, никого не было; и по всему видно, что такія литеры вымыслила написать женка Ланге“.

Румянцовъ приложилъ къ письму записку съ литерами; о нихъ тутъ-же было подано Анной на нѣмецкомъ языкѣ слѣдующее показаніе: „въ субботу, по-полудни, нашлись въ пивномъ моеѣмъ чану, какъ то пиво сливала, вверху, на краю, сіи слова или литеры. Анна Елисавета Ланге“.

Ни Анна, ни ея мужъ не говорили и не понимали по русски; вопросы и отвѣты переводилъ переводчикъ изъ камеръ-коллегіи.

При первыхъ допросахъ (14-го марта 1720 г.) и мужъ, и жена передали свои разнообразныя толки о таинственныхъ явленіяхъ въ разныхъ мѣстахъ литеръ; что-же до своей находки, то Анна показала, что первый примѣтилъ ее мальчикъ Юрій...

Петръ Андреевичъ Толстой и его сотрудники по застѣнку были отчаянные скептики; ни во что сверхъестественное не вѣрили, и подозрѣвая Анну въ изобрѣтеніи тайныхъ шифровъ, пригласили нѣмку на дыбу.

Руки въ хомутѣ.... Анна виситъ на веревкахъ, спина оголена — кнутъ бороздитъ ее кровавыми рубцами....

Новый переводчикъ переводитъ показаніе:

— „Осмотрѣла литеры въ чану я сама, а не хлопецъ мой, а ему только показала ихъ. Кто ихъ написалъ, въ какую силу — по-длинно не знаю. Сама ихъ не писала, а къ учителю ихъ послала, чтобы быть о нихъ свѣдомой. Если же въ первомъ показаніи записано что литеры усмотрѣны хлопцомъ, то это вѣрно оттого, что тотъ переводчикъ переводилъ мои слова несправно“.

Дано 5 ударовъ.

Любопытно, что пытка была 14-го іюня 1720 года, т. е. три мѣсяца спустя послѣ перваго допроса. Что было причиной такой медленности въ производствѣ слѣдствія? Многотрудныя и разнообразныя-ли занятія „инквизиторовъ“, или справки, за которыми они быть можетъ посылали въ Лифляндію о другихъ подобныхъ случаяхъ? Впрочемъ, при дѣлѣ справокъ этихъ нѣтъ.

Дѣло вообще тянулось какъ-то вяло, но кончилось трагически.

22-го сентября 1720 г., послѣ шестимѣсячнаго, страшно томительнаго пребыванія въ тюрьмѣ, Анна Елисавета Ланге умерла подъ карауломъ въ казематѣ.

Спустя три недѣли отдалъ Богу душу и простодушный супругъ ея Андрисъ...

Подобныя случаи смерти подъ стражей были дѣломъ въ то время

весьма обыкновеннымъ. Причины смертности понятны: мучительное ожиданіе пыточныхъ истязаній, холодъ, голодъ, недостатокъ въ одеждѣ, крайняя скудость въ пищѣ, сырость и мерзость помѣщенія, наконецъ, что всего хуже, продолжительность ареста и неизвѣстность времени освобожденія,—все это могло сокрушить самую крѣпкую, чуть не желѣзную натуру.

У мальчика-иноземца спросили только его имя по русски (вѣроятно онъ выучился русскому языку въ казенкахъ Тайной Канцеляріи), и затѣмъ въ концѣ ноября 1720 года сдали его на росписку въ домъ генерала Шлиппенбаха для пересылки на мѣсто жительства.

Въ 1860-хъ годахъ, при рытіи земли близъ одной изъ церквей на Петербургской сторонѣ, въ Колтовской улицѣ, нашли нѣсколько скелетовъ въ оковахъ. Тутъ хоронили колодниковъ изъ Тайной Канцеляріи—не было ли между ними скелетовъ Анны и Андриса Ланге?

XI.

Небесное видѣніе ¹⁾.

Тайныя видѣнія, смущавшія лифляндцевъ, не менѣе смущали и простодушныхъ малороссіянь. Здѣсь только рассказы о нихъ передавались еще съ большею скоростью; необыкновенно быстро и письменю переходили они отъ хутора къ хутору, отъ монастыря въ монастырь. Изобрѣтатели небывалыхъ видѣній зачастую принадлежали къ сословію лицъ духовныхъ: черницы, священники, странники, затворники и затворницы не переставали волновать умы всевозможными баснями. Онѣ любопытны для насъ, какъ порожденія народнаго суевѣрія и невѣжества, на нихъ лежитъ отпечатокъ времени. Всѣ видѣнія имѣли смыслъ предсказательный, всегда угрожающій на цѣлый рядъ бѣдъ: войну, моръ, неурожай, нашествіе иноплеменниковъ и проч., всегда они облекались въ религіозную, мистическую форму. Что они выдумывались большею частью лицами духовными—дѣло понятное: духовенство, въ особенности низшее, ни чуть не было выше уровня народнаго развитія, а имѣя на него большее или меньшее вліяніе, пользуясь досугомъ, изъ желанія прибытка, не за-

¹⁾ Верхняя дѣла Р. Д. Т. К., к. XXVII, д. № 13, также Кабинетскія дѣла II-я половина, т. XLVII, лл. 101—103.

думывалось надъ изобрѣтеніями слуховъ и толковъ о всевозможныхъ чудесахъ. Достаточно было одной вѣсти, что въ такой-де обители видѣли особое знаменіе на небесахъ — и народъ толпами валить къ старцамъ съ разспросами, просилъ показать рисункъ небеснаго видѣнія, растолковать его значеніе, и послѣдній грошникъ клалъ жуторянинъ, чтобы послушать ловко сложенную басню....

Строгія мѣры правительства, ссылки, пытки и казни не останавливали живыхъ пророковъ; источники рассказамъ о тайныхъ видѣніяхъ и чудесахъ не прекращались, и нѣтъ ничего удивительнаго, что даже въ концѣ царствованія монарха, строгаго карателя всякой неправды, мы находимъ лжецовъ-фанатиковъ въ дальнихъ монастыряхъ.

27-го января 1720 года, въ Спасскомъ Новгородъ-Сѣверскомъ монастырѣ, послѣ заутрени, на разсвѣтѣ, іеромонахъ Порфирій вошелъ въ кѣльню. Здѣсь былъ монастырскій экономъ монахъ Іезекиль, служка Грицко и нѣсколько другихъ послушниковъ.

— Братія! вскричалъ Порфирій, только что сподобилъ меня Господь видѣть на небѣ видѣніе! Пойдемте, я вамъ его покажу.

Іезекиль съ братіей поспѣшили на дворъ. Утро было морозное, начиналъ брезжить свѣтъ, изъ-за облаковъ выглядывалъ мѣсяцъ, но никакого видѣнія не было видно.

— Должно быть заволокло его облаками, замѣтилъ старецъ-вишь ты сколько ихъ нагнало.

— Какъ ты высмотрѣлъ то знаменіе, какимъ подобіемъ его видѣлъ? стали спрашивать чернецы, проводивъ разскащика въ его келью. Монастырь всполошился, — въ кельи стали собираться любопытные отцы-монахи.

— А вотъ какъ я его примѣтилъ, говорилъ между тѣмъ Порфирій: пришедъ отъ заутрени и отправа келейное правило, вышелъ я изъ кельи, чтобъ не спать, и вдругъ узрѣлъ на западной сторонѣ комету. Глядѣлъ я на нее съ четверть четверти часа (минуты четыре). Видѣлась мнѣ именно голова; по одну сторону той головы сабля и два палаша крыжомъ (крестомъ), а третій стоймя; по другую сторону головы было двѣ ноги и двѣ руки, а надъ руками два мѣсяца; надъ мѣсяцами видѣлись мнѣ двѣ звѣзды; противъ же головы, пониже ея немного, литера покой (П); послѣ литеры, съ обѣихъ сторонъ, по мѣсяцу; далѣе крестъ, особо, безъ мѣсяцевъ. А было то видѣніе на синемъ небѣ — одними желтыми колерами порознь, а настоящаго мѣсяца въ то время не видалъ.

— Сдѣлай ты милость, нарисуй намъ все, въ какомъ ты подобіи видѣлъ.

— Пожалуй, я вамъ то нарисую.

Всѣ чернецы были рады послѣднему предложенію; убѣдительно просили намалевать имъ все безъ утайки, какъ сподобилъ его Господь видѣть. Порфирій, иконописецъ по профессіи, съ удовольствіемъ выполнилъ всеобщее желаніе и тутъ-же въ кельѣ, на стѣнѣ, весьма тщательно отдѣлалъ мѣломъ помѣщаемый здѣсь рисунокъ:

Между тѣмъ, въ келью Порфирія, вслѣдъ за монахами, явился послѣ литургіи и трапезы намѣстникъ монастыря, отъ Макарій. Намѣстникъ видимо заинтересовался разсказомъ и тутъ-же приказалъ нѣсколькимъ монахамъ перевести рисунокъ чернилами на бумагу. Приказаніе было выполнено; кромѣ того другіе монахи спѣшили для себя снять копіи—и въ то же утро рисунокъ явился въ нѣсколькихъ десяткахъ экземпляровъ, разумѣется не безъ вариантовъ, впрочемъ незначительныхъ, которые придѣлывали, каждый по своему вкусу, монастырскіе живописцы. Такъ, увеличилось число палашей; на буквѣ покой явилась веревка, — мѣсяцы стали въ одну линію съ руками. Противъ лишняго палаша и веревки, которые и мы помѣстили въ нашей копіи, протестовалъ впоследствии отецъ Порфирій.—Неизвѣстно, насколько справедливъ былъ этотъ протестъ.

Художники пораспродавали жителямъ свои произведенія. Они имѣли большой успѣхъ, какъ по загадочному содержанию, представляющему большую пищу для отгадокъ и разсужденій, такъ и по слѣдующимъ надписямъ, явившимся на тѣхъ рисункахъ:

„Сія комета, повѣдаютъ, видѣна была надъ Новградскимъ монастыремъ, року сего 1720 года, іаннуарія 27-го дня, въ ночи, години или часа 6-го, и, повѣдаютъ-же, самъ новгородскій архимандритъ съ братією ее видѣли“.

Вслѣдствіе всего этого, говоръ о небесномъ видѣніи такъ усилился, что архимандритъ того монастыря Геннадій, — лежа на смертномъ одрѣ, — при послѣднемъ издыханіи, поспѣшилъ однако препроводить и рисунокъ, и его изобрѣтателя къ гетману, послѣ чего архимандритъ умеръ.

Гетманъ не сталъ держать у себя монаха, и какъ преступника сомнительнаго, въ государственной противности, вмѣстѣ съ свидѣтелями Іезекіилемъ и Грицко, представилъ въ Нѣжинъ, къ бывшему въ то время тамъ Меншикову.

Свѣтлѣйшій князь 3-го и 4-го апрѣля 1720 г. самъ занимался допросами Порфирія, Іезекіиля и Грицко. Первый изложилъ предъ нимъ всѣ обстоятельства, сопровождавшія видѣніе, а послѣдніе положительно объявили, что ничего на небѣ не видали.

Меншиковъ, не удовольствовавшись 4-мя доставленными ему копіями, заставилъ самого Порфирія сдѣлать рисунокъ, и тотъ дрожащею рукою, подъ страхомъ пытки, — набросалъ кой-какъ рисунокъ и скрѣпилъ его подписью.

Этотъ экземпляръ, противъ приведеннаго нами, имѣлъ нѣсколько вариантовъ: вмѣсто одной кривой сабли — Порфирій сдѣлалъ двѣ, вмѣсто четырехъ палашей — три; мѣсяцы — надъ руками, крестъ безъ мѣсяцевъ и буква покой безъ веревокъ, которыя дѣлаютъ изъ мирной литеры изображеніе висѣлицы....

Нѣсколько дней спустя, безграмотный Меншиковъ приказалъ написать къ кабинетъ-секретарю Алексѣю Васильевичу Макарову слѣдующее письмо, прекрасно характеризующее петровскаго любимца:

— „Благородный господинъ секретарь! диктовалъ Меншиковъ: не могъ я оставить, еже-бы не объявить чинившейся здѣсь плевелы, которую, по прибытіи въ Малую Россію, по свиданіи съ господиномъ гетманомъ, свѣдалъ. Понеже Новгородскаго монастыря монахъ, самый плутъ, Порфирій издалъ изображеніе: будто онъ видѣлъ на небѣ.... А какимъ образомъ оное его плута вымышленное, будто видѣніе было, и котораго числа, тому при семъ прилагаю учиненный имъ плутомъ въ подобіи рисунокъ. А рисунокъ этихъ здѣсь, въ Малороссіи, зѣло размножилось у всякаго чина людей. И не безъ великаго есть здѣшнимъ народомъ отъ того мнѣнія. Чего для, я помянутаго плута взялъ за арестъ; а о томъ: отъ кого онъ то будто видѣлъ видѣніе на небѣ былъ наученъ изобразить, разпрашивать. Онъ же, аки бы въ самой правдѣ, стоитъ твердо и показалъ тому жъ свидѣтелей; а они въ допросѣ сказали, что того на небѣ не видали, а видѣли то у плута нарисованное въ кельѣ. Съ допросовъ ихъ, для лучшаго его царскому величеству доношеніе, при семъ сообщаю копію. А имъ плутомъ Порфиріемъ за сей вымышленный фальшъ памфлетъ былъ розыскивать (пытать) и о снятіи съ него сана къ черниговскому архіерею, Антонію, за его царскаго величества указомъ, предлагалъ. Но понеже онъ того не учинилъ, вызволяя себя тѣмъ, что будто того, чтобъ видимаго плута безъ семи соборовъ сана лишить невозможно. Чего ради, да изволите ваша милость о всемъ, о семъ въ благовременный часъ донести его царскому величеству, и что изволить повелѣтъ, прошу насъ увѣдомить.

„При семъ-же особливо вашу милость прошу, не оставить насъ въ своей корреспонденціи, чрезъ которую о всѣхъ тамошнихъ обращеніяхъ увѣдомленіемъ сообщить: въ чемъ я на вашу милость благонадеженъ есмь и остаюсь вашей милости доброжелательный Александръ Меншиковъ. Изъ Батурина. — 22-го апрѣля 1720 года“.

По царскому указу, Порфирій былъ вытребованъ въ Петербургъ,

въ Тайную Канцелярію. „Онаго чернца, писалъ по этому случаю Макаровъ Толстому, его царское величество послалъ вашему превосходительству о его ложномъ видѣніи розыскать: для чего онъ то затѣялъ?“

Арестантъ былъ принятъ въ вѣдомство Петра Андреевича Толстаго—21-го октября, и въ тотъ же день снятъ первый допросъ, послѣ котораго Порфирій немедленно лишенъ монашескаго чина. Митрополитъ Стефанъ Яворскій вовсе не находилъ удобнымъ противорѣчить, подобно черниговскому архіерею, сильнымъ мира сего,— и, по первому слову Толстаго, командировалъ іеромонаха для разстриженія. Отецъ Порфирій преобразовался въ Потапа Матвѣева, и теперь, совершенно незасорно, могъ быть преданъ истязаніямъ.

Дѣло однако обошлось и безъ нихъ. Съ разстриги сняли второй, затѣмъ третій допросы. Онъ упорно стоялъ на томъ, что дѣйствительно все видѣлъ такъ, какъ изобразилъ на рисунокѣ, на келейной стѣнѣ и предъ свѣтлѣйшимъ Меншиковымъ на бумагѣ.

„Больше того рисунковъ я не дѣлалъ, говорилъ Порфирій; о видѣніи ни съ кѣмъ въ разсужденіи не говоривалъ, и своимъ мнѣніемъ ни въ какую силу не разсуждалъ, въ чемъ утверждаюсь подъ смертною казнію“.

Дней пять спустя, бывшаго іеромонаха привели въ застѣнокъ и на дыбъ поставили въ ремень, руки положили въ хомутъ. Разстрига стоялъ на прежнихъ показаніяхъ: „комету я всеконечно видѣлъ на западной сторонѣ облаками, желтыми колеры порознь; а не въ одномъ мѣстѣ, для того, что въ то время въ иныхъ мѣстахъ было ясно“.

Петръ Андреевичъ Толстой былъ, вѣроятно, въ добромъ расположеніи духа — и достопочтеннаго отца не вздернули на виску, не обезпокоили кнотовымъ изслѣдованіемъ.

Вообще судьба спасла его отъ тѣлеснаго штрафованія.

Четырнадцать мѣсяцевъ ждалъ онъ въ разныхъ тюрьмахъ: въ Нѣжинѣ, въ Стародубѣ, въ Батуринѣ, въ Петербургѣ, рѣшенія своей участи—и она опредѣлилась 14-го марта 1721 года слѣдующимъ постановленіемъ Толстаго, Ушакова и Писарева:

— „Іеромонаха Порфирія, что нынѣ разстрига Потапъ, за то, что онъ показалъ ложно, будто видѣлъ на небѣ видѣніе, чему и рисунокъ учинилъ, съ котораго въ Малой Россіи немало таковыхъ отъ его плутовства размножилось, а его ложному плутовству вѣрить

ни мало не надлежитъ, и за то—сослать его въ Соловецкій монастырь и держать тамъ до его смерти, отнюдь никуда не выпуская“.

Арестанта сдали подъ росписку комиссару Савинову для доставленія на мѣсто ссылки; но еще долго шла переписка—изъ какихъ суммъ выдать ему прогоны? Она кончилась опредѣленіемъ Тайной Канцеляріи—выдать изъ ея суммъ проводнику прогонныхъ денегъ на одну ямскую подводу на 1,040 верстъ до города Архангельска... сколько бы вы думали?... 3 рубля, 23 алтына!

Поступокъ черниговскаго архіерея, дерзнувшаго сослаться на церковныя правила и не послушавшагося могущественнаго Меншикова, не остался безнаказаннымъ. Владыку вытребовали, по высочайшему повелѣнію, въ Сенатъ, который и обратился съ распросомъ о немъ въ Розыскныхъ дѣлъ Тайную Канцелярію. Въ чемъ состоялъ приговоръ грознаго судилища относительно епископа Антонія—изъ дѣлъ не видно.

ХІІ.

Кликуши ¹⁾).

Кто бывалъ въ нашихъ дальнихъ монастыряхъ да пѣстыняхъ, кто часто заходилъ въ приходскія церкви людныхъ селъ въ праздничный день, когда въ храмѣ тѣснятся толпы народа, тому случалось, можетъ быть, замѣтить иногда у дверей съезжившуюся женщину, нерѣдко съ передернутымъ, сильно скосившимся лицомъ, съ бессмысленно мигающими глазами... Она охаетъ, кричитъ, судорожно осѣняетъ грудь крестнымъ знаменіемъ и бьетъ земные поклоны. Ее не тѣснить, не душить толпа народа, напротивъ, на нее и ея проводницу обыкновенно смотрять съ какимъ-то уваженіемъ и сторонятся съ страннымъ подобострастьемъ.

— Что это за женщина? спрашиваете вы.

— Кликуша, батюшка, кликуша,—отвѣчаетъ сосѣдняя старуха:—кликаетъ нелѣпнымъ гласомъ, вотъ какъ понесутъ дары и ее станетъ бить...

Дѣйствительно, запоютъ ли „достойную“, либо „херувимскую“,

¹⁾ Вершенныя дѣла Р. Д. Т. К., к. XVII, л. Ж 45.

либо вынесутъ дары—и вдругъ церковь оглашается какимъ-то дикимъ воплемъ: слышится то собачій лай, то лягушечье еваканье, то какой-то вой; что-то визжитъ, пищитъ и стоетъ.

Народъ, привычный къ этимъ явленіямъ, большею частію даже не оглядывается и, продолжая молиться, только сторонится, чтобъ дать мѣсто кликушѣ.

Подойдемъ, посмотримъ на нее. Зрѣлище дѣйствительно странное. Бабу колотитъ, дергаетъ какая-то нечистая сила, поводитъ судорога; она кричитъ самыми нелѣпыми голосами; платокъ свалился, платье въ беспорядкѣ, волосы рассыпались безобразными космами—и баба мечется на полу. Надъ ней заботливо суетится проводница, неизмѣнная спутница кликуши; она покрываетъ ея голову платкомъ, придерживаетъ на одномъ мѣстѣ, чтобъ не металась, поправляетъ платье, либо иной разъ проситъ накрыть ее какимъ-нибудь церковнымъ платомъ...

Минутъ двадцать спустя, много черезъ полчаса,—кликуча стихаетъ, и только тяжелое, громкое дыханіе показываетъ, что съ ней былъ припадокъ...

Кончилась обѣдня. Народъ валитъ изъ церкви, и многіе мужики да бабы, проходя мимо кликуши, долгомъ считаютъ подать ей грошникъ на ея „убожество болѣзное“.

Что за причина подобныхъ припадковъ? Дѣйствительная ли болѣзнь, желаніе ли прибытка, корысть, особый ли родъ выпрашиванія милостыни?

И то, и другое. Иногда это кликанье — дѣйствительная болѣзнь особаго рода (не одинъ ли изъ видовъ падучей, или какъ называется ее народъ—родимчикъ?). Объ этой болѣзни кликушъ любопытные могутъ найти учено-медицинскую монографію, изданную на русскомъ языкѣ въ 1860-хъ гг. Тѣмъ не менѣе однако не можетъ быть сомнѣнія, что между кликушами попадаются такіа, которыя изъ кликанія сдѣлали особаго рода выгодный для нихъ промыселъ. Бѣдучи на нижегородскую ярмарку (въ 1860 г.), мнѣ случилось видѣть на пароходѣ кликушу. Это была женщина лѣтъ сорока пяти, съ сморщенной, желтою фізіономіею и бойкимъ, осмысленнымъ взглядомъ. Она была одѣта, какъ одѣваются жены богатыхъ фабричныхъ, и я невольно удивился, заслышавъ, какимъ приторно-гнусливымъ голосомъ стала она рассказывать о своемъ кликаніи по церквамъ, о тѣхъ видѣніяхъ, какія бываютъ съ нею, и стала

просить денегъ, будто бы собираемыхъ ею для богомольнаго путешествія въ Соловки! Но на пароходѣ большею частію были купцы да мѣщане, народъ болѣе или менѣе отрѣзвившійся отъ нѣкоторыхъ вѣрваній простолудина, и потому на гнусеніе кликуши отвѣтили ругательствами, и та стихла...

Въ настоящее время правительство благоразумно представляетъ самому народу вести себя какъ онъ хочетъ относительно кликушъ, юродивыхъ, всякаго рода дураковъ... Каждый знаетъ, что преслѣдованіе въ этомъ случаѣ неумѣстно. Дѣлая изъ этихъ жалкихъ больныхъ и не больныхъ уродовъ какихъ-то мучениковъ, преслѣдованія еще болѣе усиливаютъ суевѣріе черни...

Но полтора ста лѣтъ тому назадъ не было, да и не могло быть такого взгляда на вещи. Достаточно было обличенія двухъ, трехъ кликушъ въ притворствѣ, чтобъ вызвать Петра на энергическое, постоянное и упорное преслѣдованіе кликушъ, заурядъ со всѣми чудодѣями, странниками, странницами, предсказателями, затворниками, учителями раскола и прочими людьми, волновавшими народъ и словомъ, и дѣломъ.

Кликушъ хватали вездѣ и, по высочайшему повелѣнію, держали въ тюрьмахъ; пытали, сѣкли, наконецъ, разсылали въ работу по придильнымъ дворамъ и фабрикамъ...

Вотъ партія кликушъ—три бабы. Ихъ прислалъ изъ Москвы—17 августа 1720 г.—вице-губернаторъ Воейковъ: дочь харчевника, Авдотья Яковлева, Тихвинской Суцеской богадѣльни слѣпная дѣвка Арина Иванова, да мѣщанской слободы купецкая жена—Авдотья Акимова. Всѣ три кликали по разнымъ московскимъ церквамъ и монастырямъ, и въ томъ кликаніи взяты подъ караулъ.

— Въ семъ году, показывала Акимова на допросѣ при губернской канцеляріи въ Москвѣ,—была я точно въ большомъ Успенскомъ соборѣ и во время божественнаго пѣнья кричала нелѣпнымъ голосомъ: лаяла собакою. Случилась со мной эта скорбь лѣтъ ужъ съ сорокъ, еще младенцемъ. Находить она на меня въ мѣсяцъ по однажды, по дважды, по трижды и болѣе,—прилучается въ церквахъ и дома. Вѣдаютъ о той скорби многіе посторонніе люди, а также духовникъ мой, священникъ церкви Успенія Пресвятой Богородицы, за Москвой рѣкой. А буде я, Авдотья, сказала что ложно, и за то укажалъ бы великій государь казнить меня смертью...

Неволью улыбаешься, слыша изъ устъ бабы-старухи эту обыч-

ную, заключительную фразу. Здѣсь она какъ-то особенно неумѣстна и смѣшна...

Справились у духовника кликуши: вѣдаетъ ли онъ за ней ту скорбь?

— Не вѣдаю, кликала ли она въ церкви,—отвѣчалъ священникъ,—но живучи у меня въ дому, почасту лаяла собакою, кричала лягушкою, пѣсни пѣла, смѣялась, да приговаривала: охъ, тошно мнѣ, охъ тошно!

— Кричала и я нелѣпнымъ голосомъ,—показывала Авдотья Яковлева,—въ разныхъ церквахъ и дома почасту: въ храмѣ Положенія ризы Богородицы, идѣже лежатъ мощи Иоанна блаженнаго на рву, до Козмы и Демьяна въ Нижнихъ Садовникахъ. Кричала во время божественнаго пѣнія, а по каковски—того не упомню. А та скорбь приключилась недавно и съ чего—не знаю.

— А мнѣ довелось часто кричать нелѣпнымъ гласомъ,—каялась слѣпая Иванова,—во время слушанія чтенія св. евангелія въ Никитскомъ дѣвичьемъ монастырѣ, да въ Тихвинской церкви въ Сущевѣ; что кричала—того не вѣдаю, и была та скорбь со мной въ богадѣльнѣ по днямъ и ночамъ; приключилась она отъ рожденія матери моей, что-де слыветъ въ народѣ: тихая и родимецъ; мать и другіе свойственники отъ той скорби меня не уберегли..

Какъ бы то ни было—скорбь ли, не скорбь, но кликушъ подзрѣвали въ сообществѣ съ расколомъ; всѣ онѣ являлись ослушницами царскаго указа: „ни по церквамъ, ни по домамъ не кликать и народъ тѣмъ не смущать“, и потому онѣ—государственныя преступницы.

Слово и дѣло!

Что преступленіе ихъ съ точки зрѣнія тогдашняго правительства было важно, можно уже видѣть изъ того, что царское величество, получивъ кликушъ изъ Москвы, немедленно отослалъ всю партію для розыску къ его превосходительству Петру Андрѣевичу Толстому съ товарищами.

Трибуналъ не мѣшкалъ: прочелъ копіи съ московскихъ допросовъ и на другой же день пригласилъ кликушъ въ застѣнокъ, къ дыбѣ.

Первую вздернули кверху Авдотью Акимову.

— Съ чего у тебя сдѣялась та скорбь, не притворяешься ли, кто научалъ тебя кричать?

— Кричала лягушкою и лаяла собакою безъ притвору въ болѣзни своей, а та болѣзнь у меня лѣтъ сорокъ и какъ схватить— и въ то время ничего не помню; кликать же меня не научали...

Дано 7 ударовъ.

Подняли на виску Авдотью Яковлеву.

— Говори безъ утайки: по чьему наученію и съ чего ты кликала?

— Кричала въ безпамятствѣ, безъ всякаго притвору, ничего не помня; съ чего учинилась скорбь—не знаю, а научать, никто меня не научалъ.

Было ей 11 ударовъ.

Подвели слѣпую Арину Иванову: руки въ хомутъ, ноги въ ремень—веревку дернули и она виситъ на дыбѣ.

— Говори правду: съ чего кликаешь?

— Болѣзнь у меня падучая: какъ схватить—все запомню, кричу безъ притвору и безъ сторонняго наученія.

Отсчитали 5 ударовъ.

Четыре дня спустя, вся партія кликушъ приведена въ тотъ же застѣнокъ. Одну за другой ставили ихъ по другому разу въ ремень, вздергивали на дыбу, и съ подъему, безъ кнута, снимали новыя показанія.

Онѣ ничѣмъ не рознились отъ прежнихъ.

— Вотъ и вчерашняго числа, —говорила одна изъ фликушъ, Авдотья Яковлева, болталась на веревкахъ: схватила меня скорбь та, кликаніе, въ тюрьмѣ, при караульномъ солдатѣ: вскричала и упала о-земь въ безпамятствѣ.

— Правда то или нѣтъ?—спрашивали судьи у часового, солдата лейбъ-гвардіи преображенскаго полка.

— Заподлинно правда, отвѣчалъ часовой:—вчерашняго числа, во время св. литургіи, молилась эта баба въ караульнѣ, что въ равелинѣ, и вдругъ вскочила, упала, затряслась и стало ее гнуть. Лежала она отъ того на землѣ замертво часа полтора—и я пришелъ въ страхъ немалый.

Тюремное кликанье спасло Яковлеву отъ дальнѣйшаго штрафованія. Судьи положили: такъ какъ та болѣзнь была съ нею въ крѣпости, въ бытность ее за карауломъ, того ради ее освободить, но не иначе какъ съ порукою и роспискою ея мужа, что она „впредь во святыхъ храмахъ кричать, кликать и смятенія чинить не будетъ, подъ страхомъ жестокаго штрафованія внукотомъ и ссылки на прядильный дворъ въ работу вѣчно“.

Послѣднее опредѣленіе показываетъ, что инквизиторы остались при своемъ убѣжденіи, что вликанбе ея притворство; иначе бы они не стали требовать невозможнаго: не кликать тогда, когда скорбь отъ Яковлевои вовсе не зависѣла.

Что до остальныхъ двухъ кликушъ, то ихъ препроводили къ оберъ-полиціймейстеру для опредѣленія на С.-Петербургскій прядильный дворъ. Девіеръ возвратилъ ихъ при письмѣ: „прядильный-де дворъ состоитъ въ вѣдомствѣ Бергъ-Коллегіи, по мануфактурнымъ дѣламъ“.

Тайная Канцелярiя, принявъ обратно кликушъ, пристроила ихъ наконецъ на одномъ изъ полотняныхъ заводовъ, въ вѣдомствѣ кабинета-секретаря Алексѣя Васильевича Макарова.

XIII.

Прапорщикъ Скобѣевъ ¹⁾.

Кто празднику радъ, тотъ до свѣту пьянъ.
(Поговорка).

Весело и шумно проводить русскій человѣкъ Рождество, Святую-недѣлю и прочіе годовые праздники: любить онъ — и винца испить, и поговорить, да покричать, а зачастую — и подраться въ тѣ минуты, когда хмѣль сильно затуманитъ его голову... И на всемъ громадномъ пространствѣ матушки-Руси: въ свѣтлыхъ хоромѣхъ помѣщика, въ тѣсной келейкѣ затворника, на улицѣ, да на площади, наконецъ въ лачугѣ крестьянина, русскій человѣкъ одинаково любить въ эти минуты, подъ шумокъ винца да пива, поболтать на распашку; за словомъ въ карманъ не ползетъ, и путаетъ, и кричить, берется толковать обо всемъ, ни надъ чѣмъ не задумываясь, ни на чемъ не останавливаясь.

Но было время, когда и въ минуты „пьянственнаго веселья“ надо было держать себя на-сторожѣ, надо было говорить съ оглядкой, страшась извѣтчиковъ. То было время царствованія преобразователя Россіи, Петра Алексѣевича. Каждое неосторожное слово, сказанное о лицахъ высокихъ, о событіяхъ важныхъ; каждая мысль,

¹⁾ Вер. дѣла Рос. Д. Т. Канцел.

выданная злодѣемъ лзыкомъ, слишкомъ развязаннымъ роднымъ пѣвникомъ—все влекло въ Канцелярію Тайныхъ Розыскныхъ Дѣлъ, порядко въ застѣнокъ, руки въ хомутъ, на дыбу, и во всякомъ случаѣ пошла работа заплечному мастеру...

Послушаемъ-же эти вольныя рѣчи, посмотримъ на двухъ, на трехъ изъ этихъ страшныхъ „политическихъ преступниковъ“, прочитаемъ приговоры надъ ихъ преступленіями. Тогда мы увидимъ, дѣйствительно-ли были такъ опасны — вольныя рѣчи, много-ли зависѣла отъ нихъ цѣлость російскаго государства, колебали-ли они тронъ великаго монарха, наконецъ среди какихъ людей, въ какихъ мѣстахъ находилъ онъ недовольныхъ.

Вотъ одинъ изъ нихъ: Тимофѣй Савельевичъ Скобѣевъ, прапорщикъ разкосованнаго ландмилицкаго полка, отпущенный генералъ-аудиторомъ Иваномъ Кикинымъ въ отпускъ, проживалъ въ 1721 году въ Боровскомъ уѣздѣ, въ сельцѣ Фроловскомъ. Въ этомъ сельцѣ жило нѣсколько мелкопомѣстныхъ помѣщиковъ; между домиками ихъ было два двора Скобѣева. Человѣкъ онъ былъ весьма небогатый; но двухъ дворовъ крестьянъ, да землицы было достаточно настолько, чтобы частенько покупать вино, да пить зачастую чашу горькую, не разбирая ни скоромныхъ дней, ни постныхъ, ни среды, ни пятницы. Спокойно-бы текла жизнь Тимофѣя Савельевича, еслибы Провидѣніе не даровало ему, въ лицѣ его благовѣрной Матрены Прокофьевны, женщину своеобразную, крутую, которая съ негодованіемъ смотрѣла на поведеніе супруга. Она непрестанно удерживала Тимошу, не давала вина, не давала денегъ, бранилась, ссорилась, не брезгала и рукопашной схваткой—все было тщетно. У Скобѣева было досугу много: разъ въ годъ являлся онъ на смотръ въ Москву, въ столовую палату; на службу, за болѣзнь-ли, или за старостью—его не записывали, и онъ совершенно свободно отдавался своей страсти.

Наступали праздники Рождества, 1721 года. Тимофѣй Савельичъ съ радости не могъ ихъ выждать и уже за недѣлю пилъ непомѣрно. Въ одинъ изъ такихъ дней, рано утромъ, послѣ шумно проведенной ночи, Тимофѣй Савельичъ попросилъ у жены винца опохмѣлиться. Но тщетно представлялъ онъ ей на видъ тѣ обстоятельства, что онъ былъ весьма пьянъ, что голова его тяжела, во рту, Богъ знаетъ, что такое,—Матрена Прокофьевна не хотѣла ничего слушать и вина не дала.

Огорченный супругъ осыпалъ жену сильными упреками, затѣмъ

бранью, а отъ рѣзкихъ словъ дѣло дошло до ручной схватки. По праву сильнаго, Тимоша сталъ бить нещадно, — Матрена Прокофьевна заголосила. Свидѣтельницаю супружескаго объясненія была служанка Авдотья Васильева. Не зная, какъ разнять господь, она побѣжала за Акимомъ Ивановымъ, дворовымъ человѣкомъ Скобѣевыхъ.

Когда Ивановъ вошелъ въ горницу, бой стихъ; утомились-ли бойцы, или совѣстно стало помѣщику и помѣщицѣ, какъ-бы то ни было, но они разошлись. Мужъ взлезъ на печь, жена усѣлась на лавкѣ.

Но слабая женщина въ пылу горячки никогда не можетъ остановиться на первомъ объясненіи; не взявши силою, она прибѣгаетъ къ слову. Матрена Прокофьевна и на этотъ разъ, не успѣвъ еще оправиться отъ схватки, растрепанная, помятая, осыпала мужа самыми отборными выраженіями.

— Для чего ты пьешь, для чего буянишь? говорила она между прочимъ: пьешь, да безобразничаешь, а отъ того пьянства меня бьешь, въ среду да въ пятницу блудишь. Побойся Бога, у насъ и челядинцы того не дѣлають.

Больно обидною показалась Скобѣеву выходка жены. Схватка отрезвила его совершенно, и, не утерпя „тѣхъ ея словъ“, онъ сталъ жену бранить, наконецъ весьма положительно замѣтилъ:

— Что ты мнѣ указываешь? Вѣдь такъ самъ государь, Петръ Алексѣевичъ, дѣлаетъ!

— Ну, что ты про государя говоришь, отвѣчала Матрена: вѣдь государь Петръ Алексѣевичъ не наша персона. Вѣдь онъ — какъ изволить!

— Врешь жена, я знаю, что говорю...

— Нѣтъ, не знаешь, заключила супруга: заврался ты съ пьяна-то.

Бесѣда стихнула. Акимъ Ивановъ вышелъ изъ горницы, его взяло раздумье. Мужикъ, какъ видно, былъ онъ толковый, читать не читалъ за безграмотностью, но слышалъ и зналъ про царскіе указы, въ которыхъ такъ щедро сулили награды извѣтчикамъ по дѣламъ, до персоны царской, либо до интересовъ его касающимся; зналъ и угрозы тѣмъ, кто, свѣдавъ о чемъ нибудь изъ такихъ дѣлъ — не доносили. Съ одной стороны соблазняла награда, даже надежда на освобожденіе на волю, съ другой пугала мысль: что если Васильева, по бабьей натурѣ, болтнетъ кому-нибудь на селѣ, и вольныя рѣчи помѣщика дойдутъ до начальства?

Долго однако не рѣшался Акимъ выдать барина; наконецъ 17 апрѣля—явился онъ на пикетъ къ караульному офицеру и сказалъ за собой: слово и дѣло! Обличителя препроводили въ Преображенское. Его царское величество соизволило допустить къ себѣ Акима на объясненіе въ кабинетъ. Передалъ служитель дѣло важное; записали его рассказъ, и 21 апрѣля 1721 г. вмѣстѣ съ запискою препроводилъ его кабинетъ-секретарь Алексѣй Васильевичъ Макаровъ въ Тайную, къ Андрею Ивановичу Ушакову.

„И хотя то дѣло, приписывалъ секретарь въ Р. С., его императорское величество изволилъ ставить за неважное, однако по доношенію—помѣщика того надобно сыскать и допросить въ томъ: къ какому случаю онъ такія слова говорилъ?“

Андрей Ивановичъ отобралъ подробныя показанія отъ служителя, затѣмъ внимательно выслушалъ барина. Его схватили на мѣстѣ жительства и привезли подъ стражу. Скобѣевъ сознался; рассказалъ все происшествіе, затѣмъ клялся, что „иныхъ важныхъ продерзостныхъ и непристойныхъ словъ ни прежде, ни послѣ того не было; про его величество съ женой никогда не говаривалъ, а что было имъ сказано, то спроста, а ни въ какую силу“.

Сознаніе спасло отъ пытки, смягчило и наказаніе:

1 мая 1722 г. Тайная Канцелярія, по указу его императорскаго величества, рѣшила:

— „Прапорщику Тимофѣю Скобѣеву за глупыя и непристойныя слова, бить батоги нещадно, затѣмъ освободить. А доносителю Акиму Иванову, за его извѣтъ, дать паспортъ, въ которомъ написать, что ему Акиму съ женой и съ дѣтьми отъ Скобѣева быть свободну и жить гдѣ похочетъ“.

XIV.

На дворянской пирушкѣ.

Послушавъ утреннюю бесѣду Тимофѣя Савельевича Скобѣева съ Матреной Прокофьевной, отправимтесь на вечерокъ къ помѣщику Новгородскаго уѣзда, къ Петру Ивановичу Баранову, въ Николо-Дымской погостъ.

На второй день праздника, 26 декабря 1721 года, въ усадьбѣ

Петра Ивановича, Гора-Чироля, собралась большая компанія. Здѣсь былъ гвардіи капитанъ Петръ Наумовичъ Мельгуновъ, онъ пріѣхалъ для описи всѣхъ лицъ мужскаго пола; гренадерскаго пѣхотнаго полка поручикъ И. Г. Телѣгинъ, комиссаръ Н. П. Арцыбашевъ, дворянинъ, призванный для подписки о опрошенныхъ душахъ, Василій Семеновичъ Харламовъ, подьячіе Чекмаревъ и Збургской.

Весѣда была шумная, угощеніе славное, вино да пиво хмѣльное развязало языки. За ужиномъ гости просидѣли до четырехъ часовъ утра. Болѣе всѣхъ опьянѣлъ помѣщикъ Харламовъ. По мѣрѣ того, какъ болѣе и болѣе хмѣлѣлъ Василій Семеновичъ, рѣчи его дѣлались шумнѣй да шумнѣй; слова непотребныя, скверныя да бранныя чаще и чаще слетали съ его устъ. Толковалъ онъ о многомъ, добратся въ рѣчахъ его смыслу дѣло было нелегкое, болѣе всего ругалъ онъ присутствующихъ.

— Дуракъ ты, дуракъ, кротко замѣтилъ поручикъ Телѣгинъ, будетъ тебѣ врать-то!

— А что за бѣда, болтнулъ въ отвѣтъ пьяный, въ Санктпетербургѣ и государь Петръ Алексѣевичъ вретъ.

— Взять его подъ караулъ!—закричалъ Мельгуновъ.

Болтунъ проснулся подъ арестомъ, но слово не воробей: вылетѣло—пропало, воротить его было нельзя.

Мельгуновъ отобралъ у всѣхъ свидѣтелей подписку о видѣнномъ и слышанномъ и приложилъ ее къ рапорту на имя командира своего, генераль-маіора и гвардіи маіора М. Я. Волкова.

— „Онаго же Харламова, писалъ между прочимъ капитанъ, посылаю при семъ съ гвардейскимъ солдатомъ Расторгуевымъ, понеже опасенъ, ежели онаго не объявить, чтобъ впредь какого худа не произошло“.

16 января 1722 г. мы находимъ уже Харламова въ Тайной Канцеляріи. Стоитъ и трепещетъ предъ неумытными судьями новгородскій помѣщикъ и ведетъ рѣчь повинную.

Онъ кается въ томъ, что пировалъ 26 декабря у Баранова, видѣлъ тамъ Мельгунова, но были-ль тамъ кто другіе — того онъ не упоминитъ, да и пѣзъ словъ-то про его величество не поминитъ, понеже былъ онъ, Василій, въ то число весьма пьянъ.

Дѣло-ли было слишкомъ ясно, разбирать-ли его не стоило труда, какъ бы то ни было—только въ тотъ же день Тайная Канцелярія, по указу его величества, опредѣлила:

— „Новгородцу Харламову за непристойныя слова учинить наказаніе: бить батоги нещадно. Потому именно, писали Толстой, Ушаковъ да Писаревъ, что хотя онъ, Харламовъ, былъ весьма пьянъ и словъ своихъ не помнить, но Мельгуновъ и другіе свидѣтели показали, что онъ въ пьянствѣ бранился и означенныя непристойныя слова говорилъ. Того ради и учинить ему наказаніе, дабы онъ впредь хотя и въ пьянствѣ нивакихъ непристойныхъ словъ не говорилъ; а по наказаніи свободить“.

XV.

Портной царевича Алексѣя.

Не такъ легко отдѣлался другой государственный преступникъ, не потому, чтобы его преступленіе было важнѣе,—нѣтъ, а потому, что къ его дѣлу примѣшивалось воспоминаніе о царевичѣ Алексѣѣ; а всѣ дѣла, при совершеніи которыхъ невольно подымалась предъ судьями окровавленная тѣнь наслѣдника престола, рѣшались не въ примѣръ суровѣе и грознѣе.

15 апрѣля 1722 г., вечеромъ въ 8-мъ часу, по Тверской улицѣ, въ Москвѣ, ѣхалъ нашъ старинный знакомый, прапорщикъ лейб-гвардіи Преображенскаго полка, Иванъ Михайловичъ Орловъ, герой трагическаго романа и любовникъ фрейлины Марьи Даниловны Гамильтонъ (см. о ней въ этой книгѣ, далѣе). Орловъ ѣхалъ въ каретѣ съ капитанъ-лейтенантомъ Танъевымъ. Противъ двора вдовы княгини Анны Долгоруковой наскочилъ на нихъ какой-то пьяница и сталъ на лошадей „шататься“.

— Что это за шалунъ? закричали офицеры, хватая лошадь незнакомца.

— А я... я... не шалунъ, говорилъ пьяный, размахивая тростью: я не шалунъ... я служилъ при государѣ царевичѣ вѣрно... да, вѣрно... А судить того Богъ... кто... насъ обидѣлъ...

Уже одно упоминаніе о царевичѣ (разумѣется: Алексѣѣ Петровичѣ) въ устахъ незнакомца, на улицѣ, было преступленіе, и офицеры сочли долгомъ, во первыхъ, презрительно поколотить пьяницу— не шатайся молъ на лошадей, а затѣмъ за непристойныя слова сдѣать его подъ караулъ близъ Воскресенскихъ воротъ.

Въ тотъ же вечеръ Орловъ, въ качествѣ царскаго деньщика, нашель удобную минуту и всеподданнѣйше донесъ о преступленіи и преступникѣ.

Государь Петръ Алексѣевичъ повелѣлъ дѣло изслѣдовать, и на другой день Орловъ доставилъ арестанта въ Тайную Канцелярію.

Арестантъ, вполнѣ уже трезвый, въ отвѣтъ на распросы судей, познакомилъ ихъ съ своей біографіей:

— „Родомъ я шведъ, говорилъ обвиняемый, родился въ Финляндіи, въ городѣ Сердоболѣ. Отецъ мой, Еремѣй Силинъ, былъ шапочникомъ, мое же нѣмецкое имя было Габріель. Въ 1702 году графъ Петръ Матвѣевичъ Апраксинъ напалъ съ казаками на нашъ городъ; я былъ взятъ въ плѣнъ и привезенъ въ Олонецъ, гдѣ и выпущенъ за малолѣтствомъ на волю. Попалъ я въ Петербургъ; явился въ домъ кронъ-принцессы и у портного Пипера прожилъ въ ученіи три года; въ это время узналъ меня камердинеръ, царевича Алексѣя Петровича, Иванъ Афанасьевъ, взялъ къ себѣ и поручилъ убирать платье царевича. Тутъ я и жилъ до 1716 года; въ этомъ году, 8-го ноября, царевичъ мнѣ отказалъ за умноженіемъ числа служителей. Я переѣхалъ въ Москву, занимался портняжничествомъ, сначала въ домѣ князя С. Голицына, потомъ у князя Ивана Юрьевича Трубецкаго, наконецъ поступилъ въ услуженіе къ княгинѣ Аннѣ Долгорукой. 15 апрѣля сего года былъ я въ гостяхъ у синодскаго секретаря Семенова; поѣхалъ я отъ него пьяный. На Тверской, противъ дома своей госпожи, наѣхалъ я на карету неизвѣстныхъ мнѣ людей“.

Послѣ этихъ предварительныхъ объясненій, Силинъ разсказалъ свою встрѣчу, но объявилъ, что только тогда, когда офицеры стали его бить, онъ, не стерпя побоевъ, сказалъ Орлову: „суди тебѣ Богъ, что насъ обидишь!“

Такихъ-же словъ, увѣрялъ Силинъ, „суди того Богъ, кто насъ обидѣлъ“, я вовсе не говорилъ.

Все дѣло, лучше сказать, вся важность преступленія состояла въ томъ, какое именно мѣстоимѣніе употребилъ пьяный портной: тебѣ или того, и въ какомъ времени поставилъ глаголь обидѣть, въ настоящемъ или будущемъ. Если въ его рѣчи было тебѣ и обидишь, то эти слова относятся къ деньщику-прапорщику; если же того и обидѣлъ... тогда... тогда преступленіе слишкомъ важно, оно имѣетъ громадное значеніе!

Для рѣшенія столь серьезнаго грамматическаго вопроса Петръ Андреевичъ Толстой, да Андрей Ивановичъ Ушаковъ 25 апрѣля 1722 г. отправились въ застѣнокъ: Силина спрашивали съ пристрастіемъ, вложили руки въ хомутъ и вздернули на дыбу.

Портной висѣлъ на дыбѣ въ ожиданіи кнута „довольно“ и во все это время продолжалъ стоять на мѣстоимѣніи тебя вмѣсто того и спрягалъ глаголь обижать не въ прошедшемъ, а въ будущемъ времени: вмѣсто оби дѣ л ѣ — оби ди ш ь!

Такая однако стойкость Силина спасла его спину отъ кнута; тѣмъ не менѣе приговоръ состоялся строгій: Тайная Канцелярія, по указу царскому, повелѣла Сибирской Канцеляріи отправить Силина въ ссылку въ Сибирь.

4-го сентября 1722 г. Тайная Канцелярія почему-то нашла нужнымъ справиться, дѣйствительно-ли высланъ Силинъ, — и ей отвѣтили, что бывшій портной и служитель царевича еще 21 іюня отправленъ въ Тобольскъ, подъ конвоемъ поручика Микулина.

XVI).

Ш к о л я р ы.

27 сентября 1722 года, въ среду, поздно вечеромъ, у Гаврилы Павлова, прозваніемъ Лысаго, старшаго дьячка церкви св. Ильи, что въ городѣ Глуховѣ собралась веселая компанія. Нѣкоторые изъ собесѣдниковъ только что пришли изъ шинка, гдѣ отвѣдали вина, и разговоръ сдѣлался живѣе и одушевленнѣе.

Хмѣль одолѣлъ: собесѣдники разбрелись по угламъ, разлеглись по лавкамъ. Било два часа ночи. Свѣча, догарая, мерцающимъ свѣтомъ освѣщала спящихъ и засыпающихъ. Разговоръ сталъ стихать, и скоро храпъ да кряхтѣніе переворачивающихся съ боку на бокъ нарушали тишину.

Пользуясь этимъ временемъ, познакомимся съ хлопцами, нашедшими пріютъ въ школѣ Лысаго: вотъ на верхней лавкѣ, у печки, улегся Лукьянъ Васильевъ Нечитайло, сынъ истаго казака, хло-

¹⁾ Предлагаемый разсказъ, показывая до чего и до кого доходили въ Петровское время обвиненія въ государственномъ преступленіи, даетъ, въ то же время, понятіе о жизни школьниковъ въ южной Россіи. См. вершенныя дѣла Р. Д. Т. К. карт. XXXI, л. № 4.

пець дюжій, болтливый, родомъ онъ изъ города Галича; на десятомъ году отъ роду потерялъ отца, прибрелъ въ Глуховъ и жилъ по разнымъ школамъ „для обученія“; Лукьянъ изучилъ премудрость часослова, умѣлъ подписать свое имя, затѣмъ обученіе шло плохо: шинки, да дивчаты отбивали отъ него грамоту и онъ за-частую со-знавался, что пора ученія прошла для него невозвратно. На другой день Успенья 1722 года, онъ перебрался въ илинскую школу къ дьячку Лысому, съ тѣмъ разумѣется, чтобъ мало „пожѣшкавъ“, перейти въ другую.

Подъ забудыгой Нечитайло, на нижней лавкѣ, спалъ уроженецъ села Сенча, города Лоховца — Игнатій Емельяновъ Кривецкій. Года три тому назадъ, отецъ его, „черкашенинъ“, умеръ — и двадцатилѣтній паренъ сталъ бродить изъ одной школы въ другую „для работы“; грамоту не уразумѣлъ, добрался до Глухова и почти въ одно время съ пріятелемъ своимъ Нечитайло поступилъ къ Лысому.

Противъ печки, на лавкѣ, спалъ хлопецъ Степанъ, а за столомъ въ переднемъ углу, на парадномъ мѣстѣ, улегся гость, лѣтъ пятидесяти, въ рясѣ чернеца. Монахъ, какъ самъ увѣрялъ школь-никовъ и гостепріимнаго Лысаго, пробирался изъ дальнихъ мѣстъ въ Кіевъ на богомолье, по обѣщанію.

Въ смежной горенкѣ вмѣстѣ съ дьячкомъ, директоромъ школы, разлеглись по лавкамъ три школяра: Митрофановъ, Салочниковъ и Григорьевъ. Первый изъ нихъ, Григорій Митрофановъ, изъ города Сурджи, остался послѣ отца трехъ лѣтъ, и когда подросъ, ходилъ по малороссійскимъ хуторамъ, да городамъ, останавливаясь вездѣ, гдѣ только находилъ школу.

Въ школахъ за пристанище, да за пищу, Митрофановъ отправлялъ церковную службу. Лѣтъ пять тому назадъ, онъ явился въ Глуховъ; долго отчитывалъ псалтыри, да часословы въ разныхъ школахъ, толкался по монастырямъ, наконецъ пріютился у Лысаго.

Митрофановъ былъ не столько школяромъ, сколько профессоромъ: его лѣта, а главное — познанія въ церковной грамотѣ, давали ему мѣсто въ ряду наставниковъ въ народныхъ школахъ; такимъ же педагогомъ былъ Никита Григорьевъ, въ настоящій вечеръ сильно захмѣлѣвшій отъ пріятельской попойки и крѣпко спавшій въ горенкѣ Лысаго. Родиной Никиты было село Красное, близъ города Батурина. Онъ долго жилъ при отцѣ-казака и только годъ тому на-задъ пришелъ въ Глуховъ съ тѣмъ, чтобы учить въ школахъ „ма-

лыхъ хлопцевъ“. У Лысаго онъ началъ лекціи съ августа мѣсяца 1722 года. Около того же времени появился у Лысаго — также одинъ изъ членовъ настоящей компаніи — Кипріянь Максимовъ Салочинговъ, „черкашенинъ изъ-подъ Чернигова“, лѣтъ тринадцать тому назадъ потерявшій отца и теперь посвящавшій свои досуги на странствія изъ школы въ школу, изъ монастыря въ монастырь. какъ то дѣлала большая часть его беззаботныхъ товарищей.

Всѣ названные хлопцы-школяры, за исключеніемъ Кривецкаго, настолько ужъ владѣли грамотою, что могли подписывать свои имена, и всѣ читали болѣе или менѣе бойко, разумѣется, книги церковной печати. Познакомившись съ это молодежью, подойдите, пока свѣча еще не погасла, къ Нечитайло: подъ влияніемъ крѣпкаго вина, онъ никакъ не могъ уговориться, ворчалъ, болталъ, крихтѣлъ и, находя верхнюю лавку у печки ложемъ не совсѣмъ покойнымъ, не переставалъ ворочаться съ боку на бокъ. При одномъ изъ такихъ поворотовъ, Нечитайло потерялъ равновѣсіе и кувырнулся внизъ на ноги Кривецкаго.

Толчокъ разбудилъ безграмотнаго школяра.

— „Чего ты не спишь? заговорилъ онъ съ сердцемъ: — кажись время бы ужъ спать?“

— Какое не спишь, бормоталъ полупьяный Лукьянь, карабкаясь на прежнее мѣсто: я упалъ... Э, э, эхъ, продолжалъ онъ „зажартъ“¹⁾, укладываясь на полатахъ: полно мнѣ валяться по школамъ! Или оженюсь, или въ чернецы постригусь! Ей-Богу.

— „Куда-те въ чернецы постригаться, отвѣчалъ Кривецкій: нынѣ есть указъ государевъ. А по тому указу, кто хочетъ постригаться, тотъ послужи на монастырѣ годовъ съ десятокъ, а тогда-де, пожалуй, и постригутъ; да опричь того, сперва-на-перво явиться надо предъ его императорское величество и объявить о себѣ для опросу: не бѣглый ли ты и какого чина; а буде кто не явится, того, по тому указу, разыщутъ“²⁾.

¹⁾ Въ азартѣ.

²⁾ Незадолго до этой бесѣды, 21 мая 1722 года, св. синодъ, по волѣ государя, воспретилъ монахамъ и монахинямъ переходить изъ монастыря въ монастырь; власти не имѣли права безъ указа разрѣшать этотъ переходъ и не должны были принимать къ себѣ приходящихъ, подъ страхомъ жестокаго штрафованія. Въ скоромъ времени повелѣно было переписать всѣхъ монаховъ и монахинь съ тѣмъ, чтобы „отнынѣ впредь никого не постригать, на убыльма-жъ мѣста принимать отставныхъ солдатъ и на строеніе монастырскаго денегъ не давать“.

На упрекъ сотоварища, пьяный Лукьянъ не нашелъ что сказать и скаредною бранью, какъ сказано въ дѣлѣ, „избралъ его величество“.

Скаредная брань вырвалась у Нечитайло громко, свободно, внятно, такъ что, за исключеніемъ школяровъ Никиты и Кипріана, да дьячка Лысаго, вся остальная компанія услышала крупную рѣчь.

Первый отозвался на нее богомольный старецъ Іона. Вечерняя пруршка не вполнѣ смежила его вѣжды...

— Какой тамъ бездѣльникъ, закричалъ чернецъ:—такія неистовыя слова говорить?

Школьники стихли. Всѣ молчали. Лукьянъ уже спалъ.

— Такой ты, да этакой, бранился Іона:—какъ ты смѣешь, вралъ ты этакой, и для чего такія безумныя слова говорить про его императорское величество? Вѣдь за это и голова долой слетитъ, положительно заключилъ старецъ.

Монахъ, дѣйствительно, человѣкъ бывалый, опытный, на своемъ вѣку видѣлъ не одно штрафованіе и собственными ноздрями купилъ эту опытность. Онъ оставилъ ноздри въ рукахъ палача—и это не-пріятное событіе совершилось при слѣдующихъ обстоятельствахъ:

Отецъ его былъ священникомъ близъ Казани, въ Сарайскомъ уѣздѣ, въ селѣ Черемшинѣ, и умеръ въ 1682 году, оставивъ восьмилѣтняго сына Ивана.

Иванъ прожилъ нѣсколько лѣтъ съ матерью; а, скоронивъ ее, ушелъ въ пригородъ Манскъ къ пріятелю своего отца, старшему подъячему Василію Воронову. Иванъ началъ здѣсь службу въ качествѣ молодого подъячаго; служилъ не безъ ловкости и сноровки, такъ что въ скоромъ времени обзавелся собственнымъ дворомъ и полнымъ хозяйствомъ. Счастіе скоро, однако, отвернулось отъ него. Въ іюнѣ 1712 года, поѣхалъ онъ для сбора „конскихъ денегъ“, то есть пошлинъ, въ село Кандалы. Здѣсь, если вѣрить его же разсказу, онъ погрѣшилъ немного: у крестьянина Ивана Самары купилъ платье, вѣдая, что то платье украдено имъ отъ разбойниковъ.

Воръ былъ уличенъ, черезъ него перехватили разбойниковъ, а, наконецъ, добрались и до покупателя подъячаго. Арестанты отправлены въ Казань; долго содержались они при канцеляріи; ихъ допрашивали, пытали и, наконецъ, осудили на разныя наказанія. По тому осужденію, подъячій Иванъ, вынесшій пытку, былъ битъ кнутомъ на площади, лишился ноздрей и назначенъ къ ссылкѣ на каторгу.

Штрафованный имѣлъ милостивцевъ и заступниковъ: не спасши поздравей отъ клещей и спины отъ кнута, онъ спасъ себя, однако, отъ каторги: побилъ онъ челомъ Тихону, митрополиту казанскому, моля его о спасеніи.

Тихонъ принялъ участіе и просилъ губернатора П. М. Апраксина. Иванъ былъ освобожденъ и поспѣшилъ съ благодарностью въ архіерейскій домъ, гдѣ и просилъ не медля постричь его въ монахи. Владыка отправилъ его въ Богородицкую пустынь, отстоящую въ двадцати верстахъ отъ Казани съ „памятью“ (запиской) къ „построителю“ той пустыни, отцу Макарію; въ памяти сдѣлано было распоряженіе о приѣмѣ и постриженіи бывшаго подьячаго.

Иванъ, вмѣстѣ съ рясой, получилъ имя Іоны, но жилъ въ обители не болѣе двухъ лѣтъ, послѣ чего пустился странствовать по Русси; переходилъ изъ города въ городъ, изъ монастыря въ монастырь, кормясь отъ сборовъ на свою обитель, отъ милостыни добротныхъ дателей, и вездѣ находя радушный приѣмъ. Въ маѣ 1722 г., по дорогѣ въ Кіевъ, онъ зашелъ въ Глинскій монастырь, Сѣвскаго уѣзда, отъ Глухова въ двадцати верстахъ. Монахъ и „инквизиторъ“ Сѣвско-Спасакаго монастыря Милетій бесѣдовалъ съ странникомъ и вручилъ ему доносъ на строителя Глинскаго монастыря „въ непослушаніи“, прося передать его кіевскому архіерею. Іона съ удовольствіемъ принялъ порученіе, тѣмъ болѣе, что получилъ за это отъ Милетія подорожную или видъ, который спасалъ отъ могущихъ встрѣтиться задержекъ. Въ силу неоднократныхъ повелѣній государя, бродягъ-монаховъ въ это время хватили чаще и чаще, и тѣмъ труднѣе было чернецамъ скитаться. Придя въ Глуховъ, Іона встрѣтилъ толпу намъ знакомыхъ хлопцевъ; зазвалъ ихъ въ шинокъ; шумно и весело, за чарками, провелъ съ ними вечеръ, а тѣ, въ благодарность, отвели ему ночлегъ въ школѣ дьячка Лысаго.

Такъ судьба привела Іону быть участникомъ разсказанной нами сцены. Какъ человѣкъ, прошедшій огонь и воду, не мудрено, что онъ прервалъ брань Нечитайло и еще разъ напомнилъ: „за это-де и голова долой слетитъ“!

Слова Іоны подняли съ лавки Григорія Митрофанова.

— И впрямь, заговорилъ онъ, выходя изъ сосѣдней горенки: для чего ты, злодѣй Лукьянъ, такіа скаредныя слова про его императорское величество говоришь?

Вмѣшательство товарища не понравилось Степану. Онъ напелъ нужнымъ пугнуть Гришку.

— Тебѣ-то что нужно? заговорилъ онъ, приподнявшись съ лавки и замахиваясь:—ужь ты сейчасъ тутъ доносчикъ. Дадимъ мы тебѣ себя знать, какъ доносить.

Гришка притихъ, стихла и вся компанія.

На утро, только одинъ Митрофановъ ясно помнилъ вчерашнюю бесѣду и уже обдумывалъ доносъ. Остальные, вмѣстѣ съ старцемъ, больше думали какъ бы опохмѣлиться, чѣмъ „о скарденныхъ словахъ“ Нечитайло.

— Эхъ, братцы! хочу я браги испить, заговорилъ старецъ.

— Такъ чего-жъ, отвѣчали Лукьянъ и Григорій Митрофановъ: поидемъ въ шинокъ, тамъ и напьемся.

Сходилин, испили браги и вернулись въ школу.

— А что, братцы, спрашивалъ Іона: кто у васъ „ночесь“ про его императорское величество безчестныя слова говорилъ?

— Вотъ онъ, что съ тобой ходилъ опохмѣлиться, тотъ и говорилъ;—указывалъ на Лукьяна Григорій.

— Нѣтъ, и знать ничего не знаю, никакихъ словъ я не говорилъ.

— Для чего-жъ ты запираешься, уличалъ Григорій. — Вотъ, какъ я пойду, да на тебя о тѣхъ словахъ донесу, такъ всѣмъ бѣда будетъ! Ты, отче Іона, какъ стануть-те спрашивать, и ты въ тѣхъ словахъ не заприся?

— Ступай, донеси, ободрялъ отче:—а я ужь въ тѣхъ словахъ не запрусь.

— Что-жъ ты жить съ нами не будешь, что-ль? вмѣшался Степанъ. Коли ты жить съ нами хочешь, такъ чего-жъ доносить идешь?—Съ этими словами хлопецъ хватилъ раза три доносчика по шеѣ, сбиль съ ногъ и „выбилъ“ его въ дверь. — „Ступай теперь, доноси“!

— Пстой, постой! не унимался Григорій, вновь входя въ школу: я тебя, Степанъ, лихо доведу!

Протестъ Степана поддержали Кипріянъ съ Никитой; хотя они и не слышали вчерашней бесѣды, но, узнавъ о намѣреніи Григорія отправиться съ доносомъ, осыпали его самыми отборными выраженіями.

— Ежели ты доносить идешь,—заключили школяры:—то похватишь ты у насъ кія, сирѣчь палки.

Молодежь горячилась, кричала, и тѣмъ свободнѣе, что директоръ школы, дьячекъ Лысый, ушелъ куда-то по дѣламъ. Брань готова была перейти въ кулаки, но вмѣшался отче Иона, и для успокоенія страстей, предложилъ сходить въ другой шинокъ и испить винца.

Предложеніе было принято, за исключеніемъ Лукьяна, ушедшаго разгуляться на рынокъ; отправились въ шинокъ; протестующіе Степанъ съ Никитой не переставали осыпать Митрофанова бранью, насмѣшками, а Кипріянь приобщилъ нѣсколько тумачковъ.

— Вотъ тебѣ двѣ чарки, сказалъ Иона, угощал Кривецкаго: испей, да ступай въ школу припасать обѣдать, а мы тутъ посподимъ.

Брань да насмѣшки школяровъ не испугали Григорія; онъ еще болѣе на нихъ озлобился.

— Ты-то, доносчикъ! говорили ему товарищи:—погоди, уже мы тебя, доносчика, въ школѣ розгами побьемъ и изъ школы вонъ выгонимъ.

Энергичнѣе всѣхъ говорилъ противъ доноса и доносчика Степанъ; находя слова не вполне убѣдительными, онъ подкрѣплялъ ихъ частыми кулаками и нѣсколько разъ „выбивалъ“ Гришку изъ шинка.

— Будетъ, будетъ вамъ не одному! грозился тотъ каждый разъ, возвращаясь.

Ему отвѣчали прынными выраженіями. „для чего ты насъ, Гришка; такими словами угроживаешь—мы ничего вашего дѣла не знаемъ“!

Въ это время мимо шинка проходилъ капраль. Григорій звалъ его и, чувствуя виномъ, говорилъ: „Хочу я тебѣ сказать слово, и то слово скажу послѣ. Теперь ужъ вамъ нельзя уйти“—продолжалъ онъ, обращаясь къ школьникамъ:—вотъ я пойду солдатамъ объявлю, чтобъ караулили васъ по дорогамъ; буде вы замyslите уйти, такъ за вами погоня будетъ“.

— Что ты грозисься? Мы не боимся, да и не для чего намъ уходить отъ поgonи.

Зазвонили къ обѣднѣ, и школяры Кипріянь съ Никитой пошли въ церковь. На паперти встрѣтили они Лукьяна и передали ему перебранку съ Гришкой.

Между тѣмъ, Гришка уже спѣшилъ съ доносомъ къ бригадирскому двору; встрѣтивши какого-то маіора, онъ объявилъ ему: слово

и дѣло! Маіоръ отрядилъ съ нимъ солдата и послалъ на гаубтвахту приказъ капитану послать людей для поимки школяровъ. Команда изъ шести человекъ, вслѣдъ за извѣтчикомъ, направилась въ школу...

Тамъ стряпаль въ это время Кривецкій и только что пришелъ изъ шинка отче Іона.

— Нельзя ли, братъ, чего поѣсть? говорилъ старецъ.

— Ничего еще не поспѣло, отче.

При этихъ словахъ пришли солдаты и арестовали собесѣдниковъ. Никиту взяли на мосту, онъ попался имъ на встрѣчу. За Кипріяномъ пошли въ церковь св. Іили. Школьникъ пѣлъ на клиросѣ, его свели оттуда, и повели всѣхъ вмѣстѣ въ малороссійскую коллегію.

• Лукьянъ въ это время, по просьбѣ дьякона Протопопко, ходилъ въ загородную церковь Рождества Богородицы (Верегино) за чернецомъ и пономаремъ. Приведа ихъ къ священнику, Лукьянъ завернулъ въ школу. Здѣсь онъ нашелъ только малыхъ хлопцевъ, они учились грамотѣ.

— Гдѣ Кривецкій? спросилъ у нихъ Лукьянъ.

— Приходили сюда солдаты съ Григорьемъ, Кривецкаго и чернеца Іону взяли подъ караулъ и тебя солдаты спрашивали. Сказывали, что Степанъ побранился, да подрался съ Гришкой, такъ и Степана солдаты хотѣли взять, да онъ отъ нихъ ушелъ.

Отвѣтъ мальчиковъ сильно смутилъ Нечитайло. Онъ поспѣшилъ провѣдать: за что именно взять Кривецкій. Не доходя до коллегии, Лукьянъ нагналъ команду съ арестантами. По указаніямъ Григорія и Іоны, его тотчасъ арестовали.

Доносчика, школяровъ и чернеца Іону — всѣхъ шестерыхъ немедленно забили въ колодки въ гетманской караулнѣ и разсажали по казенкамъ.

Григорья спрашивали въ коллегии и тотъ отвѣчалъ: „что имѣть за собой и за взятыми людьми его императорскаго величества слово и дѣло о его величества высокой монаршеской чести“.

Преступленіе было важное, секретное, политическое; ни коллегія, ни ея первенствующій членъ, бригадиръ Вельяминовъ — не смѣли задерживать преступниковъ, и дней черезъ пять, всѣхъ шестерыхъ, въ колодкахъ, подъ конвоемъ, отправили въ Москву. Правительствующій Сенатъ, на основаніи указа, повелѣвавшего рѣшать дѣла, до

чести его величества касающіяся, въ Тайной канцеляріи, 18-го октября 1722 года, препроводилъ туда и колодниковъ, за крѣпкимъ карауломъ, и бригадирское доношеніе.

На другой же день, члены тайнаго судилища, или, какъ ихъ называли въ то время во многихъ бумагахъ: „инъвизиторы“, сняли съ каждаго „преступника“ порознь самыя подробныя допросы.

Изъ показаній допрашиваемыхъ, дополнявшихся одно другимъ, мы узнали тѣ подробности, которыя привели выше. Каждый изъ подсудимыхъ рассказывалъ сперва о собственной жизни, затѣмъ объяснялъ, при какихъ обстоятельствахъ легли они спать за три дня до Покрова (27-го сентября) въ школѣ Лысаго; какъ шла у нихъ вечерняя бесѣда, потомъ утренняя перебранка и, наконецъ, кто и гдѣ былъ арестованъ.

Главный преступникъ Нечитайло покался во всемъ съ перваго же вопроса, не выжидая пытки, которая грозила ему неминуемо, если бы онъ вздумалъ заператься.

— Что показали на меня разспросами Григорій Митрофановъ, Кривецкій и старецъ Іона, винился Лукьянъ:—и въ томъ я передъ его императорскимъ величествомъ приношу вину свою, что его императорское величество я бранилъ скаредною бранью такимъ случаемъ, какъ они показываютъ... А отвѣчалъ ли я что на слова Іоны и Григорія, того не помню, для того, что я былъ пьянъ. И слова тѣ про его императорское величество говорилъ я суще въ пьянствѣ и безпамятствѣ. Мысли же у меня о его императорскомъ величествѣ напредъ сего никогда не бывало, и другихъ таковыхъ, согласныхъ себѣ въ тѣхъ словахъ, никого не знаю“.

Что касается до слушателей Лукьяновыхъ словъ, то Никита съ Кипріяномъ также сослались на то, что были весьма пьяны и ничего не слышали; затѣмъ утреннюю перебранку свою и драку съ Григоріемъ вслѣдствіи старались представить въ болѣе смягченномъ видѣ. Такимъ образомъ, и тотъ и другой запирались въ угрозахъ „бить Григорія розгами и кіемъ, и выгнать его изъ школы“; также Кипріянъ, вопреки доносу послѣдняго, утверждалъ, что не билъ его по щекѣ, а двинулъ въ грудь, да по шеѣ, и то не ради того, чтобъ тотъ не доносилъ на Лукьяна, но по слѣдующему обстоятельству:

„Когда шли они съ старцемъ Іоною въ шинокъ, то я, Кипріянъ, отсталъ отъ нихъ не много. Остановился съ человѣкомъ изъ г. Королевца; искалъ тотъ человѣкъ утерянныхъ листовъ въ лубкѣ. На

меня прикрикнулъ Григорій:—Чего ты отстаешь?—А тебѣ что за дѣло? молвилъ я въ отвѣтъ и толкнулъ его въ грудь, а въ щеку не биваль“.

Столь важныя противорѣчія требовали разъясненія. Извѣтчику Григорію и старцу Іонѣ со школярами Никитой и Кипріяномъ въ спорныхъ рѣчахъ дали очную ставку. Обвиненія были тѣ же; но школяры повинились, что изъ сожалѣнія о Лукьянѣ грозили: извѣтчика бить и кіемъ, и розгами, и изъ школы „выбить“. Затѣмъ, Кипріянъ все-таки остановился на томъ, что двинулъ доносчика не въ щеку, а въ грудь. Ему казалось, что это обстоятельство смягчитъ вину и степень наказанія.

Обстоятельство осталось; однако, нерѣшеннымъ, и все изслѣдованіе окончено въ три дня. 22-го октября 1722 года, тайная канцелярія, въ лицѣ Григорія Скорнякова-Писарева и секретаря Казарина 1) приговорила:

1) Доносчику Григорію Митрофанову за его правый извѣтъ дать жалованья десять рублей, также кормовыя и прогонныя деньги до Петербурга (?), по указу.

2) Школьника Игнатія Кривецкаго отпустить, по прежнему, въ Глуховъ съ паспортомъ, что онъ бранъ былъ только для обличенія по сему дѣлу.

3) Школьниковъ Никиту Григорьева и Кипріяна Максимова отослать при указѣ въ малороссійскую коллегію и учинить на мѣстѣ публичное наказаніе за то, что они заступились за плута Лукьяна, и хотѣли бить Григорія розгами; а Кипріянъ и въ щеку его ударилъ.

4) Школьника Степана, который билъ и бранилъ Григорія за то, что тотъ хотѣлъ донести на Лукьяна, сыскать въ Глуховѣ, или гдѣ надлежитъ; а какъ сыщутъ, и его, Степана, публично наказать, также какъ наказанъ будутъ Никита и Кипріянъ. А по штрафованіи, всѣхъ трехъ выгнать вонъ изъ школы и вѣдѣнія отписать въ тайную канцелярію.

5) Старца Іону для слѣдованія, за какія именно вины учинено было ему наказаніе и сосланъ на каторгу, бѣглый ли онъ съ каторги или прощенный—о всемъ этомъ слѣдовать въ св. синодѣ, а что по слѣдованіи явится, о томъ прислать извѣстіе.

1) Государь былъ въ это время въ Астрахани, а члены тайной канцеляріи въ разныхъ мѣстахъ, по разнымъ дѣламъ.

Наконецъ, б) школьнику Лукьяну Васильеву Нечитайло, за его непристойныя слова, учинить наказаніе: бить кнутомъ нещадно и, вырѣзавъ ноздри, сослать въ вѣчную каторжную работу.

1-го ноября 1722 года, рано утромъ, Нечитайло вывели на Красную площадь.

Его окружили конвойные солдаты; сбѣжалась толпа любопытныхъ зрителей.

„Школьникъ Лукьянъ Васильевъ!—громко прочелъ секретарь:— въ нынѣшнемъ, 1722 году, въ сентябрѣ мѣсяцѣ, въ г. Глуховѣ, въ троицкой школѣ, въ третьемъ часу ночи, говорилъ ты школьнику Игнатію Кривецкому про его императорское величество нѣкоторыя непристойныя слова, о которыхъ ты въ тайной канцеляріи винылся, что тѣ слова говорилъ ты будто въ пьянствѣ.

„И сего октября 22-го дня, его императорское величество указалъ: за тѣ твои непристойныя слова учинить наказаніе: бить тебя кнутомъ нещадно, вырѣзать ноздри и сослать на каторгу, въ вѣчную работу“.

Преступника привязали близъ лобнаго мѣста къ столбамъ, разъ на всегда утвержденнымъ для подобныхъ случаевъ, и казнь началась...

Нечитайло отсчитали тридцать нещадныхъ ударовъ кнутомъ и вынули клещами ноздри.

Такимъ образомъ, не довелось ему выполнить ни одного изъ своихъ задушевныхъ желаній: ни ожениться на красавицѣ-дивчатѣ, ни постричься въ чернецы. Одно неосторожное слово вывело Нечитайло изъ школы: и какая страшная казнь постигла его, какъ оскорбителя чести великаго Преобразователя Россіи!

XVII.

Двойни царицы Натальи ¹⁾.

10-го февраля 1725 года—два мѣсяца спустя послѣ отправки въ Пустозеро двухъ старухъ, Федоры Ивановой и Авдотьи Журавкиной, которыя мужественно вынесли восемь пытокъ со вспаркой горячими вѣликами за нескромно-высказанное желаніе: „побавили-бѣ-де у насъ боярской толщи“ (т. е. поуничтожили-бѣ бояръ) ²⁾,—

¹⁾ Верш. Дѣл. Рос. Дѣл. Тайн. Канц., карт. XXV, № 1, лл. 1—52.

²⁾ См. далѣе разсказъ XXIII.

по той же дорогѣ, на Пустоозеро, провезли новую болтунью... Событіе, доведшее престарѣлую Маримьяну до грустнаго путешествія въ Архангелогородскую губернію, не лишено интереса; въ немъ, какъ и во всѣхъ почти эпизодахъ „слово и дѣло“, мы находимъ любопытныя подробности для исторіи розыскныхъ дѣлъ Тайной Канцеляріи петровскаго времени, новыя черты для обрисовки тогдашнихъ нравовъ, а главное—знакомимся съ толками народа о Преобразователѣ Россіи...

Въ послѣднихъ числахъ декабря 1722 года, въ Кронштадтѣ, у писаря Козьмы Бунина, домашняго секретаря вице-адмирала Сиверса, жена его Варвара Екимовна родила дочь. Еще дня за два, ради этого „натуральнаго“ случая, призвана была въ качествѣ акушерки вдова бывшаго квартирмейстера матросовъ, Маримьяна Андреевна Полозова. Это была словоохотливая старушка, давнишняя знакомая и пріятельница хозяевъ, и Бунинъ почаству проводилъ съ ней время въ болтовнѣ о разныхъ разностяхъ—у одра родильницы... Однажды ночью хозяинъ особенно разговорился; ему сгрустнулось, при мысли о своей небогатой жизни и о томъ, что нужда-де ростетъ по мѣрѣ увеличенія семейства.

— Что мнѣ теперече чинить? говорилъ Бунинъ;—Богъ далъ мнѣ дочь, а чѣмъ сего младенца будетъ крестить? денегъ нѣтъ! Мало хлѣба нынѣ имѣю, нежели (нетолько) денегъ, а его величества денежнаго жалованья не дано еще морскимъ служителямъ за восемь мѣсяцевъ...

Рѣчь перешла на самую персону его царскаго величества:

— Говорятъ, продолжалъ Бунинъ, какъ царица Наталья Кирилловна родила царевну; и въ то время сыскали изъ слободы (Нѣмецкой) младенца мужскаго пола и объявили царю Алексѣю Михайловичу, что двойни-де родились; а тотъ подмѣненный младенецъ—не русскій, но изъ слободы Нѣмецкой. Вы люди старые, болѣе знаете,—правда ли все это?

— Ну, вы живете при начальныхъ людяхъ, отвѣтила уклончиво старушка, вамъ болѣе извѣстно... А что государь лучше жалуетъ иноземцевъ и добрѣе до нихъ, нежели до русскихъ—и то вѣрно; а довелось мнѣ объ этомъ слышать у города Архангельскаго отъ нѣмчина Матиса, что государь-де его императорское величество Петръ Алексѣевичъ—природы не русской. Слышала я все это такимъ образомъ: мужъ мой покойный былъ на службѣ въ Архан-

гельскѣ, и жила я съ нимъ въ томъ городѣ, лѣтъ тому тринадцать назадъ (т. е. въ 1710 году); хаживала я для работы къ агличанину Матису. Прихаживали къ Матису иноземцы и разговаривали то по-нѣмецки, то по-русски. „Дуракъ-де русакъ! говариваль агличанинъ, не вашъ-де государь, а нашъ! вамъ (русскимъ) нѣтъ до него дѣла!...“

Болтовня какого-то Матиса изъ Архангельска, повторенная тринадцать лѣтъ спустя его работницей, даже и въ петровское время, не представляла ничего еще такого, чтобъ подвергнуть ее розыску и прочимъ неприятностямъ допроса съ пристрастіемъ, но зато эта-то именно болтовня старушки и внушила Бунину мысль попытаться счастья добыть денегонокъ; заработать ихъ теперь дѣло казалось легкое, стоило только написать поискунѣе извѣтъ въ словѣ и дѣлѣ!

И вотъ, по зрѣломъ размышленіи въ продолженіе цѣлой недѣли, Бунинъ написалъ доносъ бойкій и размашистый. Онъ былъ составленъ съ замѣчательнымъ искусствомъ: былъ съ необылицей сведены и перепутаны въ немъ какъ нельзя лучше, все сочиненіе, (а извѣтъ Бунина, что можно замѣтить по внимательномъ разсмотрѣніи дѣла, не что иное, какъ сочиненіе), написано языкомъ бойкимъ съ ловкимъ вступленіемъ и краснорѣчивыми замѣчаніями.

Съ этимъ фискальскимъ произведеніемъ, послѣ предварительнаго соглашенія въ показаніяхъ съ женой, Бунинъ явился къ начальнику. Вице-адмиралъ препроводилъ въ государственную Адмиральтейскъ-коллегію какъ Бунина, такъ и оговоренную имъ Маримьяну, — обоихъ „по важному дѣлу, касающемуся ко многому поношенію высочайшей персоны его величества“. Адмиральтейскъ-коллегія была въ этомъ случаѣ не болѣе, какъ посредница между Сиверсомъ и Тайной Канцеляріей; въ нее и отправлены въ тотъ же день колодники „по согласному опредѣленію всей коллегіи—для подлиннаго о дѣлѣ изслѣдованія и надлежащаго о томъ указу“.

Но прежде, нежели и обвинителя, и обвиняемую привезли въ Тайную и посадили въ отдѣльныя казенки „за особыми порознь часовыми, чтобы они ни съ кѣмъ разговоръ не имѣли“, Маримьяна нашла случай шепнуть нѣсколько словъ доносчику. Это было въ то время, когда ихъ обоихъ за карауломъ везли съ Котлина острова.

— По какому дѣлу меня взяли? робко спрашивала Маримьяна, сидя въ свѣтлицѣ, на предшпективѣ, что на устьѣ Невы рѣки, по какому дѣлу меня взяли, развѣ по попову?

— Не свѣдомъ я о томъ, отдѣлывался Бунинъ отъ пытливыхъ разспросовъ.

Дѣйствительно, Маримьяна чувствовала за собой грѣхъ по попову дѣлу. Дѣло состояло въ томъ, что не задолго до болтовни съ Бунинымъ она какъ-то промолвилась одному изъ знакомыхъ ей котлинскихъ поповъ: „какъ вамъ исповѣдываться? вѣдь вы насъ (бабъ) браните к...“, — да тутъ же къ слову, какъ тогда же жаловался попъ отцу протопопу, Маримьяна назвала всѣхъ „поповъ смердовичами“...

Но старуха напрасно опасалась. Бунинъ еще ничего не писалъ о ея поповомъ дѣлѣ; въ его краснорѣчивомъ извѣтѣ разсказъ шель по преимуществу о двойняхъ царицы Натальи.

Вслѣдъ за Андреемъ Ивановичемъ Ушаковымъ пробѣжимъ и мы сочиненіе вице-адмиральскаго писаря:

— „Хотя-бъ въ регламентѣ морскомъ, писалъ Бунинъ, и въ указѣхъ его императорскаго величества о предохраненіи чести и здравія его величества положено не было, то мню, что не стерпитъ человѣческая совѣсть, ежели кто сущій христіанинъ и не нарушитель присяги, въ себѣ заключить, слыша нижеписанныя поношенія противъ персоны его величества, яко же азъ слыша, всенижайше, безъ всякихъ притворовъ, но самую сущею правдою при семъ доношу, оставя въ простоглаголивые страхи во всемилостивѣйшую волю его императорскаго величества“.

Вслѣдъ за этимъ красноглаголивымъ вступленіемъ донощикъ повѣствуетъ о родинахъ жены, о ночной бесѣдѣ съ Маримьяной, причемъ начинаетъ бесѣду съ своей жалобы на бѣдность. На эту жалобу Маримьяна, по увѣренію Бунина, отвѣчала такъ:

— „Когда война была, то вамъ (морскимъ служивымъ) деньги всегда давались безъ задержанія; а нынѣ войны нѣтъ, такъ и денегъ нѣтъ! Да, царя далъ намъ Богъ война: все-бъ ему воевать! Ужъ и то вся чернь отъ войны разворилась; можно-бъ ужъ нынѣ дать людямъ и покой.“

„На слова эти, пишетъ Бунинъ, я отвѣтствовалъ такъ: „что ты, баба, бредишь? сіе не отъ государя, но Богу тако быти соизволившу“. Но она вяще умножила рефлексіи на персону его императорскаго величества, говоря такъ: „сей-де царь не царской крови и не нашего русскаго роду, но нѣмецкаго“. Что мя, продолжаетъ Бунинъ, зѣло устранило и удивило, и понудило немедленно отъ

оной требовать яснаго объ томъ доказательства, видя такую велию причину: что како сему быти мощно? Она же мнѣ рекла: „такое-де сіе учинилось: когда-де блаженныя памяти царь Алексѣй Михайловичъ изволилъ сказать царицѣ Натальѣ Кириловнѣ: уже-де ты родила осмь дочерей, а ежели-де нынѣ паки родишь дочь, то-де велю тебя постричь; а въ то-де время оная царица была чревата ¹⁾. И когда-де случилось ей родить, то-де родила еще дочь, и убоясь-де того гнѣва, велѣла немедленно сыскать младенца мужескаго полу, который въ тѣ часы родился. И въ то-де время посланные не могли нигдѣ такого младенца русскаго сыскать, но сыскали-де у иноземца мальчика, нынѣшняго государя, и объявили-де, будто родились двойни: одинъ мужеска и другой женска полу младенцы. Такъ-то-де его и подмѣнили!“ Что мя, повѣствуетъ далѣе извѣтчикъ, еще болѣе въ страхъ и удивленіе привело, и спросилъ ее паки: — „какіе случаи она вѣдаетъ о семъ“? Она же мнѣ рекла тако: „не-только-де я вѣдаю, вѣдаютъ-де и многіе господа и другіе, но не смѣютъ о семъ говорить. Еще-жъ-де, когда я была у города Архангельскаго, сказывалъ-де мнѣ иноземецъ съ клятвою, что сей-де царь подлинно нашъ (т. е. иноземецъ) природный, и посмотри-де какаятъ отъ него къ намъ будетъ милость; къ тому-жъ-де (и мнѣ сказала), и ты посмотри, кого онъ такъ жалуетъ, что иноземцевъ!“ На что я ей отвѣтствовалъ: „что его величество жалуетъ всѣхъ за вѣрность и за заслуги, не смотря на персоны, кто-бъ какого званія ни былъ“. — Она же мнѣ сказала: „нѣтъ-де, до русскихъ не таковъ, какъ до иностранцевъ“. На что я ей паки сказалъ: „какъ вышесанному случиться можно, ибо былъ у его величества блаженныя и вѣчнодостохвальныя памяти братъ, государь царь Іоаннъ Алексѣевичъ, то како-бъ онъ о семъ не могъ увѣдать? тако-жъ и министры умолчать! а болѣе, что которыхъ за преступленія, по указу его величества, всенародно казнять, како бы и они не могли о семъ изглаголатъ“? Она же, богомерзкая, еще сказала: „братъ-де (т. е. Иванъ Алексѣевичъ) былъ скорбѣнъ, и сего-де не для чего было ему произыскивать, ибо-де (онъ) не хотѣлъ владѣть престоломъ, и при

¹⁾ Народные толки, какъ и всегда, не могли быть точны; не говоря уже о явной угрозы царя Алексѣя царицѣ Натальѣ, даже цифра дѣтей государя не вѣрна. — Алексѣй былъ два раза женатъ: отъ царицы Марьи онъ имѣлъ четыре сына и восемь дочерей, но это отъ первой жены; вторая же Наталья родила ему двухъ дочерей, Наталью и Федосью, и одного только сына, этотъ сынъ былъ — Петръ I.

животѣ-де ему (т. е. Петру) власть свою всю сдалъ; а бояре-де за тѣмъ не смѣютъ говорить, что лишь-де кто на него (Петра) какое зло подумаетъ, то онъ-де тотчасъ и узнаетъ; а коли-бъ не то, то они (т. е. бояре) давно-бъ его уходили“. Объ чемъ я оной еще спросилъ: „почему его величество можетъ (узнать мысль) у чело-вѣка, не видя явнаго дѣла“.—„Онъ-де сему научился“!

„И тако, заключаетъ доносчикъ, отъ оной сіи непотребные разговоры, яко отъ ехидны зло излянный ядъ, слыша, больше не могъ за страхомъ и непотребностію спрашивать, и сказалъ ей тако (чтобъ она больше сего не говорила мнѣ): „вѣдаешь-ли ты, баба, что тебѣ за сіе мало, что голову отсѣкутъ“? Она же мнѣ сказала: „здѣсь-де лишнихъ никого нѣтъ и проносить-де некому“; понеже въ то время только было насъ въ свѣтлицѣ трое: я нижайшій съ женою, да оная, Маримьяна. — И сего ради, видя, что отъ оной сіи вреды могутъ распространяться болѣе, дабы прекратить, я нижайшій... (поспѣшилъ)... донестъ.—Государственной Тайной Канцеляріи, ловко расписывался извѣтчикъ, всенижайшій слуга, обрѣтающій при господинѣ вице-адмиралѣ Сиверсѣ за секретаря, писарь Козьма Бунинъ. С.-Петербургъ, 8 января 1723 г.“

Безъ всякаго сомнѣнія, въ доносѣ была доля правды, но эта часть едва ли значительна; все остальное принадлежитъ фантазіи и бойкому перу вице-адмиральскаго писаря. Такъ, по крайней мѣрѣ, можно думать, видя необыкновенную гладкость, послѣдовательность разсказа, наконецъ, прислушиваясь къ тѣмъ эпитетамъ, рѣзкимъ словамъ насчетъ Маримьяны, которыя какъ будто невольны срывались съ устъ Бунина; все это, сильное и ловкое на бумагѣ—не могло бы быть на дѣлѣ. Обзови онъ старушку „богомерзскую“ и другими „скаредными“ словами—„богомерзская“ естественно остановилась бы, и такимъ образомъ прекратила бы бесѣду прежде, нежели домашній секретарь вице-адмирала закричалъ: „вѣдаешь ли ты, баба, что тебѣ за сіе мало что голову отсѣкутъ“! Баба, какъ видно изъ дѣла, не такъ была глупа, чтобъ самой расточать „непотребныя“ слова предъ челоуѣкомъ, съ перваго же слова ставшимъ предъ ней въ положеніе изобличителя. Съ другой стороны, что изобличеніе во многомъ было ложно, можно догадываться и изъ того, что Бунинъ обошелъ устную, обычную форму тогдашнихъ доносовъ; нѣтъ, онъ не ждетъ, пока рѣчь его будетъ внесена въ протоколъ Тайной Канцеляріи, онъ самъ предъявляетъ ее обточенную, обчищенную, кудре-

вату, съ патетическими обращеніями насчетъ „богомерзской“ старухи. Солгать бойкому писарю-секретарю на бумагѣ было гораздо сподручнѣе... И такъ, мы сомнѣваемся, чтобъ всѣ непристойныя розказни, отнесенныя Бунинимъ къ Маримьянѣ, дѣйствительно принадлежали бы ей: но въ такомъ случаѣ какой же имѣютъ они интересъ: выдуманные Бунинимъ, бродили ли эти нелѣпыя толки въ черни, принадлежали ли они тогдашнему сѣрому народу? Принадлежали—и въ этомъ нѣтъ сомнѣній; объ этомъ свидѣлствуютъ другія дѣла Тайной Канцеляріи, дѣла, именно возникавшія по поводу сомнѣній народа: не выродокъ ли Петръ изъ Нѣмецкой слободы? Бунину стоило только прислушаться къ подобнымъ толкамъ, а они, такъ сказать, носились въ воздухѣ, и свести весь этотъ бредъ, имѣвшій впрочемъ основаніе въ непонятности народу дѣяній Петра, свести эти толки въ одно сочиненіе; вице-адмиральскій писарь, въ чайныя награды, и выполнилъ эту задачу съ немалымъ искусствомъ.

Но наградныя за извѣтъ деньги добывались не однимъ только ловкимъ доносомъ; отъ доносчика требовалось, какъ извѣстно, не меньшей ловкости: закрѣпить доносъ на допросахъ съ пристрастіемъ. Подвергся ли этому пристрастію Бунинъ? Посмотримъ въ дѣлѣ.

Выслушавъ прочитанный ей громогласно доносъ, Маримьяна рассказала объ архангельскомъ говорунѣ агличанинѣ Матисѣ; отчество и прозваніе его она забыла, но слово объ иноземческомъ происхожденіи государя сохранила въ своей памяти въ теченіе тринадцати лѣтъ; что-де Бунинъ, показывала Маримьяна, — то не я, а онъ самъ сталъ выспрашивать о двойняхъ царицы Натальи Кириловны; не отъ меня, а отъ него тѣ слова сперва начались... — „А что государь лучше жалуется иноземцевъ, нежели русскихъ, говорила-ль, непомню; прочихъ же всѣхъ словъ, что въ Козьминѣ доношеніи написаны — не говаривала; въ чемъ подтверждаю себя лишеніемъ живота“.

Очная ставка, данная немедленно, не обнаружила, кто правъ, кто виноватъ: и тотъ, и та остались каждый при своемъ.

Теперь, по обычному вершенію подобныхъ дѣлъ, доносчика слѣдовало бы подѣ кнуть; но напрасно и говорилось всегда въ народѣ: — „на доносчика первый кнутъ“; но хитрый и находчивый, Бунинъ устраняетъ отъ себя подобную неприятность. На другой же день послѣ подачи доноса—онъ проситъ попа для исповѣди. Вовсе не видно, чтобы Бунинъ страдалъ какимъ-либо другимъ недугомъ, кромѣ кнута-

боязни; несмотря на эту, не совсѣмъ важную въ глазахъ инквизиторовъ болѣзнь, — отказу въ священникѣ не было, да и въ другихъ случаяхъ не бывало никогда, такъ какъ исповѣдь служила для судей однимъ изъ средствъ развѣдать истину.

Понятно, что Бунинъ очень хорошо зналъ о томъ, что все сказанное имъ на духу будетъ передано судьямъ; вотъ почему, съ божбой и клятвами, завѣрялъ онъ отца протопопа: „все-де написанное мною вчера на бабу Маримьяну самая истина; учинилъ же я доношеніе на нее безъ всякой страсти и злобы, прямою христіанскою совѣстью, въ чемъ состою непремѣнно, даже до смерти“.

Трудно однако допустить, чтобъ Ушаковъ только ради исповѣди Бунина не повлекъ его въ застѣнокъ; нѣтъ, тутъ безъ сомнѣнія было и желаніе со стороны инквизитора угодить вице-адмиралу, по возможности щадя его секретаря. Въмѣсто него повлекли въ застѣнокъ Маримьяну. Старуха повторила тоже, что говорила и прежде: „рѣчь о царицныхъ двойняхъ началъ самъ Бунинъ, а я-де только говорила про слова нѣмчина Матиса, что сказывалъ онъ въ Архангельскѣ“.

— И въ этихъ словахъ, стонетъ старуха съ дыбы, утверждаюсь... что показалъ на меня Бунинъ... конечно того не говорила... словъ, что слыхала отъ англичанина, ни отъ кого другого еще не слыхала... тѣхъ Матиссовыхъ словъ никому другому, кромѣ Бунина, не сказывала... а гдѣ нынѣ Матисъ, не знаю... отца же духовнаго имѣю котлинскаго попа Петра... на исповѣди была у него... тому три года...

Пытка первая... 11 ударовъ.

Бунинъ долженъ былъ присутствовать при розыскѣ старухой, и чувство самосохраненія не позволило ему признаться въ лживости доношенія.

Посылаютъ въ Синодъ требованіе выслать къ допросу попа Петра съ Котлинскаго острова. Святѣйшій Синодъ спѣшитъ, по обыкновенію, выполнить требованіе Тайной Канцеляріи, и попа привозятъ въ Петербургъ, въ инквизиціонное судилище.

— Оная женка, говорилъ попъ, глядя на старуху, — дочь моя духовная; исповѣдывалъ я ее нынѣ тому третій гдѣ, а по исповѣди приобщена она была святыхъ таинъ, а послѣ того оная женка на исповѣди у меня не бывала, для того, что я былъ въ отлученіи въ Вѣль-городѣ, въ домѣ своемъ.

Подтвержденіе попомъ словъ Маримьяны не спасло послѣднюю отъ истязанія въ другой рядъ.

— Кузьма затѣялъ на меня все напрасно... говоритъ она, вздернутая на виску и повторяя прежнія показанія.

...20 ударовъ.

Твердость Маримьяны можетъ дать худой оборотъ дѣлу для Бунина; и вотъ вице-адмиральскій секретарь спѣшитъ подать дополнительное показаніе:

„Сказывалъ я Маримьянѣ: въ прошлыхъ годахъ, а въ которомъ именно не помню, на Котлинѣ острову какъ его императорское величество изволилъ итти во флотъ, въ то время гулялъ государь на яхтѣ, и при томъ были ея величество государыня императрица Екатерина Алексѣевна и блаженныя памяти царевичъ Алексѣй Петровичъ, да царица Прасковья Федоровна. И его императорское величество прощался и ее, царицу, цѣловалъ и жестоко плакали, знатно-де зѣло Прасковью Федоровну любить и жалуеть“. — „А для того государь ее любить и жалуеть, отвѣчала Маримьяна, по увѣренію Бунина, что онъ, государь, не русской природы и не царской крови. Какъ же ему до невѣстухи быть недобру, коли онъ иноземческаго поколѣнія?...“

Старуха и въ этихъ дополнительныхъ словахъ съ розыску заперлась. Но для насъ все равно, писарю или бабѣ принадлежали толки объ отношеніяхъ царя Петра къ царицѣ Прасковьѣ; важно здѣсь то, что никакое обстоятельство, до высшихъ персонъ относившееся, не ускользало отъ вниманія народа; народъ подмѣтилъ любовь и уваженіе государя къ невѣсткѣ и спспѣшилъ объяснить по своему причину этой любви: „иноземець-де по своему происхожденію, Петръ и любилъ Прасковью за то, что та не отвращалась ни отъ чего иноземнаго“¹⁾.

Между тѣмъ двукратно пытанная старуха, вельми разболѣвшись, испросила отца духовнаго: „все, что я при розыскѣ показала, говоритъ она между прочимъ на исповѣди, и то самая суцная правда; стою въ томъ непремѣнно, даже до смерти“.

Недѣлю спустя Маримьяна, еле живая, вторично проситъ исповѣдника; допросчикъ въ ясѣ не развѣдалъ впрочемъ и на второй исповѣди ничего новаго.

¹⁾ О царицѣ Прасковьѣ, 1664—1723 гг., см. особую нашу книгу. М. С.

Новое берется сообщить Бунинъ: „сверхъ сказаннаго мною, пишеть онъ въ дополненіе, доношу о поповомъ дѣлѣ Маримьяны“, и затѣмъ передаетъ извѣстныя уже намъ выходки старухи противъ котлинскаго попа „въ поношеніи священническаго чина“, о чемъ писарь и просилъ розыскать: „изъ чего можетъ быть, увѣрялъ онъ, что и явится обстоятельнѣе для лучшаго слѣдованія Маримьяновыхъ неправыхъ и непотребныхъ въ христіанской должности поступковъ... А что я прежде сего о семъ не доносилъ, то для того положилъ, просто мня, что сіе дѣло до моего не касается“.

Справки по попову дѣлу, тянувшіеся въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ, не обнаружили ничего особеннаго, и къ допросу призвали наконецъ единственную свидѣтельницу бесѣды. Буннина съ Маримьяной, жену Бунина, Варвару. Долгій непривыкъ ея къ допросу опять таки наводитъ на мысль, что Сиверсъ всячески хлопоталъ за своего секретаря; видимо ободренная заступничествомъ одного изъ „сильныхъ“ — Варвара подтвердила извѣтъ мужа, впрочемъ съ нѣкоторыми варьянтами противъ его доношенія; но на эту рознь не обратили вниманія будто-бы потому, что Варвара послѣ родинъ была больна. На этомъ основаніи ее безъ дальнѣйшихъ распросовъ тотчасъ освободили на росписку отца ея съ обычнымъ заклятіемъ: „о чемъ она спрашивана, о томъ ни съ кѣмъ ей разговоровъ не имѣть подѣ страхомъ смертной казни“.

Что до искалеченной уже пытками Маримьяны, то приведенная въ третій разъ въ застѣнокъ, на очную ставку съ писаремъ, она создавалась въ рѣзкомъ отзывѣ о попахъ, но относительно Бунинскаго доношенія осталась при прежнемъ показаніи; не измѣнялъ разумѣется, своему доносу и самъ Бунинъ. Старуху готовы были потащить на дыбу въ „третій“, но отложили пытку; злополучная женщина чуть была жива...

Бунинъ такъ, наконецъ, и отдѣлался отъ розыска: высидѣвъ шесть мѣсяцевъ въ тюрьмѣ, онъ дождался освобожденія, съ запретомъ впрочемъ отлучаться изъ Петербурга; полгода спустя, вопросъ о томъ отпустить или не отпустить его въ Кронштадтъ, на мѣсто служенія, предоставленъ былъ на разсужденіе Адмиралтейсь-коллегии.

Между тѣмъ объ оговоренной имъ состоялось рѣшеніе: „въ непристойныхъ словахъ розыскивать и пытатъ ее еще накрѣпко, чтобъ показала самую истину, только сіе чинить въ то время, какъ она отъ болѣзни выздоровѣетъ, и о состояніи ея (здоровья) караульному сержанту рапортовать повсядневно“.

8-го декабря 1724 года, по именному указу его величества, отправлены на неисходное пребываніе въ Пустоозеро двѣ старухи Ѳедора да Авдотья, „за важныя непристойныя слова“; пропитаніе имъ предоставлялось имѣть отъ своихъ трудовъ. Та же участь предоставлена была и Маримьянѣ. Тюремное заключеніе не способствовало возстановленію ея силъ; караульные сержанты постоянно рапортовали инквизиторамъ, заботящимся о ея здоровьи, что-де старуха-колодница больна и ходить на костыляхъ. Какъ Петръ Андреевичъ Толстой, такъ и Андрей Ивановичъ Ушаковъ ждали ея выздоровленія довольно терпѣливо: Маримьяна содержалась въ тюрьмѣ два года, съ 26-го января 1723 по 23-е декабря 1724 года. Въ этотъ день Тайная Канцелярія, въ лицѣ своихъ главнѣйшихъ дѣятелей, опредѣлила: „вдову квартирмейстера Полозову, Маримьяну Андрееву, сослать въ ссылку въ Пустоозеро и велѣть ей тамъ быть вѣчно; а вина ея такова: говорила она писарю Бунину весьма важныя непристойныя слова про его императорское величество, о чемъ на нее тотъ писарь доносилъ; а она въ разспросѣ и съ двухъ розысковъ созналась, что изъ означенныхъ словъ говорила Бунину нѣкоторыя слова, токмо не всё“.... Затѣмъ приведена ссылка Маримьяны на слова англичанина Матиса, да улика ее котлинскимъ попомъ въ поношеніи священническаго чина, послѣ чего въ опредѣленіи сказано: „А что 27-го ноября 1723 г., велѣно Маримьяною еще розыскивать и пытать накрѣпко, но токмо ею (послѣ того).... не розыскивано за ея болѣзнію; и нынѣ ею не розыскивать-же, понеже она весьма отъ старости въ здоровьѣ слаба“.... А такъ какъ, по именному его величества указу, отъ 11-го ноября 1724 года, бабы Ѳедора да Авдотья за важныя непристойныя слова, по четырехъ розыскахъ, посланы въ ссылку на Пустоозеро, то и ее, Маримьяну, по силѣ того-же именнаго указу, послать туда-же въ Пустоозеро, въ ссылку; а пропитаніе ей (т. е. искалеченной старухѣ) имѣть отъ своихъ трудовъ, какъ возможно; и отправить за карауломъ отъ гвардіи съ солдатомъ“.

На эту командировку, конвойному солдату и государственной преступницѣ выданы были прогоны на одну ямскую подводу до Москвы; кромѣ того на кормъ старухѣ отпущено было — полтина. Изъ Москвы же она должна была быть отправлена съ новымъ солдатомъ, изъ отставныхъ гвардейцевъ; на пропитаніе отпущено — рубль, всего-же съ прогонами 5 р. 84 коп. съ полушкой; этихъ

денегъ полагалось совершенно достаточно на прокормъ въ теченіе пути отъ Москвы до Пустоозера.

Пустоозерскъ или Пустоозерскій острогъ, куда зачастую ссылали въ то время столь тяжкихъ преступницъ, находится въ Архангельской губерніи, въ Мезенскомъ уѣздѣ, въ 100 верстахъ отъ Ледовитаго моря на Пустомъ озерѣ, соединяющемся истокомъ съ рѣкой Печорою, и заложенъ въ XVI столѣтіи для сбора ясака съ самоѣдовъ. Пустоозерскій острогъ заброшенъ въ страшнѣйшую глушь: отъ него до Мезени 500 верстъ, до Архангельска—1,980, до Москвы—3,253 версты. „Пустоозерскъ, гласитъ старинное описаніе, хотя ни величиною своею, ниже особливимъ какимъ обывателей рукодѣлемъ, или искусствомъ отъ прочихъ не отличается, но есть знаменитѣе другихъ селеній Мезенскаго уѣзда, потому что около онаго находящаяся страна въ древнія времена называлась Югоріею“.... Разумѣется, не ради этого историческаго воспоминанія, а для лучшаго сбора ясака съ дикихъ инородцевъ, здѣсь было довольно долго воеводское правленіе, замѣненное въ началѣ XVIII вѣка комисарствомъ... „Пустоозерскіе жители, по тому-же описанію, по неизмѣннѣ пахатной земли, всегда упражняются въ звѣринныхъ, морскихъ и тундряныхъ промыслахъ и въ рыбной ловлѣ. Здѣшнихъ же жителей хлѣбомъ снабдѣваютъ купцы изъ Соликамска, привозя его по Печорѣ, на каковой путь употребляются отъ 2 до 3 мѣсяцевъ“¹⁾.

Въ этой небогатой столицѣ великой Югорской страны мы и оставимъ нашу старуху.

Что до Бунина, то всё его литературно-фискальскія способности и посильные труды въ дѣлѣ доноса не привели къ вождѣвленному результату: денегъ онъ не получилъ, вѣроятно, потому что старуха созналась въ нѣкоторыхъ, а не во всѣхъ, на нее взведенныхъ словахъ; и все, что было сдѣлано для него, такъ это—два года спустя послѣ начала дѣла, отъ 5-го января 1725 года, Толстой съ Ушаковымъ отписали въ Адмиралтейскъ-Коллегію для вѣдома: „дѣло, о которомъ извѣщалъ Козьма Бунинъ на вдову Маримьяну Полозову въ важномъ государевомъ дѣлѣ—нынѣ рѣшено, а по тому рѣшенію Бунинъ явился свободенъ“.

¹⁾ Шекатовъ «Географич. словарь», т. IV, стр. 1342—1343.

XVIII.

Праздникомъ мы начали, подъ шумокъ праздничнаго веселья и окончимъ настоящій очеркъ. Мы въ городѣ Перелаславлѣ. Предъ нами Даниловская обитель. Зайдемте въ келейку отца Іоакима...

На дворѣ прекрасная декабрская ночь, съ 30 на 31 число 1721 года. Въ кельѣ нѣсколько человѣкъ; всѣ они, какъ русскіе люди, весело провожаютъ праздники—и нѣтъ ничего удивительнаго, что отецъ Іахимъ еще до вечерни послалъ псаломщика Никиту за виномъ на три алтына.

Въ келью собрались отцы Даніиль, Іракліимъ, Ефремъ, Іосафъ, Ефстафій и Маркель. Послѣдніе два, рано утомившись излишнимъ угощеніемъ, крѣпко снали, первый—тутъ-же на лавкѣ, второй ушелъ куда-то въ чуланъ, на дворѣ. Шумно и весело говорило собранье; наконецъ утомились и разлеглись спать. Задули свѣчу. Не спалось отцу Іакиму. Трехъ-алтынная покупка произвела свое дѣйствіе, и вдругъ ему, ни съ того, ни съ сего, пришла мысль спѣть многолѣтіе.

— Благочестивѣйшему, тишайшему, самодержавнѣйшему великому государю нашему, Петру Алексѣевичу—многая лѣта! такъ загремѣлъ отецъ Іахимъ; многолѣтіе подхватилъ Іракліимъ.

— И святѣйшему, правительствующему Синоду, продолжалъ Іахимъ — многая лѣта!

— Многая лѣта! подтянулъ Іракліимъ.

— А ну его... заговорилъ первый.

— Нѣтъ, ты постой, началъ Іракліимъ: для чего-жъ мы о царицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ многолѣтіе не помянули?

— Да она кака-я-жъ намъ царица?—отвѣчалъ Іахимъ... Намъ царица старая, что была... первая супруга царя...

Услыхавъ такое мнѣніе, Іракліимъ благоразумно замѣтилъ: „Что ты врешь!“ оставилъ товарища и „отбѣжалъ въ другое мѣсто“.

— Полно тебѣ тамъ орать, прикрикнулъ на Іакима Даніиль: — пересталь пѣть, да кричать, ложись спать.

Легли спать крикуны, но не легъ отецъ Іосафъ, одинъ изъ свидѣтелей событія. Онъ тихо выбрался изъ темной кельи и поспѣшилъ къ архимандриту Варламу; въ его кельѣ, на единѣ, тайно донесъ Іосафъ о всемъ случившемся. А три дня спустя Варламъ уже передонесъ въ Синодъ; 4-го января 1722 г. всѣ виновные и

свидѣтели были на лицо въ Синодѣ; съ cadaго изъ нихъ порознь сняли допросы ¹⁾).

Отецъ Іахимъ при первомъ показаніи сознался только въ томъ, что онъ весьма шумно провожалъ праздники, что этому не мало способствовала трехъ-алтынная покупка, но многолѣтія никакого и ни съ кѣмъ не пѣвалъ, замѣчанія отъ Іраклима: для чего не поешь многолѣтія Екатерины Алексѣевны, не слышалъ, и ему въ отвѣтъ про государыню ничего не говорилъ. „Въ подтвержденіе словъ моихъ не шлюсь я на Іосафа, говорилъ Іахимъ, для того, что онъ на меня доноситъ, на Іраклима не шлюсь—онъ былъ въ ту ночь весьма шуменъ; я шлюсь на Данила, Ефрема, Евстафія и Маркіана“.

Между тѣмъ пока Іахимъ заперся, его хористъ Іраклимъ сознался во всемъ, указалъ на состояніе, въ какомъ они были оба въ ночь на 31 декабря 1721 г., сообщилъ порядокъ пѣнья многолѣтія, разговоръ по поводу Екатерины Алексѣевны и проч. Затѣмъ тотъ-же Іраклимъ, какъ видно крѣпко струсившій, опровергъ ссылку Іакима на Евстафія и Маркіана: ни тотъ, ни другой ничего не могли слышать, ибо спали крѣпчайшимъ сномъ, первый въ кельѣ, а послѣдній на дворѣ въ чуланѣ.

Разсказъ откровеннаго Іраклима вполне подтвердился показаніями Іосафа, Ефрема и Данила; послѣдніе добавили о рѣзкой выходкѣ Іакима на счетъ Синода, послѣ чего его сотоварищъ отошелъ въ сторону.

Послѣ отбора показаній дана очная ставка Іакиму съ его обвинителями. Улики были такъ ясны и сильны, что обвиняемый поспѣшилъ принести во всемъ вину—и повторилъ все то, что уже было извѣстно изъ показаній его сотоварищей. „А все это, каялся Іахимъ, говорилъ я въ пьянствѣ, понеже въ тотъ-же вечеръ, купя пилъ вино; а въ трезвости ни противныхъ словъ, ни помышленія подобнаго никогда не бывало“.

¹⁾ Невѣжество нашего низшаго духовенства полтораств лѣтъ тому назадъ извѣстно изъ многихъ сочиненій, между прочимъ изъ замѣчательной книги профессора Аф. Прокоп. Щапова: „Русскій расколъ старообрядства“. Казань. Изд. 2-е, 1860 г. Указывая на новые факты, обличающіе печальное состояніе сего сословія въ старое время, взглядъ нашъ отдыхаетъ на мужахъ, составляющихъ украшеніе русской исторіи и исторіи нашего духовнаго образованія. Въ петровское время мы видимъ Дмитрія Ростовскаго, Іова Новгородскаго, Іларіона Суздальскаго, Стефана Яворскаго, Гавріила Бужинскаго, наконецъ Теофана Прокоповича—человѣка громадныхъ недостатковъ, но въ то же время высокаго ума и обширнаго образованія! Имъ обязаны тѣмъ, что въ настоящее время въ низшемъ духовенствѣ мы найдемъ немного недостойныхъ пастырей, которые-бы напоминали 1700-ые года.

За обнаруженіемъ преступленія послѣдовало обнаженіе виновнаго отъ монашескаго чину; вмѣсто Іакина онъ наименованъ именемъ, которое имѣлъ въ бѣльцахъ — Яковъ Венедиктовъ.

Въ одинъ день покончено было духовное изслѣдованіе, совершенъ и духовный судъ; и уже 5 января 1722 г. архіепископъ Θεодосій отправилъ арестанта и при немъ весьма любезное письмо къ Петру Андреевичу Толстому.

Письмо это начиналось словами: „Изящный и превосходительный господинъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ и кавалеръ Петръ Андреевичъ!“ Затѣмъ Θεодосій вкратцѣ излагалъ результатъ дѣла, также послалъ подлинныя разспросы до „его изящества“, „для надлежащаго слѣдованія и учиненія указа (т. е. экзекуціи), понеже оное дѣло надлежитъ до Тайной Канцеляріи; а прочіе іеродіаконы и монахи, чрезъ которыхъ доношеніе и свидѣтельство оный обличился — отданы до указу архимандриту Варламу съ роспискою. О чемъ объявивъ, пребываю вашего изящества всегдашній доброжелатель молитвенникъ, святѣйшаго Свѣта послушникъ Θεодосій, архіепископъ Новгородскій и архимандритъ Александръ-Невскій“.

8 января разстрига Яковъ приведенъ въ застѣнокъ. Онъ во всемъ покаялся, не входя еще въ Тайную Канцелярію. Казалось-бы не о чемъ бы его и спрашивать.

Не такъ думали однако неизмѣнные три дѣятеля кнута да застѣнка — Петръ Толстой, Ушаковъ да Писаревъ. Имъ нужно было знать: почему именно, изъ какихъ видовъ, на какомъ основаніи сказалъ разстрига непристойное слово.

И вотъ плететь допрашиваемый, стоя предъ орудіями пытки:

— „Сказалъ я суще для того, что въ Евангеліи отъ Маттея написано: аще пуститъ мужъ жену и поиметъ иную, прелюбы творить. И эти слова про нея великую государыню императрицу я говорилъ; а въ мысли пришли мнѣ эти слова въ то время, какъ сталъ со мной говорить Іракліимъ о многолѣтствіи ея императорскому величеству. А прежь этого ни съ кѣмъ я такихъ словъ не говорилъ и ни отъ кого не слышалъ; а говорилъ-ли еще что — того не помню, ибо былъ вельми пьянъ“.

Всего сказаннаго было мало — Якова Венедиктова вздернули на дыбу.

Говорилъ онъ тѣ-же рѣчи, — дано 15 ударовъ кнутомъ.

Послѣ двухъ-дневной отдышки новая пытка.

Яковъ говорилъ то-же — дали 25 ударовъ, но фантазіи его этимъ не оживили.

20 января пытали, какъ и слѣдовало по закону, въ третій разъ; истязуемый ни слова не показалъ новаго, его спустили, и не нашли нужнымъ записать число ударовъ.

Приговоръ состоялся 5 февраля 1722 г.: „Якова Венедиктова за непристойныя слова, говоренныя въ пьянствѣ, сослать въ монастырь, по назначенію Синода“. Подписали: Толстой, Ушаковъ и Скорняковъ-Писаревъ.

Проводивъ въ ссылку новаго либерала петровскаго времени, остановимся пока и переведемъ духъ. Предъ нами громаднѣйшій, нескончаемый рядъ подобныхъ дѣлъ, и мы-бы никогда не кончили, еслибы вздумали на основаніи ихъ подымать всѣ политическія преступленія первой четверти XVIII вѣка. А между тѣмъ, кто не согласится съ нами, кто не пожелаетъ, чтобы эти дѣла всѣ, одно за другимъ, явились на свѣтъ божій? Они во многомъ отношеніи проливаютъ свѣтъ на русское общество той переходной эпохи... Толки и разсужденія пьянаго и трезваго русскаго люда знакомятъ насъ со взглядомъ различныхъ сословій на личность Преобразователя, на его супругу, его приближенныхъ, наконецъ на самыя преобразованія...

ХІХ.

Богохульникъ ¹⁾.

Лютыя пытки въ то суровое время какъ-бы порождали людей, способныхъ переносить самыя ужасныя истязанія, природы желѣзныя, которыя сами, очертя голову, какъ-бы напрашивались на рядъ всевозможныхъ мученій. Безъ всякаго повода, нерѣдко безъ особой причины и умысла, эти люди извергали хулу на все святое, бранили земнаго владыку и тѣмъ самымъ дѣлались преступниками первой важности, для которыхъ, по тогдашнимъ законамъ, не могло существовать пощады.

Нельзя сказать, чтобы эти люди всегда были раскольниками, постоянныя преслѣдованія которыхъ невольнo вызывали ожесточеніе.

¹⁾ Вершениы дѣла Р. Д. Т. К., в. XXIII, х. № 15.

Нѣтъ. Предъ нами, напримѣръ, посадскій человѣкъ яицкаго (уральскаго) городка Гурьева, Иванъ Орѣшниковъ. Онъ вовсе не раскольникъ, но ожесточенъ неловко сложившеюся жизнью, неудачами, да можетъ быть и горькимъ пѣниномъ—утѣшителемъ русскаго человѣка.

Въ 1721 году донесъ онъ въ Астрахани на посадскаго человѣка Яковлева, торговца изъ кружевнаго ряда. „Отпускаетъ онъ, говоритъ Орѣшниковъ,—въ Живу, между прочими товарами, свинецъ да порохъ“. Яковлева допросили въ таможнѣ—извѣтъ оказался ложнымъ. Орѣшникова били кнутомъ и сослали на три года въ Гурьевъ.

Здѣсь, среди ссыльныхъ поселенцевъ, естественно нерасположенныхъ къ правительству, новый ссыльный нѣсколько разъ выражался насчетъ высокихъ лицъ и предметовъ въ самыхъ крупныхъ, непристойныхъ выраженіяхъ: поносилъ вѣру, богохульствовалъ и избиривалъ „скаредною бранью“ его царское величество.

Такое поведеніе при крутомъ, неуживчивомъ характерѣ поселенца не могло остаться безнаказаннымъ, и на него посланъ въ Астрахань доносъ „въ богохуленіи и въ невѣжныхъ словахъ противъ высокой чести его царскаго величества“.

Слово и дѣло!

Виновнаго привезли въ маѣ того-же года въ Астрахань, бросили въ тюрьму и, по приказу губернатора Артемія Петровича Волинскаго, пытали въ застѣнкѣ. Орѣшниковъ сознался во всемъ, а Артемій Петровичъ поспѣшилъ препроводить въ Тайную Канцелярію экстрактъ изъ дѣла, съ просьбой учинить резолюцію.

Тѣмъ-временемъ арестантъ сидитъ въ особой казенкѣ, получаетъ кормовыхъ по двѣ деньги въ сутки, и, не видя исходу изъ своего положенія, какъ-бы обезумѣвъ отъ пытки и заточенія, рѣшается на новое преступленіе.

При одной изъ караульныхъ смѣнъ, при сдачѣ, капралъ приказалъ ему встать; Орѣшниковъ отвѣчалъ ругательствомъ, схватилъ капрала за галстухъ, сталъ душить, укусилъ руку, и тутъ-же, при всемъ караулѣ, всячески поносилъ вѣру и царское величество.

Новое преступленіе повлекло за собой новое объясненіе въ застѣнкѣ съ свѣжей пыткой.

Допрашиваемый созналъ себя виновнымъ.

Спустя нѣсколько мѣсяцевъ, Волинскій получилъ изъ Тайной Канцеляріи указъ:—„освидѣтельствовать Орѣшникова посторонними

людьми: не безуменъ-ли онъ? если окажется, что онъ въ здоровомъ умѣ, то его пытать трижды, вывѣдывая, по чьему наущенію онъ говорилъ? оговоренныхъ лицъ пытать на крѣпко-жѣ. А если то онъ учинилъ самъ отъ себя, и зато, въ силу первой статьи I главы Уложенія, казнить его въ Астрахани: „сжечь живаго“.

Артемій Петровичъ не рѣшился однако учинить расправу, и на основаніи высочайшаго указа: всѣхъ, сказывающихъ за собой и за другими слово и дѣло, отсылать въ Преображенскій приказъ либо въ Тайную Канцелярію, — послалъ его въ Петербургъ, подъ строгимъ карауломъ, скованнымъ по рукамъ и по ногамъ. Провожавшему его капитану дано кормовыхъ и прогоновъ отъ Астрахани до Петербурга 5 руб. 13 алтынъ.

Вмѣстѣ съ государемъ и дворомъ, отправившимся въ Москву праздновать Ништадтскій миръ со Швеціей, перевезли сюда важнѣйшихъ колодниковъ Тайной Канцеляріи. Между ними былъ Орѣшниковъ. Судьи при первомъ съ нимъ свиданіи положили: распросить его въ застѣнкѣ подъ пыткой, такъ какъ онъ нѣсколько разъ и въ разное время говорилъ злыя слова о Пресвятой Богородицѣ и про его царское величество.

Человѣкомъ опытнымъ шелъ Орѣшниковъ на дыбу; ему хорошо были знакомы и ремень, туго охватывавшій ноги, и ручной хомутъ, вывертывавшій руки, и бревно, просовывавшееся между ногъ, и кнутъ, столь часто кровавымъ слѣдомъ бороздившій его спину.

— Для чего ты говорилъ тѣ злыя слова? не было-ли у тебя въ тѣхъ словахъ согласниковъ, кого ты знаешь? Скажи безъ утайки.

Надо думать, что пытка была страшная, со всѣми тонкостями: со встряской на дыбѣ, съ ошпариваніемъ спины горячимъ вѣшникомъ, съ растравленіемъ язвъ солью, съ завинчиваніемъ пальцевъ и тому подобное. Орѣшниковъ, изнемогая отъ боли, выкрикивалъ Богъ знаетъ что — все это записывали; но лишь только давали ему отдыхъ, — онъ отпирался отъ своихъ словъ.

— Бранилъ я... Бога... Пресвятую Богородицу... бранилъ его царское величество... 'а съ того сталъ бранить... мысль мнѣ та пришла... въ Гурьевѣ городкѣ... Зимю, предъ сырною недѣлю... въ станишной избѣ... довелось говорить — съ работными людьми... съ Мѣшковымъ, съ Кулюпою, да съ толмачемъ... имя его забылъ... Всѣ три живутъ домами въ томъ городкѣ... Былъ разговоръ... работные люди... скаредно бранили царское величество... послалъ-

де онъ въ Хиву Черкаскаго ¹⁾ и хотъ... бы... де и самъ онъ (царь) пошелъ... было-бы... де и ему тамъ... мѣсто... Всѣ три работные человекъ... также и другіе жители города... всѣ богоотступники... и въ церковь не ходятъ... и я, того ради... злыя слова свои говорилъ...

Дали Орѣшникову перевести духъ—и онъ спѣшилъ сознаться, что тѣхъ людей оговорилъ напрасно: они де ничего подобнаго не говорили.

Снова заговорилъ кнутъ—и истязуемый плететь: „я... еретикъ... богоотступникъ... чернокнижныя письма у меня въ Астрахани... дома, въ коробкѣ“.

Дано 25 ударовъ.

— Нѣтъ, я не еретикъ, не богоотступникъ, заговорилъ несчастный, спущенный съ дыбы,—я ничего того не знаю, а говорилъ все это, не стерпя розыску. Никакихъ ни дѣлъ, ни умыслу противъ здравія его императорскаго величества ни за собой, ни за кѣмъ не знаю.

Прошло недѣли три. Раны стали подживать... Орѣшникова вновь повлекли въ застѣнокъ.

— Хулил я Пресвятую Богородицу, бранилъ его императорское величество, а съ какого умысла—самъ не вѣдаю... да и умыслу не было, ни съ кѣмъ я о томъ не говорилъ... Не еретикъ я... не богоотступникъ...

Было ему—23 удара.

Дальнѣйшія истязанія были-бы дѣломъ совершенно излишнимъ. Судьба колодника была уже рѣшена; но судьи находились въ недоумѣніи по поводу одного обстоятельства, за разрѣшеніемъ котораго обратились въ Синодъ:

— Богохульника Ивана Орѣшникова допускать-ли предъ смертной казнью къ исповѣди и причастію?

— „Ежели онъ кается, отвѣчалъ Синодъ послѣ цѣлаго мѣсяца толковъ и разсужденій по этому поводу,—если кается, то исповѣдовать его искуснымъ священникомъ, по обыкновенію. А буде на исповѣди принесетъ чистое покаяніе, то и причастить“.

Искусный исповѣдникъ, наряженный отъ Синода, былъ Рижскаго

¹⁾ Князь Александръ Бековичъ Черкасскій отправился въ июль 1717 года съ экспедиціею въ Хиву—и тамъ погибъ, вслѣдствіе своей неосторожности. Смотри „Опис. Каспійскаго моря“ Соймонова изд. 1763, стр. 15—27.

корпуса оберъ-іеромонахъ Радышевскій. Отецъ Маркелъ всячески увѣщевалъ заблудшую овцу, употребилъ все искусство для наставленія его на путь истины и добродѣтели. Орѣшниковъ внималъ душе-спасительному слову, каялся въ богохульствѣ и въ невѣжныхъ словахъ противъ высокой чести его императорскаго величества, говоренныхъ вѣ ума, но ничего новаго не прибавилъ къ прежнимъ отвѣтамъ.

— „Приношу во всемъ, говорилъ онъ на духу, — чистое покаяніе, и нынѣ по чистой совѣсти вѣру содержу, какъ христіанинъ, и во св. церковь вѣрую и его величество несомнѣнно почитаю и исповѣди съ причастіемъ несомнѣнно желаю“.

Всѣ желанія переданы были духовникомъ и внесены въ дѣла Тайной Канцеляріи. Онѣ не остались втунѣ.

На другой-же день командированъ былъ новый священникъ. Попробовалъ онъ было еще попытать духовнымъ допросомъ, но не узнавъ ничего новаго, поспѣшилъ напутствовать раба грѣшнаго въ жлзны лучшую, загробную.

Законы, приличные дѣлу, были уже подведены; сдѣланы выписки: изъ Уложенія гл. I ст. 1, на основаніи которой богохульники обрекаются сожженію; гл. II ст. 1: оскорбителей чести царскаго величества казнить смертію; изъ Военскаго Артикула, гл. I арт. 3: богохульнику прожигать языкъ раскаленнымъ желѣзомъ и потомъ отсѣкать голову; арт. 4: поносителей Пречистой Матери Божіей и св. угодниковъ наказывать тѣлесно, либо, по винѣ смотря, отсѣкать имъ суставы, либо вовсе казнить смертію; гл. III арт. 20: у хулителей царскаго величества отсѣкать голову.

Измученный рядомъ всевозможныхъ пытокъ, Орѣшниковъ готовился совсѣмъ уже отдать Богу душу: изъ горла и нижняго прохода, такъ доносили караульные, била у него кровь почасту; однажды течь была такъ сильна и несчастный до того ослабѣлъ, что просилъ священника для новой исповѣди. Внимательные члены тайнаго судилища спѣшили выполнить его просьбу: вновь командировали священника, съ подтвержденіемъ отобрать, буде можно, какія-нибудь свѣжія показанія. Но ничего важнаго, по-крайней-мѣрѣ пригоднаго къ дѣлу, духовный пастырь не провѣдалъ и не могъ выполнить желанія судей. Къ прежнему показанію Орѣшниковъ присоединилъ рассказъ о бывшемъ съ нимъ припадкѣ во время содержанія подъ карауломъ.

— „На этихъ дняхъ, говорилъ арестантъ,—нашло на меня обычное безумство: дралъ я на себѣ рубаху, кусалъ руки, метался и бился, и говорилъ-ли, нѣтъ-ли какія-нибудь непотребныя слова—того не помню, понеже у меня животная, тяжкая болѣзнь. А какъ та болѣзнь меня схватитъ, тогда бываю внѣ ума и что говорю, того не помню. Дѣла-же за собой его императорскаго величества никакого не знаю“.

Объ этомъ припадкѣ, дѣйствительно, въ свое время доносили караульные, причѣмъ согласно свидѣтельствовали, что арестантъ метался, рвался, кусалъ руки и кричалъ: слово и дѣло!

Мѣсяца два спустя, припадокъ повторился...: Удивительно, чего мѣшкали экзекуціей достопочтенные судьи?..

— „Братцы, а братцы! кричалъ колодникъ караульнымъ солдатамъ.—За мной государево слово и дѣло! Вѣдаю я его за астраханскимъ вице-губернаторомъ Иваномъ Кикинымъ. Онъ хочетъ убить его императорское величество! Я это подлинно знаю. Онъ злодѣй! Ведите меня. Я скажу, кому слѣдъ, что для этого посылалъ Кикинъ въ Хиву порохъ да свинець! Донесите, донесите о всемъ этомъ его величеству!“

Караульные трусили—и въ доношеніи обо всемъ случившемся прямо говорили Тайной Канцеляріи: „просимъ мы то наше доношеніе принять, опасаясь, чтобъ намъ отъ такихъ словъ Орѣшникова не пострадать“.

На этотъ разъ судьи не оставили безъ вниманія безпокойнаго Орѣшникова и сняли допросъ, что за причина была его крику и новаго сказыванія за собой государева слова?

— А я ничего не знаю, отвѣчалъ арестантъ:—за Кикинымъ злаго дѣла не вѣдаю; кричалъ-ли, нѣтъ-ли—того не помню.

Были-ли эти припадки слѣдствіями дѣйствительнаго сумасшествія; кричалъ-ли несчастный изъ притвору, въ слабой надеждѣ смягчить тѣмъ наказаніе—неизвѣстно. Извѣстно только то, что смягченія не было, да и не могло быть.

Инквизиторы столько пропустили мимо себя самыхъ разнородныхъ людей, отправляли ихъ на такія наплотѣйшія истязанія и казни, что не могли снисходить ни къ кому. Сердца ихъ были чужды жалости, не вѣдали состраданія; слово отгѣна, либо только смягченіе наказанія—были имъ незнакомы. Да имъ было некогда и разбирать дѣло подробно: при какихъ обстоятельствахъ сказано

то-то, пьянъ-ли былъ человѣкъ, но безуменъ-ли онъ—все едино. Слово сказано, слѣдательно, преступленіе сдѣлано,—а преступнику можетъ-ли быть пощада?

Не для пощады, а для страшной и постоянной кары надъ провинившимися сдѣланы они членами могущественнаго тайнаго судилища!

5 іюня 1722 застало богохульника городка Гурьева въ Москвѣ на Красной-площади, у позорныхъ столбовъ, на помостѣ, среди собравшагося народа. Въ этотъ день рѣшалась его судьба послѣ четырнадцатимѣсячныхъ пересылокъ изъ тюрьмы въ тюрьму, передергиваній съ виски на виску, съ дыбы астраханской на петербургскую, съ петербургской на преображенскую...

— „Иванъ Орѣшниковъ! возгласилъ секретарь, развертывая приговоръ. Въ бытность свою въ Астрахани за карауломъ, на полковомъ казенномъ дворѣ говорилъ ты нѣкоторыя весьма злыя слова противъ Бога, Пресвятой Богородицы и его императорскаго величества. О семъ преступленіи какъ свидѣтели, такъ и самъ ты въ разспросахъ и съ розысковъ показалъ именно. И за тѣ слова надлежало было тебя ежечь, но оной казни его императорское величество тебѣ чинить не указалъ для того, что ты временно не въ твердомъ умѣ бываешь и многожды показывалъ за собою его императорскаго величества слово и дѣло, а какъ придешь въ память, то тѣхъ словъ ничего не показывалъ, объявляя, что все говорилъ внѣ памяти. А вмѣсто жженія тебя живаго, государь всемилостивѣйше повелѣтъ соизволилъ учинить тебѣ, Орѣшникову, смертную казнь — отсѣчь голову“.

Палачъ приблизился къ жертвѣ... Разорвана рубашка, шея оголена, голова пригнута къ плахѣ; сверкнулъ топоръ—и обезглавленный трущъ тихо скатился на помостъ...

Тѣло лежало на площади два дня; послѣ чего Тайная Канцелярiя позаботилась отправить его для погребенія въ убогій домъ за Петровскими воротами, къ Воздвиженской церкви. При этой посылкѣ Тайная Канцелярiя въ особой отписи успокоивала мѣстнаго іерея, чтобъ онъ хоронилъ безбоязно по чину, для того, что казненный и исповѣдывался, и причащался святыхъ таинъ.

Бросимте горсть земли на гробъ преступника, искупившаго свою вину или заключившему душевный недугъ страшнымъ тюремнымъ заточеніемъ и рядомъ пяти или шести пытокъ, на которыхъ онъ долженъ былъ вынести около полутораста нещадныхъ кнутовыхъ

ударовъ.—Проводимъ его грѣбное тѣло въ могилу вздохомъ сожалѣнія и—переведемте, переведемте духъ.

Аресты... допросы... тюрьмы... дыба... кнутъ... клещи... жженіе живыхъ... плаха... стоны... вопли... мольбы о пощадѣ... и всюду кровь, кровь и кровь!...

2-го февраля 1861 г.
Спб.

XX.

К и к и м о р а ¹⁾.

Вечеромъ, 8-го декабря 1722 г., не безъ страха и смущенія сталъ солдатъ Даниловъ на караулъ къ соборной церкви, во имя животворящей Троицы, что на Петербургской сторонѣ. Страхъ и смущеніе часоваго были понятны: въ городѣ ходили толки о томъ, что недѣли три тому назадъ въ церковной трапезѣ стучалъ и бѣгалъ невидимый духъ... То не были сказки, такъ толковали въ городѣ, нѣсколько часовыхъ солдатъ сами слышали этотъ стукъ: то кто-то бѣгалъ по трапезѣ, то что-то стремглавъ падало. Соборный псаломщикъ Максимовъ положительно увѣрялъ, что стукъ нѣсколько разъ повторялся; рассказчикъ ссылался на солдата Зиновьева и солдатъ поддерживалъ псаломщика.

— „Состоялъ я въ караулъ при соборной Троицкой церкви, говорилъ Зиновьевъ, съ самыхъ Петровокъ 1722 г., по зимняго Николу 1723 г., и недѣли этакъ за три до Николина дня, ночью, подлинно довелось мнѣ слышать превеликой стукъ въ трапезѣ; побѣжалъ я въ камору, разбудилъ псаломщика и солдатъ караульныхъ, и въ то время въ трапезѣ застучало опять такъ, яко бы кто упалъ“.

Всѣ эти рассказы не могли не пугать простодушныхъ, и можно себѣ представить, съ какою боязнью прислушивался новый караульный собора къ каждому звуку.

Однако, ночь на 9-е декабря 1722 г. проходила спокойно; предъ часовымъ лежала пустая площадь; въ австеріяхъ и вольныхъ

¹⁾ „Верш. дѣла Розыск. дѣлъ Тайн. Канцел.“, картонъ VII, дѣло № 16-й, лл. 1—13.

домахъ (тогдашнихъ трактирахъ и кабакахъ) потухли огни, умолкли брань и пѣсни бражниковъ, и на соборной колокольнѣ „ординарные часы“ глухо прогудѣли полночь ¹⁾.

Еще послѣдній ударъ часоваго колокола не успѣлъ замереть въ морозномъ воздухѣ, какъ Даниловъ съ ужасомъ слышалъ странные звуки. По деревянной лѣстницѣ, въ колокольнѣ, кто-то бѣгалъ; ступени дрожали подъ тяжелыми шагами, привидѣніе перебрасывало съ мѣста на мѣсто разныя вещи... „Великій стукъ съ жестокимъ страхомъ, подобіемъ бѣганія“ то умолкалъ, то снова начинался... Такъ продолжалось съ часъ... Испуганный часовой не оставилъ своего поста, онъ дождался заутреи, но за то лишь только явился Дмитрій Матвѣевъ благовѣститъ, солдатъ поспѣшилъ ему передать о слышанномъ.

Дмитрій сталъ оглядывать колокольню и скоро усмотрѣлъ, что стремянка-лѣстница, по которой карабкались обыкновенно для осмотра въ самымъ верхнимъ колоколамъ, оторвана и брошена на-земь; „порозжі“ канатъ перенесенъ съ одного мѣста на другое, наконецъ, веревка, спущенная для благовѣсту въ церковь съ нижняго конца на трапезѣ, на прикладѣ обернута вчетверо.

Псаломщикъ передалъ о видѣнномъ и слышанномъ всему соборному причту; утренняя и обѣдня проведены были въ толкахъ о странномъ привидѣніи.

— Никто другой, какъ кикимора, говорилъ попъ Герасимъ Титовъ, относясь къ дьякону Фодосѣеву.

Тотъ расходился въ мнѣніяхъ по этому предмету: „не кикимора, говорилъ онъ,—а возится въ той трапезѣ... чортъ“...

Между тѣмъ, служба идетъ своимъ чередомъ; знакомый уже намъ псаломщикъ толкается въ народѣ съ кошелькомъ въ рукахъ и звонкомъ напоминаетъ православнымъ о посильныхъ даяніяхъ на церковь Божию. Отзвонивши, онъ входитъ въ алтарь и застаётъ іереевъ и дьякона, бесѣдующихъ о той же кикиморѣ.

— Что-жь, съ чего возиться-то чорту въ трапезѣ?

— Да вотъ съ чего возиться въ ней чорту... Санкт-Петербурху пустѣть будетъ.

Дѣло получаетъ огласку.

¹⁾ На Троицкую колокольню перевезены были часы изъ Москвы съ Сухаревой башни въ 1720 г. Пушкаревъ, Описаніе Петерб., I, стр. 166.

— Что у васъ за черти возьмется? спрашиваетъ протопопъ Симеоновъ попа Титова.

— „Не знаю, отвѣчаетъ тотъ, не знаю, самъ не слыхалъ, а вотъ сказываетъ псаломщикъ“... и слѣдуютъ затѣмъ подробности о таинственномъ явленіи.

— Пожалуй, что и впрямь кикимора, замѣчаетъ протопопъ.

— „Питербурху, Питербурху пустѣть будетъ“, вмѣшивается отецъ дьяконъ.

— Полно тебѣ врать! кричитъ на неосторожнаго толкователя отецъ протопопъ.

И вотъ молва о томъ, что объявилась-де на Троицкой колокольнѣ кикимора, не къ добру-де она, Питербурхъ запустѣтъ, электрическою искрою пробѣжала по площадямъ и задворкамъ столицы. Болтовня іереевъ вызвала въ черни „непристойные разговоры“ и попечительное правительство (государь былъ въ то время въ Москвѣ) спѣшило зажать рты говорунамъ.

Синодъ свѣдалъ о кикиморѣ отъ своего ассессора, троицаго протопопа; его преподобіе къ извѣстію о кикиморѣ долгомъ почель присоединить и замѣчанія, которыя были высказаны по этому поводу попомъ и діакономъ. Замѣчаніе послѣдняго особенно было преступно—слово и дѣло! и преступниковъ приглашаютъ къ объясненію; оно началось съ разсказа псаломщика. обстоятельно передавъ св. Синоду о видѣнномъ и слышанномъ, Матвѣевъ заключилъ обычнымъ призывомъ на свою голову царскаго гнѣва, буде сказалъ что ложно, а о чемъ допрашивали, о томъ обѣщался никому не сказывать, подъ лишеніемъ живота. За нимъ дьяконъ съ полной искренностью сознавался въ нескромномъ толкованіи событія.

— Съ чего-жъ ты это толковалъ?

— „А толковалъ съ простоты своея, въ такой силѣ: понеже-де императорскаго величества при С.-Питербурхѣ не обрѣтается, и прочіе выѣзжаютъ, такъ Питербурхъ и пустѣтъ“.

— Не имѣлъ ли ты съ кѣмъ вымыслу о пустотѣ Питербурха?

— „О пустотѣ С.-Питербурха вымыслу я, дьяконъ, ни отъ кого не слыхалъ, и о себѣ того не знаю“.

Главное, что особенно интересовало членовъ синодальнаго судилища: не было ли-де вымыслу на запустѣніе тѣмъ либо инымъ способомъ любимаго созданія монарха.

Вымыселъ, впрочемъ, за отцемъ дьякономъ не объявился; по

крайней мѣрѣ его не оказалось изъ отвѣтовъ пона Титова. Соборный псаломщикъ, наконецъ, караульный солдатъ—все были допрошены порознь, съ обычными пріемами, все толковали о кикиморѣ и ничего о вымыслѣ на запустѣніе Петра-бурха.

Разказчика-псаломщика заарестовали, но отца дьякона отпустили, до окончательнаго вершенія дѣла, на „знатную росписку“ нѣсколькихъ церковниковъ и типографскихъ справщиковъ; такого рода снисхожденіе дѣлалось ради того, что при Троицкомъ соборѣ обрѣтался одинъ діаконъ, а дни наступали „знатныхъ господскихъ праздниковъ Рождества Христова“. Не трудно представить, съ какими чувствами долженъ былъ праздновать Рождество неосторожный діаконъ: застѣнки Петропавловской крѣпости были отъ него такъ близки, и онъ хорошо зналъ, что какъ туда, такъ и оттуда на эшафотъ, подъ кнутъ, да клещи, всего чаще вело единое „неприличное“ слово...

XXI.

Шведъ-вѣдунъ ¹⁾.

Въ то время, когда кикимора шалить по ночамъ на Троицкой колокольнѣ, а отецъ діаконъ возсылаетъ теплыя мольбы: да пройдетъ грозная туча, имъ самимъ на себя накликаемая, въ это время, въ вольномъ домѣ ²⁾ на Выборгской сторонѣ, въ приходѣ Самсона страннопрімца, пляшутъ, поютъ, играютъ и болтаютъ веселые гости у радушнаго Питера Вилькина...

Но прежде нежели подслушаемъ ихъ болтовню, познакомимся съ хозяиномъ заведенія.

Питеръ Юрьевичъ Вилькинъ, природы шведской, вѣры лютерской, родился въ Ригѣ и занимался торговлею; въ 1708 году, въ качествѣ маркитанта, послѣдовалъ онъ за отрядомъ генерала Левенгаупта и въ баталіи подъ Лѣснымъ попался въ плѣнъ. Положеніе шведскихъ плѣнныхъ въ московскомъ государствѣ было неза-

¹⁾ Верш. дѣла Розыск. дѣлъ Тайн. Канцел. Карг. VII, л. № 15-й, лл. 1—24.

²⁾ Во времена Петра вольные дома заиѣняли прежнія водочныя кружала; вывѣски вольныхъ домовъ гласили такъ: „Казенный питьевой домъ“. Цѣловальники сначала выбирались изъ иногороднаго купчества, потомъ изъ старообрядцевъ и только послѣ этихъ опытовъ найдено было, что вовсе не зазорно допускать въ содержатели вольныхъ домовъ столичныхъ купцовъ. Рубанъ. Описаніе Петерб., 1779 г., стр. 152.

видно. Петръ считалъ вполне справедливымъ вымѣщать на нихъ тяжесть содержанія русскихъ плѣнныхъ въ Стокгольмѣ; шведовъ держали въ тюрьмахъ, нерѣдко въ оковахъ, наконецъ, толпами ссылали въ Сибирь, въ тяжелыя работы. Не многіе спасались тѣмъ, что находили среди вельможъ милостивцевъ; тѣ брали ихъ на свой страхъ и въ свое, разумѣется, услуженіе. Вилькинъ взятъ былъ въ казначеп графомъ Андреемъ Апраксиннымъ. Подержавъ казначея довольно время, графъ передалъ его купецкому человѣку, агличанину Горцыну, въ качествѣ прикащика. Только по простествіи шести лѣтъ Вилькинъ освободился отъ обязательной службы и занялся браковкой юфти и содержаніемъ вольныхъ домовъ.

Въ одномъ изъ нихъ, на Выборгской сторонѣ, мы застаемъ особенно веселую „вечеринку“, 15-го января 1723 года. Множество гостей, откармливаемыхъ хозяиномъ, усаждались пѣніемъ и игрой на гусляхъ и скрипичѣ Рубана, Чайки и Лещинскаго, императрицыныхъ пѣвчихъ. Поздно ночью разбрелись гости, но пѣвчіе, опоенные до положенія ризъ, заночевали.

На другой день, за утреннимъ чаемъ, музыканты вновь стали тѣшить хозяина игрой да пѣніемъ; Вилькинъ, подъ влияніемъ ли музыкальной мелодіи, или со вчерашняго похмѣлья, пустился въ задушевную болтовню.

— „Болятъ у меня ноги, жаловался Чайка, — есть на нихъ раны; хотя я, какъ пошелъ нынѣ на стужу, обертѣлъ ноги тряпичками“.

— Недолго-жъ, недолго тебѣ жить, говорилъ хозяинъ, стоя за столомъ и глядя на пѣвчаго, — признаваю я, что проживешь ты всего только годъ, много три, понеже лицо у тебя пухлое, къ тому-жъ на ногахъ есть раны; а буде три года проживешь, то станешь долго жить.

Музыканты перестали играть.

— Врешь ты, замѣтилъ одинъ изъ нихъ, — врешь; почему ты знаешь, сколько кому прожить?

— „Вѣдаю я съ того, отвѣчалъ Вилькинъ, — какъ былъ боленъ на почтовомъ дворѣ иноземецъ, купецкой человѣкъ Дистерваль. Къ опому больному сошлись я, да лекарь Роткинъ. Я лекаря спрашивалъ: будетъ-ли живъ тотъ иноземецъ? и лекарь молвилъ: а Богъ-де знаетъ! А на тѣ слова молвилъ я: смотри-жъ, какъ у больнаго животъ поднимается, знатно у него уже сердце повредилось, а потому болѣе трехъ часовъ жить не будетъ. И такъ, болящій по

трехъ часѣхъ умеръ... А сколько лѣтъ императорскому величеству? внезапно спросилъ Вилькинъ.

— Пятьдесятъ четыре.

— „Много; много ему лѣтъ, молвилъ въ отвѣтъ шведъ,—а вишь непрестанно онъ въ трудахъ пребываетъ; надобно ему нынѣ покой имѣть; а ежели и впредь, продолжалъ Вилькинъ, въ такихъ уже трудѣхъ станеть обращаться, и паки такую же болѣзнью занеможеть, какъ четыре года тому назадъ въ С.-Петербургѣ былъ боленъ, то болѣе трехъ лѣтъ не будетъ его жизни“.

Заслышавъ „непотребныя“ слова, испуганные музыканты поспѣшно встали, завернули инструменты и послали за извозчикомъ. Присмотря ихъ страхъ и суетливость, Вилькинъ началъ съ Чайкою „отъ книгъ разговоры имѣть“.

— Врешь ты все, дуракъ! изругали хозяйина испуганные музыканты.

Вилькинъ же смѣшилъ увѣрить ихъ, что его предсказанія не отъ дурости: „который человекъ родился на Рождество Христово, увѣрялъ шведъ, или на Пасху въ полночи, и тотъ, какъ выростеть, можетъ видѣть діавола и станеть признавать, сколько кому лѣтъ жить; самъ я, напримѣръ, проживу лѣтъ съ десять“... и пошелъ говорить отъ библіи.

— „Я библіи не читывалъ“, отдѣлывался Чайка.

— Полно тебѣ съ нимъ и говорить-то, останавливалъ Чайку его товарищъ Рубанъ.

Рубанъ рѣшительно струсилъ. Казалось, Тайная Канцелярія выросла предъ его умственнымъ взоромъ со всеми своими принадлежностями, а прежде всего съ любезнымъ генераломъ заплочныхъ мастеровъ—Андреемъ Ивановичемъ Ушаковымъ. Двѣнадцать бутылокъ ренскаго, выданныя Вилькинымъ въ подарокъ пѣвчимъ, ни мало не залили страха и смущенія Рубана.

Дня два спустя послѣ гульливой вечеринки, онъ уже стоитъ предъ Мошковымъ ¹⁾, своимъ непосредственнымъ начальникомъ, и заявляетъ за собою грозное: слово и дѣло! Не корысть, а чувство сохраненія собственной спины отъ розыска вызывало извѣтъ пѣвчаго.

То же чувство заставляетъ Мошкова того жъ часа, какъ явился

¹⁾ Въдалъ весь придворный штатъ высочайшаго двора, былъ нѣчто въ родѣ нынѣшняго министра императорскаго двора. Мошковъ переулочекъ—отъ Конюшеннаго моста до набережной—напоминаеть объ этомъ домоправителѣ Петра Великаго.

предъ нимъ извѣтчикъ, препроводить его въ Тайную, безъ всякихъ разспросовъ.

И только Тайная начинаетъ дѣйствовать обычнымъ въ то время порядкомъ: отрядъ солдатъ съ извѣтчикомъ или языкомъ командированъ арестовать нѣмчина-болтуна подъ крѣпкой караулъ.

— „И во всѣхъ тѣхъ непотребныхъ словахъ Вилькина про его императорское величество шлюсь я, заканчивалъ показанье языкъ, — шлюсь на своихъ товарищей, что и они все то слышали. Въ правомъ же своемъ показаніи на Питера подписуюсь подъ лишеніемъ живота безъ пощады, ежели я какой ради страсти да ложно доношу“.

Животомъ своимъ (т. е. жизнью) Рубанъ, однако, не рисковалъ, такъ какъ товарищи почти слово отъ слова повторили его показанія. За то была маленькая рознь съ ними въ отвѣтъ вѣдуншведа.

— Сказывалъ я все то пѣвчимъ, объяснялъ Вилькинъ, — въ такую силу, что могу я отчасти признавать болящихъ. Лѣтъ тому съ двадцать, въ Ригѣ учился я такой наукѣ признавать чрезъ человѣческіе признаки, сколько кому жить и много-ль будетъ у кого дѣтей и о прочемъ къ гадательству. А говорилъ я, по тѣмъ человѣческимъ признакамъ, что государю болѣе жизни его не будетъ, какъ лѣтъ десять“.

Такимъ образомъ, шведъ-вѣдунъ, въ надеждѣ, если не вполне избыть, то, по крайней мѣрѣ, значительно облегчить свое наказаніе, накинулъ жизни императору Петру Алексѣевичу лишку семь лѣтъ.

Слѣдователи не могли удовольствоваться ни этою прибавкою, ни ссылкой подсудимаго на какіе-то „человѣческіе признаки“; они рѣшительно требовали, чтобы тотъ объяснилъ: на какомъ знаніи пророчить онъ столь мало жизни государю?

— „Съ того знанія, отвѣчалъ вѣдунъ, что когда его величество, года тому съ четыре, былъ боленъ и о то время всѣ докторы и лекари отъ него не отлучались, и между собою имѣли коллегіумъ, на которомъ и учинили приговоръ: которыя нынѣ его величеству лекарства отъ болѣзни пользу учинили, а впредь буде государю прилучится наки такая болѣзнь, то уже тѣ лекарства его пользоваться не будутъ для его великихъ трудовъ и безпокойствъ, и оттого можетъ чрезъ десять лѣтъ жизнь его скончатъ. Объ этомъ конспіумъ сказывали мнѣ лекаря государыни, Раткинъ да Лейнъ.“

А чтобъ только три года жить его императорскому величеству, такихъ словъ я, Питеръ, не говариваль“.

Очная ставка только и могла разрѣшить столь важное противорѣчіе: сколько лѣтъ предсказатель давалъ на прожитіе его императорскому величеству: десять или только три года?

— „Молвилъ я, или нѣтъ, колеблется на очной ставкѣ шведъ-вѣдунъ,—что государю только три года жить, конечно, не говариваль“.

Преступность его въ глазахъ инквизиторовъ растетъ; цѣлая коммисія, по указу его императорскаго величества и по приказу канцеляріи Тайныхъ дѣлъ, отправляется на Выборгскую сторону, перерываетъ все добро шведа, запечатываетъ шкафы, ящики, амбары, даже погреба и кладовыя съ сельдами и красными напитками; все это отдается подъ караулъ, стаскиваютъ въ одну кучу весь бумажный хламъ, разбираютъ его, силятся найти въ немъ что-нибудь злокозненное и преступное „въ государственномъ важномъ дѣлѣ“. Наконецъ, такъ какъ бѣольшая часть переписки хозяина велась на нѣмецкомъ языкѣ, то Тайная Канцелярія выписываетъ для ея разборки особаго переводчика изъ Свюда.

Какъ мы ни стараемся стать на ту почву, на которой стояли дѣятели петровскихъ застѣнковъ, какъ ни стараемся воссоздать въ своемъ воображеніи тѣ обстоятельства, среди которыхъ они дѣйствовали, рѣшительно не можемъ разрѣшить вопроса: съ какихъ побужденій, для какихъ цѣлей инквизиторы вдавались въ самыя мелочныя, зачастую совершенно ребяческія разслѣдованія. Разслѣдованія эти касались такого дѣла, которое людямъ мало-мальски толковымъ, а Петръ Андреевичъ Толстой и Андрей Ивановичъ Ушаковъ были далеко не глупы, съ перваго же раза должны были представиться въ настоящемъ своемъ ничтожествѣ. А между тѣмъ, эти отъ природы умные люди влекутъ всѣхъ и каждаго къ допросамъ и передопросамъ, пишутъ инструкціи, требуютъ справокъ и объясненій отъ разныхъ учрежденій, плодятъ переписку, словомъ, бьются и хлопочутъ, повидимому, Богъ-знаетъ изъ чего. Да, но это только повидимому: всѣ эти распоряженія, старательно выполняемыя, клонились къ одному: являть предъ недовѣрчивымъ и подозрительнымъ императоромъ Петромъ какъ можно больше усердія и преданности его особѣ. Отличія, земли, крестьянскія души были щедрыми вознагражденіями за скромныя и поспільныя труды вѣрныхъ холопей.

Обратимся однако къ нашему вѣдуну. Дѣло его ясно: шведъ Вилькинъ — болтунъ, не совсѣмъ удачно разболтавшійся; сознание въ проступкѣ почти полное; казалось-бы, что за справки, къ чему онѣ?

Но нѣтъ: идетъ переписка о томъ, гдѣ обрѣтаются доктора Раткинъ и Лейнъ? Оказывается, что первый отпущенъ, за старостью лѣтъ, за границу, втораго-же не существуетъ, но есть вмѣсто него Гейнъ.

— Не Гейнъ-ли? спрашиваютъ судьи.

— „Дѣйствительно такъ: докторъ, про котораго я говорилъ, не Лейнъ, а Гейнъ“.

Идутъ справки, запросы и отписки—гдѣ обрѣтается Гейнъ? Онъ лежитъ при смерти въ Москвѣ и отвѣтитъ на какой либо запросъ не въ состояніи. Тайный трибуналъ, скорбя объ этомъ, посылаетъ государю обычный всеподданнѣйшій экстрактъ изъ дѣла.

Нѣсколько мѣсяцевъ томятся въ казематахъ шведъ-вѣдунъ и соборный псаломщикъ; къ нимъ присоединяютъ и Троицкаго діакона, толковавшаго о кикиморѣ.

По минованіи большихъ праздниковъ, отца-діакона отлучили отъ священнослуженія и препроводили въ Петропавловскую крѣпость.

Только на четвертомъ мѣсяцѣ—12-го апрѣля 1723 года—дѣла и шведа-вѣдуна, и діакона, чающаго запусѣнія Питербурха, вершены государемъ и, по его обычаю, вершены крутенъко:

— „Иноземца Питера Вилькина за то, что при другихъ словахъ говорилъ про его императорское величество: ему-де болѣе трехъ лѣтъ не пережить и за тѣ слова непотребныя учинить наказанье: бить батоги нещадно и отпустить съ запискою: бить нещадно и свободенъ по всемилостивѣйшему указу.

— „А дьякона Троицкаго собора Ѳедосѣева, за непристойныя слова: „пустѣть-де С.-Питербурху“ послать на три года въ каторжную работу, чтобъ на то смотря, впредь другимъ такихъ непотребныхъ словъ говорить было неповадно“.

Продолжала-ли возиться на колокольнѣ кикимора—изъ подлиннаго дѣла не видно, но великій императоръ и впрямь скончался на третьемъ послѣ того году—почти такъ, какъ о томъ предсказалъ шведъ-вѣдунъ.

XXII.

Колодникъ ¹⁾.

Шалости кикиморы на Троицкой колокольнѣ, послуживши пищей многихъ „непристойныхъ разговоровъ“ въ петербургской черни, — послужили поводомъ къ гибели не одного только дьякона Федосѣева.

Кикимора доконала одного изъ колодниковъ Петропавловской крѣпости.

Камкинъ давно уже шелъ къ погибели. Дворовый одного изъ аристократовъ, молодой паренъ, онъ взятъ былъ въ солдаты. Четырнадцать лѣтъ теръ онъ лямку, вынося всѣ трудности и лишенія походовъ и битвъ въ низовыхъ городахъ Россіи. Это былъ солдатъ старательный, смысленный и способный; онъ выучился, между прочимъ, токарному мастерству, но этимъ не избавился отъ безвыходнаго положенія вѣчнаго работника. Его, какъ способнаго мастера, препроводили въ столицу, въ адмиралтейство, къ блочному дѣлу, и здѣсь началась для него еще бдльшая страда.

Камкинъ не устоялъ и паль... Ничтожный проступокъ, затѣмъ первое взысканіе толкали и толкали его къ дальнѣйшимъ преступленіямъ...

Подгулявъ однажды, Камкинъ потерялъ или пропилъ мѣдный точильный инструментъ овалъ; изъ боязни штрафовки бѣжалъ, но вскорѣ пойманный, опредѣленъ въ комендантскій полкъ. Едва-ли новое положеніе было лучше прежняго. По крайней мѣрѣ Камкинъ и его не вынесъ, бѣжалъ и пріютился у государева повара Степана Грача.

Камкинъ уже сдѣлался полнѣйшимъ пьяницей и негодяемъ. Съ годъ жилъ онъ завѣдомо, что бѣглый, у государева повара. Поваръ, усмотря на рукѣ гостя рекрутское клеймо, посовѣтывалъ ему назваться боярскимъ отпущенникомъ, или дворцовымъ крестьянникомъ, и вообще берегъ его, съ странною для того времени смѣлостью. Камкинъ отплатилъ ему черною неблагодарностью: онъ укралъ пять рублей, жемчужный перлъ, разворовалъ довольно припасовъ, прогулялъ все это и явился самъ въ гварнизонную канцелярію.

¹⁾ Верш. дѣла Розыск. дѣлъ Тайн. Канцеляр. Картонъ XXI, д. № 25.

Пытанный въ побѣгѣ и въ воровствѣ, преступникъ препровожденъ для дальнѣйшаго рѣшенія въ надворный судъ.

Толкаясь между колодниками, Камкинъ надумился попытать счастья отдѣлаться отъ кнута и каторги.

Легчайшимъ, весьма обиденнымъ, но въ то же время и опаснѣйшимъ для этого средствомъ было крикнуть — слово и дѣло! О чемъ же крикнуть? Камкинъ сталъ подыскивать „государево слово и дѣло“.

Колодниковъ выводили на сворахъ и цѣпяхъ по городу просить милостыню ¹⁾: Каждый разъ арестанты возвращались въ свои подвалы съ дальними усердствователями и съ разными новостями. Такимъ путемъ проникли въ арестантскія палаты толки о тропицкой кикпморѣ и о предсказаніи нѣкоего иноземца о близкой смерти императора Петра. Эти-то толки и дали содержаніе „слову и дѣлу“, которое не замедлило закричать Камкинъ... Въ этомъ крикѣ онъ чаялъ спасенія отъ наказанія за прежнія и за новое свое преступленія: онъ укралъ у одного изъ колодниковъ четыре рубля и жестоко избитый за то палками, ждалъ розыска.

Но вотъ оказалось „слово и дѣло“ и его влекутъ къ допросу въ Тайную Канцелярію, подъ крѣпкимъ карауломъ.

— „Въ то время, какъ былъ я, показывалъ Камкинъ, — держанъ въ надворномъ судѣ, подъ карауломъ, отпускали меня въ то время съ колодникомъ, новгородцемъ Трохою Власевымъ, на связкѣ, для милостыни. Пришли мы въ одинъ день за Литейный дворъ, ко двору, а чей не знаемъ, и прокричали (т. е. устали кричать). А у того двора какой-то офицеръ (а подлинно знаетъ его Троха), да стряпчій того дома, говорили межъ себя: „императорскому величеству нынѣшняго года не пережить! А какъ онъ умретъ, станетъ царствовать свѣтлѣйшій князь (А. Д. Меншиковъ); развѣ тогда только намъ будетъ хорошо, а нынѣ все служба“. Заслышавъ тѣ слова, продолжалъ показывать Камкинъ, отошли мы прочь. А прийдя въ колодничью, я въ тотъ же день сталъ о тѣхъ

¹⁾ Положеніе арестантовъ въ царствованіе Петра Великаго было самое ужасное. Въ этомъ отношеніи дѣло оставалось въ томъ же видѣ, какъ было въ XVII вѣкѣ: арестантовъ кормили и одѣвали ихъ родственники; у которыхъ же таковыхъ не оказывалось — изъ тѣхъ менѣе важныхъ выпускали каждый день по два человѣка скованными просить милостыню; окруженные солдатами, арестанты вопили по улицамъ, вызывая къ состраданію проходящихъ. Вся тюрьма на Руси въ то кипучее время, — время ломки всего строя Россіи — чуть не ломилась отъ множества заключенныхъ.

словахъ сказывать караульному капралу. „Полно-де врать, не твое дѣло“, закричалъ на меня капраль и ударилъ по головѣ палкою. А болѣе того, заключилъ колодникъ, я не за собою, ни за другими, ни за кѣмъ государева дѣла и слова не знаю“.

Но и сказанное было дѣломъ фантазіи колодника, да притомъ дѣломъ, мало обдуманнѣмъ; караульный капраль первый обличилъ ложь. Изъ его словъ оказалось, что Камкина давнымъ давно не выпускали „на связѣ“, т. е. просить милостыню; о подслушанномъ разговорѣ онъ никому и никогда не доносилъ, палкой его никто не бивалъ. Тщетно слался колодникъ на очной ставкѣ съ капраломъ на „всю бѣдность“ (т. е. на арестантовъ)—ему ужъ не вѣрили. Къ довершенію злополучія донощика, товарищъ его, колодникъ Троха (Трофимъ), сообразивъ, видно, что доносъ придется подтвердить пыткой, измѣнилъ другу и сознался, что никакихъ непотребныхъ словъ ни за Литейнымъ дворомъ и нигдѣ ему не довелось слышать.

Сознаніе друга и очная съ нимъ ставка доконали Камкина.

— „Все, что я говорилъ въ разспросѣ, повинился колодникъ,—на офицера и на сержанта въ важныхъ словахъ, я говорилъ напрасно. Билъ меня палкою офицеръ въ колодничьей палатѣ за воровство, и я, видя свою вину, сказалъ за собой его императорскаго величества—слово и дѣло, отбывая розыску“.

За то теперь онъ самъ на себя навлекъ новый, добавочный розыскъ. Питанный прежде два раза въ гварнизонной канцеляріи въ покражахъ и побѣгѣ, онъ теперь долженъ былъ подтвердить свое сговариваніе—тремя очистительными пытками.

18-го марта 1723 г. была первая:

— Важныя слова про его императорское величество... простоналъ на вискѣ Камкинъ,—говорилъ я напрасно... затѣялъ изъ себя... сговариваю то сущею правдою... не по засылкѣ... не по скупу...

10 ударовъ.

Нѣсколько дней спустя, второй розыскъ и тѣ же рѣчи.

Недѣлю спустя приговоръ: пытать въ третью и усѣчь огнемъ.

Колодникъ, однако, не дождался третьей очистки: 4-го мая 1723 года, онъ испустилъ послѣдній вздохъ въ смрадномъ подвалѣ Тайной Канцеляріи.

Не онъ первый, не онъ послѣдній!...

Повидимому, страданія, имъ вынесенныя, были (по тогдашнему времени) вполнѣ заслуженными. Покойникъ былъ воръ, бѣглець и

пьяница. И такихъ было много... Но ихъ-ли мы только осудимъ?... Не было-ли чего въ окружающей средѣ, въ тогдашней администраціи такого, что какъ-бы толкало многихъ и многихъ изъ такъ называвшейся тогда „подлой“ породы на путь порока и гибели?...

Крѣпостное рабство, нѣмецкій педантизмъ, выправка и дисциплина, доведенная до звѣрства въ военной службѣ, презрѣніе тогдашнихъ высшихъ къ личности низшаго и проч. обстоятельства, — дань вѣку и тогдашнимъ нравамъ, — не могутъ-ли они служить объясненіемъ, почему подлая порода не единицами, не сотнями, а тысячами гибла въ преобразовательную эпоху Петра Великаго?

XXIII.

Боярская толща ¹⁾.

Въ концѣ декабря 1724 года, по тракту въ Архангело-городскую провинцію изъ Петербурга гнали партію арестантовъ. Въ толпѣ оборванныхъ, грязныхъ, окоченѣлыхъ отъ морозовъ и мятелей бабъ и мужиковъ особенное вниманіе обращали на себя двѣ женщины. По одеждѣ ясно было видно, что онѣ принадлежали къ „подлой“ породѣ, но лица ихъ, запечатлѣнные особенными страданіями, рѣзко выдѣлялись изъ другихъ... Изнеможенные, блѣдныя, изрытыя морщинами — плодъ физическихъ и нравственныхъ мукъ, онѣ красно-рѣчиво говорили о томъ, что довелось вынести этимъ женщинамъ прежде, нежели указъ обрекъ ихъ на ссылку въ Пусто-озеро, гдѣ и повелѣно было имъ „быти тамо неисходно съ прочими таковыми же, до ихъ смерти“.

Перелистуемъ же слѣдственное о нихъ дѣло, поищемъ въ немъ причины гибели злополучныхъ женщинъ и вмѣстѣ съ тѣмъ постараемся отыскать новыя черты для характеристики петровской эпохи.

Въ іюнь мѣсяцъ 1723 года, на Петербургской сторонѣ, на Оружейной улицѣ, на отписномъ дворѣ, къ Авдотѣ Журавкиной, проживавшей въ работницахъ у посадскаго челоуѣка Бобровникова, зашла въ гости солдатка пресображенскаго полка Ѳеодра Важенова. Ѳеодра вылечила отъ какой-то порчи Авдотью, за что послѣдняя

¹⁾ Верш. дѣл. розыск. дѣлъ Тайн. Канцел. Картонъ XVI, л. № 37-й, лл. 1—36.

была очень признательна Ѳедорѣ. Между двумя пріятельницами шла болтовня о разныхъ разностяхъ: хозяйка жаловалась на немочи; говорила, что о ту пору, какъ у столба каменнаго человѣка жгли, (одного изъ раскольниковъ) она отъ болѣзни своей была вовсе безъ ума.

— Надоть думать, говорила Авдотья, — что та болѣзнь случилась со мной, потому-де я испорчена...

Воспоминаніе о женіи человѣка — раскольника — дало бесѣдѣ политическое направленіе; сосѣди съ глазу на глазъ стали судачить „непристойно и непотребно“ уже потому, что дѣло, какъ мы увидимъ, шло о царской особѣ и о боярахъ. Авдотья, между прочимъ, пророчила, что тамъ, гдѣ повѣшенъ Гагаринъ ¹⁾, на томъ мѣстѣ явится столбъ огненный и произойдетъ судъ и проч. Переговаривая о всемъ этомъ, ни та, ни другая собесѣдницы не предчувствовали, какія страшныя муки навлекали онѣ на себя.

Проносу, однако, быть не могло: слушателей никого не было, проболтаться только могъ кто-нибудь изъ нихъ. Такъ и случилось.

Въ началѣ декабря 1723 года, на особомъ дворѣ, близъ Преображенскихъ казармъ, между нѣсколькими солдатами, содержавшимися по полковымъ винамъ, находимъ мы Важенова; онъ содержится здѣсь за пьянство и буйство; тутъ же и жена его, добровольная заточеница, Ѳедора Ивановна; Важенова приносить мужу вино и угощается вмѣстѣ съ нимъ.

Въ колодничьихъ каморкахъ она какъ у себя дома. Преображенцевъ, впрочемъ, не любитъ; она ихъ называетъ, вслѣдъ за посадскими и крестьянами: самохвалами, да желѣзными носами, что, впрочемъ, не мѣшаетъ ей быть женой преображенца и сблизиться въ колодничьей палатѣ съ Комаровымъ, деньщикомъ преображенскаго капитана; деньщикъ сидитъ за какой-то не советмъ правый извѣтъ на господина.

Въ Николинъ день, поздно вечеромъ, пріятели и пріятельницы сильно кутнули; Важеновъ мычалъ и вельми шумный чуть бродилъ съ мѣста на мѣсто, безъ всякой опредѣленной цѣли; что до Ѳедоры,

¹⁾ Гагаринъ, князь Матвій Петровичъ, губернаторъ спбирскій, за злоупотребленія властью и взятки преданъ былъ суду, нѣсколько разъ пытанъ и 18-го іюля 1721 года повѣшенъ предъ окнами юстицъ-коллегіи (на Васильевскомъ острову, въ ряду прочихъ коллегій, нынѣ зданіе университета); впрочемъ, тѣло его раза три перевѣшивалось на новые шесты въ разныхъ частяхъ города, прежде нежели, по истеченіи нѣсколькихъ лѣтъ, было предано погребенію.

то она, полупьяная, въ отдѣльной каморкѣ, въ углу, вела бесѣду съ деньщикомъ.

— Господи ты Боже мой, печаловалась между прочимъ Ѳедора, — какую я только мужу своему тайну не скажу, онъ, какъ напьется, то безпремѣнно и скажетъ всѣмъ вслухъ. А вѣдомо мнѣ великое дѣло, да ему вишь сказать-то нельзя — выговорится.

Комаровъ былъ парень смысленный, ловкій; одинъ уже извѣтъ его на господина обнаруживалъ, что это былъ пройдоха, не отступавшій ни предъ какими средствами, чтобъ только выйти изъ своего холопскаго положенія. Царскіе указы, чуть не каждый мѣсяцъ возвѣщавшіе о наградахъ и отличіяхъ доносчикамъ, отрывали людямъ пронирыливымъ дорогу — всякаго рода извѣтами добиваться выхода изъ какого-либо стѣсненнаго положенія. Сознаніе всей гнусности шпіонства гасло съ каждымъ указомъ, относившимся до слова и дѣла; подобныя вещи чрезвычайно развращали русскаго человека. И такъ, можно себѣ представить, съ какимъ наслажденіемъ сталъ прислушиваться деньщикъ къ болтовнѣ полупьяной солдатки.

— Скажи же ты мнѣ, Ѳедора Ивановна, сталъ „прилежно“ выпрашивать Комаровъ, скажи, пожалуй, что ты знаешь? а будь же свѣдома — проносу о твоихъ словахъ отъ меня не будетъ.

Какъ ни пьяна была Ѳедора, но она еще сознавала грозящую опасность и долго и упорно отрицалась; деньщикъ не унывалъ и вытянулъ, наконецъ, слѣдующій разговоръ:

— „Государя у насъ изведутъ, а послѣ и царицу всеконечно изведутъ же. Великій же князь малъ, стоять некому. И будетъ-де у насъ великое смятеніе, пророчески замѣтила солдатка. Развѣ же что государь, продолжала она въ видѣ совѣта, развѣ государь толщину убавить, сирѣчь бояръ, то, пожалуй, не лучше ли будетъ. А то много при немъ толщины. И кто изведетъ его? — свои! посмотри, скоро сіе сбудется“...

Впился слушатель въ болтунью.

— „Отъ кого ты знаешь это, отъ кого слышала“? пытливо и прилежно довѣдывался онъ у солдатки.

— Да вотъ отъ кого: пріѣхала къ подьячему изъ Москвы теща, она и сказывала всѣ тѣ слова и про царское величество, и про толщину... Да она къ тому-жъ еще мнѣ говорила, что было на Москвѣ, въ Успенской соборной церкви, явленіе. И то явленіе...

Дверь распахнулась и на порогѣ каморки, при тускломъ свѣтѣ

лучины, появился весьма шумный Баженовъ. Это явленіе оборвало бесѣду. Впрочемъ, для Комарова и сказаннаго было довольно, онъ и не выспрашивалъ болѣе; въ головѣ его округлялся доносъ и всё выгодныя для него послѣдствія.

— Хочу я сказать за собой государево слово, шепнулъ онъ въ тотъ же вечеръ сотоварищу-колоднику.

— Слово сказать за собой — то дѣло будетъ великое. Коли знаешь, такъ сказывай. А отъ кого ты то слышалъ? спрашивалъ колодникъ: — отъ нашихъ ли (то есть отъ арестантовъ-преображенцевъ)?

— Нѣтъ, не отъ нашихъ.

— Скажи же мнѣ, какое то дѣло? любопытствовалъ колодникъ.

— Нѣтъ, не скажу, не смѣю сказать, отвѣчалъ Комаровъ, старательно оберегая любезный для себя секретъ.

— Ну, коли не смѣешь, такъ и не сказывай.

Понятна и эта боязливость, и это ревнивое сохраненіе секрета, могущаго быть пригоднымъ извѣтчику. Ему были извѣстны упомянутые нами указы; еще не прошло двухъ лѣтъ, какъ одинъ изъ нихъ былъ опубликованъ, съ особенною торжественностію, во всеобщее вѣдѣніе и руководство. То былъ указъ 22-го апрѣля 1722 года, вызванный дѣломъ Левина¹⁾. Этотъ раскольникъ, въ фанатическомъ увлеченіи, кричалъ всенародно въ Пензѣ „многія злыя слова, касающіяся до превысокой чести его величества и весьма вредительныя государству“. Фанатикъ погибъ на эшафотѣ послѣ долгихъ предварительныхъ истязаній; что до доносчика, посадекаго челоувѣка Ѳедора Котельникова, то ему, въ видахъ поощренія всѣхъ таковыхъ вѣрноподданныхъ, пожаловано 300 рублей, сумма по тому времени огромная; ему же дозволено вести торговлю по смерти безпошлинно и всѣмъ командирамъ какого званія ни есть, ставилось на видъ онаго доносчика отъ всякихъ обидъ охранять. Указъ вновь повторялъ всѣмъ и каждому: тщиться немедля доносить мѣстнымъ ближайшимъ начальникамъ о всякихъ непотребныхъ и непристойныхъ словахъ, явно или тайно произносимыхъ; въ то же время напоминалъ доносчикамъ, что за всякій правый извѣтъ дано будетъ милостивое награжденіе. Знавшимъ же, да не донесшимъ, грозила „смертная казнь безъ всякой пощады“.

Все это вспомнилъ, взвѣсилъ и сообразилъ Комаровъ и лишь

¹⁾ Полное Собраніе Законовъ, томъ VI, № 3,984.

только наступило утро — крикнулъ обычное и грозное: слово и дѣло!

Начальство спѣшить препроводить Комарова въ Тайную.

„Благородный и высокопочтенный“ Андрей Ивановичъ Ушаковъ принимаетъ его, отводитъ квартиру въ казематѣ, т. е. сажаетъ доносчика „подъ честный арестъ“ и предписываетъ утре рано приступить къ допросу и аресту имъ оговоренныхъ.

Извѣтчикъ передаетъ слышанное съ полною откровенностью, „не затѣвалъ и не отбывая ни для чего напрасно“, и только для приданія важности дѣлу увѣрляетъ, что какъ онъ, такъ въ особенности солдатка, были совершенно трезвы.

Страхъ отшибъ память у злополучной женщины. Схватенная внезапно и поставленная предъ грознымъ судилищемъ, одно имя котораго заставляло трепетать всѣхъ и каждаго, она совершенно одурѣла:

— Дни, когда былъ разговоръ, лепетала Федора, — не помню; о чемъ былъ разговоръ — и этого не помню... А нѣтъ, погодите, какъ жиня, говорила я про прежніе случаи, какъ бывали бунты и смятенья, да говорила-жь про Александра Кикина ¹⁾.

Угрозы и строгій запретъ „высокопочтеннаго“ Андрея Ивановича заставляютъ Баженову точнѣе вспоминать, но отвѣтъ ея все-таки не тотъ, какой потребенъ для судьи.

— Молвила я о Николинъ день, говоритъ Федора: — государь-де неможетъ, помилуй его Богъ, да дай Богъ ему здоровья и долги вѣки! А каковъ будетъ часъ, что его не станетъ и государыню императрицу посадить на царство, чтобы не было какова смятенья, вѣдь великій-то князь еще маль... Кто изъ колодниковъ что сказалъ, и гдѣ я все это говорила, не упомяну; была я гораздо въ тотъ день шумна, а сказывала въ ту силу, что мужики преображенскихъ солдатъ не любятъ, называютъ самохвалами, да желѣзными носамп...

Затѣмъ, всю сущность извѣта Федора отрицала. А она-то и интересовала Ушакова; кромѣ того, что дѣло шло о изведеніи ихъ царскихъ величествъ, о великомъ смятеніи и проч. — въ болтовнѣ солдатки была подозрительная двусмысленность: высказывалось желаніе поубавить толстетьхъ; правда, тутъ же добавлялось: спрѣчь

¹⁾ Сторонникъ царевича Алексѣя, казнень 15-го марта 1717 г. въ Москвѣ, на Красной площади.

бояръ, но кто знаетъ, быть можетъ это намекъ на Петра Андреевича Толстаго, первенствующаго члена инквизиціоннаго судилища. И вотъ благородный другъ и его сотрудникъ увѣщаетъ солдатку быть откровеннѣе.

Кто только имѣлъ случай изучать характеръ Ушакова, тотъ, безъ сомнѣнія, воздастъ полную похвалу необыкновенной ловкости, изворотливости, дару убѣжденія и чутью сего преславнаго сыщика. Справедливо находятъ въ Петрѣ I необыкновенную способность угадывать и назначать на соответствующія мѣста саповниковъ; выборъ Ушакова въ инквизиторы былъ какъ нельзя болѣе удаченъ; событіе его для розыску былъ только одинъ Петръ Андреевичъ Толстой. Удача при постановкѣ лица на такое мѣсто тѣмъ болѣе замѣчательна, что система шпіонства, розыскиванія и преслѣдованія не только за дѣло, нѣтъ, за слово, полу-слово, за мысль „непотребную“, мелькнувшую въ головѣ дерзкаго, въ то время только что возникала въ нашемъ отечествѣ. До-петровская Русь, „грубая и невѣжественная“, не взростила у себя шпіоновъ, не созрѣла до необходимости „благодѣтельнаго“ учрежденія фискаловъ, предъ которыми столь наивно умиляется одинъ изъ историческихъ монографистовъ позднѣйшаго времени,—не выработала, да и не могла выработать столь неподражаемыхъ развѣдчиковъ, какими явились при Петрѣ—Андрей Ивановичъ Ушаковъ и Петръ Андреевичъ Толстой.

Однако, обратимся къ „многому увѣщанію“ Ушакова. Оно подѣйствовало, да и не могло не подѣйствовать: въ немъ были и льстивыя обѣщанія свободы и прощенія—при откровенности, и угрозы пытокъ и истязаній—при упорствѣ; солдатка не устояла: трепещущая, волнуемая то страхомъ, то надеждой, она признала извѣтъ Комарова почти во всемъ справедливымъ, объявивъ при томъ, что противныя слова слышала отъ Авдотьи Журавкиной.

Женва боцмана-мата Журавкина схвачена. Она заявляетъ, что дѣйствительно Федора посѣщала ее, Авдотью, лѣтомъ 1723 года, но въ томъ, что межъ нихъ говорено было нѣчто „непотребное о высокой чести его величества“, въ томъ положительно запералась.

Допросы женщинъ всегда были и будутъ затруднительны. Прекрасный полъ, говоря вообще, по слабости, ему свойственной, болтливъ; допрашиваемая обыкновенно то показываетъ, то оговариваетъ показаніе, путается въ многословіи, впадаетъ въ противорѣчія, забываетъ важнѣйшее, вспоминаетъ невѣрное и проч. Въ петровское

же время, въ виду кнута и пылающаго вѣника—имъ же вспаривалась спина вздернутой на дыбу—показанія женщинъ обыкновенно были особенно спутаны, но въ настоящемъ эпизодѣ обѣ подсудимыя являютъ рѣдкую твердость и постоянство.

На восьми очныхъ ставкахъ, бывшихъ въ теченіе производства дѣла, каждая осталась при прежнихъ показаніяхъ.

— Стоишь ли ты на томъ, спросили Комарова, — что Ѳеклѣ сказывала непристойныя слова пріѣзжая изъ Москвы подьяческая теща?

— Молвила-ль то слово Ѳекла про подьяческую тещу или про кого другого, отвѣчалъ Комаровъ, — памятно сказать не могу.

Послѣднее обстоятельство, могущее спасти отъ розыску Авдотью Журавкину—устранено; Комаровъ сомнѣвается, подьяческую ли жену выдавала Ѳекла за источникъ своихъ розказней, слѣдовательно, источникомъ могла быть и не подьяческая жена, а Журавкина.

Бабъ—въ застѣнокъ!

10-го декабря 1723 г. Ѳедра на дыбѣ; виска...

9 ударовъ кнута

Авдотья на дыбѣ; виска... 6 ударовъ кнута.

Пытка первая... показанія прежнія.

10-го января 1724 г. Ѳедра на дыбѣ; виска...

8 ударовъ кнута.

Авдотья на дыбѣ; виска... 15 ударовъ кнута.

Пытка въ двугорядѣ; показанія прежнія.

6-го февраля 1724 г. Ѳедра на дыбѣ; виска...

15 ударовъ кнута.

Авдотья на дыбѣ; виска... 15 ударовъ кнута.

Пытка въ-третьи; показанія прежнія.

Каждая новая пытка, какъ видно изъ чиселъ, обозначенныхъ въ дѣлѣ, производилась въ разстояніи другъ отъ друга мѣсяца. Не нужно слишкомъ быть чувствительнымъ, чтобъ представить себѣ, какія физическія и моральныя страданія выносили заточенницы, поправляясь отъ первыхъ язвъ и каждое утро просыпаясь съ мыслью: вотъ-де сегодня доведется идти на новыя раны.

Что же могло поддерживать ихъ упорство и стойкость на первыхъ показаніяхъ?—вотъ вопросъ, передъ которымъ невольно остановится каждый, кому не довелось копаться въ старинныхъ дѣлахъ русско-уголовнаго судопроизводства. А вотъ что: истязуемыя вѣдали, что троекратная пытка, сопровождающаяся одиѣми и гѣми же по-

казаніями, освобождаетъ отъ дальнѣйшихъ истязаній, а зачастую очищаетъ и отъ обвиненія, и отъ наказанія.

Слабыя женщины, онѣ, однако, дотерпѣли до конца; каждая изъ нихъ троекратно закрѣпила показанія собственною кровью; теперь судьямъ остается исполнить законъ, т. е. освободить и ту, и другую.

Дѣйствительно, подсудимыя хотя не освобождены, но истязанія прекращаются. Въ это время Комаровъ, за доносъ о „злыхъ, важныхъ, непристойныхъ словахъ про его императорское величество и его семейство“ получилъ отъ его императорскаго величества жалованья десять рублей.

Что же дѣлать съ бабами? Чѣмъ разрѣшить случай, рѣдкій въ тогдашней судебной практикѣ? А для того стоитъ только обойти законъ съ помощью указа его императорскаго величества; на основаніи его, Тайная Канцелярія, на седьмомъ мѣсяцѣ послѣ третьей пытки, приговорила:

— „Өедорою вновь розыскивать на-крѣпко, чтобъ показала истину: конечно-ль тѣ слова слышала отъ Авдотьи или отъ другихъ кого, и въ чемъ будетъ утверждаться и говорить на кого, то тѣхъ людей по тому-жъ спрашивать и пытать и доискиваться истины“.

Бабъ привели въ застѣнокъ, имъ объявили, что буде не покажутъ истины, ихъ будутъ жечь огнемъ. Отъ первой требовали показанія: дѣйствительно-ли отъ Авдотьи, а не отъ когонибудь другого слышала она важныя слова? а вторая должна была признаться, что она именно оскорбляла превысокую честь царскаго семейства.

Угроза не подѣйствовала: показанія остались прежнія.

19-го сентября 1724 г. Өедора на дыбѣ; виска... изборожденная ударами спина вспарена пылающимъ сухимъ вѣникомъ.

Авдобья на дыбѣ; виска... пылающей сухой вѣникъ вспариваетъ спину, изборожденную ударами.

Пытка въ четверти... показанія прежнія.

Призываютъ попа.

Къ стыду того времени, на нѣкоторыхъ служителей алтаря зачастую выпадала страшная и до эпохи Преобразователя необычная доля—быть пособниками полицейскихъ сыщиковъ и залечныхъ мастеровъ. Подъ страхомъ лишенія живота, волею-неволею, отцы духовные должны были вымогать признанія у особенно упорныхъ... не пыткою, „но страхомъ будущаго суда божьяго“, и добытыя та-

кими средствами показанія немедленно предъявлялись, въ письменномъ доносѣ, сыщикамъ и судьямъ.

На этотъ разъ объ женщины и на духу говорили то же, что говорили на огнѣ.

Врача духовнаго смѣнилъ врачъ тѣла. Данила Вольнерсъ, по указу Тайной Канцелярїи, приглашенъ лечить истязанныхъ, лечить казенными лекарствами. Леченіе тѣмъ болѣе было необходимо, что нѣсколько дней спустя состоялся повторительный приговоръ: „продолжать розыскъ“. Естественно, что онъ долженъ былъ кончиться смертью подсудимыхъ; одна изъ нихъ и приготовилась къ ней новою исповѣдью у священника, но всемилостивѣйшій указъ императора отвратилъ дальнѣйшія истязанія.

По указу приговорено: „хотя Авдотья Журавкина запирается въ важныхъ и непристойныхъ словахъ, токмо тому не вѣрять, а послать и ее, и Ѳедору Важанову, за карауломъ, въ ссылку Архангелогородскую провинцію, въ Пусто-озеро и велѣтъ имъ тамо быть неизменно съ прочими таковыми, до ихъ смерти“.

19-го декабря 1724 года, партію арестантовъ, и между ними обѣихъ прїятельницъ, Ѳедору да Авдотью, погнали по пустырямъ, по лѣсамъ, по горамъ и оврагамъ, въ морозъ и мятели, въ дальнее, бѣдное и глухое Пусто-озеро.

XXIV.

Антихристъ.

Населеніе Пустоозера болѣе и болѣе увеличивалось новыми ссылными. Въ маѣ 1725 года туда проѣхало четыре ямскихъ подводы; на нихъ одинъ гвардейскій и двое гарнизонныхъ солдатъ провезли трехъ бабъ, трехъ новыхъ преступницъ „въ важномъ государевомъ дѣлѣ“, распространявшихъ „зловредѣ“ въ народѣ своими неосторожными и суевѣрными толками.... Толки, доведшіе ихъ до ссылки, издавна уже бродили въ громадной массѣ народа, росли годъ отъ году больше и больше и, наконецъ, выросли до цѣлаго, систематическаго ученія объ „антихриствѣ“, объявившемся, по понятію народа, въ лицѣ его царскаго величества Петра Алексѣевича. Ученіе это имѣло самыхъ дѣятельныхъ, самыхъ восторженныхъ проповѣдниковъ.

Во всѣхъ концахъ Россіи—въ Вологдѣ, въ Астрахани, въ Москвѣ, въ Пензѣ, въ казацкихъ станицахъ, по всему теченію Дона, вездѣ мы находимъ этихъ проповѣдниковъ: книгописецъ Григорій Талецкій, иконникъ Савинъ, протодьяконъ Матвѣй Непеинъ, монахъ Самуилъ Выморковъ, капитанъ Андрей Левинъ, раскольники Артемій Ивановъ, Денисъ Лукьяновъ, Матвѣй Николаевъ, служебница ихъ Домна ¹⁾, и многія другія лица разнаго сословія, разнаго возраста и обоого пола, дѣятельно распространяли ученіе объ объявившемся съ 1698 года антихристѣ.... Проповѣдь народная находила массу послѣдователей; они были не только среди простаго народа, но мы ихъ находимъ даже между высшими лицами того времени, по преимуществу изъ духовнаго сословія.... Проповѣдники передавали свое ученіе, по большей части среди величайшей таинственности, отдѣльнымъ лицамъ, и только болѣе восторженные шли открыто на тяжкія истязанія, неминуемыя послѣдствія ихъ народной проповѣди.... Такъ, извѣстный пензенскій проповѣдникъ ученія объ антихристѣ, Левинъ, съ клироса деревенской церкви, въ 1721 году, внѣ себя кричалъ народу, собравшемуся къ божественной службѣ:

— „Послушайте, православные христіане! Слушайте: нынѣ у насъ представленіе свѣта скоро будетъ.... Государь нынѣ загналъ весь народъ въ Москву и весь его погубить.... Вотъ здѣсь, въ этомъ мѣстѣ, говорилъ онъ народу, указывая на свою руку между указательнымъ и большимъ пальцемъ—въ этомъ мѣстѣ царь ихъ будетъ пятнать, и стануть они въ него вѣрвать....“

„....Нынче послѣднее время, говорилъ тотъ же Левинъ, явившись погостить въ Жадовскую пустынь,—антихристово пришествіе.... Привезены въ С.-Петербургъ печати.... хотѣть людей печатать... Въ Петербургѣ, въ Невскомъ монастырѣ монахи мясо ѣдятъ, а все то дѣло не государево, а антихристово, и государь антихристъ!....“

19-го марта 1722 года въ Пензѣ былъ большой базаръ. Левинъ, не задолго предъ тѣмъ постригшійся въ монахи, въ Предтеченскомъ монастырѣ, подъ Пензою, отпросился у игумена въ городъ, подъ предлогомъ „подавнія по тюрьмамъ милостыни“.... Но не милостыня, а проповѣдь къ народу о послѣднемъ времени, о спасеніи людей отъ антихриста, влекла его въ городъ. Народъ толпился на базарѣ; Левинъ пробрался къ мяснымъ лавкамъ, взлѣзъ

¹⁾ Вершеныя дѣла роз. дѣлъ Тайной Канцеляріи, карт. XII, л. № 30, карт. XIII, л. № 23, 25; карт. XXV, л. № 11 и проч.

на плоскую крышу одной изъ нихъ, снялъ съ себя клобукъ, поднялъ его на клюкъ вверхъ и закричалъ окружавшей его толпѣ:

„....Послушайте, христіане, послушайте! Много лѣтъ я служилъ въ арміи.... Меня зовутъ Левинъ.... Жилъ я въ Петербургѣ; тамъ монахи и всякіе люди въ посты ѣдятъ мясо и меня ѣсть заставляли.... А въ Москву пріѣхалъ царь Петръ Алексѣевичъ.... Онъ не царь Петръ Алексѣевичъ, а антихристъ.... антихристъ!... а въ Москвѣ всѣ мясо ѣсть будутъ сырною недѣлю и въ великой постъ, и весь народъ мужескаго и женскаго пола будетъ онъ печатать, а у помѣщиковъ всякой хлѣбъ описывать, и помѣщикамъ будетъ давать хлѣба самое малое число, а изъ остальнаго отписанаго хлѣба будутъ давать только тѣмъ людямъ, которые будутъ запечатаны, а на которыхъ печатей нѣтъ, тѣмъ хлѣба давать не станутъ.... Бойтесь этихъ печатей, православные!... бѣгите, скройтесь куда-нибудь. Послѣднее время.... антихристъ пришолъ.... антихристъ ¹⁾!...“

Страшная кончина Левина—(онъ былъ сожженъ въ Москвѣ живымъ), пытки и казни подобныхъ-же проповѣдниковъ, наводя страхъ на остальныхъ—не уменьшали, однако, а напротивъ увеличили силу и значеніе проповѣди объ антихриствѣ. Впослѣдствіи, когда обнаружится побольше вершенихъ дѣлъ о тѣхъ изъ послѣдователей этого ученія, которымъ довелось побывать въ Тайной Канцеляріи, тогда можно будетъ сдѣлать сводъ этихъ проповѣдей и прослѣдить ихъ постепенный ростъ по содержанію и по мѣстамъ своего распространенія; до тѣхъ же поръ мы должны ограничиться разборомъ каждаго, возникающаго по этому поводу, дѣла въ отдѣльности. При этомъ разборѣ мы не можемъ вдаваться еще въ общій обзоръ этихъ интереснѣйшихъ изъ всѣхъ толковъ народа о Петрѣ, о государѣ, для тогдашней массы непонятномъ, странномъ, болѣе того—вполнѣ неизвѣстномъ... Его преобразовательный рѣзецъ, съ страшною силою глубоко впущенный въ самую сердцевину народной жизни, съ ея повѣрьями, обычаями, суевѣрїями, съ ея добромъ и зломъ, безжалостно разплъ мѣста наиболѣе чувствительныя, самыя дорогія для народа... Ошеломленный, забытый, народъ не видѣлъ, да и не могъ видѣть цѣлей Преобразователя; для него были только ясны и болѣзнь тѣ страшныя средства, которыя вели къ чему-то, для него загадочному.... Онъ видѣлъ измѣненіе коренныхъ своихъ обычаевъ, онъ видѣлъ

¹⁾ Дѣло роз. дѣлъ Тайной Канцеляріи, карт. XX, л. № 30, лл. 13—35 и проч.

наглыхъ иноземцевъ, ихъ возрастающее значеніе, видѣлъ или слышалъ о безчеловѣчныхъ казняхъ тысячи стрѣльцовъ, слышалъ (какъ ни глухи были застѣнки и какъ ни крѣпки заперы, которыя брались съ подсудимыхъ Тайной Канцеляріи о гробовомъ молчаніи), слышалъ о всемъ, что въ нихъ было, слышалъ объ ежедневныхъ истязаніяхъ многихъ и многихъ изъ своихъ собратій; видѣлъ и слышалъ этотъ народъ много и много такого, что въ глазахъ его набрасывало густую тѣнь на личность и на дѣла монарха... И вотъ этотъ народъ жадно прислушивался къ тѣмъ изъ учителей, вышедшихъ изъ его же среды, которые брались разяснить ему въ чемъ дѣло: Петръ-де не государь, Петръ не русскій человѣкъ, онъ иноземецъ, онъ подмѣненъ въ Швеціи, въ нѣмецкнѣ; нѣтъ, онъ ни то, ни другое... онъ антихристъ! онъ приводитъ все и вся къ своей вѣрѣ... онъ и сына запыталъ, „потому-де, что самъ антихристъ „приводилъ царевича въ свое состояніе, а тотъ его не послушалъ, и зато его антихристъ этотъ и убилъ до смерти...“

Петръ — антихристъ! теперь для народа все ясно... И чѣмъ сильнѣе вѣровалъ онъ въ это ученіе, тѣмъ рѣже выдавались изъ его среды извѣтчики на проповѣдниковъ сего ученія; проносы были рѣдки, почти случайны — и случались-то они либо отъ людей служилыхъ, болѣе или менѣе поднявшихся уже надъ уровнемъ народнаго развитія, либо отъ женщинъ болтливыхъ на языкъ и менѣе упорныхъ въ сохраненіи тайны... Къ числу ихъ принадлежали и тѣ три бабы, съ которыми мы встрѣтились въ началѣ нашего разсказа на дорогѣ въ Пусто-озеро.

Всѣ онѣ были жительницы небольшого городка Таврова, лежащаго въ двѣнадцати верстахъ отъ Воронежа, при впаденіи рѣчки Тавровки въ рѣку Воронежъ, которая верста пять отъ этого мѣста сама впадаетъ въ Донъ. Нынѣ незначительный посадъ, Тавровъ въ петровское время имѣлъ большое значеніе и былъ обязанъ этимъ своему положенію, весьма выгодному для постройки и сплава судовъ въ Азовское море. Еще въ 1699 году Петръ, проведя почти всю зиму въ Воронежѣ, замѣтилъ, что фарватеръ рѣки Воронежа, по причинѣ заносовъ и обмелѣнія, сталъ не очень удобенъ для сплава судовъ; вслѣдствіе этого верфь и адмиралтейство, по волѣ Петра, перенесены были изъ Воронежа ниже, на рѣчку Тавровку. Верфь была обнесена земляною крѣпостью, вокругъ нея растянулся городокъ, куда съ 1703 года, въ бытность здѣсь Петра, перенесены

были изъ Воронежа и остальные корабельныя строенія. Всѣ эти весьма значительныя работы, производимыя притомъ, по петровскому обычаю, сколь возможно поснѣшнѣе, требовали много рукъ... Народъ со многихъ, по преимуществу съ низовыхъ городовъ, согнанъ былъ сюда и водворенъ въ Тавровъ тремя слободами: Морскою, Солдатскою и Мастеровою, въ послѣдней жили и купцы. При большомъ стеченіи народа много было разумѣтся здѣсь и учителей, а еще больше послѣдователей извѣстнаго намъ ученія; недовольство народа, согнаннаго на тяжкія и безысходныя работы — способствовало еще больше усвоенію тавровцами ученія объ антихристѣ... Оно переходило отъ родителей къ дѣтямъ, передавалось отъ стараго поколѣнія молодому.

— „Слыхала я, дѣтушки, говорила еще въ 1707-мъ году девяностолѣтняя старуха Аксинья Спиридонова своей невѣсткѣ, — слыхала я отъ старыхъ людей, что... мы не доживемъ, а вы, дѣтушки, доживете... народится (у насъ) антихристъ... сойдетъ на землю и будетъ людей мучить... И кто постоитъ за вѣру, тотъ будетъ въ царствѣ небесномъ, а кто къ нему передастся, и тотъ будетъ на вѣки мучиться...“

Старуха умерла, но слова ея глубоко запечатлѣлись въ умѣ ея слушательницы, женщины далеко тоже не молодой. Лѣтъ десять молчала о слышанномъ Авдотья, либо быть можетъ и передавала завѣтъ покойницы, но толки ея не дошли до чуткихъ ушей великихъ инквизиторовъ. Но вотъ въ 1722 году мужъ Авдотьи Кузьминшны, матросъ Тимофѣевъ, усланъ на Каспійское море, въ персидскій походъ, тысячъ за семь верстъ, какъ она думала; отъ него нѣтъ вѣсточки, къ тому-же въ Тавровѣ открылась повальная болѣзнь: по слободамъ умираетъ много дѣтей, старушка печалится, плачетъ и заходитъ излить свою тоску и недовольство на высшую власть, отнявшую у нея мужа, заходитъ къ племянницѣ своей солдаткѣ, Акулинѣ Петровнѣ Няяновой, жившей въ Солдатской слободѣ городка Таврова...

— Тоска на меня великая, говорила Авдотья между разными разговорами, въ одно изъ такихъ посѣщеній, въ послѣднихъ числахъ ноября 1722 года, — а о чемъ-же и сама я не знаю... Дни такіе сумрачныя... и младенцевъ много мретъ...

— О чемъ объ этомъ тосковать, отвѣчала племянница, — зачѣмъ тосковать, что младенцы мрутъ... Богъ ихъ любя прибираетъ: видишь,

хлѣбъ не родился, а на новый годъ какъ еще не родится, то и отцы не рады дѣтямъ будутъ...

— Да, старые люди говорили, и моя свекровь говаривала: „мы-де не доживемъ, а вы-де, дѣтушки, доживете: народится-де антихристъ“. Вотъ и нынѣ, продолжала Авдотья, вѣроятно въ доказательство того, что уже родился антихристъ, вотъ нынѣ и съ могли голубцы снимають, и могилы ровняютъ ¹⁾. И для чего тѣ могли ровняютъ?

— Богъ знаетъ, отвѣчала собесѣдница, никакъ нынѣ остаточные вѣки, вотъ уже и младенцевъ много мретъ, никакъ это уже нынѣ не государь, а антихристъ это нынѣ народился.

— Какъ намъ будетъ мучиться! — и при мысли о мукахъ старушка Авдотья горько заплакала.

— О чемъ объ этомъ тужить, утѣшала племянница, — хотя и народится антихристъ, хотя насъ и мучить стануть, такъ что за бѣда! здѣсь помучимся, а на томъ свѣту Богъ намъ дастъ свѣтъ! Кто за вѣру христіанскую будетъ терпѣть, тотъ будетъ въ раю, вѣдь за Бога, да за царя мучиться (т. е. за истиннаго царя); вотъ славятъ, что государь будетъ, продолжала солдатка, вспомнивъ, что въ Тавровѣ на дняхъ ждали царя Петра, на обратномъ пути его изъ персидскаго похода, — славятъ, что государь будетъ; никакъ, тетушка, знать это не царь, а антихристъ народился. Я (вѣдь) государя знаю, дай Богъ дожидаться государя мнѣ, хотя изъ ста выберу я его, батюшку, лѣтъ съ 20 не видала (т. е. съ 1703 года, когда Петръ былъ въ Тавровѣ), буде онъ, государь, то вѣдь онъ, государь, вѣжливъ и прежь сего мимо могилъ, да не срывали, а нынѣ будто стапетъ онъ на могилы смотрѣть...

Въ избѣ никого не было. Старуха плакала, и между теткой и племянницей долго не умолкала бесѣда о страшномъ пришествіи антихриста, о томъ, дѣйствительно-ли тотъ, кто развѣзжаетъ теперь по Россіи, воюетъ на Кавказѣ и проч., дѣйствительно-ли онъ государь, или это тотъ... тотъ... о пришествіи котораго давно ужъ имъ, простымъ людямъ, пророчествовали ихъ народные проповѣдники.

¹⁾ Что это было за распоряженіе и было ли оно дѣйствительно, мы не доискались; замѣтимъ только, что народные толки, записанные лѣтописцами Тайной Канцеляріи, не разъ передавали намъ извѣстія о распоряженіяхъ тогдашняго правительства, распоряженіяхъ, не отмѣченныхъ въ другихъ документахъ.

Не нужно забывать, что предъ нами матроска и солдатка, та и другая жили постоянно среди матросовъ и солдатъ—и трудно думать, чтобы ихъ мысли не находили себѣ пищи и поддержки въ толкахъ остальныхъ обитателей и обитательницъ матроскихъ и солдатскихъ слободъ города Таврова.

Правда, сочувствіе къ мнѣніямъ о воплощеніи антихриста было не у всѣхъ одинаково; къ числу мало вѣрующихъ принадлежала и рудометка Алена Андреева.

Въ первыхъ числахъ декабря 1722 года, дня за три до пріѣзда государя, въ Тавровъ прибыли передовые посланные, служители и разные придворные чины. Алена нашла нужнымъ „для взятія квашни“ забѣжать къ старушкѣ Авдотѣ.

— Слава Богу, заговорила пришедшая, пріѣхали отъ государя передовые...

При словѣ государь, тоскующая старуха не выдержала: „ихъ, Богъ знаетъ, не велѣно (только) говорить: кажутъ, что государь ѣздитъ, а то не государь, антихристъ ѣздитъ“...

— Э, эхъ, проклятая враговка! изругала пріятельницу Алена, и, плюнувъ, вышла изъ избы.

„По трехъ дняхъ“ послѣ этого разговора государь прибылъ въ Воронежъ и посѣтилъ Тавровъ; пробылъ здѣсь сутки, попировалъ въ выстроенномъ для него дворцѣ¹⁾, и въ то же время успѣлъ осмотрѣть разныя работы, какъ по корабельной части, такъ и на обширной суконной фабрикѣ, имъ-же основанной; указалъ вице-адмиралу Змаевичу построить нѣсколько судовъ, сдѣлалъ нѣсколько другихъ распоряженій и отправился въ Москву.

Все это время, съ наѣздомъ царя и его свиты, Тавровъ былъ крайне оживленъ; толки о посѣтителѣ и посѣтителяхъ долго не прекращались и по отъѣздѣ Петра.

Въ самый разгаръ этихъ розсказней, 26-го декабря 1722 года, съ Воронежа пріѣхалъ въ Тавровъ, ради металія отъ болѣзни руды изъ ногъ, инквизиторъ воронежской епархіи, синодальной команды монахъ Гурій Годовиковъ. Онъ остановился у знакомаго попа Никиты, который послѣшилъ истопить для гостя баню и послалъ попадью за рудометкой, жenkой Аленой, вѣроятно извѣстной своей опытностью

¹⁾ Дворецъ этотъ, находившійся при крѣпости, состоялъ изъ деревяннаго дома, раскрашеннаго и обставленнаго нѣсколькими статуями. Онъ сгорѣлъ въ 1744 году со многими крѣпостными постройками и пятью стами домовъ, составлявшихъ слободу у Таврова.

и искусствомъ въ дѣлѣ пусканія крови. Въ банѣ такимъ образомъ сошлись три лица: отче Гурій, прислужникъ его—архіерейскій служка Логинъ Кузьминъ и жена Алена; рудометка принялась за свое дѣло, пустила кровь рожками, между тѣмъ монахъ-инквизиторъ, нѣжась и парясь, втянулъ лекарку въ бесѣду.

— Благочестивый батюшка у васъ погулялъ въ Тавровѣ?

— Слава Богу, три часа гулялъ.

— Заѣзжалъ-ли онъ въ свои хоромы?

— Онъ изволилъ кушать у поручика нашего Андрея Андреевича, а какъ по прозванію, того не знаю; и къ тому поручику людей много нахлынуло; стали было ихъ отгонять, и ихъ отгонять не велѣли: пускай-де глядятъ! А опосля государь, покушавши, пошелъ на суконный дворъ (на фабрику), а съ суконнаго двора по кораблямъ, и съ кораблей пошелъ къ Москвѣ... И какъ его императорское величество былъ въ Тавровѣ, и въ то время меня съ дѣтymi изволилъ его величество призывать передъ себя, и милость я отъ его получила, имѣлъ онъ со мной разговоръ... И какъ его императорское величество, продолжала Алена, умолчавъ о чемъ былъ царскій разговоръ,—въ Тавровѣ во дворцѣ кушалъ хлѣбъ и мясныя яди, и я сама видѣла—онъ, императоръ, (а за нимъ) и всѣ господа мясо кушали ¹⁾.

— Что ты, баба, врешь! что тебѣ дѣло про его императорское величество говорить? воспрецалъ инквизиторъ Гурій:—при немъ, императорѣ, и иноземцы есть, можетъ быть, что они (только) мясо ѣли.

— Я достовѣрно сама видѣла, что самъ императоръ (а за нимъ) и господа мясо ѣли; а послѣ кушанья, его императорскому величеству изъ головы руду я метала тремя рожками...

— А я сему вѣры не иму, возразилъ отче Гурій, распариваясь на полкѣ,—тебѣ-ль руду метать! аль у нашего государя будто не стало докторовъ? у императора нашего есть доктора свидѣтельствованные, кромѣ тебя; и для чего ты такія слова говоришь про его императорское величество?

— Люди говорятъ, путала баба, не отвѣчая на вопросъ монаха,—люди говорятъ, какъ къ бѣлому царю всѣ преклонятся, и тогда народится антихристъ... И какой то антихристъ, я не знаю....

¹⁾ Надо думать, что дѣло идетъ о томъ, какъ господа всаѣдъ за государемъ кушали мясныя яди въ рождественскій постъ, что и должно было показаться тавровцамъ дѣломъ крайне соблазнительнымъ.

— Какое тебѣ дѣло спрашивать, коли ты не знаешь!

— Да вотъ иные люди, продолжала Алена, въ то же число (т. е. въ бытность императора Петра въ Тавровѣ) говорили про его императорское величество: какой-де онъ царь или императоръ, онъ-де антихристъ! И я за тѣ слова хотѣла было и завязаться, и донести его императорскому величеству, да и тушу, что умолчала, а не донесла...

— Ну, снимай, баба, рожки! приказалъ инквизиторъ, сообразивъ важность преступленія рудометки и выгоды доноса на нее. Отче Гурій поспѣшно обмылся, обвязалъ ноги, одѣлся и поскакалъ въ Воронежъ—къ губернатору, съ письменнымъ доносомъ: слово и дѣло!

Бригадиръ Измайловъ, тогдашній воронежскій губернаторъ, арестовалъ доносчика и въ ту же ночь „наскоро“ отправился съ нимъ вмѣстѣ въ Тавровъ. Преступница рудометка схвачена, поставлена на дворъ къ какому-то маіору и въ тотъ-же часъ, обезумѣвшая отъ страха, приведена на личный допросъ къ губернатору. Первое дѣло, разумѣется, запереться: обычный отвѣтъ русскаго человѣка предъ начальствомъ, допросчикомъ: „знать не знаю, вѣдать не вѣдаю“, былъ въ ходу и въ петровское время.

— „Непристойныхъ словъ“, показала Алена, я не говаривала, говорила-жъ ему, инквизитору, только такія слова: мы императорскому величеству о пришествіи его въ Тавровъ только порадовались; а про мясныя яди я сказала: знать-де и всѣ господа мясо кушали, а кромѣ того ничего я не говорила“.—Но свидѣтель былъ на лицо, то былъ служка Кузьминъ, который и не замедлил поддержать инквизитора. Показанія его впрочемъ не вызвали рудометку на откровенность; на очной ставкѣ со служкой и монахомъ Алена твердила одно, что „непристойныхъ словъ, которыя на нее инквизиторъ разспросомъ показалъ—не говорила“, и затѣмъ передала начало своей бесѣды о пріѣздѣ государя въ Тавровъ.

Впрочемъ Измайловъ не имѣлъ въ виду, да и не имѣлъ права допытываться до непристойныхъ словъ,—это право всецѣло и исключительно принадлежало Тайной Канцеляріи; губернаторъ долженъ былъ только дознаться, нѣтъ-ли кого прикосновенныхъ къ дѣлу чтобы и ихъ, „не упустия время“, взять и, по обычаю, „оковавъ“, отправить на розыскъ въ столицу. Но и этого не дознался Измайловъ—Алена твердила одно: другихъ-де въ непристойныхъ словахъ никого не знаю; а съ инквизиторомъ въ банѣ говорила только, что его императорское величество пріѣхалъ въ Тавровъ хорошо и спо-

добился (всѣ) его видѣть; да еще-жъ говорила я, что на поварни присѣвали кушанье—мясное, знатно, что кушали (его) всѣ.

7-го января 1723 г. застало отца Гурія, служку Кузьмина и преступницу Алену въ Тайной Канцеляріи, въ Москвѣ. Доношеніе губернатора о посылкѣ этихъ лицъ „для распроса, розыска и изслѣдованія“ прочтено, монахъ-инквизиторъ и его служба опрошены, распросъ дошелъ до Алены: „Какъ я у инквизитора кровь пускала, и притомъ свидѣтель Кузьминъ былъ, а я вышенисаныхъ непристойныхъ словъ, запиралась рудометка, которыя на меня оный инквизиторъ показалъ, не говоривала“, и вслѣдъ затѣмъ мнимо невинная баба „въ забвеніи отъ страха“ сознавалась только въ допросѣ, что-де когда „къ бѣлому царю всѣ преклонятся, и тогда народится-ли антихристъ“?

Но вотъ состоялось опредѣленіе: жонкою Аленю розыскивать и пытать: непристойныя слова инквизитору говорила-ли, и буде говорила, для чего и отъ кого она тѣ слова слышала и гдѣ, и для чего о томъ нигдѣ не доносила? Опредѣленіе это, не умаляя страха Алены, оживляетъ ея память, и съ 8-го по 20-е февраля оставленная на обсужденіе своей участи, она спѣшить наконецъ предстать предъ секретаря Казаринова, и въ его лицѣ какъ „предъ его императорскимъ величествомъ вину свою приноситъ“.

„Принося вину“ — Алена выдала Тайной Канцеляріи старуху Авдотью; весь разговоръ съ ней былъ переданъ и записанъ; „и инквизитору-то говорила я, Алена, съ тѣхъ ея, Авдотыныхъ, словъ, что его государя называютъ антихристомъ; а oprичъ ея, Авдоты, отъ иныхъ ни отъ кого такихъ словъ я не слыхала“.

Донось отца Гурія оправдался; на другой-же день ему, освобожденному, пожаловали именемъ его величества 10 рублей изъ канцеляріи Рекрутскаго счета, изъ взятыхъ денегъ по тайнымъ дѣламъ. Что до служебника Кузьмина, то его также свободили и отпустили съ паспортомъ по прежнему въ домъ архіерейскій; съ того и другаго взяты были обычныя записи о молчаніи.

Въ то время, когда доносчика и свидѣтеля награждали и освобождали, въ Тавровъ уже скакалъ нарочный лейбъ-гвардіи солдатъ сыскать и взять матроскую жонку Авдотью Тимофѣеву.

Около мѣсяца ѣздилъ и искалъ Авдотью нарочный солдатъ; 25-го марта старуха была доставлена, съ первыхъ же словъ созналась въ преступленіи и тутъ-же указала на свою племянницу, какъ

на виновницу распространения учения объ антихриствѣ. Не выдавая своихъ предъ губернаторомъ, трусливыя бабы оговаривали и мѣшали другихъ въ дѣло, стоя предъ застѣнными мастерами.

Новый курьеръ скачетъ за Акулиной. 17-го апрѣля 1723 г. она сыскана и сдана въ Тайную; будучи моложе первыхъ двухъ преступницъ, солдатка явила на допросѣ болѣе твердости и упорства: „когда была у меня тетка Авдотья и какіе разговоры имѣла—того я не упомяну; молвила-ль я что объ антихриствѣ не упомяну; только суще помню, что никакихъ непристойныхъ словъ про его императорское величество ни съ Авдотью, и ни съ кѣмъ не говаривала и ни отъ кого не слыхала“.

Тетку съ племянницей свели на очную ставку. Первая показывала прежде, вторая „закрывалась безпамятствомъ“.

Дѣло объ объявленіи антихриста въ лицѣ Петра естественно должно было казаться Казаринову необыкновенной важности: задача изслѣдованія состояла именно въ томъ, чтобы добраться до корня этого учения, до главнѣйшихъ его распространителей. Но такое изслѣдованіе, по мнѣнію московскаго розыскателя, могла только предпринять петербургская Тайная Канцелярія, и вотъ онъ извѣстил ее, что векорѣ шлетъ въ Петербургъ всѣхъ трехъ бабъ на дальнѣйшее изслѣдованіе. Это не понравилось Ушакову; обремененный кучей розысковъ, онъ послалъ строгое внушеніе Казаринову.

— „Господинъ секретарь! писалъ Андрей Ивановичъ, 27-го мая 1723 года,—видимъ мы изъ писемъ вашихъ, что вы нѣкоторыхъ колодниковъ по Тайной Канцелярії сюда и съ дѣлами отправляете, а повелѣнія о томъ письменнаго и словеснаго вамъ отъ Петра Андреевича (Толстаго) и отъ меня не было; и иное вы, не отписався съ нами, не хорошо учинили, точію убытокъ деньгамъ и турбацію людямъ сдѣлали. А можно-бы рѣшеніе чрезъ ордеры наши въ Москвѣ учинить; и по полученіи сего ордера, ежели оныя (колодники) не отправлены, которыхъ посылать не надлежитъ, удержи посылкою, а буде и посланы, да недавно, возврати, и что сдѣлаешь, рапортуй. Отъ тебя-же получены выписки... о рудометкѣ Тавровой (т. е. изъ города Таврова), на которыя указъ присланъ будетъ впредъ“.

Тавровская рудометка или, по нынѣшнему, фельдшерца, съ подругами удержаны въ Москвѣ, гдѣ и полученъ былъ указъ, рѣшившій ихъ участь.

„Тавровскимъ жителямъ, бабамъ, опредѣлили Толстой съ Уша-

ковымъ, по указу его императорскаго величества, за важныя, непристойныя слова, нигдѣ ими не объявленныя, учинить жестокое наказаніе: Алену да Авдотью въ Москвѣ бить кнutomъ и сослать на прядильный дворъ при Москвѣ-же въ вѣчную работу, а Акулину пытать дважды: отъ кого она такія непристойныя слова слушала, и гдѣ и сколь давно, и для чего о томъ не доносила“.

Акулину вздернули на виску... пытка первая.

„Превосходительный господинъ, господинъ генераль-маіоръ и лейбъ-гвардіи маіоръ, писалъ къ Ушакову о результатѣ розыска Казариновъ,—премилостивый государь мой! По присланному опредѣленію, Аленѣ и Авдотѣ наказаніе учинено, а на прядильный дворъ Авдотья не послана, для того, что Акулина съ розыску въ тѣхъ словахъ запирается“.

Акулина поднята на дыбы... пытка въ „другорядъ“....

— „Непристойныхъ словъ, кричитъ баба подъ кнutomъ, ни съ кѣмъ я суще... никогда не говаривала... и ни отъ кого такихъ словъ не слыхала“.

„...И хотя она Акулина и говоритъ, рапортовала Казариновъ, что тѣхъ непристойныхъ словъ суще она ни съ Авдотьею и ни съ кѣмъ никогда не говаривала, и ни отъ кого не слыхала, однакоже, государь, ею, Акулиною, буду розыскивать и въ третьи; и что съ розыску покажетъ, о томъ вашему превосходительству донесу впредь, не умедля. И буде, государь, она Акулина съ тѣхъ розысковъ въ означенныхъ своихъ словахъ устоитъ, то помянутою Авдотьею розыскивать-ли? о томъ требую отъ вашего превосходительства повелительнаго ордера. Вашего превосходительства, премилостиваго моего государя, всепокорный и вѣрный рабъ Василій Казариновъ. 16-го іюля 1723 года“.

Пробѣгая эти образчики учтивостей между петровскими палачами, невольно жалѣешь, что едва-ли когда нибудь будетъ возможно собрать полную коллекцію этой переписки, разбросанной по сотнямъ вершенныхъ дѣлъ Тайной Канцеляріи. А каждый согласится, что подобный сборникъ ярко освѣтилъ-бы предъ нами пружины, по которымъ дѣйствовали Ушаковъ съ товарищами, ихъ взаимныя отношенія, взглядъ на преступленія и преступниковъ, закулисную сторону слѣдствій и розысковъ, и много другихъ интересныхъ сторонъ въ исторіи Тайной Канцеляріи петровскаго времени.

„Господинъ секретарь Казариновъ! отвѣчалъ Ушаковъ на выше-

приведенный запросъ московскаго инквизитора, — письма твои, отпущенныя изъ Москвы... получены здѣсь исправно, на что тебѣ объявляю: по трехъ розыскахъ Акулины, буде въ одномъ станеть утверждаться, розыскивать и Авдотьею, и что съ розысковъ покажутъ, о томъ насъ рапортуй. 25-го іюля 1723 г.“.

„И августа 10-го, гласить протоколъ московской Тайной Канцеляріи, означенныя женки Акулина да Авдотья вожены въ застѣнокъ и въ непристойныхъ словахъ спрашиваны съ пристрастіемъ, и дана имъ очная ставка, а на очной ставкѣ...“ Но что именно бабы сказали на очной ставкѣ, стоя у дыбы, объ этомъ узнаемъ изъ новаго рапорта секретаря:

„Превосходительному господину, господину генераль-маіору и лейбъ-гвардіи маіору, премилостивому государю моему, Андрею Ивановичу, всепокорно доношу: бабою Акулиною розыскивано трижды; а бабою Авдотьею, государь, не розыскивалъ, для того, что она Акулина при третьемъ розыску въ тѣхъ непристойныхъ словахъ повинилась, и какъ ее стали пытать, говорила тоже, а потомъ въ томъ-же розыску сказала, что она тѣхъ словъ суще не говорила. И о томъ требую отъ вашего превосходительства повелительнаго ордера. Августа 20-го“.

Несчастливая женщина повинилась въ чаянни избѣжать третьей пытки, но при этомъ упустила изъ виду то обстоятельство, что перемѣненное показаніе, хотя-бы то было полное признаніе, должно было закрѣпиться новымъ розыскомъ, а въ случаяхъ болѣе важныхъ даже и тремя. Вотъ почему поднятая на дыбу въ третьи, Акулина вытерпѣла 13 ударовъ, а затѣмъ увидавъ, что признаніе не спасаетъ ее — вновь стала утверждать: „непристойныхъ словъ никакъ-де тетушка, знать-де это не государь, антихристъ-де народился, я съ нею, съ Авдотьею, суще не говорила... А кромѣ тѣхъ другія рѣчи (онѣ приведены въ своемъ мѣстѣ) говорила; а прежде сего розыску и въ семь розыску... непристойныя слова говорила я, повѣря въ уликѣ себя Авдотынымъ словамъ“...

Пытка, какъ и всегда въ перемѣнныхъ словахъ, была жестокая, такъ что на другой-же день, по просьбѣ пытанной, присланъ былъ къ ней врачъ духовный.

„Священникъ, говоря языкомъ подъячаго Тайной Канцеляріи, по должности своей, бабу Акулину на исповѣди увѣщевалъ, дабы она по дѣлу, по которому содержится, принесла сущую свою правду, какъ

явиться ей предъ Богомъ. И она, Акулина, между прочими духовными словами попу сказала: „я-де по своему дѣлу, которое имѣется въ Тайной Канцеляріи, терплю напрасно и безвинно, и въ томъ умереть готова“...

Исповѣднымъ словамъ вѣрили въ Тайной только тогда, когда они означали сознаніе, въ противномъ случаѣ вѣры имъ не давалось.

На девятомъ мѣсяцѣ по началу дѣла, что впрочемъ еще довольно скоро по тогдашнему теченію дѣлъ, приговоръ состоялся: въ силу его Авдотью, еще въ іюнѣ высѣченную кнутомъ, опредѣлено сослать на придільный дворъ въ Москвѣ; затѣмъ солдаткѣ Акулинѣ Петровой, за непристойныя важныя слова про его императорское величество, ученить наказаніе: бить кнутомъ, и сослать на придільный дворъ при Москвѣ-же въ вѣчную работу.

Свѣкуціи были совершены. Все, что выиграла Акулина своимъ заперательствомъ и перемѣнными рѣчами такъ это то, что въ ея приговорѣ опустили словечко: жестокое наказаніе.

Какъ-бы то ни было, только и съ не жестокимъ наказаніемъ дѣло тавровскихъ бабъ не кончилось; въ продолженіе девятнадцати мѣсяцевъ не могла состояться ихъ ссылка, а почему, это видно изъ завязавшейся по этому поводу переписки. Переписка эта имѣетъ свой интересъ; она показываетъ, какъ еще много было спутаннаго, не установившагося въ отношеніяхъ разныхъ учрежденій и управленій въ тогдашней администраціи.

Управленіе казенныхъ фабрикъ не приняло ни одной изъ трехъ бабъ, присланныхъ въ ихъ распоряженіе. Толстой съ Ушаковымъ, по нѣкоторомъ времени, приказали вновь разослать въ надлежащія мѣста промеморіи объ отсылкѣ въ работы осужденныхъ женщинъ. „Если-же вновь ихъ не станутъ принимать, то (распоряженіе весьма своеобразное) бабъ Алеңу да Авдотью свободить съ запискою на волю; что до Акулины, то ее приказано было послать въ Александрову слободу, въ Дѣвичій монастырь, въ работницы, за присмотромъ до ея смерти неосходно ¹⁾“.

¹⁾ Александровская слобода, нынѣ уѣздный городъ Владимирской губерніи, лежитъ въ 101 верстахъ отъ Москвы. Въ тамошнемъ дѣвичьемъ первоклассномъ монастырѣ въ петровское время было нѣсколько невольныхъ заточеницъ. Между прочими тѣмъ государя, царевна Маргарита Алексѣевна, а съ 24-го марта 1718 года здѣсь были заперты игуменья Покровскаго дѣвичьяго монастыря Марфа, знаменитая наперстница царицы Авдотьи Лопухиной—Балитоліна и нѣкоторые другія. Тюрьмы ихъ и до сихъ поръ цѣлы: это подвалы въ два этажа подъ Успенскою церковью. Подвалы сложены изъ бѣлаго камня съ темными узкими каморами; въ одной изъ нихъ стоитъ стулъ, въ которому прикована желѣзная цѣпь съ тапши-же ошейникомъ. Въ каморѣ и днемъ нельзя иначе пройти, какъ со свѣчею или лучиною.

1861 г.

Какъ ни страшна была Тайная Канцелярія, какъ ни слѣпо выполнялись ея указы не только отдѣльными лицами, но и разными правительственными учреждениями, все-таки была иной разъ и оппозиція: такъ въ настоящемъ случаѣ, въ дѣлѣ разсылки штрафованныхъ бабъ, Синодъ рѣшительно не согласился дать даже одной изъ нихъ мѣсто въ монастырѣ. „Святѣйшій Правительствующій Синодъ“, по согласному своему приговору, отписывался въ Тайную оберъ-секретарь Синода, — велѣлъ оную бабу Акулину не токмо въ тотъ Успенской, но и въ прочіе дѣвичьи монастыри не принимать, понеже она свѣтскаго чину, а не монахиня. И между монахинями, благочинно житіе препровождающими, таковымъ непотребнымъ за вины ихъ осужденнымъ бабамъ быть весьма неприлично, а особливо оный Успенскій дѣвичій монастырь содержится подъ собственнымъ призрѣніемъ ея величества, императрицы Екатерины Алексѣевны, и безъ указа ея величества, хотя-бы и изъ монахинь, никого туда опредѣлять вновь невозможно. Также и въ другихъ монастыряхъ, которые по духовному регламенту затворены, принимать ее не надлежитъ, ибо не токмо такимъ бабамъ, въ излишествѣ присылаемымъ, но и монахинямъ, издавно безпорочно пребывающимъ, зѣло нужное во многихъ мѣстѣхъ пропитаніе находится. А такихъ бабъ, за вины въ работу опредѣляемыхъ, надлежитъ отсылать куды пристойно кромѣ монастырей, чтобы монашескому чину напрасной отъ того тщеты не происходило..“

Прочитавъ многоглаголивое объясненіе іерарховъ церкви, объясненіе, впрочемъ, опершееся на указъ государя, Тайная Канцелярія опять попыталась предложить въ казенныя работы всѣхъ трехъ бабъ, если-же ихъ опять „примать не будутъ, то всѣхъ трехъ бабъ свободить съ запискою на волю“, сказавъ имъ обычный указъ о молчаніи.

Но отчего-жъ не принять даровыхъ, хотя и сѣченыхъ работницъ?

На предложеніе это мануфактуръ коллегія отвѣчала: „бабы-де эти стары, а у насъ мануфактурныя всѣ фабрики отданы на откупъ кумпанейщикамъ, посадскимъ людѣмъ, и тѣ кумпанейщики оныхъ бабъ за старостію не принимаютъ для того, что работать эти бабы не могутъ, а кормить ихъ кумпанейщикамъ отъ себя безъ работы невозможно“.

„А у насъ, отозвалась на прошеорію адмиралтейскъ-коллегія, прядильныхъ дворовъ нѣтъ, а есть только парусная фабрика, но

на тѣ фабрики не токмо тѣхъ старыхъ и притомъ пытаныхъ бабъ, но и моложе ихъ принимать не велѣно“.

Этотъ приказъ о непріемѣ штрафованныхъ женщинъ не распространялся на фабрики кумпанейщиковъ, но дѣйствительно они принимали только способныхъ къ работѣ... Вотъ, напримѣръ, зайдемъ вслѣдъ за наблюдательнымъ Берхгольцомъ въ одну изъ обширнѣйшихъ и богатѣйшихъ въ то время фабрикъ въ Москвѣ, купца-кумпанейщика Тамсена.

„Предъ нами женское отдѣленіе, рассказываетъ камеръ-юнкеръ; здѣсь работаютъ дѣвушки, отданныя на прядильню въ наказаніе, лѣтъ на десять и болѣе, а нѣкоторыя и навсегда; между ними было нѣсколько съ вырванными поздравіями. Въ первой комнатѣ, гдѣ ихъ сидѣло до тридцати изъ самыхъ молодыхъ и хорошенькихъ, было необыкновенно чисто. Всѣ женщины, находившіяся тамъ и тѣвшія одна подлѣ другой вдоль стѣны, были одѣты одинаково и даже очень красиво, именно всѣ онѣ имѣли бѣлыя юбки и бѣлые камзолы, обшитыя зелеными лентами. Замужнія женщины были въ шапкахъ (сдѣланныхъ у нѣкоторыхъ изъ золотой и серебряной парчи и обшитыхъ голуномъ), а дѣвушки простоволосыя, какъ обыкновенно ходятъ здѣшнія простолюдинки, т. е. съ заплетенными косами и съ повязкою изъ ленты или тесьмы. Между ними сидѣла одна дѣвушка, которая служила семь лѣтъ въ драгунахъ, и за то была отдана сюда. Она играла на балалайкѣ... Послѣ этой музыки двѣ дѣвушки изъ самыхъ младшихъ, по приказанію Тамсена, должны были танцовать, прыгать и дѣлать разныя фигуры. Между прочимъ онъ заставилъ ихъ проплясать одну употребительную у здѣшнихъ крестьянъ свадебную пляску, которая очень замысловата, но не отличается граціей, по причинѣ непристойности движеній. Сперва пляшутъ обѣ, слѣдуя одна за другою и дѣлая другъ другу разныя знаки лицомъ, головою, всѣмъ корпусомъ и руками; потомъ дѣвушка жестами дѣлаетъ объясненіе въ любви парню, который однакожъ не трогается этимъ, напротивъ, старается всячески избѣгать ея до тѣхъ поръ, пока она наконецъ утомляется и перестаетъ; тогда парень, съ своей стороны, начинаетъ ухаживать за дѣвушкою и съ большимъ трудомъ заставляетъ ее принять отъ него, въ знакъ любви, носовой платокъ; послѣ чего она во всю длину ложится на спину и закрываетъ себѣ лицо платкомъ. Парень пляшетъ еще нѣсколько времени вокругъ лежащей, съ разными смѣшными ужимками, припадываясь очень

влюбленнымъ; то онъ какъ будто хотеть поцѣловать ее, то казалось даже приподнять ей юбку,—и все это среди пляски, не говоря ни слова. Но такъ какъ дѣвушка, представлявшая парня, изъ стыда, не хотѣла докончить пляски, то Томсень (изъ желанія угодить его высочеству герцогу голштинскому, бывшему съ посѣтителями) велѣлъ доплясать ее одному изъ своихъ мальчиковъ, лѣтъ девяти или десяти, который тотчасъ-же очень охотно согласился на это. Проплясавъ, какъ и дѣвушка, раза два вокругъ лежавшей на полу, онъ вдругъ вспрыгнувъ на нее и нѣсколькими движеніями, какихъ вовсе нельзя было ожидать отъ такого ребенка, довершилъ пляску“...

Такимъ образомъ обойдя и осмотра подобное кумпанейское заведеніе, легко было убѣдиться, что битымъ, пытанымъ и притомъ ветхимъ женщинамъ здѣсь рѣшительно быть было неудобно; онѣ здѣсь были-бы только въ тягость хозяину. Но съ другой стороны опасно было и освободить, хотя-бы и съ записью о молчаніи, такихъ важныхъ преступницъ, каковы были Алена, Авдотья и Акулина, гражданки города Таврова. До этого опасенія додумался Ушаковъ и додумался довольно скоро: двѣ недѣли спустя послѣ ордера объ освобожденіи женщинъ, послано уже было за его подписью новое опредѣленіе Тайной Канцеляріи:

— „Тавровскихъ бабъ, писалъ онъ къ Казаринову, по нѣкоторому дѣлу не свободяй, а ежели хотя и свободилъ, а сыскать въ Москвѣ можно, то ихъ сыщи и держи подъ карауломъ, и о томъ репортуй; а впредь ежели по дѣламъ государственнымъ весьма важнымъ будутъ являться женскаго пола, въ тяжкихъ винахъ, то о таковыхъ, куда ихъ отсылать предписывалось, отнестись въ Сенатъ съ доношеніемъ; въ монастыри по многимъ отсылкамъ таковыхъ бабъ примать Синодъ не велить, въ фабрики не принимаютъ, а освобождать, разсуждать въ своемъ ордерѣ Андрей Ивановичъ, нельзя, ибо впредь отъ того въ народѣ зловредіе будетъ“.

Такимъ образомъ бабы задержаны были въ Тайной Канцеляріи, а для корму пускали ихъ, по обычаю, въ міръ, за карауломъ на связкѣ¹⁾; такъ продолжалось почти полтора года. Въ эти пол-

¹⁾ Этотъ дешовый способъ кормленія арестантовъ былъ въ силѣ даже до начала нынѣшняго столѣтія. Еще и теперь нѣкоторые помнятъ, какъ въ 1800 годахъ въ главнѣйшихъ городахъ Россіи, какъ напримѣръ въ Ярославѣ и въ другихъ мѣстахъ, цѣлая процессія «братогосныхъ» арестантовъ денгалась по улицѣ на желѣзномъ пруту и съ ащикомъ для милостыни; вся связка голосяла обычный, тѣмъ не менѣе жалостный напѣвъ, въ которомъ заключалась просьба милостыни.

тора года свершилось многое; главнѣйшее-же событіе состояло въ томъ, что Петра I не стало. Новое правительство, готовясь съѣздить и ссылать, въ то же время дѣлало видъ, что желаетъ освободить или по крайней мѣрѣ облегчить судьбу многихъ штрафованныхъ въ прошедшее царствованіе... Этотъ обычай смѣнять наказанныхъ да ссыльныхъ кончившагося царствованія — новыми страдальцами и страдальцами, обычай, служившій одной изъ яркихъ особенностей русской исторіи XVIII вѣка, вступаетъ въ свои права именно со смерти Петра.

Облегченіе распространено было и на тавровскихъ преступницъ: 26-го февраля 1725 года, т. е. на третій годъ по началу дѣла, вспомнили о нихъ и сдѣлали распоряженіе: „изъ дѣла, какая до нихъ важность касается и что имъ за вины ихъ учинено, и чего ради онѣ подъ арестомъ долговременно содержатся, и куда ихъ нынѣ послать, внести въ Правительствующій Сенатъ“.

Высшее правительственное мѣсто указало отправить ихъ въ монастырь на постригъ и подвижничество. Тайная Канцелярiя поспѣшила отнестись въ Синодъ съ требованіемъ послушнаго указа о приѣмѣ въ какой-либо монастырь всѣхъ трехъ бабъ тавровскихъ, но если Синодъ имѣлъ смѣлость воспротивиться этому опредѣленію еще при Петрѣ, тѣмъ смѣлѣе онъ дѣйствовалъ (впрочемъ мы говоримъ только объ одномъ этомъ дѣлѣ) при Екатеринѣ I-й: Синодъ положительно отвѣтилъ, что таковыхъ подозрительныхъ бабъ принимать въ монастыри не велѣно...

Всѣ три отказа привели къ тому, что 29-го апрѣля 1725 года всѣхъ трехъ подвижницъ ученія объ антихристѣ, на четырехъ подводахъ, подъ конвоемъ гвардейскаго и двухъ гарнизонныхъ солдатъ, съ прогонами по рублю на человѣка отъ Москвы до мѣста назначенія, повезли въ Пустозеро...

1860 — 1861 гг.
С.-Петербургъ.

САМУИЛЬ ВЫМОРКОВЪ,

ПРОПОВѢДНИКЪ ЯВЛЕНІЯ АНТИХРИСТА

ВЪ 1722—1725 ГГ.

САМУИЛЪ ВЫМОРКОВЪ,

ПРОПОВѢДНИКЪ ЯВЛЕНІЯ АНТИХРИСТА

въ 1722—1725 гг.

I.

Въ началѣ прошлаго столѣтія, въ городѣ Тамбовѣ, у церкви Успенія Пресвятой Богородицы, служилъ дьячкомъ Осипъ Выморковъ. Были у того дьячка дѣти, между ними рано сталъ выдѣляться своею охотою къ книжному ученью сынъ Степанъ; взростилъ его отецъ, обучилъ грамотѣ и всему церковному обиходу и опредѣлилъ, едва-ли не на свое же мѣсто, дьячкомъ Успенской церкви.

Предъ молодымъ человѣкомъ лежала дорога торная, мирно пройденная отцомъ его: занимать свое мѣсто на клиросѣ приходской церкви, участвовать въ совершеніи различныхъ церковныхъ требъ, рано, какъ водилось и водится въ духовномъ званіи, жениться, обзавестись домкомъ, и многіе-многіе годы отчитавъ да отпѣвъ несчетное число обѣдней, всенощныхъ бдѣній, молебновъ и панихидъ — мирно опочить въ оградѣ мѣста своего служенія. Молодого дьячка женили дѣйствительно рано; введя хозяйку въ собственный домикъ свой, Степанъ скоро сдѣлался отцомъ... Но обзаведясь и домкомъ, и семьей, молодой дьячокъ вовсе не былъ увлеченъ въ суету мірскую и заботы житейскія — нѣтъ, онъ весь погрузился въ чтеніе книгъ, преимущественно религіознаго характера, къ которому съ юныхъ лѣтъ чувствовалъ необыкновенное влеченіе... Молодой человѣкъ одаренъ былъ натурою необыкновенно впечатлительною, страстною; умъ его постоянно работалъ въ разрѣшеніи тѣхъ или другихъ сомнѣній,

которыя вызываемы въ немъ были явленіями современной, столь полной всевозможныхъ тревогъ жизни. Пытливо доискивался онъ отвѣтовъ на свои вопросы у лицъ, окружавшихъ его, и мучился новыми сомнѣніями, зараждавшимися въ его пылкой головѣ... Читалъ онъ много и читалъ то, что только могло ему, скромному дьячку одной изъ церквей незначительнаго тогда „провинціального“ города Тамбова ¹⁾, попадаться подъ руку: то были разные, безъ сомнѣнія, рукописные лѣтописные сборники; кромѣ того, книга Баронія, переведенная съ польскаго на славянскій, изъ каковой книги, между прочимъ, какъ извѣстно, дѣлалъ свои выписки, въ осужденіе отца своего, злополучный царевичъ Алексѣй Петровичъ ²⁾;—читалъ и на память зналъ Выморковъ множество житій святыхъ изъ Читей-Миней, сочиненія отцовъ церкви, и многія творенія духовныхъ писателей. У священниковъ и монаховъ, родственныхъ ему или просто знакомыхъ, молодой дьячокъ пытливо выпрашивалъ, нѣтъ ли у нихъ чего почитать, рылся у нихъ въ кельяхъ, въ чуланахъ и шкафахъ, и добывая оттуда какую-нибудь книгу, прочитывалъ ее съ особеннымъ вниманіемъ. Такъ, зачитывался онъ разными „повѣстями объ антихристѣ“ и о прочемъ, что попадалось въ рукописныхъ сборникахъ; не пропускалъ безъ вниманія и книгъ гражданской печати; но особенно любезно было молодому дьячку чтеніе старопечатныхъ книгъ: сборниковъ, требниковъ, между прочимъ, наизусть зналъ и часто ссылался онъ на книгу Ефрема Сирина ³⁾, на поученія Кирилла, и что вычитывалъ Выморковъ изъ нихъ, то вполне соответствовало настроенію его духа, возбужденному всѣмъ видѣннымъ и слышаннымъ имъ о дѣяніяхъ Петра... Дьячокъ Степанъ былъ одаренъ

¹⁾ Тамбовъ, или какъ называли его при Петрѣ I и писали въ бумагахъ: Тамбовъ—былъ въ описываемое нами время провинціальнымъ городомъ Воронежской губерніи. Городъ былъ изъ новыхъ, основанъ при царѣ Михаилѣ, имѣлъ 13 церквей, два монастыря и до 10,000 жителей обою пола. Географ. словарь Щекатова. М. 1808, ч. VI, стр. 62—64.

²⁾ Дѣянія церковныя и гражданскія, отъ Рожд. Господа нашего I. X. изъ лѣтописной кесаря Баронія собранная, переведенная съ польскаго языка на славянскій, кромѣ явныхъ съ церковью православною восточною противностей римскихъ, у Баронія и Скарги обрѣтающихся. М. in-^o, 2 т. 1719 г. на церк.-сл. языкѣ. Собственноручныя выписки царевича Алексѣя Петровича изъ «Барониуса» см. въ изд. Погодина: «Царевичъ Алексѣй Петровичъ по свидѣтельствамъ вновь открытымъ». М. 1861 г.; стр. 144—163.

³⁾ Книга сія богоугодныхъ трудовъ: пр. от. наш. Ефрема Сирина: к ней же и вновь преведшася с греческихъ харатейныхъ книгъ учебная его и вразумительная словеса, монашескому и мірскому состоянію во изрядную пользу и спасеніе... М. 1701 г., церк. печ. in-^o. До этого изданія поученія Ефрема Сирина выдержали у насъ нѣсколько изданій, изъ нихъ первое было въ Москвѣ въ 1647 г.

натурою далеко недюжинною; это былъ человѣкъ прежде всего мысли и увлеченія. Его голова постоянно работала, постоянно вдумывалась въ смыслъ того, что онъ видѣлъ и слышалъ, и при возбужденномъ состояніи своего духа молодой человѣкъ не въ силахъ былъ оставаться безъ дѣла: онъ жаждалъ осуществить свою мысль на дѣлѣ и идти противъ того, что, по его мнѣнію, было зло... При другихъ обстоятельствахъ, въ другой сферѣ, въ немъ, быть можетъ, выросъ бы пылкій, способный, страстно-преданный дѣлу Петра I-го дѣятель; но изъ той среды, въ которой возросъ герой нашего разсказа, ему суждено было выдти ярымъ противникомъ преобразователя и увеличить собою число лицъ, отъ всей души ненавидѣвшихъ петровскую реформу.

Для насъ, однако, весьма интересно, въ виду ознакомленія съ состояніемъ умовъ въ эпоху преобразователя, прослѣдить, подъ вліяніемъ какихъ вѣнущей сложилось враждебное настроеніе Степана Выморкова; вслѣдствіе сего мы и постараемся во всей подробности прослѣдить образованіе Выморкова, какъ одного изъ враговъ преобразованія императора Петра. Ближайшее знакомство съ жизнью безвѣстнаго дьячка Успенской церкви города Тамбова даетъ намъ возможность довольно живо воспроизвести тотъ образъ мысли о дѣлахъ Петра I-го, какой особенно отличалъ въ то время населеніе юго-восточной части нашего отечества ¹⁾. Въ самомъ дѣлѣ, въ первой четверти XVIII вѣка на всемъ обширномъ пространствѣ между Тамбовомъ, Воронежемъ, затѣмъ по всему Дону и влѣво отъ него до Каспія, мы встрѣчаемъ монаховъ, лицъ блага духовенства, казаковъ, наконецъ людей торговыхъ и простолюдиновъ, какъ мужчинъ, такъ и женщинъ, почти поголовно съ ужасомъ и негодованіемъ взиравшихъ на дѣянія Петра. Крутыя мѣры его противъ монастырей и чернаго духовенства, кровавыя преслѣдованія старообрядцевъ, заточеніе первой жены, царицы Авдотьи, осужденіе сына, пристрастіе къ иноземцамъ—вотъ тѣ главнѣйшія стороны петровскаго царствованія, которыя вызывали особенно упорное и злое осужденіе со стороны тогдашняго населенія Россіи вообще и юго-восточнаго угла ея въ особенности. Этотъ уголъ, какъ извѣстно, издавна питалъ въ себѣ элементы, враждебныя правительству: здѣсь не разъ

¹⁾ Коротенькая замѣтка о Самуилѣ Выморковѣ была помѣщена С. Соловьевымъ въ «Православномъ Обзорѣнн» 1860 г. № 7, стр. 332.

подымалось кровавое знамя вооруженнаго возстанія, здѣсь почти на глазахъ Выморкова по синимъ волнамъ Дона плыли плоты съ висѣльщиками, на которыхъ болтались группы болѣе двухсотъ повѣшенныхъ сподвижниковъ смѣлаго Булавина ¹⁾; сюда, въ этотъ привольный край, несмотря на всѣ мѣры правительства, стекались со всѣхъ сторонъ Россіи „бѣглецы“ отъ „всѣхъ новыхъ порядковъ“; въ придонскихъ станицахъ издавна гнѣздился расколъ, наконецъ въ монастыряхъ этого края питался, несмотря на весь бдительный надзоръ новопоставленныхъ надъ обителями честныхъ отцовъ-инквизиторовъ, духъ особеннаго недовольства всѣми распоряженіями Петра I. Этотъ духъ былъ общій всѣмъ обитателямъ святыхъ пустынь, начиная съ ихъ игуменовъ и кончая послушниками и монастырскими служками... Могъ ли не увлечься тою же ненавистью къ преобразователю и нашъ книжникъ, при его увлекающей впечатлительной натурѣ, при его „чуткости къ высшимъ вопросамъ жизни и способности не удовлетворяться однимъ разглагольствіемъ объ нихъ“.

1722-й годъ засталъ Степана за его мирными занятіями по должности дьячка. Попы Андрей Ѳедоровъ и Дмитрій, священники Успенской церкви въ г. Тамбовѣ, были расположены къ своему дьячку и не разъ, какъ видно, пускались съ нимъ въ разсужденія по поводу разныхъ вопросовъ, занимавшихъ время отъ времени молодого человѣка, но онъ еще жилъ „безъ сумнительствъ“ какъ по поводу религіи, такъ и относительно дѣяній и личности Петра I-го. Ревность же къ православію со стороны Выморкова и къ обрядамъ церкви была въ немъ въ то время очень сильна; такъ, онъ усердно „заставлявалъ лѣностныхъ“ людей къ хожденію въ церковь, и однажды ревность къ православію увлекла его даже къ доносу на одного изъ поповъ своей церкви, будто бы снисходительно отнесшагося къ одной женщинѣ, позволившей себѣ „блевать въ народѣ на святую церковь, на тайны, на святые иконы и на священный чинъ“.

То же блюденіе чистоты религіи и всего священнаго стало скоро вызывать со стороны Выморкова разные „сумнительства“: не посягаютъ ли на чистоту религіи, на этотъ разъ, уже ни какая-нибудь полуумная дѣвка, а самыя власти предержащія? а на тѣ сумнитель-

¹⁾ См. Разказы изъ русской исторіи С. Соловьева: 1) Сто свидѣвъ въ Астрахани. 2) Булавинъ. 3) Мазепа. «Русск. Вѣст.» 1860 г. № 15, и Исторія Россіи—его же, т. XV, М., 1865 г., стр. 264, 265 и другія.

ства навелъ его нѣкій старецъ, монахъ Савва. Старецъ тотъ служилъ въ Тамбовѣ сначала при часовнѣ, а потомъ какъ часовни лишнія были, по указу Петра, закрыты, Савва поселился въ томъ же городѣ въ Казанскомъ монастырѣ. Вѣроятно, строго подвижническая жизнь Саввы привлекла къ нему Выморкова, и молодой дьячокъ любилъ бесѣдовать съ отшельникомъ.

— Прочелъ я въ книгѣ Ефремовой повѣсть объ антихристѣ, сообщилъ однажды Степанъ своему пріятелю старцу.

— А гдѣ онъ, антихристъ, будетъ? спросилъ старецъ.

— Знато, что въ Іерусалимѣ, отвѣчалъ Степанъ.

— Нѣтъ, тотъ антихристъ, что нынѣ въ Москвѣ, что царемъ прозывается; для того, что въ Москвѣ было благочестіе, а нынѣ отпало, какъ Римъ (какъ и Римъ?), да и потому онъ—антихристъ, что владѣетъ самъ одинъ и патриарха нѣтъ, а то его печать, что бороды брѣютъ и у драгуновъ роскаты.

— Они и погибнуть такъ! воскликнулъ Степанъ.

— Иные за простоту свою, былъ отвѣтъ старца:—и не погибнуть...

Этотъ разговоръ повергъ молодого человѣка въ ужасъ. Онъ повѣрилъ отъ всей души, что надъ отечествомъ его властвуетъ антихристъ, что слуги царскіе—слуги антихристовы, что встрѣчаемыя имъ всюду лица съ выбритыми бородами всѣ носятъ на себѣ печать антихристову. И всюду-то эти люди ходятъ, и въ церкви они бываютъ, и тѣмъ церковь, какъ слуги антихристовы, скверняютъ. И тяжело задумался дьячокъ: куда бѣжать отъ тѣхъ слугъ антихристовыхъ? Наступилъ, между тѣмъ, рождественскій постъ въ томъ же 1722-мъ году. Выморковъ, весь погруженный въ думу о слышанномъ имъ отъ Саввы, перечитываетъ Апокалипсисъ, перечитываетъ другія старопечатныя книги, впадаетъ въ разныя сомнѣнія, повторяетъ ихъ старцу Саввѣ, тотъ по своему ихъ разъясняетъ, говоритъ ему, между прочимъ, объ уничтоженіи Петровъ патриаршества, и все то въ „противномъ“ государю духѣ. Сердце молодого человѣка отъ всѣхъ тѣхъ рѣчей все болѣе и болѣе ожесточается; читаетъ онъ старопечатный требникъ, и къ ужасу своему находитъ, что въ немъ „о-брадобритіи пишутъ въ отричаніе приходящимъ въ православную вѣру“. Сочиненіе Ефрема Сирина, между прочимъ; было особенно любимую книгою Степана; вдругъ обнаруживается распоряженіе синода о томъ, чтобы вмѣсто прежняго чтенія по

церквамъ въ великій постъ книгъ Ефрема Сирина, Соборника и прочихъ книгъ, читать новопечатные буквари съ толкованіемъ заповѣдей Божіихъ ¹⁾. Изгнаніе, такимъ образомъ, издревле установленнаго чтенія, и замѣна его—чтеніемъ букваря, должно было весьма поразить многихъ, дать пищу непріязненнымъ правительству толкамъ и повергнуть въ немалое „сумнительство“ и нашего подвижника церкви. Болѣе и болѣе сталъ онъ погружаться въ думу, что такіа дѣйства не могутъ идти ни отъ кого, какъ отъ слугъ антихристовыхъ; брадобрѣйцовъ онъ уже видѣтъ равнодушно не могъ, и избѣгая ихъ встрѣчи, упорно не ходилъ въ церковь. Послѣднее обстоятельство не могло не поразить его жену.

— Чтò ты дѣлаешь? спрашивала она своего мужа:—почему не ходишь въ церковь? Я съ раскольниковъ жить не хочу!

Мнѣнному раскольникову, казалось, легче было оставить жену, впрочемъ имъ, какъ видно изъ послѣдующихъ его дѣйствій, нѣжно любимую—нежели отступить отъ своего рѣшенія: не ходить въ церковь, гдѣ онъ встрѣчалъ слугъ антихристовыхъ. И онъ не задумался написать женѣ „распускное, противное письмо въ такой силѣ“:

„Я Степанъ, Осиповъ сынъ, Выморковъ, отпущаю жену свою на волю, какъ похочетъ, хотя и замужъ пойдетъ, я не искатель, а я хочу такъ жить, а свидѣтель тому всему всевидящее око“.

Жена взяла то письмо, сказала мужу, что отнесла его къ отцу духовному, и не стала раздѣлять съ Степаномъ брачнаго ложа.

Выморковъ спѣшилъ найти утѣшеніе въ книгахъ; сталъ онъ зачитываться извѣстной книгой Кирилла объ антихристѣ и знакахъ его (М. 1644 г.) ²⁾, и введенный ею въ новое сомнѣніе, вновь пересталъ ходить въ церковь. А нашель онъ въ той книгѣ такое выраженіе: „во имя Симона Петра имѣетъ быти гордый князь міра сего антихристъ“. Такое предеказаніе для него, уже „смятеннаго духомъ и утрашеннаго въ своей совѣсти“, казалось прямымъ указаніемъ, что царствіе антихриста, въ лицѣ государя Петра I, уже осуществилось, и вотъ Выморковъ свое убѣжденіе сообщаетъ

¹⁾ Новый букварь изданъ былъ въ 1720-мъ году въ Петербургѣ, подъ заглавіемъ: „Первое ученіе отрокомъ, въ ней же буквы и слоги; таже: краткое толкованіе законнаго десятословія, молитвы господней, символа вѣры и девяти блаженствъ“. Любопытныя свѣдѣнія какъ объ этой книгѣ, такъ и по поводу введенія ея во всеобщее употребленіе при Петрѣ, см. въ изслѣдованіи Пекарскаго т. I, стр. 178—181 и 501.

²⁾ См. «О такъ называемой Кирилловой книгѣ», разсужденіе А. Лилова. Казань, 1858 г.

дьячку другой тамбовской церкви, Елисею Петрову. Тотъ не только, какъ видно, согласился съ Степаномъ, но еще сообщилъ ему новый поводъ къ его „совѣтному устрашенію“, передавъ слухъ о томъ, будто „скоро начнутъ служить на опрѣсновахъ“.

Степанъ объявляетъ свое ученіе казаку Старкову. И тотъ, согласясь съ Степаномъ, въ свою очередь сообщаетъ ему слухъ о томъ, что „немного-де жить свѣту, въ пол-пол-осьмой тысячѣй конецъ будетъ!“

Степанъ передаетъ этотъ толкъ высокочтимому имъ старцу Саввѣ, и отвѣчалъ тотъ Савва: „нѣтъ, и того неостанетъ!“ (т. е. представленіе свѣта еще скорѣй того наступитъ, нежели какъ предполагать то полковой казакъ Старковъ).

Въ виду столь скорога конца свѣта, чтобъ не пострадать напрасно, Степанъ вновь не захотѣлъ ходить въ церковь молиться съ прочими слугами антихристовыми. И мать, и жена, дивясь тому нехожденью, неоднократно его спрашивали:

— Для чего-жь ты въ церковь не ходишь? другихъ людей заставляешь, а нынѣ самъ не ходишь?

— Не хочу ходить, отвѣчалъ дьячокъ; — не хочу Бога молить за антихриста, что нынѣ императоромъ прозывается, и за слугъ его.

Жена, имѣя распускное письмо отъ мужа, только дивилась его поведенію, но бѣдная мать не могла смотрѣть на своего Степу спокойно и спѣшила обратиться съ сѣтованіями на его поведеніе къ разнымъ людямъ. Такъ, ходила она къ тамбовскому протопопу Тихону, жаловалась на нехожденіе Степана въ церковь, но протопопъ сказалъ только: „бездѣлуешь-де сынъ твой!“ и никакой затѣмы нагонки „бездѣлюющему“ не учинилъ. Мать стала совѣтоваться съ монахиней Каликеей... „Напрасно не ходитъ твой сынъ въ церковь“, отвѣчала на жалобы старухи монахиня Киликея, „и съ чего то нехожденье?“

— А ради того не ходитъ Степанъ въ церковь, что бороды брѣютъ...

— „Кто бороды брѣетъ, тому и грѣхъ, не совѣмъ успокоительно для старухи отвѣчала Киликея:—а все-таки благочестіе еще есть—потому на пяти просвирахъ служить, а какъ станутъ на опрѣсновахъ служить, и мы отречемся, въ церковь не будемъ ходить“.

Въ то время, когда старуха мать тоскуетъ и плачется на не-

благочестіе своего сына, молодой человекъ, осаждаемый тяжелыми думами объ антихристѣ, вспомнилъ, что въ Тамбовскомъ уѣздѣ, въ селѣ Тотоковѣ, у знакомаго ему попа Ивана есть старопечатный требникъ. „Дай посмотрю въ немъ, что-де тамъ объ антихристѣ сказано“, думаетъ Выморковъ и спѣшитъ къ отцу Ивану. Случилось на его бѣду такъ, что во время прихода его, къ отцу Ивану пріѣхали пристава изъ Переяславля-Рязанскаго; развозили тѣ пристава поамъ присяги и увѣщанья ¹⁾. Сталъ читать Выморковъ увѣщанье, и вдругъ остановился на томъ мѣстѣ, гдѣ „въ похвалу и честь“ государя писано такъ: „имѣти-бы яко главы своя и отца отечества, и Христа Господня!“ Съ ужасомъ вспомнилъ молодой человекъ, что въ Кирилловой, старопечатной книгѣ именно сказано: „Антихристъ — ложно Христомъ прозвется!“ И такъ сбылось уже и это пророчество, сталъ думать Выморковъ: антихристъ, возсѣвшій на царскій престолъ, сталъ ужъ именоваться Христомъ.

— „Смотри, читай эту книгу Кириллову, говорилъ вскорѣ послѣ этого Степанъ дьячку Вознесенскаго дѣвичьяго монастыря:—тутъ имя написано антихристово“, и передалъ ему все слышанное отъ Саввы ²⁾:—примѣть и то, продолжалъ Степанъ: „бывало, молятъ Бога за царя Петра Алексѣевича, а нынѣ стали молиться за императора Петра Великаго, отечество-жъ уже не поминается“ ³⁾.

Степанъ не скрывалъ терзавшихъ его сомнѣній ни отъ кого изъ знакомыхъ, тѣмъ болѣе не рѣшился онъ скрыть ихъ отъ отца своего духовнаго, Архангельской церкви попа Ивана Аванасьева..

¹⁾ Вѣроятно здѣсь надо разумѣть: «Уставъ о наследіи престола», обнародованный: 5 февраля 1722 г. (См. П. С. З. т. VI, № 3,893), по поводу котораго требовалось «клятвенное обѣщаніе» отъ всѣхъ подданныхъ въ признаніи ими того наследника престола, котораго избересть самъ государь; или тѣ «Присяги», которыя разосланы были въ 1722 г. всѣмъ священникамъ, при указѣ 17 мая (т. VI, № 4,012), «о объявленіи священникамъ открытыи имъ на исповѣди преднамѣренныхъ злодѣйствъ...» Подъ словомъ же увѣщаніе, безъ сомнѣнія, разумѣется то увѣщаніе синода къ раскольникамъ, которое было издано въ томъ же 1722 г., янв. 27-го. П. С. З., т. VI, № 3,891.

²⁾ Монахъ Савва около этого времени скончался.

³⁾ См. въ П. С. З., т. VI, № 3,882 синодскій указъ 18 янв. 1721-го года: о возношеніи высочайшихъ именъ при церковнослуженіяхъ по даннымъ формамъ...«и тѣ формы указано было: священнослужителямъ твердить со всякимъ прилежаніемъ... и чтобъ какого противнаго и неумотрительнаго провнзошенія не было, но весьма опасно и речивсто, такъ было провнзошено, какъ во оныхъ формахъ напечатано, и не точію изъясненіе реченій, но и просолін, то-есть гласнаго ударенія употребленіе и строчно препинаніе, безъ погрѣшности наблюдалоя, подъ страхомъ жестокаго штрафованія... Въ формѣ возглашенія многогѣтія, между прочимъ, значилось... «вѣчанному и превознесенному, отцу отечества. Петру Великому, виператору» и т. д.

Не разсѣветъ ли ихъ отецъ духовный? Нѣтъ! отецъ Иванъ еще утягилъ тревожное состояніе Выморкова разсказомъ: „вотъ, какъ мы бывали на Воронежѣ въ пѣвчихъ и пѣвали предъ государемъ и при компаніи (т. е. его свитѣ) проклинали измѣнниковъ, и дошелъ разговоръ до Талицкаго, и государь въ то число говорилъ тако: „о, воръ Талицкій! ужъ и я антихристъ предъ тобою!“ — къ чему жъ то государь говорилъ, заключилъ священникъ, Богъ знаетъ“¹⁾.

Разсказъ попа Аванасьева не разсѣялъ недоумѣній дьячка Степана, „къ его сомнѣніямъ приложилъ пощъ только новое сомнѣне“. И нигдѣ-то онъ не встрѣтилъ кого либо, кто бы ему положительно и ясно доказалъ всю нелѣпность его убѣжденій. Напротивъ, всюду онъ слышитъ подтвержденіе своей дикой мысли. Степанъ сталъ думать, не обратиться ли къ старообрядцамъ за разрѣшеніемъ своихъ сомнѣній, и сталъ онъ спрашивать предварительно, у знакомаго уже намъ протопопа Тихона, о существѣ разницы крестнаго изаменія первыми тремя перстами, и однимъ первымъ большимъ съ двумя послѣдними: которое изъ сихъ сложений рукъ болѣе истинно?

— Какъ хочешь крестись, равнодушно отвѣчалъ отецъ Тихонъ:—я крещусь и такъ, и сякъ, въ томъ силы нѣтъ, хоть и кулакомъ крестись.

— Ну, а что то за слово императоръ? допрашивалъ Степанъ.

— Знато, что больше царя, отвѣчалъ протопопъ.

Возрастающіе толки о томъ, что скоро повелятъ служить на опрѣсновахъ, что скоро и монастыри не будутъ смѣть принимать къ себѣ новыхъ сподвижниковъ, до того устрашили Степана, что онъ рѣшился постричься въ монахи.

— „Антихристъ скоро велитъ служить на опрѣсновахъ, сказалъ Степанъ своимъ домашнимъ, сидя на Рождество 1722 года за обѣдомъ:—а я не стану того ждать, я уйду въ монастырь“.

— Не спѣши постригаться, останавливала его старица Кили-

¹⁾ Имена Талицкаго, Левина и нѣкоторыхъ другихъ раскольниковъ долго и долго вспоминались однимъ—какъ имена людей, вынесшихъ жесточайшія изгнанія за правовѣріе, другимъ—какъ самыхъ злыхъ и дерзкихъ поносителей государя Петра I-го. См. между прочимъ, дѣло Феофана Прокоповича въ Чт. Общ. Истор. и Древн. 1862 г., I, стр. 14; «Варяжскъ Левинъ», статью Есипова въ «Русскомъ Словѣ» 1861 г.; П. С. З., т. VI, № 3691; Пискареваго: Наука и Лит. при Петрѣ Вел., томъ II, стр. 80—82, и проч.

кея, которой онъ также сообщилъ свое рѣшеніе:—не спѣши, жена у тебя есть.

— „Да ужъ указы пришли, чтобъ не постригать новыхъ монаховъ, я и потороплюсь, пока указъ не исполненъ, возражалъ Степанъ:—да и монахъ Савва сказывалъ мнѣ, что въ мірѣ у насъ царствуетъ антихристъ“.

— Вреть онъ, спорила Киликья:— антихристъ женатъ не будетъ...

— „Вѣдь я самъ посмотрѣлъ въ Кирилловой старопечатной книгѣ, стоялъ на своемъ дьячокъ:—что во имя Симона-Петра имать сѣсти гордый князь, міра сего антихристъ“...

— Нѣтъ, не онъ—это нашъ государь... А читала я въ книгѣ, продолжала Киликья:—что первое гоненіе будетъ отъ антихриста на монаховъ, монастыри опустошены и огнемъ пожжены будутъ...

— „Однакожъ, я постригусь; когда что будетъ, тогда и въ горы уйду“...

Сталь обходить Выморковъ своихъ знакомыхъ, причемъ извѣщала ихъ о своемъ рѣшеніи постричься; зашелъ, между прочимъ, онъ къ посадскому человѣку, жителю Тамбова, Котову. Въ бесѣдѣ съ женой его, Анной Обросимовной, сообщилъ Степанъ и ей свое ученье.

— Да вотъ и я скажу на то, замѣтила Анна:—жила я въ городѣ Шуѣ, и случилось сроднику моему быть въ городѣ Суздалѣ, куда сослана царица, и она говаривала людямъ, а въ томъ числѣ и сродники мои слышали: „держите вѣру христіанскую, это не мой царь, иной вышелъ“. А и насчетъ крестнаго знаменія, та-жъ Анна Котова пояснила, „что ей довелось слышать отъ попа или протопопа, а именно не упоминать, что въ слаганіи первыхъ трехъ перстовъ сидитъ самъ сатана“...

И услыша отреченіе заточенной царицы отъ своего мужа, Степанъ съ обычнымъ своимъ простодушіемъ вполне повѣрилъ разсказу объ этомъ событіи и „наипаче въ сумнѣннн своемъ объ антихристѣ укрѣпился“. Да и какъ не укрѣпиться, мыслилъ дьячокъ, когда и у Григорія Назіанзина, въ концѣ его книги сказано: „внезалу привстанетъ и превознесетъ и возлицемѣрствуетъ благостыню!“ Въ страхъ, что-де все равно, при державѣ антихриста жить долго не доведется, Степанъ Выморковъ порѣшилъ окончательно уйдти отъ зла и сотворитъ благо, то есть постричься въ монахи.

II.

Чтобъ поступить въ монахи, какъ можно видѣть изъ указовъ того времени ¹⁾, надо было преодолѣть немало трудностей. Правда, знаменитое „Прибавленіе къ Дух. Регламенту, о правилахъ причта церковнаго и чина монашескаго“, прибавленіе—сдѣлавшее крайне-труднымъ, почти невозможнымъ, поступленіе въ монахи, не было еще получено въ Воронежской губерніи, но уже и безъ сего „Прибавленія“ предстояло, при поступленіи въ монашество, много разныхъ формальностей... Выморковъ, однако, не убоялся ихъ; онъ рѣшился постричься въ Трегуляевомъ Предтечевомъ монастырѣ, находящемся въ восьми верстахъ отъ города Тамбова. Игуменъ Іосафъ, къ которому онъ обратился съ просьбой постричь его въ монахи, зналъ Степана за человѣка „къ церкви подвижнаго, въ молитвѣ не лѣностнаго, къ пѣнью на клиросѣ удобнаго“, притомъ же изряднаго начетчика. Поэтому, Іосафъ и спѣшилъ утвердить Степана въ его намѣреніи покинуть свѣтъ, и надумилъ, что онъ долженъ былъ для этого сдѣлать. Согласно наставленью отца-игумена, молодой человѣкъ неоднократно словесно просилъ, какъ его, игумена, такъ и всю честную братью монашествующую принять его въ свою среду; затѣмъ, Степанъ подалъ письменное о томъ прошеніе: игуменъ, іеромонахи и іеродіаконы положили, какъ того требовали указы того времени, письменную рѣзолюцію на томъ прошеніи, что они согласны принять въ свою среду просителя. Но Степанъ былъ женатъ; современныя же постановленія, обнародованныя правительствомъ, требовали, чтобъ жена желающаго постричься дала отъ себя „роспускное письмо“. Самъ игуменъ взялся то дѣло уладить, отправился къ женѣ Степана, и убѣдилъ ее дать означенное письмо. Въ письмѣ молодая женщина заявляла, что мужъ ея желаетъ постричься, что препятствій къ тому съ ея стороны не имѣется, и что о растріженіи его нигдѣ она бить челомъ не станетъ. Письмо должно было быть засвидѣтельствовано отцомъ духовнымъ,—Іосафъ устроилъ и это: нашъ прежній знакомый, отецъ Дмитрій, скрѣпилъ то письмо своею подписью. Выполняя требуемыя формальности, игуменъ Іосафъ,

¹⁾ П. С. З., т. III, №№ 1612 п. 16 и 17, 1629; т. IV, №№ 1834, 1839, 1856, 1886, 2394; т. V, №№ 2985 п. 3, 3712; т. VI, №№ 3718, 3888, 3910, 3912, 3964—65, 3975, 4012, 4015 и друг.

спусти нѣсколько времени, опросилъ мать и жену Выморкова, при постороннихъ свидѣтеляхъ: дано ли то письмо роспускное добровольно, и дѣйствительно ли отецъ Дмитрій, по ихъ просьбѣ, скрѣпилъ то письмо своею подписью? Обѣ женщины отвѣчали утвердительно, и жена Степана, при игуменѣ, для его увѣренія, протянула руку попу Дмитрію.

— Аще нынѣ не пострижется мужъ твой, говорилъ молодой женщинѣ Иосафъ:—вѣкъ монахомъ не будетъ, потому ужъ теперь, по указу, составляется перепись монаховъ, и когда составится реестръ и учинится табель всеѣмъ имъ, тогда постригать никого не доведется... ¹⁾, а ты, продолжалъ онъ, обращаясь къ женѣ будущаго монаха:—выходи вновь замужъ, за кого похочешь.

— Коли такъ, я пойду замужъ, сказала та Выморкову.

— „Нѣтъ, не ходи“, молвилъ тотъ, мысленно рѣшившись, однако, скорѣе видѣть жену свою за другимъ, нежели вернуться въ свѣтъ.

Такимъ образомъ, Степанъ Выморковъ покончилъ все свои отношенія къ семьѣ, и вскорѣ по исполненіи надъ нимъ обычной церемоніи, въ братью Предтечева-Трегуляева монастыря поступилъ новый братъ Самуилъ.

III.

Трегуляевъ монастырь въ то время принадлежалъ къ числу довольно богатыхъ монастырей, за нимъ немало было деревень, земли и всякихъ угодій. Въ монастырѣ была многочисленная братія и новый братъ скоро встрѣтилъ въ ея средѣ нѣсколькихъ лицъ, которымъ довѣрчиво передалъ свои убѣжденія относительно появленія на свѣтъ антихриста; довѣріе съ его стороны къ нѣкоторымъ изъ монаховъ тѣмъ скорѣе было вызвано, что они вполнѣ раздѣляли убѣжденія Самуила, и гораздо прежде его остановились на той мысли, что въ Петербургѣ давнымъ-давно сидитъ антихристъ. Одинъ же изъ братіи, монахъ Филаретъ, разсказалъ Самуилу, по поводу тол-

¹⁾ Въ январѣ 1723 г. по всеѣмъ монастырямъ, вслѣдствіе синодскаго указа, составлялись реестры всеѣмъ находящимся въ монастыряхъ монахамъ, съ указаніемъ: сословія, изъ какихъ они поступили въ монастырь, сколько имѣютъ лѣтъ отъ рожденія и какъ долго находятся въ монастырѣ, въ той или въ другой обители приняли постриженіе, какія имѣютъ дѣла послушанія, какому искусны рукодѣію и т. п. Перепись та скрѣплялась монастырскими властями.

ковъ о томъ, кто таковъ императоръ Петръ, слѣдующую, ходившую въ то время въ народѣ легенду.

— Надъ нами царствуетъ нынѣ, говорилъ Филаретъ:— не нашъ государь Петръ Алексѣевичъ, но Лефортовъ сынъ. Блаженной памяти государь-царь Алексѣй Михайловичъ говорилъ женѣ своей, царицѣ: „ежели сына не родишь, то учиню тебѣ нѣкоторое озлобленіе“. И она, государыня, родила дщерь, а Лефортъ сына, и за помянутымъ страхомъ, втайнѣ отъ царя, размѣнялись—и тотъ, Лефортовъ сынъ, и нынѣ царствуетъ!... ¹⁾.

Такіе рассказы не могли, разумѣется, разсѣять заблужденій молодого монаха; напротивъ, болѣе и болѣе коснѣлъ онъ въ нихъ, и креститься сталъ по старопечатнымъ книгамъ, что, какъ кажется, не производило смущенія въ честной обители. Только іеромонахъ Никодимъ, инквизиторъ Мигулинскаго Троицкаго на Дону монастыря, дядя родной Самуила, зайдя его провѣдать, замѣтилъ племяннику: „крестись ты первыми тремя перстами, вѣдь и греки такожь крестятся“... Тотъ повелъ съ своей стороны рѣчь объ антихристѣ, что-де царствуетъ онъ надъ ними...

— „Нѣтъ, успокоивалъ его Никодимъ:— то не антихристъ, развѣ—предтеча его“... И это говорилъ инквизиторъ, то-есть лицо должностное, облеченное большою властью надъ монахами, и обязанное о всякомъ „противномъ“ словъ доносить властямъ держащимъ!...

Племянникъ не успокоился, не повѣрилъ дядѣ, и пропагандируя въ средѣ молодыхъ братій честной обители ученіе объ антихристѣ, скоро нашелъ себѣ въ молодомъ монахѣ Степанѣ ревностнаго послѣдователя. Степанъ былъ увлеченъ рѣчами Самуила, тѣ рѣчи проникнуты были самымъ искреннимъ убѣжденіемъ, и повѣрилъ онъ своему сотоварищу во всемъ, и сталъ креститься большимъ перстомъ

¹⁾ С. М. Соловьевъ приводитъ въ XV-мъ томѣ своего труда народныя толки о Петрѣ I-мъ и его преобразованіяхъ, и въ дѣлѣ преобразенскаго приказа и тайной канцеляріи выписываетъ нѣсколько бродившихъ въ народѣ легендъ о происхожденіи Петра I-го (М. 1865 г. стр. 126—135 и друг.). Такимъ образомъ, составитель «Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ» призналъ справедливость давно уже и нѣсколько разъ высказанной нами мысли о томъ, что при изложеніи дѣяній Петра I-го, историкъ не имѣетъ ни малѣйшаго права обходить молчаніемъ того говора, тѣхъ сужденій и разсказней, съ которыми встрѣчали народныя массы реформы Петра Великаго. Печатавъ нѣкоторыя изъ розыскныхъ дѣлъ тайной канцеляріи въ разныхъ журналахъ 1860—1862-хъ годовъ, мы постоянно указывали на то значеніе, какое долженъ имѣть этотъ важный матеріалъ для историка эпохи преобразованія, и теперь отъ души радуемся, что и г. Соловьевъ не преминулъ воспользоваться этимъ матеріаломъ. (1865 г.).

съ двумя послѣдними, и во всѣхъ, нераздѣляющихъ его и учителя его убѣжденій, сталъ видѣть не кого другого, какъ слугъ антихристовыхъ. Въ другомъ монахѣ, Павлѣ, Самуиль скоро приобрѣлъ другого, не менѣ ревностнаго послѣдователя своего ученія.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1723 года, всю братію трегуляевской обители вмѣстѣ съ игуменомъ, по какому-то важному дѣлу, вызвали въ Воронежъ, гдѣ въ надворномъ судѣ снимали съ нихъ допросы. Самуиль имѣлъ въ Воронежѣ родныхъ, у которыхъ и проводилъ свои досуги, не оставляя пропаганды своего ученія.

— Богъ то знаетъ, антихристъ-ли онъ, императоръ-то Петръ, замѣтила однажды Самуилу одна изъ его собесѣдницъ, Ѳедосья Осипова: — потому, жила я въ Нижнемъ, а про то не слышала, а говорятъ въ Нижнемъ, что нынѣ новая вѣра, а старую вѣру покинули, и архіерей нижегородскій, Питиримъ, самъ былъ въ старой вѣрѣ, да преложилъ, и мучить тѣхъ, кто крестится однимъ большимъ перстомъ съ двумя послѣдними...

— „Я и въ книгѣ то присмотрѣлъ, замѣтилъ на это Самуиль: — это такъ“.....

— Вотъ его, продолжала Ѳедосья: — его, Питирима, нижегородцы точно называютъ антихристомъ¹⁾. А сама я слагаю руку по старопечатнымъ книгамъ, потому такъ велятъ креститься священники въ Нижнемъ.

Вскорѣ послѣ того Самуиль составилъ и своеручно написалъ въ тайнѣ „хулительное письмо“; то было нѣчто въ родѣ воззванія къ священнымъ чинамъ о томъ, что они повинуются не государю, исполняютъ волю не законнаго монарха, а антихриста. Письмо то Самуиль сохранялъ у себя и, какъ кажется, никому не читалъ, выжидая только удобнаго случая его подбросить комунибудь такъ, чтобы оно „до священнаго чина дошло“. Случай этотъ представился въ день выхода изъ Воронежа. Самуиль подкинулъ то письмо, безвѣстно отъ своихъ сотоварищей-монаховъ, во дворъ одному изъ жите-

¹⁾ Питиримъ, архіепископъ нижегородскій и алатырскій съ 1719 по 1738 г., род. около 1665 г., ум. въ 1738 г. Питиримъ извѣстенъ какъ самый рьяный гонитель раскола и какъ авторъ нѣсколькихъ полемическихъ противъ раскола сочиненій; этотъ человекъ былъ весьма замѣчателенъ умомъ, силою воли, необыкновенною ревностью къ православію и необычайнымъ для своего времени безкорыстіемъ. Императоръ Петръ дѣянія Питирима въ защиту православія противу раскола называлъ: «подвигами равноапостольскими». Весьма обстоятельная біографія Питирима помѣщена архимандритомъ Макаріемъ въ его «Исторіи Нижегородской іерархіи». Спб. 1857 г. стр. 32—103.

лей города Воронежа. Дошла-ль та грамотка „до священнаго чина“ и какая судьба ее постигла—неизвѣстно. Между тѣмъ на пути изъ Воронежа въ Тамбовскій уѣздъ „Самуилъ въ церковь гдѣ ходилъ, гдѣ нѣтъ, крестился противу старопечатныхъ книгъ, и не надѣялся обрѣсти въ молитвѣ, въ церквахъ, никакого для себя спасенія“. Перечитывая въ это же время книгу Стефана Яворскаго: „объ антихристѣ“, онъ ни мало ей не вѣрилъ и стоялъ на томъ, что книгу сочинилъ преосвященный только съ единственною цѣлью угодить ему, антихристу ¹⁾).

А тутъ, на бѣду Самуила, встрѣтился ему въ селѣ Избердей боярскій сынъ Захаръ Лежневъ; новый знакомый сталъ разъяснять Выморкову, куда дѣлся настоящій государь: „нашъ государь, толковалъ Лежневъ, пошелъ въ Стѣкъ-холмъ, а тамъ его посадили въ заточеніе, а это, что нынѣ царствуетъ, не нашъ государь, царь Петръ Алексѣевичъ, иной...“

„Кто жъ иной, какъ ни самъ антихристъ!“ думалъ Самуилъ, и вмѣстѣ съ единомышленникомъ своимъ, монахомъ Павломъ, сталъ гласно разъяснять жителямъ села Избердей — кто таковъ, по ихъ твердому убѣжденію, царь Петръ Алексѣевичъ.

Рѣчи произвели свое дѣйствіе: крестьяне повѣрили. Встрѣтился на дорогѣ дьяконъ. Самуилъ тотчасъ сообщаетъ и ему свое ученіе.

Пришли въ свой монастырь. Здѣсь Самуила ждалъ новый, тяжкій ударъ. Полученъ былъ „Духовный Регламентъ“ ²⁾. Случилось такъ, что инквизиторъ тамбовскихъ монастырей Александръ велѣлъ

¹⁾ Знаменія пршествія антихристова и кончины вѣка... М. 1703 г. Ц. печ., въ 8 л. Соч. Стефана Яворскаго, имѣло послѣ того нѣсколько изданій. Самый выходящій этой книги въ первые же годы царствованія Петра I краснорѣчиво свидѣтельствуетъ, до какой степени сильно было распространено въ народѣ ученіе объ антихристѣ. Правительство вынуждено было не только скасовывать проповѣдниковъ того ученія, но и обращаться къ вразумленію массъ народныхъ въ особо составленномъ съ этою цѣлью сочиненіи. Объ означенномъ твореніи Стефана Яворскаго см. у Пекарскаго, т. II, стр. 77—80. Перечень сочиненій раскольниковъ объ антихристѣ см. въ изд. «Каталогъ или библіотека старообрѣдческой церкви, собр. гшаніемъ Павла Любопытнаго», въ Спб. 1829 г., изд. В. И. Касаткина. М. 1861 г. №№ 10, 147, 187, 219, 274, 288, 302, 325, 350, 351, 364, 395, 401, 487, 580, 598; другое изд. труда Павла Любопытнаго по другому списку и безъ всякихъ передѣлокъ со стороны издателя см. въ «Чтеніяхъ Общ. Ист.» 1863 г., кн. I, стр. 119—178.

²⁾ Объ изданіяхъ «Духовнаго Регламента» см. у Пекарскаго, т. II, стр. 520—526; 543—545; П. С. З., т. VI, № 4022. Духовный Регламентъ съ его прибавленіемъ распубликованъ, то есть разосланъ былъ по епархіямъ гораздо позже его составленія и напечатанія. Въ Тамбовѣ, напримѣръ, означенный Регламентъ былъ полученъ въ маѣ 1723-го года

именно монаху Самуилу читать братіи присланный Регламентъ, читать во время „трапезнаго ядѣнія“...

Самуиль Выморковъ, по окончаніи чтенія, дошелъ до такого изступленія, какъ самъ потомъ рассказывалъ, что готовъ былъ бросить „Регламентъ“ на полъ и тутъ же, въ трапезной, предъ лицомъ всей братіи, потоптать его ногами. Только присутствіе грознаго „инквизитора“ удержало его отъ поступка безумнаго. Но за то послѣ трапезы и чтенія Самуиль успѣшилъ излить свои чувства и думы другу своему Степану.

— „Вотъ помнится мнѣ, говорилъ Самуиль: — въ Кирилловой книгѣ именно написано, что антихристъ вся заповѣди святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ сокрушить, и своихъ заповѣданій заповѣсть держати, и вотъ то его заповѣданія... и то къ тому стало, какъ прочь отвести отъ монашества... бѣжимъ изъ монастыря въ пустыню!“...

— Я въ твоемъ мнѣніи тебѣ помощникъ, съ полною довѣренностью къ учителю отвѣчалъ Степанъ, и они оба положили покинуть навсегда монастырь, ограда котораго не могла укрыть ихъ отъ ненавистныхъ имъ „заповѣданій антихриста“.

Бѣгство рѣшено. Степанъ, подъ предлогомъ работы, ушелъ въ одно изъ подмонастырскихъ сель. Самуиль, между тѣмъ, „великое свое страшное сумнѣніе“ и причину своего бѣгства спѣшилъ изъяснить въ письменномъ воззваніи къ братіи.

„Увѣдалъ я — писалъ Самуиль на полулистѣ „среднимъ письмомъ“, запершись въ своей кельѣ—увѣдалъ я отъ свѣтлыхъ писаній, что попущеніемъ Божиимъ принялъ область антихристъ прельстити весь міръ зане умножися нечестіе вездѣ и повсюду злая содѣвается“;... приведа затѣмъ нѣсколько мѣствъ изъ повѣсти въ книги Ефремовой объ антихриствѣ, и слова писанія: „егда же узрите мерзость запустѣнія, стоящую на мѣствѣ святѣ, тогда сущіи во Іудеи да бѣжать на горы“, Самуиль разъяснялъ, что и онъ бѣжитъ по слову тому въ пустыню, затѣмъ вмѣнялъ „печати антихристовой бытъ брадобритіе“ и много и долго еще писалъ, а все о томъ же возросшемъ въ лицѣ императора Петра антихриствѣ; воззваніе заканчивалось словами: „се Азъ съ вами есмь до скончанія вѣка, амшнъ“.

IV.

Самуиль поспѣшилъ съ воззваніемъ къ другу и ученику своему Степану, въ подмонастырскую вотчину. Тамъ они вмѣстѣ прочли „письмо“, потомъ ушли въ монастырскій пчельникъ, гдѣ ихъ ждалъ знакомый нашъ монахъ Павелъ, и тутъ же друзья нашли двухъ другихъ монаховъ изъ своего монастыря, Киріона и Марка; первый былъ старъ и глухъ, второй безграмотенъ. Воззваніе было передано Павлу и онъ вслухъ прочелъ его всѣмъ предстоящимъ... Содержаніе его вызвало большіе толки и разсужденія между тремя друзьями; долго совѣтовались они, между прочимъ, о томъ, какъ и когда уйти въ горы. Необходимость бѣгства была признана.

— Я теперь, говорилъ Павелъ:—какъ на моемъ острѣѣ, на которую сторону свалюсь, въ ту и пойду...

— Богъ-знаетъ, говорили между тѣмъ прочіе собесѣдники, отцы честные Кирианъ и Маркъ:—а мы токмо знаемъ, что Господи помилуй!

Молодой монахъ Степанъ, сильно возбужденный воззваніемъ Самуила и твердо рѣшившійся бѣжать, душою болѣлъ, что его родные въ Шацкѣ живутъ и гибнутъ въ слѣпотѣ¹⁾, въ невѣдѣніи, что надъ ними властвуетъ врагъ Христовъ. Юноша молилъ своего учителя написать въ Шацкъ посланіе, просвѣтитъ невѣдущихъ. Учитель охотно согласился и писалъ къ роднымъ Степана нѣсколько писемъ, въ которыхъ разъяснялъ имъ о подлинномъ крестномъ знаменіи противъ старопечатныхъ книгъ и о прочемъ, то-есть объ остороженіи отъ антихриста. Письма, однако, не дошли по своему назначенію; люди, которымъ молодые пріатели вручили ихъ для доставки въ Шацкъ, „присмотрѣли, что письма тѣ были безголовныя“, и ихъ изодрали.

По написаніи тѣхъ писемъ, отправился Самуиль въ городъ; зашелъ на степи во дворъ тамбовскаго Казанскаго монастыря, заночевалъ здѣсь и не упустилъ случай къ пропагандѣ. Разговоръ длился у него съ однимъ монахомъ долго; слушатель съ своей стороны приводилъ свидѣтельства о рожденіи врага Христова. Подошелъ къ себе

¹⁾ Шатскъ или Шацкъ, съ 1779 г. уѣздный городъ Тамбовской губерніи, въ 158 верстахъ отъ Тамбона. Въ описываемое нами время, Шацкъ былъ провинціальнымъ городомъ Воронежской губерніи, см. Щекатова, т. VI, стр. 216—220.

сѣдникамъ іеродіаконъ Изосима, онъ незадолго предъ тѣмъ былъ въ Москвѣ.

— „Ну, какъ имѣется въ Москвѣ, началъ Самуиль разспрашивать пріѣзжаго:—какъ ходять тамъ старообрядцы?“

— Ходять въ бородахъ и съ козырями, отвѣчалъ Изосима:— и носятъ особливое платье, а другимъ запрещено указомъ бороды носить, и платье носятъ нѣмецкое; раскольникамъ же приказано надзирать у воротъ и на кабакахъ у всякихъ сборовъ...¹⁾

— Для чего книгу Ефремову и Соборникъ отставили? ²⁾

— Присланъ указъ, въ чемъ (то-есть въ чтеніи его и исполненіи) подписались игумены...

— „Теперича, перебилъ Самуиль:—стало сущее невѣрствіе, знатно имъ, императору да синоду, Ефремъ-отъ пишетъ въ противность... Онъ—не царь-отъ, Петръ, онъ антихристъ! сущую правду старообрядцы говорятъ, что нашего государя нѣтъ — онъ въ полону, а этотъ иной... Вонъ и царицу оставилъ, а другую полялъ... Надобно за то, что отставлены книги Ефремова и Соборникъ умереть!“...

— Что тебѣ дѣйствовать, отвѣчалъ іеродіаконъ:—не надобно умирать, пропадешь душою и тѣломъ... А что точно чтеніе книги Ефрема и Соборника по церквамъ отставлены, часовни ломають, оклады образовъ—посодрали... и хотя не антихристъ онъ, императоръ-то, потому и въ писаніи сказано: „нѣсть и не бывало еще на земли“ его, антихриста, — однако знатно по всему, что онъ предтеча антихриста...

Пришелъ Самуиль на утро въ Тамбовъ, вошелъ въ домъ свой и объявилъ роднымъ и женѣ: „не хочу быть монахомъ у отступниковъ, хочу дома жить, да въ церковь не ходить и носить платье старообрядцевъ, и окладъ готовъ платить за это“...

Пришли пристава отъ инквизитора, арестовали Выморкова и привели въ Казанскій монастырь. Инквизиторъ вмѣстѣ съ игуменомъ Измаиломъ встрѣтили арестанта на крыльцѣ игуменской кельи. Взглянулъ на нихъ Самуиль, вспомнилъ, что эти самые начальныя люди подписались подъ указомъ о нечитаніи книгъ Ефремовой и Соборника, и не пошелъ подъ благословеніе.

¹⁾ См. указъ Петра I о раскольникахъ въ П. С. З., т. IV, № 2015; т. V, № 2874; т. VI, №№ 3944, 4034, 4041, 4121; т. VII, №№ 4245, 4256, 4596 и проч.

²⁾ «Соборникъ сіе есть собраніе словъ правоучительныхъ и проч.» изд. 2; печ. въ 1642, 1647 и 1700 гг.

— Для чего ты подѣ благословеніе не идешь? закричалъ инквизиторъ.

— „А для чего вы, отвѣчалъ помолчавъ Самуиль, обращаясь къ игумену:—для чего вы подписываетесь въ нечитаніи книгъ?“

— Не мы первые, отвѣчалъ тотъ: и архіереи въ началѣ подписались...

— Надо-ть его отстегать плетьюми, говорилъ инквизиторъ:—за то что подѣ благословеніе не идетъ—пошлите сюда приставовъ съ плетьюми...

— „Въ духовномъ регламентѣ, говорилъ между тѣмъ игумену Самуиль:—въ регламентѣ написано: проклятъ, кто жену покинулъ; а хотѣлъ-было себѣ спасеніе достигнуть—постригся, а нынѣ по (той) клятвѣ (регламенту) не хочу монахомъ быть, а хочу съ женою жить“...

— Ну, и скинь монашество, насмѣшливо отвѣчалъ игумень.

Самуиль снялъ камилавку и положилъ ее на крыльцо... „Постригся я у отступниковъ“, думалъ онъ про себя: „и то постриженіе теперь отложу, уйду въ пустыню къ монахамъ въ горы и тамъ вновь постригусь“...

— Вотъ и дьяконъ сталъ, хохоталъ игумень:—дуракъ ты, дуракъ, въ регламентѣ написано: кто нынѣ покинетъ жену, тотъ проклятъ, а вѣдь ты уже монахъ! не бойся клятвы!...

Взялъ Самуиль камилавку, надѣлъ ее и перекрестился по арменскому слаганію... „Ужъ (ничего не подѣлаешь), умру въ монахахъ“. Подошли пристава съ плетьюми и началось битье нещадное... Высѣченнаго сдали подѣ караулъ въ духовный приказъ, оттуда на утро перевели въ Казанскій же монастырь въ хлѣбню. Вчерашнее наказаніе было сильное—бѣднякъ стоналъ.

— Что покряхтываешь? спросилъ его іеродіаконъ Изосима.

— „Бить плетьюми за укореніе игумена и инквизитора въ подписаніи о нечитаніи книги Ефремовой“.

— Не надобно было тебѣ укорять...

— „Духъ бодръ, а плоть немощна“.

Не былъ, однако, въ избытокъ тѣлѣ и духъ бодръ; несчастный продолжалъ терзаться своими обычными тяжкими сомнѣніями, и не видя исхода изъ нихъ, рѣшился уморить себя голодомъ... Дня съ два пролежалъ онъ въ монастырской банѣ безъ пищи, въ чайніи—замучиться, наконецъ плоть одолѣла надѣ духомъ, и Самуиль вкусилъ монастырскаго брашна и питія...

Изъ Трегуляевского монастыря явился за нимъ отъ Иосафа посланный. Самуила посадили, по приказу инквизитора, на цѣпь. Несчастный сидѣлъ на цѣпи много дней и сильно тосковалъ о томъ, что ему не удалось убѣжать изъ сѣтей антихристовыхъ. И отъ „великой своей ревности противъ антихриста и сумнительнаго страха“ — сталъ Самуиль кричать злыя слова въ хулу и поношеніе Петра I.

Впрочемъ, фанатикъ нашъ не пострадалъ за „злыя слова“; дѣло въ томъ, что самъ игуменъ Иосафъ нетолько снисходилъ къ томящемуся на цѣпи монаху, но видимо раздѣлялъ его образъ мыслей о Петрѣ. По крайней-мѣрѣ, когда Самуиль и ему, игумену—впрочемъ съ глазу на глазъ—высказалъ свое мнѣніе о томъ, кто таковъ императоръ Петръ—Иосафъ отвѣтилъ только на это: „поди зѣвай на торгу (то-есть кричи на площади), а не здѣсь!“ Говорили они, на единѣ же, и о ненавистномъ имъ обоимъ духовномъ регламентѣ.

— „Мню я, говорилъ арестантъ:—до коихъ мѣстъ здравствуетъ государь, до тѣхъ мѣстъ и регламентъ будетъ, а какъ его не станеть, то и уничтожится“...

— Вонъ царь говорилъ, сказываютъ, сообщалъ отъ себя Иосафъ:—съ Степаномъ (Яворскимъ), съ митрополитомъ: я, молъ, сдѣлалъ регламентъ генеральный, а ты сдѣлай регламентъ духовный, насъ и будутъ поминать...

— „Государь-то императоръ, онъ пишется не просто, разсуждалъ между прочимъ съ игуменомъ Самуиль:—и прежніе греческіе цари, какъ вычиталъ я въ книгѣ Воронія, писывались императорами“...

О чемъ шла еще бесѣда у Иосафа съ Самуиломъ, намъ неизвѣстно, но что первый не питалъ ни малѣйшаго нерасположенія къ послѣднему, это онъ доказалъ, выхлопотавъ у инквизитора освобожденіе Самуила. „Ну, будешь ли безъ вѣдома изъ монастыря бѣгать?“ — спрашивалъ послѣ того игуменъ Выморкова. Тотъ предъ образомъ „далъ вѣру“, что изъ монастыря безъ вѣдома уходитъ не будетъ. Иосафъ успокоился и, отправляясь въ городъ нѣсколько дней спустя, взялъ съ собою и Самуила, откуда и отпустилъ его одного въ монастырь. Въ тотъ же вечеръ Выморковъ сошелся съ друзьями своими, монахами Павломъ и Степаномъ, да съ жителемъ Сокольскаго уѣзда, бѣльцомъ, Захаромъ Лежневымъ, „молодымъ еще молодчикомъ“. — Долго и долго они бесѣдовали и объ общемъ злодѣѣ „антихристѣ“, и о томъ, какъ бы уйти въ горы „свои души спа-

сать“, и всѣ-то четверо хвалили старопечатныя книги и радовались объ нихъ и пѣли противъ тѣхъ книгъ тропари: „помилуй насъ, Господи, помилуй насъ“...

Поздно ночью друзья, поужинавши, разошлись по кельямъ. Самуилу не спится, голова воспалена бесѣдой, и онъ идетъ на колокольню помечтать о своемъ побѣгѣ въ горы. Душа молодого монаха жаждетъ бесѣды, и все о томъ же „сумнительствѣ объ антихристѣ“, неотвязно днемъ и ночью преслѣдующемъ его.—Приходитъ на колокольню пономарь Іоаннъ. Самуилъ, съ обычною ему смѣлостью, начинаетъ говорить: „какъ намъ быть, вѣдь церкви-то божиі осквернены антихристовою скверною“... и отхватываетъ цѣликомъ раскольничью рѣчь, вычитанную имъ въ служебникѣ, времяя царя Алексѣя Михайловича.

— Воля божья, отвѣчаетъ пономарь:—хотя и брадобритый (а пуцай) ходитъ въ церковь, мы его покроемъ святою водою, такъ и ничего не будетъ.

Въ ту же ночь, на 29-ое іюня 1723 года, бѣжалъ Самуилъ въ степь. За нимъ послѣдовалъ и преданный ему монахъ Степанъ. А такъ какъ бродяжничество монаховъ въ то время строго на строго воспрещалось указами и безъ паспорта нельзя было выходить изъ монастыря, то Самуилъ самъ написалъ себѣ видъ и подписалъ его вмѣсто игумена Іосафа.

V.

Ночью бѣглецы пришли на пчельникъ близъ монастырской вотчины, не далеко отъ ихъ обители. Сюда же явился и Павелъ.—Пошли толки и планы о побѣгѣ. Степанъ и Самуилъ убѣждали Павла бѣжать съ ними, тотъ что-то все еще не рѣшался. Тогда друзья развернули книгу Ефремову и стали читать рѣчь, приведенную въ повѣсти объ антихристѣ, въ которой, между прочимъ, особенно останавливались на слѣдующемъ мѣстѣ: „егда же узрите весь міръ смущенъ и когожде бѣжаща скрытися въ горы и о всѣхъ гладомъ умирающихъ и иныхъ жаждою истеающихъ, яко воскъ и не будетъ помогающаго“ и проч. Все это мѣсто чтецы приводили въ подтвержденіе необходимости бѣгства.

— Я уже рѣшился, отвѣчалъ Павелъ:—но еще погожу...

На пути встрѣтился имъ монахъ изъ Преображенской пустыни

Ефремъ. Бѣглецы не сочли нужнымъ скрывать отъ него, что пробраются въ горы къ какимъ-нибудь людямъ, чтобы укрѣиться у нихъ и жить тайно.

— Заѣзжайте вы, посовѣтовалъ имъ встрѣчный инокъ:—заѣзжайте на рыбную ловлю, тамъ есть у меня товарищъ, монахъ Варсонофій; скажите, что вы отъ меня, онъ васъ укроетъ, и вы меня тамъ дожидитесь, а я съ вами готовъ самъ уйти хоть въ Царьградъ...

На рыбной ловлѣ отецъ Варсонофій принялъ бѣглецовъ дѣйствительно радушно. Пробыли они здѣсь, въ ожиданіи Ефрема, съ недѣлю и не потеряли время для пропаганды. Познакомилъ ихъ Варсонофій съ жителемъ деревни Вротки, бѣльцомъ Григоріемъ, и имъ обоимъ друзья наши съ обычнымъ жаромъ передавали свое ученіе, приводили свидѣтельства отъ писанія, учили креститься „противъ старопечатныхъ книгъ“.—Оказалось, что тѣ уже крестятся по старообрядчески, и книги старопечатныя любятъ; тѣмъ не менѣе бѣглецъ Григорій до того былъ умиленъ поученіями Самуила и Степана, что сказалъ имъ:

— Сыщите себѣ мѣсто гдѣ отъ меня не въ дальности, въ горахъ, и, вырывъ пещеру, живите въ тайнѣ; я васъ кормить готовъ, а въ даль не ходите; я бы самъ куда споль, да жаль жены и дѣтей.

Пришелъ, между тѣмъ, и новый пріятель нашихъ бѣглецовъ, монахъ Ефремъ, и всѣ четверо: „многими умышленными разговорами“ открыли ему все ученіе о явившемся антихристѣ; между прочимъ, Самуиль ссылался въ подтвержденіе своего мнѣнія на Кирилову книгу, гдѣ сказано, что антихристъ явится подъ именемъ Симона-Петра, что царство его можетъ быть въ Римѣ и во Іерусалимѣ, „а въ Кириловой книгѣ, толковалъ Самуиль:—помнится мнѣ, написано тако: или отъ Рима или отъ инуда (?) такую воспріиметъ власть (антихристъ), и потомъ, и во Іерусалимѣ будетъ царемъ“...

— Такъ оно и будетъ, вполне согласился Ефремъ:—онъ, государь-то, Петръ, а при себѣ сдѣлалъ—сѹнодъ, тоже стало и выходитъ: Симонъ да Петръ... А и креститься, заключилъ Ефремъ:—противу старопечатныхъ книгъ я люблю и готовъ.

Увидать у новообращеннаго Самуиль святцы новаго изданія, развернулъ ихъ, а на заглавномъ листѣ напечатана обыкновенная оголовка: „во славу Святыхъ Троицы и проч. повелѣніемъ всепре-

свѣтлѣйшаго и державнѣйшаго государя нашего Петра Великаго, императора и самодержца всероссійскаго, благословеніемъ же свѣтлѣйшаго правительствующаго сѣнода "... Не стерпѣлъ фанатикъ и, руководимый „безмѣрною ревностю и сумнительствомъ“, вырвалъ листъ изъ книги, „изщипалъ его и бросилъ въ рѣку“¹⁾.

— Напрасно ты это дѣлаешь, замѣтилъ Ефремъ.

— „Видѣть я того не хочу, горячился Самуилъ:—вѣдь вотъ содержитъ все онъ, государь, яко православный христіанинъ, а между тѣмъ, какъ ни на есть прельститъ онъ насъ и отведетъ отъ вѣры... Правду сказано въ повѣсти Ефремовой о антихристѣ: „образъ принять истиннаго пастыря, да прельститъ овецъ стада“ и проч., а и Григорій Назіанзинъ что пишетъ: „внезапу превозстанетъ и возцарствуетъ и возлицемѣрствуетъ благостыню и потомъ поженетъ церковь Божію“ и проч.

Проповѣдникъ съ сотоварищемъ собрались въ путь, идти дальше искать „спасенье душъ своихъ“. Между тѣмъ, какъ пропаганда Самуила и Степана шла такимъ образомъ довольно удачно и они находили радушный себѣ приѣмъ, сотоварищъ ихъ, монахъ Павелъ, рѣшился наконецъ также бросить монастырь и въ началѣ іюля 1723 г. прибилъ къ воротамъ монастыря какіе-то „листы“, какъ кажется хулительныя, и бѣжалъ въ степь.—8 іюля листы были замѣчены, и одинъ подьячій, дядя Выморкова, призналъ въ прибитыхъ письмахъ, неизвѣстно по какимъ „примѣтамъ“, сочиненіе Самуила...

Сочинитель въ это время, сопровождаемый Степаномъ, шель къ казачьимъ городкамъ.—Путь далекій; идутъ, да бесѣду ведутъ.

— „Хотѣлъ было антихристъ, рассказываетъ Степанъ;—въ патріархи поставитъ кievскаго митрополита. Вотъ и привели его въ соборную церковь ставить, а митрополитъ говорить: дай мнѣ, чтобъ были старопечатныя книги—и буду патріархомъ, а ежели не такъ, не хочу. А антихристъ-то, въ отвѣтъ на то, выхватилъ палашъ и замахнулся на него (митрополита), да какъ замахнулся, такъ и упалъ на него... Знатно за то случилось съ нимъ это, заключилъ Степанъ:—что онъ, антихристъ, не можетъ о старопечатныхъ книгахъ слышать... благодать божія за это самое и ушибла его, а

¹⁾ Достоинно вниманія, что и нынѣ старообрядцы, не всегда имѣя возможность имѣть старопечатныя книги, пользуются и тѣми изданіями, какъ напримѣръ, Четьи-Минеи, которыя изданы по благословенію сѣнода, но въ такомъ случаѣ, заглавный листъ всегда вырывается старообрядцами.

(1865 г.).

поднял его Александръ Меншиковъ, и по поднятїи молвилъ антихристъ ко всѣмъ: не будетъ вамъ патріарха!..“

Бесѣдуя такимъ образомъ, друзья пришли въ Добринскую станицу. Остановились на нѣсколько дней у попа. Степанъ съ найма работалъ поденно у казаковъ, Самуиль же „съ крѣпкимъ вниманіемъ“ читалъ старопечатные служебникъ и требникъ, да ходилъ съ попомъ въ церковь, къ службѣ божіей.—А по вечерамъ оба друга, „присмотря кого либо изъ простыхъ людей, изъ бурлаковъ“, открывали имъ ученіе свое объ антихристѣ.

— „Всѣмъ бо имущимъ боговидѣнія и разумъ, говорилъ Самуиль Степану, приступая къ просвѣщенію простыхъ бурлаковъ:—тогда разумно будетъ пришествіе мучителево, а имущіе умъ свой присно вещи жптїа сего и любящимъ земная неразумно будетъ пришествіе мучителево, аще и услышатъ слово, но не имуть вѣры и вельми имъ омерзитъ глаголя“—по словамъ снмъ Ефремовымъ въ повѣсти объ антихристѣ, поучалъ Самуиль друга своего, „инымъ людѣмъ и сказывать того не надлежитъ, за тѣмъ, что не повѣрятъ“...

На этомъ основанїи пропагандисты начали вести свои поученїя болѣе осторожно; такъ, открывая свѣтъ простымъ бурлакамъ, удерживались отъ откровенности въ разговорахъ съ попомъ Добринской станицы; впрочемъ, попъ понравился имъ, между прочимъ, тѣмъ, что на ектенїяхъ императора называлъ импереторомъ.

— Прямой импереторъ, пояснилъ нашимъ прїятелямъ попъ:—немало онъ людей—перетеръ...

И любо то было объясненіе Самуилу и Степану.

Пришли они въ Урюпинскую станицу, вечеромъ въ субботу; въ церкви шла вечерня, и какъ сталъ попъ возносить въ ектенїяхъ титулъ государя, по положенной формѣ, и Самуиль со Степаномъ не выдержали. „Мерзко имъ было слышать то и они стали харкать и плевать“, то же дѣлали на заутрени и часахъ, и поспѣшили уйти изъ этой станицы.

Въ Тепикинской станицѣ, путники познакомились съ иконописцомъ, казакомъ Аванасьевымъ. Самуиль занялся у него тканьемъ, а Степанъ пошелъ у казаковъ работать изъ поденной платы; ночевывали же они вѣстѣ на майданѣ; здѣсь по вечерамъ разъясняли нѣкоторымъ казакамъ и бурлакамъ, что царствуетъ нынѣ антихристъ. Слушали ихъ простые люди съ вѣрою и умиленіемъ, и только однажды одинъ изъ нихъ замѣтилъ проповѣдникамъ:

— Кому бы не служить, лишь бы насъ жаловали!...

Въ Тепикинской станицѣ Самуиль, къ великому своему сожалѣнію, долженъ былъ разстаться съ спутникомъ: Степанъ сильно заболѣлъ и боялся умереть въ „мірскихъ домахъ“. — Выморковъ купилъ ему лодочку, написалъ подорожную отъ имени игумена Иосафа въ другой монастырь, а иконникъ Аѳанасьевъ далъ граматку, благодаря которой больной могъ найти себѣ пріютъ у одного „трудника“, спасавшагося гдѣ-то на берегу Дона, въ пустыни.

VI.

Съ отъѣздомъ вѣрнаго сопутника и друга, Самуиль вдругъ измѣняется въ образѣ мыслей своихъ объ антихристѣ. Причину тому было то, что новый знакомый его, иконникъ Аѳанасьевъ первый взялъ на себя трудъ разъяснить молодому монаху его заблужденіе.

Задумался Самуиль, взялъ Прологъ, сталъ читать съ обычнымъ вниманіемъ ¹⁾. „Сумнительство“ его стало мало по малу разсѣваться: „буди такъ—думалъ монахъ, все то это хорошо, только противно мнѣ брадобритіе и что все то творять не противъ старопечатныхъ книгъ“...

Тѣмъ не менѣе на Самуила произвели сильное впечатлѣніе объясненія иконника; повелъ онъ съ нимъ разговоры многіе, а всѣ-то тѣ разговоры были, какъ онъ самъ потомъ разсказывалъ, про его императорское величество. Аѳанасьевъ развивалъ доказательства тому, что Петръ никакъ не можетъ быть антихристомъ. Къ сожалѣнію, бесѣды эти не дошли до насъ. Какъ бы то ни было, но толкованія Аѳанасьева произвели на необыкновенно воспріимчивую натуру Самуила самое сильное впечатлѣніе; досталъ онъ векорѣ послѣ того Соборникъ, прочиталъ въ немъ со вниманіемъ нѣкую повѣсть, и обрадовался, и какъ самъ впослѣдствіи времени разсказывалъ: „прежнюю хулу свою на государя и вполонинѣ страшился принять, и о прежнихъ хулахъ искренно соболѣзновалъ“.

Разбитый въ доводахъ своихъ объ антихристѣ, Самуиль встрѣтилъ зато въ той же казачьей станицѣ единомысліе по вопросу о

¹⁾ О Прологѣ и редакціяхъ его, см. „Москвитининъ“ 1846 г. №№ 11 и 12, «Библиографич. разысканія» Ундольскаго, стр. 206—208.

крестномъ знаменіи. Одинъ казакъ на толки Самуила по сему предмету замѣтилъ:

— Былъ я въ полону у турокъ, и ушелъ отъ нихъ на Кубань, и на Кубани есть два монастыря, и тамъ мнѣ одинъ начальной (человѣкъ) о крестѣ казалъ книгу, и противъ той книги по перстамъ мнѣ рассказывалъ: въ трехъ перстахъ замыкается сатана; не крестись такъ, живи у насъ, мы—благодаримъ Бога,—живемъ хорошо... Я остался не согласился. И какъ придешь домой, приказывалъ мнѣ тотъ же начальной: къ попу не ходи, насадить (онъ) тебѣ тридцать бѣсовъ, ты и въ годъ не отмолишь...“

Но знакомый уже намъ иконникъ Аванасевъ, казакъ вполнѣ православный, совершенно чуждый раскольничьихъ мнѣній, услыша отъ Самуила „сумнительство его о крестномъ знаменіи“, сталъ спорить съ нимъ и по этому пункту; онъ повелъ рѣчь про Никона патріарха, да про воронежскаго архіерея Митрофана... „А того Митрофана, говорилъ Аванасевъ, государь самъ погребалъ, и они крестились первыми тремя персты, ужъ-то и Богу пріятно, потому нынѣ и мощи ихъ нетлѣнны...“ И много, и долго говорилъ еще казакъ-иконникъ, и Самуиль повѣрилъ его доводамъ, „замерзлое свое сомнѣніе все отложилъ и сталъ крестъ полагать во образъ пресвятыя Троицы первыми тремя персты“...

Съ „отверстыми очами“ на всѣ свои заблужденія, шель Самуиль изъ Тепикинской станицы въ Островскую. Здѣсь жилъ родной братъ его, у котораго онъ и остановился. Къ брату хаживалъ пощъ той станицы, отецъ Григорій; познакомился онъ съ Самуиломъ и разговаривались.

— Заѣзжалъ ко мнѣ—сообщилъ отецъ Григорій—недавно въ гости пощъ изъ Царицына, или изъ Карамышенки; заѣзжалъ онъ съ игуменомъ Спасскаго монастыря, что на Усть-Медвѣдицѣ, и сказывалъ мнѣ: присланъ-де указъ изъ снуда, чтобы служить на опрѣснокъ. Богъ знаетъ, добавилъ отецъ Григорій: — какъ тутъ быть? отложить што-ли (дождаться?) покажетъ что будетъ?... А мнѣ и во снѣ видѣлось: пришелъ ко мнѣ въ церковь нѣбакою господинъ, будто со опрѣснокомъ, и будтожъ прилучился тутъ къ служенію Спасскій игумень, да Расопинскій пощъ Павель, и я, да приноситель тотъ, кому-то молвилъ: „сотвори волю цареву!“ и они будто на томъ опрѣснокъ и служили, и причащались, но я не причащался, и то вылилъ“...

Фантастическій разсказъ отца Григорья „не соблазнилъ“, однако, на этотъ разъ молодаго монаха; въ книгѣ „Увѣтъ духовный“, которая попалась ему въ Островской станицѣ подъ руку, Выморковъ нашель много „примѣровъ“ противъ раскольничьихъ заблужденій, и той книгѣ повѣрилъ, и укрѣпился.

Прошло три мѣсяца съ тѣхъ поръ, какъ Самуиль сталъ искать „спасенія души“ въ бродяжничествѣ по казацкимъ станицамъ. Теперь, когда голова его прояснилась, онъ, весь отдаваясь новымъ идеямъ, сталъ подумывать о возвращеніи въ среду монастырской братіи; но страшась наказанія за самовольную отлучку, Самуиль отправился сначала въ Мигулинскій монастырь, гдѣ въ кельѣ дяди своего родного, инквизитора Никодима, провелъ почти четыре мѣсяца, по конецъ января 1724 года, занимаясь чтеніемъ тѣхъ книгъ, какія разыскалъ въ дядиномъ чуланѣ. Особенно благотворно на него подѣйствовало внимательное чтеніе: „Соборнаго дѣянія, бывшаго въ Кіевѣ, на еретика монаха армянина Мартина“¹⁾. Всѣ прежнія сомнѣнія молодого подвижника о крестномъ знаменіи разсѣялись; въ другихъ книгахъ, въ Сборникѣ и проч. онъ нашель подтвержденіе доводовъ иконника Аеанасьева, и конецъ концовъ всего этого было то, что Самуиль, отдавшись, съ обычнымъ ему увлеченіемъ, новому направленію своихъ мыслей, съ великою ревностью и желаніемъ сталъ ходить въ церковь, каялся о мимошедшемъ невѣдѣніи, о томъ, что въ церковь не хаживаль, и хулы испущаль мерскія на императора словомъ, умомъ и помышленіемъ...

20 января 1724 г. Самуиль оставилъ Мигулинскій монастырь; въ Спасской обители онъ провелъ затѣмъ три дня и прочиталь здѣсь „Пращицу“ противъ раскольниковъ, соч. епископа Пятирима нижегородскаго²⁾. Эта книга еще болѣе разсѣяла туманъ, наполнившій голову молодого человѣка. Первый порывъ его былъ розыскать друга своего Степана, нѣкогда введеннаго имъ въ заблужденіе, и отвратить его отъ прежнихъ мнѣній. Съ этой цѣлью Самуиль сталъ разспрашивать монаха Спасскаго монастыря Іоня: не слыхаль ли онъ про того „трудника“, у котораго живеть Степанъ?

¹⁾ «Соборное дѣянiе кiевское, на армянина еретика Мартина... Ц. печ. Спб. 1718—1719 гг. Пекар. т. II, стр. 400—402, 408, 469. Архив. Макаріи: Пст. Нижегород. іерарх. Спб. 1857, стр. 40—43.

²⁾ О «Пращицѣ», см. у Макаріи: стр. 76—78. Пекарскій, томъ II, стр. 507—512. Пращица издана впервые въ 1721 г.

Оказалось, что Иоиля знаетъ урочище, гдѣ спасается тотъ „трудникъ“, потому къ нему много ходитъ народу, и Самуиль сталъ умолять Иоиля, чтобъ онъ передалъ отъ него Степану просьбу: „все сумнѣніе свое отложить, послушаться его и возвратиться въ свой монастырь“.

Послѣдній поступокъ какъ нельзя лучше обрисовываетъ предъ нами Самуила. Это—весь увлеченіе, очень часто ошибочное, но всегда искреннее... Всякой идеѣ, охватившей его голову, всякой идеѣ, выработанной въ его головѣ чтеніемъ ли, бесѣдой ли съ людьми, которыми онъ почему либо довѣрялъ, онъ предается со всей страстью, спѣшитъ ее передать другимъ, осуществляетъ ее на дѣлѣ, жертвуетъ для нея всѣми благами своей жизни, смѣло идетъ на встрѣчу всякимъ лишеніямъ и бѣдствіямъ, и такъ же круто, горячо искренно оставляетъ свои заблужденія, когда разумное слово или дѣльная книга указываетъ ему ихъ...

Такъ и теперь: знаетъ онъ очень хорошо, что съ возвращеніемъ его въ Трегуляевскій монастырь онъ неминуемо подвергнется по меньшей мѣрѣ нещадному наказанію „шелепами“ и аресту на цѣпи, что для него гораздо было бы безопаснѣе ходить по казачьимъ станциямъ, либо пробраться дальше, въ горы — но онъ убѣдился, что душевное спасеніе вполнѣ возможно получить и въ стѣнахъ того монастыря, откуда онъ бѣжалъ, что царствіе антихриста еще не настало, что безбоязненно можетъ ходить въ церковь и съ брадобритыми, что, наконецъ, въ трехъ первыхъ перстахъ, складываемыхъ для крестнаго знаменія, вовсе не сидитъ сатана—а потому и спѣшитъ возвратиться въ свою обитель.

На обратномъ пути въ Тамбовъ (Самуиль возвращался казачьими городками) нашъ молодой подвижникъ вездѣ и всѣмъ старается, „елико сила его постигла“, всѣхъ отъ „сумнительствъ“ отговорить и „сумнительства“ исправить.

Въ мартѣ 1724 г. Самуиль вернулся въ Трегуляевскій монастырь и первое, что успѣшилъ сдѣлать, это разубѣдить тѣхъ монаховъ, которые слыша иногда его хулы на Петра I, въ тайнѣ, какъ казалось ему, увѣровали въ справедливость его ученія объ антихристѣ.

VII.

Блудную овцу побилъ игуменъ „шелепами“ и опредѣлилъ въ монастырь, по прежнему. Иосафъ не лишилъ молодца и прежней своей благосклонности: въ поѣздку свою въ Раненбургъ, на ярмарку, онъ взялъ его съ собою и отсюда послалъ его въ Сокольскій уѣздъ для сыску бѣглаго монаха Павла. Самуиль, какъ всѣ впашіе въ расколъ, и потомъ искренно оставившіе его, радъ былъ просвѣтить очи заблуждавшимся вмѣстѣ съ нимъ; онъ съ полною готовностію отправился розыскивать Павла, съ цѣлю убѣдить его возвратиться въ монастырь. Нашелъ онъ Павла въ лѣсу, поселился онъ тамъ въ вырытой имъ самимъ пещерѣ, жилъ во трудѣхъ, спасая душу свою съ боярскимъ сыномъ, Захаріемъ Макаровичемъ Лежневымъ, и тремя товарищами, простыми мужиками. „Премногими разговорами“ сталъ приводить Самуиль своего бывшего сотоварища Павла „ко истинной вѣрѣ“, но тотъ и слушать не сталъ — убѣжалъ отъ него; тогда проповѣдникъ отправился въ пещеру къ Лежневу, и „многими мѣрами разговаривалъ съ нимъ и его сожителами, отводя ихъ отъ суевѣрія и обращая къ истинѣ“. Увѣщаніе и тутъ не увѣнчалось успѣхомъ: Захаръ твердо стоялъ на томъ, что въ лицѣ Петра I воцарился антихристъ. Тщетно Самуиль показывалъ ему книгу Стефана Яворскаго, „выговаривалъ отъ оной, а также и отъ другихъ книгъ довольно“, что антихристъ — не Петръ, но — никого своими доводами „отъ книгъ“ къ истинѣ не превратилъ, съ тѣмъ и вернулся проповѣдникъ нашъ къ своему игумену. Только спустя нѣкоторое время, Павла съ товарищами розыскали другіе люди и привели подъ карауломъ въ Тамбовъ. Здѣсь Самуиль раскрылъ другу своему его заблужденія и написалъ за него „обратительное доношеніе“, которое и представилъ въ духовный приказъ. Быть можетъ, благодаря „раскалнному письму“ — власти удовольствовались относительно Павла только тѣмъ, что заурядъ съ его лѣсными товарищами, сдѣлали имъ всѣмъ внушеніе батогами и водворили на прежнія мѣста жительства. Самуиль продолжалъ усердно опровергать тѣ ложныя толкованія, которыя дѣлали нѣкоторые изъ его сотоварищей при чтеніи священныхъ книгъ. Такимъ борцомъ противъ разсужденій, „къ поношенію чести превысокихъ особъ клонящихся“, явился онъ, между прочимъ, и въ слѣдующемъ случаѣ: въ поѣздкѣ

его изъ Раненбурга въ лѣсъ, для сыску заблудшаго монаха Павла, сопровождалъ его сынъ игумена Трегуляевского монастыря, пощъ села Избердей — Антипъ Ивановъ. По возвращеніи, пощъ Антипъ съ Самуиломъ стали читать извѣстную книгу Стефана Яворскаго объ антихристѣ и дошли до мѣста, гдѣ приведена выписка изъ апокалипсиса: „сидитъ жена любодѣйца на седми холмахъ, въ рущъ держитъ чашу пїана кровьюми святыхъ“ и проч. Антипъ сталъ изъяснять ту рѣчь по своему: „это — государыня, Екатерина Алексѣевна, сидитъ на седми холмахъ — на седми смертныхъ грѣхахъ!“

— „Я самъ прежь сего былъ въ сумнѣнїи, отвѣчалъ Самуиль: — и сбѣгалъ, и бѣсился, и мыслилъ, что та жена нынѣшняя царица, императрица Екатерина Алексѣевна; но теперъ вижу, что все то, конечно, неправда и все свое сумнѣніе въ томъ отложилъ“...

„Съ отложенными сумнѣніями“ прожилъ бы Самуиль въ своей обители спокойно до маститой старости и не возмутили бы его толки и бредни невѣжественныхъ монаховъ, поповъ и всякихъ бабъ. Но судьба предназначила ему другую долю въ жизни: она вызвала его изъ мирнаго монастыря и вдругъ, нежданно-негаданно, перенесла въ Москву, поставила лицомъ къ лицу съ плодами Петровскихъ реформъ, представила ему все общество, всю среду, непосредственно вынесшую на себѣ удары преобразовательнаго рѣзца и потому сильно измѣнившуюся въ бытѣ и обычаяхъ своихъ противъ завѣтной старины... Судьба та была не что иное, на этотъ разъ, какъ одинъ изъ указовъ государя, присланный изъ московской духовной декастерїи, которымъ въ сентябрѣ 1724 года призывались молодые, грамотные и способные монахи изъ всѣхъ монастырей въ школы. Инквизиторы поспѣшили сдѣлать на мѣстахъ распоряженія о немедленномъ исполненїи указа суроваго монарха, и въ томъ же сентябрѣ мѣсяцѣ 1724 года изъ Трегуляевского монастыря наряжено въ Москву четверо монаховъ, въ томъ числѣ былъ и Выморковъ.

— „Прощай, говорилъ Самуиль, придя въ Тамбовъ проститься съ женой: — не столь изъ сожалѣнїя къ тебѣ, сколь подтверждая законъ Божїй, молю тя, замужь не ходи! потому, еслибъ ты письма распускаго не дала, то нѣтъ ничего, а коли дала ты письмо, да посягнешь замужь, и въ томъ сотворишь ты прелюбодѣйство!...“

— Я бѣ постриглась, говорила молодая женщина: — да не велятъ...

Бѣдутъ молодые грамотники уму-разуму набираться въ московскую школу: не чинятся, ведутъ рѣчи о разныхъ разностяхъ.

— Сказываютъ, толкуеть іеродіаконъ Корнилій своимъ спутникамъ: — сказываютъ, когда былъ патріархъ, и на вербой недѣлѣ важивали у нихъ, патріарховъ, лошадей государи, и какъ здравствовалъ государь царь Іоаннь Алексѣевичъ, въ такое время приказывалъ брату своему, Петру Алексѣевичу: „ступай-де со мной, веди у патріарха лошады!“ и братъ-то Петръ не повелъ, а Іоаннь Алексѣевичъ и ударилъ его за то: „сіе устави святые отцы, сказалъ старшой-то братъ меньшому, а ты того не хочешь дѣлать“. „Дай только мнѣ сроку, отвѣтствовалъ на то Петръ: я это переведу!“ Да вотъ и точно, по своему, и перевелъ... Опять тожъ слышно, продолжалъ калякать Корнилій: что велятъ молодымъ монахамъ растригаться: напрасно онъ такъ дѣлаетъ, не бережетъ онъ душъ христіанскихъ! А надлежало бѣ такъ поступать: ежели бѣ кто хотѣлъ растригаться, и тѣхъ бы надобно въ кострѣ жечь...

Фанатическіе толки Корнилія не баламутили однако теперь Самуила: въ немъ еще свѣжи были вычитанные имъ доводы изъ разныхъ „правовѣрныхъ“ книгъ противъ подобныхъ заблужденій, и онъ спѣшилъ отвѣчать Корнилію далеко не такъ, какъ тотъ, быть можетъ, надѣялся:

— „Напрасно ты такъ говоришь, повторялъ Самуиль: — что-де надо желающихъ выйти изъ монашества жечь въ кострахъ. Я самъ видѣлъ въ уставѣ напечатано: „буде кто не хочетъ быть монахомъ, велѣно монашество снимать и игумену съ монахи“.

— Богъ знаетъ, чему нынѣ вѣрить...

— „Я и въ старопечатныхъ книгахъ о томъ же видалъ именно... подтверждалъ Самуиль. — Такъ растрись-то, коли не желаешь быть монахомъ—все не грѣхъ, а вотъ грѣхъ... Чего онъ царицуту постригъ, а иную взялъ? — это — точно грѣхъ. Потому, читалъ это я въ Миней-Четьѣ житіе Θεодора Студита, и тамъ именно повѣствуется, какъ-де въ бытность его Θεодорову царь (а какой по имени—не упомяну)... такъ царь-отъ такожде — какъ нонѣ нашъ государь—постригъ жену свою, а иную взялъ... И Θεодоръ Студитъ его въ томъ грѣхѣ изобличалъ не мало, за что по ревности своей претерпѣлъ изгнанье и заточеніе... Ну да, продолжалъ Самуиль: — воть (авось) уже та (первая жена Петра) и умерла, а мы ста-

немъ о здраціи и о спасеніи его императорскаго величества Бога молить ¹⁾)...“

Послѣднее „сумнѣніе“ Самуила въ грѣхѣ Петра было не весьма велико и вскорѣ, когда довелось ему прочесть судное печатное дѣло царевича Алексѣя и инокини Елены (Авдотьи Лопухиной), то и приведенное сумнѣніе вовсе разсѣялось; онъ согласился съ тѣмъ, что государь имѣлъ вполнѣ право развестись съ своей первой женой.

Такимъ образомъ чистый, неповинный уже ни въ какихъ предосудительныхъ, „къ хулѣ ихъ величествъ“ клонящихся мнѣніяхъ, явился монахъ Самуиль въ первопрестольную столицу.

Явились всѣ четверо въ духовную декастерію; тамъ на нихъ начальство посмотрѣло и велѣло ѣхать назадъ въ свой монастырь до новаго указу.

Трое изъ прибывшихъ трегуляевскихъ монаховъ, какъ кажется, съ радостію выслушали то приказаніе и поспѣшили отправиться во свояси, но Самуиль не раздѣлялъ ихъ радости. Напротивъ того, влекомый сильнымъ желаніемъ учиться, онъ подалъ въ декастерію письменное доношеніе, чтобъ его помѣстили въ школу. Просьба была исполнена, и монахъ Самуиль опредѣленъ въ школьное ученіе въ Спасскій монастырь; жить же и имѣть пропитанье молодой сподвижникъ школьнаго ученья долженъ былъ въ одномъ изъ чулановъ

¹⁾ Судьба царицы Авдотьи (Лопухиной) въ высшей степени трогала и занимала ея современниковъ, главнымъ образомъ простой народъ. Токи о ней постоянно ходили въ народѣ, и во многихъ дѣлахъ того времени, вершавшихся въ преображенской канцеляріи въ Москвѣ и въ тайной въ Спб., имя царицы Авдотьи встрѣчалось въ связи съ какою-нибудь сложеною объ ней легендою или отъ лица ея рѣчью. Но что всего интереснѣе, это то, что народъ сохранилъ о ней воспоминаніе въ трогательной пѣснѣ, которая еще въ нынѣшнемъ столѣтіи пѣлась народомъ. Вотъ эта пѣсня, какъ она передана г. Подсоховымъ въ «Записк. Акад. наукъ» 1864 г., т. V, кн. II, стр. 206.

Постригись, моя жена немилая,
Ты посхипись, моя жена постылая,
За постриженье тебѣ дамъ сто рублей,
За посхименение—всеѣ тысячу.
Я поставлю тебѣ нову келійку,
Я на суздальской, славной дороженькѣ,
Чтобы пѣшіе шли, копыные ѣхали
На твою келію дивовалися:
Что это во полѣ за келійка,
Что это въ келійкѣ за монашенка?
Отчего она пострижена,
И пострижена, и посхилена?
Отъ отца ли она, или отъ матери,
Отъ дружка ли она отъ любезнаго,
Или отъ мужа отъ ревниваго?...

Богоявленскаго монастыря, за ветошнымъ рядомъ; въ одной кельѣ, раздѣленной деревянными перегородками на чуланы, Самуилъ водворенъ былъ съ другими обучавшимися тоже въ школѣ молодыми людьми: іеродіакономъ Савватіемъ и іеромонахомъ Петромъ. Знаменитый Богоявленскій монастырь вообще былъ довольно великъ, и монаховъ, разныхъ степеней, было въ немъ болѣе тридцати, да служителей болѣе десятка.

VIII.

Самуилъ явился въ Москву, какъ мы видѣли, съ душою пылкою, умомъ, алкавшимъ пищи духовной, разумной, человѣкомъ глубоко религіознымъ и вообще съ нравственно-чистою натурою. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ думалъ въ Москвѣ найти многое, если не все, хорошее, предъ которымъ бы онъ могъ удивляться, чему могъ подражать и учиться... Москву онъ считалъ святынею; она свята была въ его глазахъ и древними, благочестно жившими здѣсь государями, и святою подвижническою жизнью многихъ мужей, и наконецъ благочестіемъ всего народа; мы уже видѣли, съ какою жадностью онъ разспрашивалъ въ бытность свою еще въ Тамбовѣ у пріѣзжаго изъ Москвы о жизни ревнителей православія... То ли же нашелъ молодой человѣкъ, чтó ждалъ въ первопрестольной Москвѣ? Къ несчастію его, далеко не то, и первое, чтó не могло не поразить его — это грубость, дикость, невѣжественность той среды, въ которую введенъ онъ былъ распоряженіемъ духовной декастеріи. Быть монаховъ Богоявленской обители въ глазахъ его являлся грубѣе и гораздо порочнѣе быта сотоварищей его по Трегуляевскому монастырю. Въ монастырѣ шло разливное море: „пьянства и всякаго развратія, какъ-то мясоядвінія, срамсловія, блуда...“ Однокелейники Самуила — іеродіаконъ Савватій и іеромонахъ Петръ зачастую бывали „шумны“, то есть прихватывали хмѣльное, къ тому жъ далеко не были и грамотѣями; такъ они, будучи малороссами по происхожденію, (великорусской) скорописи не знали. Итакъ, товарищество выдалось Выморкову незавидное. Что касается начальства, то архимандритъ монастыря Іоакимъ не пользовался уваженіемъ братіи: въ монастырѣ по нѣсколько лѣтъ проживали бродяги, пришлые Богъ-вѣсть отколъ монахи; тѣ и другіе изъ братіи нерѣдко уклонялись церковной службѣ —

Іоакимѣъ сажалъ таковыхъ на „чепь“, а тѣ во всеуслышаніе поносили его соромскою, неудобосказываемою бранью... Іоакимѣъ, въ свою очередь, не прочь былъ выругаться, и однажды даже рѣзко выразилъ свое мнѣніе о Петрѣ I-мъ, назвавъ его ни больше, ни меньше — какъ „чортомъ“.

Въ самомъ городѣ, въ средѣ духовенства, какъ свѣтскаго, такъ и чернаго (а съ тѣмъ и другимъ монаху Самуилу довелось безпрестанно бывать въ сношеніяхъ съ перваго же часа своего пріѣзда въ столицу), стояла большая рознь во мнѣніяхъ относительно преобразованій Петра I-го вообще и въ особенности относительно мѣръ его, касавшихся быта духовенства, монашества, а также устройства церкви. Бѣольшая часть духовнаго сословія, къ немалому, безъ сомнѣнія, изумленію Самуила, питала непримиримую ненависть не столько къ самому государю, сколько къ дѣятельнымъ сподвижникамъ его въ преобразованіяхъ по дѣламъ русской церкви: Θεодосію Яновскому, архіепископу новгородскому, и Θεофану Прокоповичу, архіепископу псковскому... На нихъ смотрѣло большинство тогдашняго духовенства какъ на главныхъ виновниковъ тѣхъ бѣдствій, которыя будто бы претерпѣвала тогда православная вѣра и о которыхъ нѣсколько лѣтъ спустя такъ вопіялъ одинъ изъ „подвижниковъ православія“:

— „Θеофанъ — ученъемъ, а Θεодосій — смѣлостью и дерзновеніемъ великимъ начали явно всю святую церковь бороть и вся ея догматы и преданія разрушать и превращать, и безбожное лютерство и прочее еретичество вводитъ и вкоренять, и тогда весьма отъ нихъ было въ народѣ плачевное время. Учали быть вездѣ противу благочестія безопасныя бесѣды, и кто каковое хотѣлъ, на церковь поношеніе говорилъ, и великое развратное и слабое житіе имѣти учили смѣло, и такъ тогда поносима и вничтожаема святая церковь со всеми догматами своими, и уставами, и преданіями была, что всякое благочестивое христіанское доброе дѣло единымъ словомъ — суетѣрїемъ называемо было, и кто въ нихъ, въ еретикахъ, былъ пущей пьяница, и нахаль, и сквернословъ, и шутъ, тотъ званъ и вмѣняемъ въ простосердечнаго и благочестиваго человѣка..... кто же хотя мало постыжкъ, или воздержникъ и богомольный человѣкъ, то у нихъ звалъ былъ раскольщикомъ, и лицемѣромъ, и ханжею, и безбожникомъ, и весьма недобрымъ человѣкомъ..... и чуть не весь монашескій чинъ превратили (Θеодосій и Θεофанъ) въ самое безстрашіе и слабость таковую, что многіе..... пьянствуютъ и мясо сплошь ядятъ,

и вмѣсто книгъ въ кельяхъ и церквахъ табакерки въ рукахъ держать, и непрестанно прошекъ нюхаютъ. Да его-жь, Θεοφана, и товарищей его..... еретическимъ тицаніемъ въ новосозданныхъ печатныхъ книгахъ (между прочимъ въ Регламентъ духовномъ) на святую церковь нестерпимыя хулы, и многія ереси обрѣтаются..... и кои превеликія досады, и гоненія тѣ еретики и озлобленія церкви святой чинили, весь Россійской благочестивый народъ плачущима очима съ болѣзнію сердца видѣлъ, и о всемъ еретическомъ злодѣйствіи довольно вѣдаеть. Во всемъ бо государствѣ часовни разорили, иконы святыя изъ нихъ безчестно вывезть велѣли, а гдѣ часовенныя каменныя стѣны остались, тамо, вмѣсто молитвъ и псалмопѣнія, и каноновъ, табакомъ и прошкомъ торговать и бороды брить попустили! чудотворныя иконы, отвсюду забравъ, на гнойныхъ телегахъ, подъ скверными рогожами... явно во весь народъ, увозили... всецѣлыя монастыри разорять, изъ нихъ монаховъ въ другіе монастыри жить переводить, а церковныя всякія другія вещи и монастырскую казну забравъ, по себѣ, на свои роскоши, на дорогіе напитки, на музыки съ танцы и на карты съ товарищи, употребляли; молодымъ монахамъ жениться и молодымъ монахинямъ замужъ посягать благословляли... и иное злодѣйство отъ сонмища ихъ еретическаго“!!¹⁾.

Такія или почти такія изобличенія всѣхъ современныхъ „еретичествъ“ неминусемо долженъ былъ слышать нашъ молодой монахъ, вращаясь среди нагнанныхъ отовсюду въ школы подвижниковъ, еще больше отъ бродягъ, нерѣдко мнимыхъ монаховъ и всякихъ „спасенниковъ“, слонявшихся (вопреки всѣмъ запретамъ) по Москвѣ и находившихъ радушный пріемъ не только у жителей, но и въ монастырскихъ оградахъ.

И вотъ, мало по малу, вновь смущается духъ Самуила, болѣе и болѣе раздувается потухшая искра ненависти, которую онъ носилъ въ сердцѣ своемъ противъ главнаго, по его мнѣнію, источника „всѣхъ еретичествъ“ — Петра I-го. Но неужели наука не взяла свое, не вытѣснила изъ пылкой головы дикихъ заблужденій, не ослабила фанатизмъ монаха Самуила? Нѣтъ, та наука, которую предложила ему Спасская школа, не напитала его душу, не воздѣйствовала на

¹⁾ Дѣло о Θεοφанѣ Прокоповичѣ, въ Чтен. общ. истор. и древн. М., 1862 г., кн. I, стр. 3 и 4; см. также: «Рѣшловское дѣло». Θεοφанъ Прокоповичъ и Θεοφιладель Лопатинскій, соч. И. А. Чистовича, Спб. въ 8 д. 1861 г. «Новые матеріалы для рѣшловскаго дѣла» его же, въ «Православи. Обзор.» 1862, № 2.

него. Напротивъ, мертвая схоластика, бывшая тогда въ полномъ цвѣтѣ, скоро оттолкнула отъ себя молодого человѣка; онъ рѣшительно не въ силахъ былъ подѣ сухимъ и уродливымъ тогдашнимъ преподаваніемъ отыскать для своего ума сколько нибудь здравую пищу... Все было безжизненно, скучно, да и для его возраста слишкомъ уже трудно было заучивать различныя грамматическія тонкости, и вотъ, мало по малу, Выморковъ сталъ отставать отъ школьнаго ученія, къ которому такъ еще недавно пламенно стремился. Не сталъ онъ ходить въ школу, и надъ спиной его взвилась плеть префекта; стала та плеть, по всѣмъ правиламъ тогдашней педагогіи, „по часту“ бороздить спину Трегуляевскаго школьника, и чаще и чаще сталъ онъ избѣгать школы. А между тѣмъ, привыкнуши во всемъ дурномъ видѣть духъ и волю Петра I, онъ и въ лицѣ префекта „зачалъ видѣть императора“, плетью всѣкавшаго науку, и пуще загорѣлась въ Самуилѣ „отъ того боя“ ненависть къ „антихристу“. Наконецъ, въ товарищескомъ кружку, отъ своихъ современниковъ онъ только и слышалъ, что разные намеки, а иногда и прямое осужденіе тѣхъ или другихъ мѣръ Петра I. Всѣ эти обстоятельства вновь вскипятили у Самуила злобу на государя, до того, что онъ жаждалъ случая смѣло выразить ее въ кельѣ, въ церкви, на стогнахъ Москвы, устно и письменно...

IX.

3-го февраля 1725 года, въ день тезоименитства цесаревны Анны Петровны, ученія школьнаго не было. Самуилъ, не боясь плети, могъ смѣло сидѣть въ своемъ чуланѣ. Сожители его также были дома; вошелъ іеромонахъ Петръ. — „Вы, отцы, заговорилъ вошедшій: — здравствуйте! а нашъ императоръ скончался; синодъ, сенатъ и генералитетъ уже къ вѣрному служенію ея величеству государынѣ подписались; я, сходя на улицу, видѣлъ, какъ манифесты прибываютъ къ воротамъ... самъ прочелъ...“

Извѣстіе это ошеломило, но не огорчило присутствующихъ. Самуилъ заходилъ по своему чулану и заговорилъ, ни къ кому не обращаясь, но въ слухъ, разными причтами хулы на покойнаго, не называя его впрочемъ. Изъ присутствовавшихъ іеродіаконовъ Савватій сталъ вспоминать кой-какіе факты прошлаго царствованія, заговорилъ, между прочимъ, про Глѣбова.

— На коль его посадили напрасно, рассказывалъ Савватій:— это я слышалъ... Сказываютъ, какъ духовникъ—отъ сталъ Глѣбова спрашивать: былъ ли-де у тебя такой грѣхъ съ „бывшею царицею“ (Авдотьею)? и Глѣбовъ отвѣчалъ: „что напрасно, хотя-де и писывали совѣтныя письма, а ничего-де того грѣха не бывало, можно бы-де иную казнь дать“. Можетъ-статься, продолжалъ Савватій, что казнилъ покойникъ Глѣбова изъ ревности, потому какъ та жена его, Петра, была... Хотя-бъ и тебѣ, Самуилъ, про жену твою такое слово было-бъ, чай, нестерпимо слышать.... и ему тово, а онъ-вѣдь царь! ¹⁾.

Пошелъ разговоръ о „Духовномъ Регламентѣ и прибавленіи къ нему“—это были какъ-бы бѣльмы на глазахъ тогдашнихъ монаховъ.

— „Кто то дѣлалъ, спрашивалъ Самуилъ:— сказываютъ, что митрополитъ Рязанскій Стефанъ?“—Нѣтъ, не онъ, отвѣчалъ іеромонахъ Савватій:— а виновенъ въ сочиненіи регламента Прокоповичъ; когда по сочиненіи (регламента) принесли его регламентъ Стефану, ради подписи, и онъ подписалъ тако: „весьма тѣма“, и притомъ сказалъ: сами не можете дѣлать, а людей тѣмъ обременяють... Самъ государь говаривалъ господамъ: „я прибавленія къ регламенту не знаю, сдѣлали (его) синодальные!“ Да и руки государевой, продолжалъ разскащикъ, у прибавленія нѣтъ“ ²⁾.

¹⁾ Объ отношеніяхъ Глѣбова къ царицѣ Авдотѣ и казни его см. Устрялова: Ист. царств. Петра Великаго, т. VI, глава 7-я; также нашъ очеркъ: «Авдотья Федоровна Лопухина», «Русск. Вѣст.» 1859 г., кн. XXI, 219—265; также другой нашъ очеркъ: «Покровский дѣвичій монастырь въ г. Суздаль, мѣсто заточенія А. Ф. Лопухиной», «Русск. Вѣстн.» 1860, книга XXX, 559—599. Снегирева: Письмо о ц. Евдокіи, «Русск. Вѣст.» 1859 г., кн. XXIII, 299—300. Пекарскаго: «Наука и Литер. при Петрѣ Вели.» томъ II и проч. Степанъ Богдановичъ Глѣбовъ казненъ въ Москвѣ 14 марта 1718 г. Въ одной нѣмецкой брошюрѣ того времени, о которой г. Устряловъ не упоминаетъ въ своемъ трудѣ, приведены между прочимъ слѣдующія подробности о казни друга инокини-царицы: «Привезли Глѣбова на торговую площадь, на саняхъ въ шесть лошадей. Его положили на столъ и въ задній проходъ воткнули желѣзный коль, который чрезъ затылокъ вышелъ наружу. Когда Глѣбовъ былъ такимъ образомъ насаженъ на коль, восемь человекъ отнесли его и водрузили коль на возвышенномъ мѣстѣ; коль нѣлъ поперечную перекладину, такъ что несчастный могъ сидѣть на ней. Возлѣ Глѣбова все время былъ русскій священникъ. Чтобы осужденный на терзанія не замерзнулъ и страдалъ бы болѣе, на него надѣли нѣкое платье и шапку...» (Aus ausführliche Beschreibung der in der Hauptstadt Moskau, den 28 März dieses 1718 Jahres in Beuseyn einer unzähligen Menge Volks vollzogenen grossen Exeсution. Nach rigaischen Exemplar (4°). Посаженный на коль въ третьемъ часу пополудни, Глѣбовъ испустилъ духъ только на другой день въ 1/8 пополудни. При немъ во все время для исповѣди былъ: архимандритъ Ланотинскій, іеромонахъ Маркелла, да священникъ Анофрій. Сидя на коль, Глѣбовъ никакого показанія не принесть, только ночью просилъ Маркелла сподобить его св. тайнъ.

²⁾ Что послѣдніе толки не были простая болтовня, а имѣли нѣкоторое основаніе, слыши выписку, приведенную у Пекарскаго, томъ II, стр. 522—523.

— „Однакожь, замѣтилъ Самуилъ:—безъ воли его (государя) ничего не дѣлали...“

— Ну, да постой, отвѣчалъ іеромонахъ Петръ: — уже нынѣ господа по своему синодальныхъ перевернуть; то станутъ перебирать помаленьку....

Сдѣлалъ Самуилъ какое-то замѣчаніе относительно содержанія Регламента духовнаго, а Савватій, смѣясь по поводу того, что писано въ немъ о житіи монашескомъ, замѣтилъ: „и мы кое, и ты, Самуилъ, кое.... а во всемъ томъ (сочиненіи) не Стефанъ (митрополитъ) виновенъ, но тотъ-то...“

— Принесла мнѣ однажды баба, рассказывалъ іеромонахъ Петръ:—принесла въ церковь казать мнѣ книгу, чтобъ я ее купилъ; разогнулъ я ту книгу, вижу—напечатано: духовный; я думалъ, что это алфавитъ, и взялъ отъ нея, принесъ въ келью, глядь—анъ книга та: „Духовный регламентъ“, и я его бросилъ на землю, топталъ—приговаривая; „а-де регламентъ!“—Поднял ту книгу и отдалъ бабѣ: не надобно, не надобно...

— „Что-жь тебѣ онъ не милъ?“

— Не милъ!—отвѣчалъ іеромонахъ Петръ — и проговорилъ чуть слышно: проклятые...

И Самуилу любо было, какъ самъ онъ потомъ сознавался: любо было то слушать! На другой день, въ четвергъ, 4-го февраля 1725 г., послѣ обѣда, іеромонахъ Петръ пригласилъ іеромонаха Θεодосія да Самуила пройти (благо время было праздное, масляница), прогуляться въ городъ. Зашли всѣ трое въ гости, во дворъ князя М. М. Голицына, что близъ двора Василья Глѣбова—въ гости къ княжескому дворецкому, Ивану Чевакинскому.

Хозяинъ принялъ гостей радушно и угостилъ ихъ; отецъ Петръ сталъ „шумень“, и тѣмъ живѣе пошла бесѣда о разныхъ разностяхъ, перешла на стѣсненія, сдѣланныя „Прибавленіемъ Духовнаго регламента“ всему монашеству, о запрещеніи постригать женатыхъ, да тутъ же кстати Θεодосій сказалъ, обращаясь къ хозяину и указывая „съ посмѣяніемъ“ на Самуила:

— А вотъ, этотъ-то молодой какой, а жену покинулъ, да и постригся, а нонѣ ходитъ, да ее ищетъ...

— Отчего такъ сдѣлалось, что онъ жену покинулъ? спросилъ хозяинъ.

— „Не сказывалъ здѣсь, въ Москвѣ, молвилъ въ отвѣтъ Са-

муилъ, сидѣвшій до сихъ поръ въ раздумьѣ:—нынѣ открою, такъ-какъ государь-отъ нашъ уже скончался; былъ я соблаженъ отъ людей; сказывали мнѣ противъ него, что онъ антихристъ, того и оставилъ я жену безвременно“... И разговорился Самуилъ, сталъ говорить о житьѣ-бытьѣ старообрядцевъ, вспомнилъ и про любимую свою нѣкогда книгу Ефремову, сказалъ о повѣсти объ антихристѣ и о томъ, какъ одинъ монахъ въ Тамбовѣ—Савва—объявилъ ему, что антихристъ нынѣ въ Москвѣ царствуетъ.

Лишь только выговорилъ Самуилъ послѣднее слово, какъ испуганный Чевакинскій разразился на него бранью, пожелалъ ему, безъ сомнѣнія вполнѣ искренно, чтобъ тотъ пропалъ и ни въ какіе разговоры не сталъ съ гостями входить. Гости взялись за шапки и отправились во свояси.

На сосѣдномъ дворѣ, Василія Глѣбова, остановился пріѣзжій изъ Тамбова, давнишній знакомый Выморкова, дьяконъ Изосима. Розыскалъ его Самуилъ на другой день, 5 февраля, въ пятницу, и въ дружеской бесѣдѣ сталъ просить Изосиму, чтобы тотъ, какъ поѣдетъ обратно въ Тамбовъ, взялъ бы его съ собою.

— Какъ же ты отъ школы поѣдешь?

— „Когда былъ императоръ (такъ нельзя было), а нынѣ, надѣюсь, что и отставятъ (меня отъ школы)“... И сталъ рассказывать о житьѣ-бытьѣ московскаго монашества: „монахи здѣсь, какъ бурлаки, ѣдятъ мясо и пьютъ табакъ, чему и я (нынѣ) косенъ“... и проч.

Выслушавъ Изосима грустную повѣсть, и объявля пріятелю, что ѣдетъ онъ изъ Москвы еще нескоро, сообщилъ Самуилу роковое для него извѣстіе: жена-де его вышла замужъ за посадскаго челоувѣка города Тамбова, Якова Шатилова.

Какъ громомъ поразило это извѣстіе молодого монаха. Первая мысль, мелькнувшая въ его головѣ, была та, что въ какой-де страшный грѣхъ впала его жена, что при живомъ мужѣ, хотя и постригшемся, но—рѣшилась выйдти замужъ; „такое посяганье въ замужство, думалъ Самуилъ, есть прелюбодѣйство!“...

— „Ну, и чортъ съ нею, сказалъ онъ наконецъ:—бѣсъ сваталъ, а сатана вѣнчалъ“.

„И чья тому вина, что жена моя впала въ тотъ смертный грѣхъ, продолжалъ размышлять монахъ, возвратясь къ себѣ въ келью:—кто тому виновенъ? Черезъ кого—жена моя, вопреки своему жела-

нію, не могла постричься? въ силу какихъ указовъ теперь она вышла замужъ? всему въ томъ виновенъ—покойный государь!“ И стало предлагаться несчастному, какъ онъ самъ потомъ рассказывалъ: „худое сомнѣніе къ сомнѣнію, и хула къ хулѣ, а наипаче, что жена замужъ вышла; и разжегшись ревностію, ходя по своей кельѣ, сталъ онъ мыслить хулы на государя, плевать, называть его „проклятымъ“, и сталъ онъ потомъ „записывать, въ тайнѣ сидя въ своемъ чуланѣ, хулы на императора Петра Алексѣевича, на бумажкахъ, называя его предтечею антихристовымъ и тому подобными хуленіями, литерами изъясняялъ именно и нескротно, и всячески перечеркивалъ, и диралъ, и бросалъ въ печь, и потомъ вздумалъ написать, чтобъ скротно, дабы люди не догадались“...

Такова была внутренняя борьба, которая терзала въ это время несчастнаго Выморкова. Оно впалъ въ какое-то изступленіе, духъ его былъ все это время въ самомъ возбужденномъ состояніи; онъ былъ убѣжденъ и твердилъ себѣ, что для покою въ совѣсти своей ему необходимо написать осужденіе во слѣдъ оставившему міръ предтечѣ антихриста, тому—кто, по его мнѣнію, былъ единственный виновникъ смертнаго грѣха, въ который впала жена его, и затѣмъ единственный виновникъ всѣхъ злосчастій монастыря и церкви православной... И хватается Выморковъ вновь за перо, и пишетъ, пишетъ, чертитъ, рветъ въ клочки и вновь пишетъ, чтобъ также разорвать и приняться за новый лоскутокъ... И нѣтъ у несчастнаго друга, которому-бъ онъ повѣдалъ свои тяжкія думы, посоветовался бы, поговорилъ, и тотъ бы, можетъ быть, и успокоилъ его; нѣтъ такого друга: однокельники его люди „неумѣлы“, къ тому-жъ и подвержены шумству; да они и недолюбливаютъ Выморкова. Его странное поведеніе вызываетъ вообще со стороны монаховъ насмѣшки надъ нимъ, они его называютъ, „въ посмѣяніе“, остроумнымъ.

Не подъ силу однако Выморкову вынести свое горе одному; началъ онъ было говорить іеродіакону Савватію: „были отъ покойника тѣ указы, чтобъ не постригать, и которымъ было можно и постричься, и тѣ (черезъ тѣ указы) замужъ посягнули... Въ томъ есть грѣхъ“... но рѣчь свою Самуилъ не договорилъ, побоялся насмѣшекъ сожителя.

Въ тотъ же день, въ пятницу, 5 февраля 1725 г., пошелъ Выморковъ къ вечернѣ, стоялъ на клиросѣ, среди другихъ монаховъ, и

вдругъ, къ величайшему ихъ испугу, сталъ называть во всеуслышаніе государя Петра I — антихристомъ, укорять его въ томъ, что онъ монастыри разорилъ и не велитъ спасаться... Нѣкоторые изъ монаховъ, услыхавшихъ тѣ хулы, объявили, что надо донести инквизитору. Но время стоитъ — конецъ масляницы, монахамъ не до того, въ монастырѣ суматоха, вездѣ, по всеѣмъ кельямъ, въ церкви, на клиросахъ идутъ толки о смерти Петра I, и эти толки сопровождаются у многихъ изъ братіи „велимъ шумствомъ“, а съ радости или съ горя то шумство — Богъ-вѣсть.

Къ сожителямъ Самуила въ келью заходятъ почасту другіе монахи. Самуилъ, то сидя за столомъ въ своемъ чуланѣ, то бѣгая изъ угла въ уголь, погруженъ въ свои тяжкія думы, слышитъ за перегородкой толки и разсужденія монаховъ. Толки эти соотвѣтствуютъ его мыслямъ, и потому болѣзненно дѣйствуютъ на его и безъ того воспаленный мозгъ — онъ болѣе и болѣе пылаетъ ненавистью къ Петру, и дикими выходками, къ величайшему испугу собесѣдниковъ, нерѣдко прерываетъ ихъ разговоръ.

Особенно тяжела была ночь Самуилу съ 5 на 6 февраля 1725 года. Легъ онъ, а сонъ не смежаетъ очей, лѣзетъ ему въ голову неотвязная мысль: „гдѣ этоть грѣхъ, на комъ сыскать, что въ посяганіи жены его въ замужство есть прелюбодѣйство?“ Сказалъ апостоль Павелъ: „и аще разлучится жена съ мужемъ своимъ, да пребываетъ безбрачна, или да смирится съ мужемъ своимъ“; и кто оному грѣху виновенъ?... И во всемъ виновнымъ являлся въ мнѣніи его императоръ Петръ I-й! И вспоминалъ онъ, какъ жена готова была сама постричься, да не постриглась, потому что запрещено уже было постригать, и какъ еще въ день прощанья, предъ отъѣздомъ въ Москву, онъ наказывалъ ей: „не ради сожалѣнія тебѣ, но подтверждая законъ божій, молю тебя — замужъ не ходи“... И пришло на умъ Выморкову въ ту же безсонно-мучительную ночь написать письмо императрицѣ, указать ей, въ какой великій соблазнъ впадаютъ нѣкоторые люди, какъ напр. его жена, вслѣдствіе того, что дѣйствуютъ указы Петра о непостриженіи вновь въ монахини и монахи. И мыслплъ онъ высказать то осужденіе „съ нѣкоторыми хуленіями“ про покойнаго государя, впрочемъ хуленіями „не зѣло великими“, чтобъ не привести императрицу въ большой гнѣвъ. Письмо то Самуилъ предполагалъ подать государынѣ тогда, когда она пріѣдетъ въ Москву.

— „Что-жь, думалъ Выморковъ, государыня повѣсть мою приметъ, и хотя ей жаль своего мужа (то есть любить она его), однакожь она одумается (то есть поразмыслить) и тѣсноты мнѣ никакой не доставитъ, я—монахъ! Читалъ я въ книгѣ Баронія,— новопереведенной въ книгѣ Соборникѣ съ польскаго языка на славянскій, про царя Теофила; былъ тотъ царь при жизни своей—иконоборецъ, а, чаю, при смерти-то своей покаялся; только вѣдомо, что царица Теодора молилась по смерти его, Теофила, чтобъ избавилъ его Богъ (отъ) муки вѣчныя... (Императору Петру) мы того же желаемъ, чтобъ ему царство небесное было, только бы сдѣлалось отъ Ея Величества все по старому... И въ той повѣсти, мыслилъ Самуиль, приведу я, въ подтвержденіе моихъ рѣчей, слова Христовы, какъ написано въ Евангеліи... зачала не упомяну... „Господи! не въ твое ли имя пророчествовахомъ, и не твоимъ ли именемъ бѣсы изгнахомъ? и Господь рече: „аминь, глаголю вамъ, не вѣмъ васъ, отступите отъ Мене вси дѣлатели неправды“ и т. д.

За мыслью послѣдовало и исполненіе: Самуиль сталъ писать повѣсть. Вотъ ея начало:

„Всепресвѣтлѣйшей и державнѣйшей великой государынѣ нашей, императрицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ, самодержицѣ всероссійской, еже о Господѣ радоватися.

„Рече Господь во Евангеліи: блюдите, да не презрите единого отъ малыхъ сихъ, яко ангели бо ихъ выну видятъ лице отца Моего небеснаго, прииде бо сынъ человѣческой взискати и спасти погибшаго“ и проч., и паки: „аще согрѣшитъ къ тебѣ братъ твой, иди и обличи его между тобою и тѣмъ единымъ; аще тебѣ послушаетъ, приобрѣлъ еси брата твоего; аще же не послушаетъ, поими съ собою паки единого или два, да при устѣхъ, двою или тріехъ свидѣтелей станеть всякъ глаголь; аще же не послушаетъ, повѣждь церкви; аще же и церковь преслушаетъ, буди тебѣ яко же язычникъ и мытарь, и елика аще свяжете на земли, будетъ связана и на небеси, и елика аще разрѣшите на земли, будетъ разрѣшена и на небеси“; и индѣ: „горе міру отъ соблазнъ и нужда есть приняти соблазномъ; обаче же горе человѣку тому, имъ же соблазнъ приходитъ“, и проч., и паки: „любите враги ваша, добро творите ненавидящимъ васъ, благословите клянушіе вы и молитесь за творяшіе вамъ напасть, яко да будетъ сынове отца вашего, иже на небсѣхъ“, и индѣ: „аще согрѣшитъ къ тебѣ братъ твой, запрети ему,

аще ли кается, остави ему“, и пакы: „нѣто отъ ученикъ глагола: Господи, аще седмици на день согрѣшитъ въ мя братъ мой, отпущи ли ему до седмь кратъ, аще покается? Отвѣща ему Господь: не глаголю тебѣ до седмь кратъ, но до семьдесятъ кратъ седмерицею, аще кается, остави ему“, и индѣ: „будите убо милосерди, яко-же и отецъ вашъ небесный милосердѣ есть, и блажени милостиви, яко ти помилованіи будутъ“, и о семъ доздѣ хошу убо повѣсть тебѣ предложить, о самодержавнѣйшая наша госпоже святаго всероссійскаго царства, иже общій нашъ Создатель царе царемъ и Господь господемъ предивными своими судьбами устрой тебѣ царствовати благочестно надъ новымъ Израилемъ, еже есть православно каюлическія восточныя церкви сынами, прошу и молю тебѣ, о благочестивѣйшая, Господа ради, да со тщаніемъ внимаеши здѣ написанному, зане аще и грѣшише есмь всѣхъ человекъ, паче же всенижайшій рабъ и подножіе ваше“...

Таковъ былъ приступъ къ повѣсти. — Какъ можно замѣтить, приступъ написанъ не безъ искусства и тщанія; дѣло однако на приступѣ и остановилось; обстоятельства такъ сложились, что Выморкову было уже не до „повѣсти“: рѣзкія его выходки съ слѣдующаго уже дня стали вызывать на его голову тучу, которая стучалась надъ нимъ все болѣе и болѣе, и наконецъ разразилась страшною для него грозюю...

Х.

Рано въ субботу, 6-го февраля 1725 г., послѣ безсонной ночи, пошелъ Самуилъ въ церковь, и весь „въ смятенномъ духѣ“ сталъ на клиросѣ.

— Чего ты не ходишь въ школу? совершенно не кстати обратился къ Самуилу стоявшій подлѣ него іеромонахъ Аеанасій: — если ты не станешь въ школу ходить, какъ прежде сего хаживалъ, и префектъ тебя побьетъ по прежнему...

— „Нѣтъ, нынѣ не пойду, отвѣчалъ Выморковъ:—тогда былъ царь, а нынѣ иной“.

— Опять тебя бить стануть, и ежели ты въ друго-рядѣ будешь такъ говорить, и за то срубятъ тебѣ голову.

Въ это время вышелъ изъ алтаря на клиросѣ канархистръ Діо-

апсій. — „Вотъ Самуиль не хочетъ въ школу ходить“, пожаловался вошедшему Аѳанасію.

Діонисій сталъ бранить „лѣностнаго“ школьника. Школьникъ съ своей стороны выбранилъ учителей, да тутъ же выпало отъ него нѣсколько рѣзкихъ словъ и на долю рязанскаго митрополита Стефана Яворскаго: „вотъ учать всѣ они насъ, а сами не то творять“, говорилъ Самуиль.

— Да вѣдь ты въ школу ходишь по указу, и какъ ты не пойдешь? вѣдь обучать будутъ по прежнимъ указамъ?

— „Чьи указы были... Кои кто указы писалъ, тотъ издохъ... исчезъ... чортъ его взялъ... и указы тѣ его пропали же, топеря все съизнова пойдетъ. А который еретичество ввелъ, рязанскій Стефанъ, и тотъ пропалъ же, а еретичество еще не вывелось“.

— Слышите, братцы, что Самуиль говоритъ-то? сказалъ Діонисій, обращаясь къ другимъ монахамъ, стоявшимъ на клиросѣ, и вслѣдъ затѣмъ пощочина, отвѣшенная канархистромъ поносителю, заградила ему уста. Діонисій пошелъ затѣмъ съ клироса читать сѣдальны, выговаривая про Самуила: „проклятый онъ богомолецъ, бѣду намъ съ такими словами сдѣлаеть... вѣдь коли извѣститъ на тебя, замѣтилъ онъ Самуилу: вѣдь что будетъ-то тебѣ?“

— „Мертваго его (Петра 1-го) не боюсь, не унимался Выморковъ: — а тебѣ, Діонисій, нѣтъ части въ томъ словеси“...

— Эй-же собака! замѣтилъ казначей Сильверстъ; выслушавъ послѣ зауگریи разговоръ отца Діонисія о происшедшей у него сценѣ съ Самуиломъ.

Всѣ уже монахи стали смотрѣть на него, какъ на зачумленнаго, съ минуты на минуту ожидая, что его арестуетъ инквизиторъ, которому Діонисій, по настоянію другихъ монаховъ, собирался о всемъ донести; но всего этого Самуиль либо не страшился, либо не замѣчалъ; по крайней мѣрѣ онъ нимало не сдерживалъ своего языка.

Въ воскресенье предъ вечернею, на нѣсколько минутъ зашелъ въ келью Петра и Савватія сожитель Выморкова, Леонтій Балазовскій, пощъ изъ церкви великомученицы Екатерины, что во дворцѣ вверху. Въ ожиданіи вечерняго благовѣста, пощъ вельми, радъ праздника, шумный сѣлъ на лавку; нигого кромѣ Самуила въ кельѣ не было. И сидя на лавкѣ, какъ бы про себя, заговорилъ пощъ Леонтій съ сожалѣніемъ и со слезами о смерти государя.

— А кончина императору случилась, продолжалъ Леонтій, обра-

щаясь къ Выморкову: — случилась отъ забору жестокой каменной болѣзни; слышала я это на площади въ разговорѣ, невѣдомо отъ какихъ людей, шедъ мимо...

— „Онъ меня билъ, вдругъ заговорилъ въ отвѣтъ на сожалѣнія попа Самуилъ: — билъ онъ меня чрезъ префекта!“...

— Полно врать-то, били тебя злыя дѣла, а государь этого не зналъ.

— „Повелѣно за царя Бога молить, продолжалъ говорить Самуилъ:—каковъ бы онъ ни былъ, якоже Христосъ научаетъ: „любите враги ваша“ и проч., а какъ царь умереть безъ исправленія, то уже (да будетъ) проклятъ... А онъ подлинно умеръ не простясь (не покаившись), а въ писаніи вѣдь сказано: елико свяжете на земли, будетъ связанъ и на небеси и проч.“

— Криво ты толкуешь! закричалъ попъ Леонтій.

Самуилъ сталъ утверждать, что говоритъ сущую правду, и тутъ же задумался о томъ, какъ необходимо и вполнѣ согласно съ словомъ писанія предать покойника — проклятію.

Выбранился попъ, но въ это время загудѣлъ благовѣстъ къ вечернѣ, и онъ поспѣшилъ въ церковь, гдѣ и сталъ за правымъ клиросомъ. Самуилъ помѣстился въ толпѣ монаховъ. на клиросѣ. Леонтію скоро довелось увидать слѣдующую сцену.

Іеромонахъ Іосифъ Дробницкій напомнилъ Самуилу относительно хожденія въ школу. Самуилъ въ отвѣтъ выбрали Стефана Рязанскаго: „лгалъ онъ, да и пропалъ!“

Іосифъ отвѣчалъ на это болтуну — ударомъ кулака.

— За что ты его бьешь? замѣтилъ архимандритъ Іоакимъ, стоявшій неподалеку отъ клироса.

Монахи объяснили, что Самуилъ бранитъ Рязанскаго.

— Ну, такъ и бейте его хорошенько, заключилъ отецъ Іоакимъ.

Рано утромъ, въ чистый понедѣльникъ, послѣ заутрени и предъ часами, въ кельѣ нашихъ пріятелей собрались для раздѣлу денегъ, себранныхъ въ ящикъ въ церкви, всѣ іеромонахи и іеродіаконы. Дѣлежъ кончился, и нѣкоторые, для „посмѣянія“, видя въ какомъ изступленномъ состояніи находится Самуилъ, стали надъ нимъ подшучивать. Тотъ, все погруженный въ думы о необходимости предать проклятію покойника, брякнулъ предъ всѣми присутствовавшими:

— „Вотъ стѣбитъ Глѣбова кда, самому ему заперло! И чтобъ

его тѣлу сквозь землю провалиться. Самъ пропасть, да и всѣ пропадутъ!!“...

— Ахъ ты, проклятый, закричалъ на него іеродіаконъ Іовъ:— будь ты проклятъ; когда-бъ ты да такія слова говорилъ не въ кельѣ, а гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ, за монастыремъ, то-бъ я тебя за такія рѣчи прибилъ... За такія слова высѣкутъ кнутомъ, да пошлютъ въ ссылку въ Соловецкій монастырь, либо посадятъ въ тюрьму!!...

— „А что-жъ, кричалъ въ отвѣтъ Выморковъ:—въ Соловецкомъ-то монастырѣ кельи лучше богоявленскихъ! А и въ тюрьму посадятъ — я буду говорить: „изведи изъ темницы душу мою неповѣдана имени Твоему!“

— Чортъ его знаетъ, что онъ такое говоритъ! толковали монахи, спѣша оставить келью и очень хорошо понимая, что всѣ тѣ рѣчи не къ добру ведутъ.

— Все на высокія персоны говоритъ, объяснялъ съ своей стороны Іовъ, обращаясь къ нѣкоторымъ изъ сотоварищей:—взялъ бы его, да и прибилъ, какъ собаку.

Вечеромъ, въ тотъ же понедѣльникъ, у іеромонаха Петра и іеродіакона Савватія опять гости, на этотъ разъ не по службѣ—знакомые ихъ: братъ холмогорскаго епископа Григорій, а съ нимъ подьячій, въ келью же зашелъ и казначей Сильверстъ. Мирно шелъ разговоръ и выпивалась водочка. Заговорили о скоромъ отъѣздѣ Григорія въ Холмогоры.

— А тебѣ, спросилъ подьячаго Савватій:— дастся ли указъ ѣхать на Холмогоры, жить по прежнему?

Не успѣлъ подьячій отвѣтить, какъ изъ-за перегородки заговорилъ Выморковъ.

— „Тогда былъ царь, и нуженъ былъ указъ, а нынѣ иной. Когда-бъ мнѣ была какаѣя нужда, то-бъ я не сталъ указу спрашивать, такъ-бы пошелъ“.

— Когда кто будетъ, возразилъ подьячій:—нынѣ уже государя не стало, а государственные права не отстаются; а что по государѣ кто не тужитъ, развѣ какой раскольникъ. Что за кавалеръ былъ! Истинно храбръ и славенъ былъ во всей вселеннѣй!...

— „Та его храбрость и премудрость, размышлялъ, слушая тѣ похвалы и сердясь все болѣе и болѣе Самуиль:—дадеса ему, Петру І-му, отъ Бога не ради его, но молитвъ ради святыхъ бо-

жіихъ угодниковъ и всѣхъ благочестивыхъ христіанъ, и духъ свѣтлый и недостойными дѣйствуетъ“ — и, выскочивъ изъ-за перегородки, Выморковъ закричалъ: „пропалъ проклятый еретикъ!“

Всѣ остолбенѣли.

— Что это у васъ нѣкакой проклятый расколникъ? или сумасбродный, што-ль? первый заговорилъ подъячій.

— „Вы сами проклятые расколники!“ кричалъ монахъ, уходя въ свой чуланъ и захлопывая за собою двери.

Гости струхнули не на шутку и, „не мѣшкая ни мало“, оставили келью.

— „Противно, что государь монахамъ велѣлъ жениться, монахинямъ замужъ идти“, вновь заговорилъ Самуилъ.

Селиверстъ сталъ его унимать:

— Полно, дуракъ, врать; за такія слова тебя свяжутъ.

— „Теперь государя нѣтъ, бояться некого“.

— О, дуракъ, дуракъ, продолжалъ Селиверстъ:— хотя государя и не стало, да страхъ его остался! Вишь что проклятый вретъ, замѣтилъ казначей, обращаясь къ зрителямъ Выморкова: — нельзя у васъ сидѣть!

Петръ и Савватій сами это видѣли; давно они тяготились сожителемъ „не то расколника, не то сумасброднаго монаха“, и въ тотъ же вечеръ обратились къ казначею Селиверсту съ просьбой, чтобъ онъ попросилъ архимандрита удалить Выморкова изъ монастыря. „Онъ вовсе непотребенъ, жаловались пріятели: всегда бранится“...

— Плюньте вы на него: бранить онъ Стефана Рязанскаго, или Синодъ... я въ это дѣло не вступаю, отвѣчалъ Селиверстъ: — будетъ нареканіе отъ братіи, будто изгоняю я по ненависти монаховъ изъ монастыря напрасно...

Между тѣмъ Самуилъ провелъ наступившую ночь въ трудѣ: онъ писалъ давно задуманное имъ „проклятіе во вслѣдъ нисшедшему во адъ антихристу“. Письмо не удалось. Онъ, по обыкновенію своему, перечеркивалъ написанное, рвалъ бумагу, начиналъ писать съизнова, и только по утру 9-го февраля 1725 г., во вторникъ, по приходѣ отъ часовъ, удалось ему исполнѣ, по его же выраженію, успокоить совѣсть: въ самое короткое время онъ написалъ слѣдующее:

„Злочестивый, уподобльшійся самому антихристу, мерзости за-

пустенія, стоящей на мѣстѣ святѣ, и восхитившему божескую и святительскую власть, бывшій соблазнитель и губитель душъ христіанскихъ, прегордостнымъ безуміемъ надменный держатель в. ц. п. б. п. всескверный и. ¹⁾ со своими бывшими единомудрствующими да будетъ проклятъ. Писано лѣта Господня 1725, мѣсяца февруарія въ 9 день“.

Самуилъ вынесъ это письмо къ своему сожителю, Петру. Тотъ, выѣхавъ съ Савватіемъ, только что вернулись изъ церкви; на столѣ стояла похлебка. Савватій мирно занятъ былъ крошеніемъ въ нее огурцовъ и готовились съ Петромъ завтракать.

— „Читай, да самъ разумѣвай!“ сказалъ Выморковъ, подавалъ письмо іеромонаху Петру и не объясняя ему таинственныхъ литеръ, въ чайницѣ, что тотъ, не разъ уже слышавшій его выходки противъ государя, самъ уразумѣетъ, кто въ письмѣ проклинается.

— Не знаю, что здѣсь написано, сказалъ Петръ, поглядѣвъ на письмо, которое и не могъ узнать, такъ какъ не умѣлъ разбираться писанное порусски.

— „Что написано въ письмѣ „всескверный“, объяснилъ Самуилъ, отвращаясь отъ своего товарища:—и на то толкъ бывалъ великій, а нынѣ надлежитъ всескверный, всескверный, всескверный — и да будетъ тако!“

Но Петръ не обратилъ вниманія ни на Самуила, ни на его объясненіе, письмо бросилъ на столъ и сѣлъ ѣсть; но потомъ чтобъ не подмочить письма, снялъ его со стола и положилъ на окно.

Между тѣмъ составитель „проклятія“ ушелъ въ чуланъ и готовъ былъ приступить къ продолженію извѣстной уже намъ „повѣсти“. Что за мысли роились въ это время въ его головѣ, мы узнаемъ изъ разсказа его самаго, хотя по разсказу этому не вполне ясна связь этихъ мыслей; этой связи, впрочемъ, при возбужденномъ, изступленномъ состояніи несчастнаго молодого монаха, едва-ли можно было и требовать.

— „Мнилъ я (въ это время), говорилъ Самуилъ:—о святѣйшемъ синодѣ, что, про императорское величество, то по своей волѣ сдѣлалъ, хотя было такъ и не надобно, и хотя-жъ архіереи подписывались и служили ему въ томъ, однакожъ иные знатно отъ

¹⁾ Всероссийскаго царства поупщеніемъ Вожиломъ, Петръ всескверный императоръ.

конечнаго неразумія, а иные и страха ради, такожь и Петръ страха ради отвержеса Христа, а другіе и сластолюбія ради, что онъ ихъ жаловалъ многими деньгами. А будетъ того не сдѣлалось, и то написанное на бумажкѣ поставится въ дѣло, а я бы отрекся отъ совокупленія ихъ, и аще бѣ Богъ унесъ въ горы плакался бы о томъ "... Мысль о наказаніи за письмо, буде оно попадется людямъ непріязненнымъ, не страшна Самуила, частью потому, думалось ему, что они „уничтожатъ (письмо) и такъ, собака-де брешеть, а владыка ѣдетъ, есть кого и слушать, а брать меня за то подъ караулъ, либо къ розыску не стануть“...

Несчастный однако горько ошибся. Въ келью вошелъ іеродіаконъ Герофей Оглобля, подошелъ случайно къ окну, увидалъ письмо, прочелъ его — и судьба монаха Самуила Выморкова была рѣшена.

ХІ.

«Императора Петра I не стало, да страхъ его остался!»

Селиверотъ монахъ, 8 февраля 1725 г.

Дальнѣйшую судьбу Самуила Выморкова намъ не приходится разсказывать подробно; она вполне обща всѣмъ тѣмъ, которымъ въ тѣ годы доводилось впадать въ подобныя преступленія. Самый ходъ слѣдствія, суда и осужденія надъ нимъ не представляетъ ничего особеннаго. Выше, въ настоящей книгѣ, нами уже довольно было передано „дѣлъ, вершенныхъ въ розыскныхъ дѣлъ тайной канцеляріи, 1720—1725 гг.“, поэтому, избѣгая всякихъ подробностей о формальной сторонѣ производства дѣла и указаній на тогдашній канцелярскій порядокъ, приведемъ лишь самыя существенныя данныя.

Мы оставили Герофея Оглобля читающимъ письмо Самуила. Изъ литеръ онъ прочелъ: вѣди — всероссійскій, цы — царь, покой — Петръ; не могъ догадаться только, что значить буки да иже; но для него было довольно и того, что найденное имъ письмо, во всякомъ случаѣ, было „противно“. О „бездѣльныхъ хулахъ“ Самуила, какъ кажется, Оглобля уже слышалъ, поэтому онъ легко догадался, что и новыя хулы написаны не къмъ другимъ, какъ тѣмъ же Выморковымъ. Впрочемъ, тотъ и не скрывался.

На первый же вопросъ іеродіакона:

— Ты оное письмо писалъ?

Выморковъ прямо отвѣчалъ:

— „Я“.

— А я за государя своего умру! для чего проклятый Самуиль такъ пишешь? говорилъ Оглобля и спѣшилъ съ доносомъ къ начальству.

— „Самъ ты проклятый!“ кричалъ ему вслѣдъ Выморковъ.

Архимандритъ исполошилса, послали за инквизиторомъ, тотъ немедленно произвелъ въ кельѣ Выморкова обыскъ. При обыскѣ ничего, кромѣ известнаго уже намъ начала повѣсти къ „Пресвѣтлѣйшей государынѣ“, не было найдено.

Самуиль не заперся ни предъ инквизиторомъ, ни предъ архимандритомъ; тому и другому объявилъ, что письмо писано имъ самимъ, безъ всякаго совѣта съ чьей бы то ни было стороны и безъ всякаго содѣйствія, но затѣмъ въ объясненіе того, въ „какой силѣ письмо то писано“, онъ не вошелъ. Въ тотъ же день его посадили на чепъ.

На другой день, рано утромъ, явились за арестантомъ посланные изъ канцеляріи синода. Выморковъ сопротивлялся, не шель, требовалъ указа, по которому его берутъ, кричалъ, что онъ ея величеству не пзмѣнникъ, затѣмъ по улицѣ кричалъ бунтъ и караулъ, и во все время хулилъ ненавистнаго ему покойника. По опредѣленію канцеляріи синода, Самуила разстригли. При исполненіи обряда, онъ называлъ свѣтскихъ управителей синода слугами антихриста, и, увидавъ въ присутствіи портретъ государя, завѣшанный (по случаю его смерти), въ изступленіи закричалъ:

— „Вонъ бѣсовскій образъ завѣшенъ“, и всякія другія „хуленія“ на его величество кричалъ. неустово.

Самуиль былъ разстриженъ и сталъ именоваться свѣтскимъ именемъ своимъ Степанъ.

Ночью, въ тюрьмѣ, ему приснился сонъ. „Не бойся! тебя бить не стануть!“ вѣщала гласъ какого-то видѣнія, а было то видѣніе въ неясномъ образѣ, не то ангель, не то кто либо изъ святыхъ, посланный къ нему Богомъ, чтобы онъ не печалился. И не грустилъ арестантъ; самаго розыска даже не ждалъ, не пугало его и разстриженіе, которое однако всегда было въ тѣ времена предвѣстіемъ того, что арестанту, бывшему монаху, не миновать пытки;

онъ думалъ, что разстригли его за то, что онъ отъ живой жены, вопреки указамъ, поступилъ въ монахи... Притомъ и видѣніе во снѣ сильно ободрило Самуила. Онъ не раскаявался въ своемъ поступкѣ, громко жалѣлъ, что не написалъ скрытныхъ литеръ п. б. полными словами: „пущеніемъ божіимъ“, и гласно, въ присутствіи караульныхъ солдатъ, повторилъ послѣднее свое письмо, не вдаваясь, впрочемъ, въ его истолкованіе, и тутъ же наставляя солдатъ „къ крѣпкому послушанію ея величеству государынѣ императрицѣ“.

11-го февраля 1725 г., Самуилъ, допрошенный въ синодѣ, а потомъ отосланный въ канцелярію сената (въ ней предѣлательствовалъ графъ Андрей Артамоновичъ Матвѣевъ), на допросѣ въ обоихъ учрежденіяхъ коротко рассказалъ, какъ было написано имъ проклятiе. Причемъ смѣло и твердо объяснилъ „литеры“, въ письмѣ написанныя: „были онѣ, по его заявленію, въ такой силѣ: *с* — всероссійскаго, *ц* — царства, *п* — пущеніемъ, *б* — божіимъ, *н* — Петръ, всескверный — великій, *и* — императоръ; а бывшіе единоумудрствующіе, объяснялъ разстрига — тѣ, которые въ синодѣ были и померли!“

Въ тотъ же день Выморкова вздернули на дыбу, дали ему сорокъ ударовъ кнутомъ и жестоко жгли его спину вѣниками.

Истязуемый, говоря его же словами: „по надменію.... мужественно терпѣлъ пытку, яко за правду!“

На другой день подсудимый, крайне немощный отъ пытки, приведенъ былъ предъ канцелярію сената. Графъ Матвѣевъ объявилъ ему, что за его преступленіе онъ неминуемо будетъ казненъ смертію. Объявленіе это столь поразило Степана Выморкова, что онъ, въ ожиданіи скорого смертнаго часа, тутъ же рѣшился повѣдать суду „всю сущую правду, не точію чтѣ кому говорилъ и дѣлалъ, или о чемъ отъ кого на свои слова слыхалъ, но что и въ мысли какое хуленъе къ персонѣ государя имѣлъ“. Рѣшеніе свое Самуилъ исполнилъ свято. Судъ услышалъ длинную исповѣдь, исполненную такой неподдѣльной искренности и правды, такой въ то же время обстоятельности въ передачѣ самыхъ мельчайшихъ подробностей, словъ, сокровеннѣйшихъ желаній и мыслей, указаній на лица, мѣста и случаи, за два, за три года тому назадъ совершившіеся, цитаты, нерѣдко довольно длинныя пзъ книгъ духовныхъ, каковыя цитаты

разстрига Степанъ приводилъ на память, словомъ—вѣрно то, что примѣръ подобной исповѣди едва-ли могли представить даже лѣтописи тайной канцеляріи, въ которой въ то время съ такимъ паразитическимъ искусствомъ выпытывалъ всю подноготную Андрей Ивановичъ Ушаковъ.

Въ своемъ разсказѣ, изложенномъ своеручно на бумагѣ, Выморковъ, изъ страха предстать предъ судомъ божіимъ съ совѣстью, не освобожденною отъ прегрѣшеній, съ самымъ искреннимъ покаяніемъ, передалъ наиподробнѣйшій разсказъ о всей своей жизни съ 1722 года по самый день, въ который его подвергли пыткамъ. Неизвѣстно при этомъ, взлѣлъ ли на себя кто нибудь трудъ разъяснить несчастному всю нелѣпость его мнѣнія объ императорѣ Петрѣ и его слугахъ, но онъ въ показаніяхъ своихъ считалъ уже свои мнѣнія дьяволомъ на него навожденными, „и нынѣ“, писалъ онъ: „по истинной своей чистой совѣсти, твердо и несомнѣнно, какъ о святѣйшемъ синодѣ, такъ и правительствующемъ сенатѣ, и о прочихъ властвующихъ и вѣрно служащихъ о всѣхъ, которые по отшествіи въ вѣчное блаженство его императорскаго величества, при ея величествѣ государыни императрицѣ въ російскомъ государствѣ обрѣтаются, остаюсь я безъ всякаго нареканія“.... „И нынѣ ни въ чемъ не сомнѣваюсь“... Какъ бы то ни было, но только въ своемъ длинномъ разсказѣ онъ ни на кого не указалъ жалко, ни одного факта не искажилъ и всѣ его показанія, по тщательномъ, шестимѣсячномъ изслѣдованіи, вполне подтвердились свидѣтельствомъ и очными ставками множества лицъ, привлеченныхъ по этому дѣлу къ суду.

Исповѣдь Выморкова послужила главнѣйшимъ матеріаломъ вышеизложенныхъ подробностей нашего разсказа; здѣсь поэтому излишне и приводить ее...

Въ то время, когда крайне немощный отъ жестокой пытки, Выморковъ писалъ въ тюрьмѣ повинную: „о томъ, какъ прежде того былъ въ расколѣ и другихъ къ тому призывалъ и научалъ, также и про покойнаго государя непотребныя хулы, будучи во многихъ разныхъ мѣстахъ: въ городѣ Тамбовѣ и въ Тамбовскомъ уѣздѣ, на Воронежѣ, и на Дону, въ казачьихъ станицахъ кому другимъ сказывалъ, и гдѣ разсѣивалъ, и отъ другихъ кого такія-жъ непотребства слышалъ, и чего ради нынѣ въ Москвѣ вышепоказанную хулу испуцалъ“, въ то время, когда обо всемъ этомъ только лишь

оканчивалась имъ повинная, по распоряженію канцеляріи сената, арестованы были, по поводу его дѣла, нѣсколько лицъ; аресты были произведены въ Москвѣ, за нѣкоторыми же изъ оговоренныхъ лицъ поскакали курьеры въ Тамбовъ.

Такимъ образомъ свезены были въ тюрьмы по дѣлу Степана Выморкова: попъ изъ села Избердей, Тамбовскаго уѣзда, Антонъ Ивановъ; отецъ его, игумень Трегуляевскаго Тамбовскаго монастыря Иосафъ; іеродіаконъ изъ Тамбовскаго же Казанскаго монастыря Иосима; Дмитрій Васильевъ, попъ Успенской церкви въ городѣ Тамбовѣ, и наконецъ Осипъ, столарь изъ села Спасскаго, того же Тамбовскаго уѣзда; впрочемъ, слѣдователи и судьи были сравнительно съ петровскимъ временемъ гораздо снисходительнѣе. Въ царствованіе покойнаго, неминуемо свезены были бы въ застѣнки всѣ тѣ попы, попады, дьячки, монахи, монахини, келейники, казаки, посадскіе люди и жены посадскихъ людей—словомъ всѣ, съ которыми только имѣлъ „противныя чести его величества разговоры“ бывшій монахъ Самуиль, словомъ всѣ лица, которыхъ онъ почелъ священнымъ долгомъ назвать поименно въ своей „предсмертной исповѣди“. Названо же имъ было до семидесяти лицъ, и изъ нихъ собственно изъ Тамбовскаго уѣзда и города Тамбова арестовано было всего только пять человѣкъ. Затѣмъ, разумѣется, допрошенъ былъ почти весь личный составъ Богоявленскаго Московскаго монастыря, что за ветошнымъ рядомъ; всѣ жившіе въ немъ, начиная съ архимандрита Іоакима до послѣдняго сторожа, всего до пятидесяти человѣкъ, подвергаемы были по сему дѣлу допросу.

Главная цѣль допросовъ была узнать: въ какой силѣ писаны и говорены были Выморковымъ хулы на (покойнаго) государя? По чьему совѣту? При чьемъ содѣйствіи? Не было ли у него соумышленниковъ? И почему слышавшіе „поносительныя словеса“ не доносили о нихъ тотчасъ же властямъ предержавшимъ? Соумышленниковъ, совѣтчиковъ и всякихъ помощниковъ пропагандѣ разстриги Степана, по отвѣтамъ допрашиваемыхъ лицъ, въ стѣнахъ Богоявленской обители, разумѣется, не оказалось; а на вопросъ, почему не было своевременно доносимо о хуленіяхъ Выморкова, каждый изъ братіи ссылался то на „шумство“, въ какомъ положеніи былъ-де допрашиваемый, когда говорилъ разстрига то-то и то; другіе ссылались на „простоту, недоразумѣніе и на боязнь, чтобъ говорившій

въ словахъ своихъ не заперся“; третьи говорили, что „собирались, моль, донести, да не успѣли, либо не могли, заболѣли-де зубною болью“; наконецъ, одинъ честной иннокъ объявилъ, что потому и не донесъ на Выморкова, что „косноязыченъ отъ рожденя“. Въ то же время, каждый почти старался ослабить или даже и вовсе опустить выраженія изъ рѣчей Выморкова, наиболѣе „противнаго свойства“, но на многочисленныхъ очныхъ ставкахъ, дѣло само собой разъяснялось и „сумасбродныя словеса“ бывшаго монаха Самуила выходили въ томъ почти видѣ, какъ онѣ были имъ сказаны. Самъ онъ, въ своей исповѣди и въ нѣсколькихъ дополнительныхъ письменныхъ и словесныхъ показаніяхъ, рѣдко тѣ рѣчи свои „противныя“ смягчалъ или опускалъ. Честной его натурѣ подобный обманъ судьей казался преступленіемъ, и нерѣдко привелъ толпы свои съ разными лицами, въ какихъ-нибудь казацкихъ станцияхъ, о которыхъ, безъ его собственныхъ показаній, никто бы никогда и не узналъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ съ удивительною искренностью и какъ-бы съ сожалѣніемъ говорить, что „памятно о другихъ многихъ разговорахъ сказать я не могу“.

Выслушавъ длинную повинную отъ Выморкова, произведя аресты нѣсколькихъ лицъ и допросивъ ихъ, московская канцелярія сената послала въ С.-Петербургъ, въ правительствующій сенатъ, вѣдѣніе, спрашивая: производить ли дальнѣйшіе аресты и вообще гдѣ тому дѣлу быть слѣдоваему? Сенатъ приказалъ: разстригу Степана и прочихъ, которые его дѣлу приличны, вмѣстѣ съ подлиннымъ дѣломъ прислать за крѣпкимъ карауломъ въ Тайную розыскную канцелярію въ Петербургъ, „а которыя онъ, разстрига, показываетъ старья дѣла, сказано было въ сенатскомъ вѣдѣніи, тѣ нынѣ оставить, и какъ на Донѣ, такъ и въ другія мѣста посылокъ не чинить“...

Согласно сему опредѣленію сената, графъ Матвѣевъ и генераль-майоръ Дмитріевъ-Мамоновъ, 9 апрѣля 1725 года, подъ крѣпкимъ карауломъ отправили изъ Москвы въ Петербургъ Степана Выморкова и важнѣйшихъ, по ихъ мнѣнію, „приличныхъ“ къ его дѣлу четырнадцать лицъ.

Слѣдствіе продолжалось въ Петербургѣ три съ половиною мѣсяца. Наконецъ, изъ всего дѣла въ Тайной канцеляріи составленъ былъ коротенькій, въ нѣсколько строкъ, экстрактъ.

30-го іюля 1725 года изволила слушать тотъ экстрактъ импе-

ратрица Екатерина Алексѣевна ¹⁾ и затѣмъ, по ея указу, Тайная канцелярія, подведя соотвѣтствующія выписки статей изъ Уложенія и указовъ ²⁾, опредѣлила слѣдующее:

„1) Дворовому князя М. М. Голицына челоуѣку, Ивану Иванову Чевакинскому за то, что слыша отъ разстриги Степана непристойныя слова про ея императорское величество, а не донесъ простотою—учинить наказаніе вмѣсто кнута батогами, нещадно, и свободить съ пашпортомъ въ Москву.

2) Церкви великомученицы Екатерины, что въ Москвѣ, во дворцѣ, вверху, попа Леонтія Балановскаго, за то, что слышавъ отъ помянутаго же Степана про ея императорское величество непотребныя слова, не донесъ потому, что былъ боленъ зубною болью, и

3) города Тамбова Успенской церкви, что въ полевой слободѣ, Панская тожъ, попа Дмитрія Васильева, который также, и отъ того же Выморкова, слышалъ непотребныя про ея императорское величество слова, не доносилъ отъ простоты своей и боясь, чтобы онъ, Степанъ, не заперся — и за то имъ, попомъ, учинить наказаніе шелепами при сводѣ, и свободены къ прежнимъ церквамъ тѣми жъ чинами.

4) Трегуляевскаго монастыря, бывшаго игумена Іосафа ³⁾,—

5) Тамбовскаго уѣзда архіерейской вотчины села Спасскаго, Таленское тожъ, столяру Осипу Куликову,

6) Богоявленскаго монастыря, что въ Москвѣ, іеродиакону Іову,

7) іеродиакону Савватию, разстригъ Симону Павлову ⁴⁾,

8) іеромонаху Іосифу Дробницкому,

9) канархистру-монаху Діонисію, и

¹⁾ Государыня въ тотъ день слушала три экстракта изъ дѣлъ тайной канцеляріи: 1) изъ разсказаннаго здѣсь нами дѣла Выморкова, 2) о письмѣ неизвѣстномъ, по которому сѣдывалъ въ Москвѣ гвардіи капитанъ князь Шаховской о словахъ графа Матвѣева (?), и 3) по дѣлу архимандрита Богоявленскаго монастыря, что за ветшенымъ рядомъ, отца Іоакима, въ обвиненіи его разстригою Петромъ Васильевымъ въ произношеніи худыхъ словъ.

²⁾ Уложение 1649 г. глава II ст. 1, 19. Воин. артик. 1716 г. глава III артик. 20; гл. XVI арт. 129, гл. XVII арт. 135, 136 и 137. Указъ 28 апрѣля 1722-го г. (состоявшійся вслѣдствіе извѣстнаго дѣла Левина, носившаго Петра I-го на площади въ Пензѣ).

³⁾ При допросахъ былъ пытанъ, получилъ 7 ударовъ.

⁴⁾ При допросахъ два раза подыманъ на дыбу и висѣлъ на ней во второй разъ съ полчаса.

10) казначею-монаху Селиверсту, за недонесеніе о слышанныхъ ими отъ Выморкова хульныхъ словъ, подлежали бы они наказанію, „однако же то имъ оставляется для поминовенія блаженныя и вѣчно-достойныя памяти его императорскаго величества“.

Всѣ эти лица были отправлены на мѣста жительства, при чемъ тѣ изъ нихъ, которые при допросахъ были разстрижены, вновь получили отъ сѹнода постригъ.

11) Разстригамъ: Ѳедору Степанову, и

12) Петру Васильеву ¹⁾ ожидать окончанія вновь показаннаго отъ нихъ дѣла о словахъ, бывшихъ отъ іеромонаха Варнавы на архимандрита Іоакима.

13) Казанскаго монастыря, что въ Тамбовѣ, бывшаго іеродіакона Изосиму, разстригу Захарія Игнатьева, что онъ отъ Степана Выморкова ²⁾ про его императорское величество слышалъ непристойныя слова, и о томъ не токмо донести, но и самъ на его слова говорилъ, и за то учинить ему, Захарію, вмѣсто натуральной смерти, политическую: бить кнутомъ нещадно и, вырѣзавъ поздри, послать въ Рогервикъ, въ каторжную вѣчную работу.

14) Сокольскаго уѣзда села Избердей, бывшаго попа-распону Антипа Щеглова ³⁾, который говорилъ про ея императорское величество важныя непристойныя слова, и съ розыску въ томъ виновился, и за то, вмѣсто натуральной смерти учинить ему, Антипу, политическую: бить кнутомъ нещадно и, вырѣзавъ поздри, послать въ Рогервикъ, въ каторжную вѣчную работу.

15) Наконецъ, города Тамбова, Предтечева Трегуляевскаго монастыря, бывшему монаху Самуилу, разстригъ Степану Выморкову за его важныя вины, учинить ему, Выморкову, смертную казнь: отсѣчь голову въ С.-Петербургѣ, съ объявленіемъ ему той его вины, и по экзекуціи тое его голову, положи въ спиртъ, отправить съ нарочнымъ гвардіи сержантомъ въ Тамбовъ, велѣть тамъ въ городѣ сдѣлать каменный столбъ, гдѣ пристойно поставить тое голову на желѣзной спицѣ; а туловище его, Выморкова, зарыть здѣсь въ землю, и о томъ, куды надлежитъ писать, а посланному дать

¹⁾ При допросѣ на пыткѣ дано ему 6 ударовъ.

²⁾ На двухъ пыткахъ, при допросахъ, дано Захарію Игнатьеву (бывшему іеродіакону Изосимѣ) 17 ударовъ.

³⁾ На жестокой пыткѣ при допросахъ дано ему было 19 ударовъ кнутомъ.

инструкцію, и о винахъ Выморкова сочинить листъ, и послать съ помлнутымъ сержантомъ, велѣтъ оный прибить къ столбу, гдѣ Выморкова голова будетъ“.

3-го августа 1725 года, канцеляристь, въ присутствіи караульнаго гвардіи сержанта, прочель Степану Выморкову смертнй приговоръ.

4-го августа, осужденный былъ неповѣдуемъ, и только спустя недѣлю, удостоенъ причастія святыхъ тайнъ; въ тотъ же день, когда Тайная канцелярія разрѣшила причастить Выморкова, она озабочивалась нарядомъ сержанта съ добрымъ солдатомъ, для отвоза головы неказненного еще разстриги Степана Осипова сына Выморкова.

Когда всѣ, такимъ образомъ, предварительныя распоряженія были окончены, 14-го августа 1725 года, за кронверкомъ (на Петербургской сторонѣ), у столба, въ присутствіи небольшой команды гвардейскихъ солдатъ, неизмѣннаго свидѣтеля казней—секретаря Тайной канцеляріи Ивана Томильскаго и толпы народа, совершена экзекуція: по прочтеніи приговоровъ, бывший іеродіаконъ Иосимъ (разстрига Захаръ Игнатьевъ), и распопъ Антипа Щегловъ высѣчены кнутомъ, дано имъ по тридцати ударовъ каждому, и ноздри у нихъ вырѣзаны.

Затѣмъ, у того же столба, по прочтеніи приговора, казненъ былъ бывший монахъ Самуилъ (разстрига Степанъ Осиповичъ) Выморковъ.

Голова его была отсѣчена, положена въ спиртъ, и гвардіи сержантъ, въ сопровожденіи „добраго солдата“, повезъ ее въ Тамбовъ „для публки“. „Публка“ совершена была такимъ образомъ: полковникъ, тамбовской провинціи воевода Петръ Ивановичъ Щербачовъ, „обще“ съ прибывшимъ сержантомъ распорядились на площади, гдѣ бываетъ колодникамъ экзекуція, сдѣлать каменный столбъ, и на немъ утвердили желѣзную спицу. Затѣмъ, 8-го октября 1725 г., въ пятницу, въ торговый день, въ присутствіи властей и при многихъ людѣхъ, голова Выморкова „съ публкою“, съ барабаннымъ боемъ на спицу воткнута, и листъ о винахъ Выморкова при той оказіи прочтенъ и прибитъ крѣпко къ тому столбу, впредь для всенароднаго вѣдѣнія, и поставлены у того столба для караулу солдаты.

Іеродіакону Богоявленскаго, что въ Москвѣ, монастыря, Іеро-

САМУИЛЬ ВЫМОРКОВЪ.

фею Оглоблѣ, „за его усердное показаніе, по опредѣленію графа Петра Андреевича Толстого и Андрея Ивановича Ушакова, и согласно съ указомъ 28-го апрѣля 1722 года, выдано въ награжденіе ея императорскаго величества жалованья 50 рублевъ“.

Слб.

25-го іюня 1865 г.

Примѣчаніе. Три года спустя по составленіи нами настоящаго очерка по подлиннымъ документамъ, сохранившимся въ Государственномъ архивѣ Министерства иностранныхъ дѣлъ, — С. М. Соловьевъ въ «Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ», изд. 1868 г. М., томъ XVIII, посвятилъ двѣ страницы этому дѣлу, замѣтивъ, что жизнь монаха Самуила Выморкова относительно ожиданія антихриста представляетъ одинъ «изъ самыхъ любопытныхъ эпизодовъ въ исторіи раскола» (стр. 213—214). Коротенькая замѣтка о той же жизни была напечатана С. М. Соловьевымъ въ «Православномъ Обзорѣннѣ» 1861 г. М. С.

ФРЕЙЛИНА ГАМИЛЬТОНЪ

1719.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

ФРЕЙЛИНА ГАМИЛЬТОНЪ.

Историческій очеркъ.

1719.

«Страсть любовная, до Петра I почти въ грубыхъ нравахъ незнаемая, начала чувствительными сердцами овладѣвать, и первое утвержденіе сей перемѣны отъ дѣйствія чувствъ произошло. А сіе самое и учинило, что жены, до того нечувствующія своей красоты, начали слѣзъ ея познавать, стали стараться умножать ея пристойными одѣліями, и болѣе предковъ своихъ распростерли роскошь въ украшеніи. О, коль желаніе быть пріятной дѣйствуетъ надъ чувствіями женъ!»

Ен. М. М. Щербатовъ.

«О поврежд. нравовъ въ Россіи», «Русская Старина» 1870 г., над. третье, томъ II, стр. 16.

I.

Гемпльтонъ или Гамильтонъ (Hamilton) принадлежитъ къ числу древнѣйшихъ и именитѣйшихъ родовъ датскихъ и шотландскихъ, раздѣляющихся на множество отраслей. Мы не станемъ перечислять знаменитыхъ представителей и представительницъ этой фамиліи, но замѣтимъ, что хроники Гемпльтоновъ богаты самыми романическими происшествіями, самыми разнообразными дѣяніями на поприщахъ политическомъ, литературномъ, придворномъ, въ областяхъ искусства, живописи, музыки; наконецъ, имя одной изъ Гемпльтоновъ, леди Эммы Гемпльтонъ (род. 1760 г., ум. 1815 г.), занимаетъ видное мѣсто въ хроникахъ англійскаго и неаполитанскаго дворовъ. Знаменитая красавица была любовницею многихъ достопочтенныхъ лордовъ, любовницею нѣсколькихъ героевъ, игравшихъ въ свое время важныя роли въ ученomъ или военномъ мѣрѣ, была сама героинею, публичною женщиною, была натурщицею, за деньги представляла статую богини Здравія (Hydia), являлась публикѣ обнаженною и при-

крытою прозрачнымъ покрываломъ, была законною супругою лорда-посланника, управляла неаполитанскимъ дворомъ... словомъ, списокъ ея дѣяній безконеченъ ¹⁾).

Нѣкоторые изъ членовъ этой фамиліи въ настоящее время (1860 г.) принадлежатъ къ числу ближайшихъ родственниковъ Луи-Наполеона III.

Вслѣдъ за такимъ громкимъ генеалогическимъ вступленіемъ можно подумать, что фрейлина Гамильтонъ, героиня настоящаго разсказа, есть лицо въ высшей степени замѣчательное, что жизнь ея полна дѣяніями романтическими, что она — хоть блѣдный первообразъ леди Эммы Гемптонъ? Нѣтъ, „дѣвка Марья Гаментова“, какъ названа Гамильтонъ въ современныхъ ей застѣночныхъ документахъ и въ пыточныхъ допросахъ, личность интересная, но въ другомъ родѣ, въ другихъ нравахъ. Кратковременная жизнь ея небогата событіями разнообразными; но эти немногія событія характеризуютъ время великаго Петра, нѣкоторыхъ изъ лицъ, его окружавшихъ, знакомятъ съ тогдашнимъ состояніемъ одной изъ важнѣйшихъ частей уголовного законодательства, наконецъ даютъ намъ поводъ, хоть въ краткомъ очеркѣ, представить внутреннюю жизнь петровскаго двора.

Въ послѣднее время (1860 г.) судьба фрейлины Гамильтонъ заинтересовала многихъ изъ тѣхъ, которые слѣдятъ за текущею русскою литературою. По поводу имени Гамильтонъ (Гаментова тожъ), случайно попавшаго въ устряловскіе списки оговоренныхъ и пытаныхъ лицъ въ 1718 году (Истор. Петра I, т. VI), въ одной изъ газетъ въ 1860 г. появилась интересная статейка: „Фрейлина Гамильтонъ“.

„Въ исторіи Россіи первой половины XVIII вѣка“ — такъ начинается авторъ: „есть много лицъ, которыхъ трагическая судьба должна бы спасти отъ забвенія. Эти блѣдныя, окровавленные тѣни, участь которыхъ мало трогала жесткія, недоступныя состраданію сердца людей, жившихъ въ то ужасное время, встаютъ теперь, одна за другой, изъ могилъ и являются передъ судомъ потомства, требуя очищенія памяти ихъ отъ неправеднаго осужденія и произнесенія новаго, успокоительнаго для нихъ приговора“.

Въ этихъ словахъ выражается взглядъ составителя статьи на фрейлину Гамильтонъ, о которой онъ приводитъ немногія, но лю-

¹⁾ Энци. Лексиконъ, т. XIII, стр. 457—459.

бопытныя подробности изъ нѣсколькихъ печатныхъ сочиненій. Не станемъ распространяться о томъ, вѣрно или невѣрно сужденіе неизвѣстнаго автора о трагической судьбѣ Гампльтонъ; но замѣтимъ, что судьба эта заинтересовала многихъ, и вслѣдъ за указанной статьей въ газетахъ появилось нѣсколько дополнительныхъ статей, замѣчаній, объясненій и поправокъ о фрейлинѣ Гампльтонъ ¹⁾.

„Мы покорнѣйше просимъ (заключаетъ авторъ одной изъ этихъ статей) занимающихся историческими изслѣдованіями эпохи Петра Великаго, въ особенности М. И. Семевского, поискать еще какихъ-либо свѣдѣній о Гампльтонъ; можетъ быть, и подлинное дѣло о ней гдѣ-нибудь сыщется“.

Имя предъ собой это дѣло, мы очень рады, что можемъ удовлетворить любопытству занимающихся отечественной исторіей.

„Семейство Гампльтонъ“, пишетъ А. Языковъ ²⁾, основываясь на подлинномъ родословіи этой фамилии, „прибыло въ Россію при царѣ Иванѣ Васильевичѣ Грозномъ, между 1533 и 1583 годами. Родоначальникомъ этой фамилии былъ Фернардъ, родомъ датчанинъ, родственникъ герцога нормандскаго, за малолѣтствомъ герцога правившій Нормандіей въ 912 году.

„Отъ Фернарда до Якова Гампльтона, современника Петра Великаго, изображено на пергаментномъ родословномъ свиткѣ 24 нисходящихъ линій родства съ боковыми отраслями этого рода“.

Ближній бояринъ царя Алексѣя Михайловича, знаменитый Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ, былъ женатъ на Гампльтонъ; впрочемъ, въ біографіяхъ Матвѣева фамилія жены его или вовсе не названа, или просто сказано, что она была происхожденіемъ шотландка ³⁾, именемъ Евдокія. На каменной гробницѣ ея, въ фамильномъ склепѣ Матвѣевыхъ (въ Москвѣ, близъ Покровки), высѣчена слѣдующая надпись: „гробъ супруги блаженнаго боярина Артемона Сергѣевича Матвѣева — боярыни Евдокіи Григорьевны; а преста-

¹⁾ «Сѣверная Пчела» 1860 г., №№ 73, 74, 85, 91 и 139. «Санктпетербург. Вѣдом.» 1860 г., № 74. Одна изъ этихъ статей принадлежала г. Цицерману, если не ошибаемся, тому самому, который впоследствии прославился какъ отличный офицеръ, затѣмъ генералъ генеральнаго штаба и начальникъ одного изъ корпусовъ въ войнѣ 1877—1878 гг.

²⁾ Нынѣ покойный директоръ училища правовѣдѣнія въ С.-Петербургѣ.

³⁾ Бант.-Каменскій.—Терещенко: Опытъ обзор. жизни сановниковъ и пр. 1837 г. ч. I, стр. 113. Малюковскій: Рукописн. біографіи управлявшихъ иностр. дѣлами. Львова: Повѣствованія о боярахъ XVII в. М. 1821 г. Сахарова: Предисл. къ запискамъ сына Матвѣева. Н. П. Новикова изд. «Исторія о невинномъ заточеніи Матвѣева» 1776 г.

вление ея во 180 (1672) году августа 24-го, на память пренесенія честныхъ мощей иже во святыхъ отца нашего Петра, митрополита кievскаго и всея Россіи чудотворца“.

Если надпись на гробницѣ Евдокіи Григорьевны умалчиваетъ о ея прежней фамиліи, за то мы узнаемъ ее изъ подписи надъ подлиннымъ родословіемъ Гамильтоновъ. Она помѣщена на пергаментномъ свиткѣ (длиною 3 аршина 12 вершковъ, шириною 1 аршинъ 2 вершка): „генеалогія знаменитой фамиліи Гамильтонъ, вышедшей изъ Шотландіи, составлена для употребленія знаменитому мужу Андрею Артамоновичу Матвѣеву, экстраординарному генеральному консулу Бельгіи и союзныхъ государствъ, котораго знаменитая родительница произошла изъ фамиліи Гамильтонъ“.

Генеалогія эта, составленная по подлиннымъ историческимъ актамъ Шотландіи и Англіи, написана, разрисована и украшена О. Брандтомъ Эмигеромъ, придворнымъ художникомъ Анны британской.

На верху родословнаго дерева, какъ описываетъ его Языковъ, съ правой стороны помѣщены гербы: Артамона Сергѣевича Матвѣева и жены его, Евдокіи Григорьевны. Надъ гербомъ перваго подписано: „Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ, первый сенаторъ, мнштръ и канцлеръ московскаго государства, презусъ иностранныхъ дѣлъ, ближній бояринъ, намѣстникъ серпуховскій“. Фамильный гербъ жены его представляетъ: щитъ пурпуроваго цвѣта, въ которомъ между тремя серебряными розами изображено золотое сердце, окруженное золотыми чертами. Подъ гербомъ подпись: княгиня Евдокія Григорьевна изъ дома или семейства Оомы Гамильтона г. Дарн-габерскаго, втораго брата Якова Гамильтона, каковой домъ началъ процвѣтать въ московскомъ государствѣ при Иванѣ Васильевичѣ“.

Нѣкоторые члены этой фамиліи скоро вступили въ русскую службу, обрусѣли и, вслѣдствіе употребляемой тогда славянской азбуки и всегдашней способности русскихъ коверкать иностранныя фамиліи, стали вписываться въ акты: Гамелтонами, Гаментонами, Гаментовыми, Хомутовыми¹⁾.

Гамильтоны, при воцареніи Петра, вслѣдствіе брака Евдокіи Григорьевны съ А. С. Матвѣевымъ, принадлежали къ аристократи-

¹⁾ Последняя фамилія имѣть общій гербъ съ Гамильтонами, и у одного изъ представителей ея, наказнаго атамана донскаго войска, М. Г. Хомутова (нынѣ покойнаго) сохранилось генеалогическое древо рода его предковъ Гамильтонъ, о которомъ сообщилъ интересныя свѣдѣнія А. Языковъ («Сѣв. Пчела» 1860 г. № 139).

чекимъ фамиліямъ и чрезъ Матвѣевыхъ имѣли большія связи; кто же изъ нихъ былъ отцомъ, фрейлины Марьи Гампльтонъ?

Въ русскихъ документахъ отца ея называютъ Даниломъ; въ послѣдней линіи родословія Гампльтонъ двоюроднымъ братомъ по матери Андрею Артамоновичу Матвѣеву поставленъ Guilemus — Вилимъ; зная свойство тогдашней, да и нынѣшней русской рѣчи— весьма основательно предположить, что Даниловна переназначена изъ Вилимовны.

Такимъ образомъ Марья Даниловна или Вилимовна, знатная фрейлина петровскаго двора, была племянница Андрея Артамоновича Матвѣева.

Впрочемъ, положительныхъ указаній о томъ, кѣмъ былъ отецъ Маріи въ ряду московскихъ сановниковъ—мы не нашли; известно только, что въ началѣ царствованія Петра одинъ изъ вновь образованныхъ полковъ былъ ввѣренъ начальству Гамонтова (Гампльтонъ) и, по имени своего начальника, назывался Гамонтовымъ полкомъ¹⁾. Какъ онъ переименованъ впоследствии и куда дѣлся командиръ полка—неизвестно; мы нашли только одно указаніе въ спискахъ 1706 года: „полкъ, бывшій Ивана Бернера—нынѣ Гамельтоновъ, расположенъ въ Петербургѣ“²⁾. Не этотъ ли Гампльтонъ (Вилимъ?) былъ отцемъ фрейлины Маріи?

Въ то время, когда въ рядахъ русскаго войска въ званіи полкового начальника служилъ иноземецъ Гампльтонъ, другой Гампльтонъ предводилъ однимъ изъ отрядовъ шведской арміи. Онъ взятъ былъ въ плѣнъ въ день полтавскаго сраженія, въ числѣ четырехъ другихъ генераловъ³⁾.

Какъ видно, онъ принадлежалъ къ числу именитѣйшихъ плѣнниковъ, ибо довольный Петръ во многихъ письмахъ, разосланныхъ къ разнымъ лицамъ, съ гордостью называетъ Гампльтона, искажая его имя на всѣ лады—общій удѣлъ всѣхъ тогдашнихъ иноземныхъ шамплій.

¹⁾ Еще Олеарій въ своемъ Путешествіи по Московіи упоминаетъ о полковникѣ Гамельтонѣ (Hamelthon), какъ объ одномъ изъ иностранцевъ-офицеровъ въ войскѣ царя Алексѣя Михайловича. «Чтенія Моск. Общ. Исторіи», 1869 г., стр. 282.

²⁾ Тетради записныя, 1704—1706 гг., изд. 1774 г., стр. 164, 165, 185 и 186.

³⁾ Поденная записка Петра, изд. 1770 г. Ч. I. стр. 202. Журн. Гизена, полов. 2, стр. 108, изд. 1788 г.: «взятъ въ плѣнъ генералъ-маіоръ Гампльтонъ». Голяковъ, изд. 2-а, т. IV, стр. 77; т. V, стр. 275; т. VII, стр. 246; т. XI, стр. 222; т. XV, письма 18, 19, 26.

Большой чинъ Гамильтона не спасъ его отъ судьбы, постигшей всѣхъ шведскихъ плѣнныхъ. Въ 1714 году онъ былъ посланъ съ тремя товарищами въ Кирилловъ монастырь ¹⁾. Послѣ пятилѣтняго заточенія, при началѣ переговоровъ о мирѣ, онъ былъ освобожденъ, бывалъ у многихъ изъ вельможъ, принималъ участіе въ пирахъ, благодарилъ Петра за милостивое обхожденіе—это было въ 1719 году, то есть тогда, когда его однофамилица, по волѣ суроваго монарха, страдальчески окончила свою жизнь... Въ 1722 году генераль-маіоръ Гамильтонъ получилъ разрѣшеніе возвратиться въ отечество. Онъ оставилъ Россію, надѣленный подарками отъ герцога Голштинскаго ²⁾.

Въ какомъ году начинается служба его прекрасной однофамилицы при дворѣ Петра и Екатерины — неизвѣстно. На основаніи нѣкоторыхъ соображеній, мы думаемъ, что Гамильтонъ, въ качествѣ ближней прислужницы Екатерины, явилась не ранѣе 1713 года. Въ 1715 году она уже сама имѣла двухъ горничныхъ и пользовалась расположеніемъ царя и царицы.

Штатъ Екатерины былъ далеко незатѣйливъ; онъ состоялъ изъ нѣмокъ, чухонокъ, карловъ и немногихъ русскихъ. Какъ видно, для званія прислужницы, по старому выраженію, дѣвушки съ верьху ³⁾, вовсе не требовалось ни знатнаго происхожденія, ни ума; въ этомъ случаѣ отличали только красоту и молодость. Такой выборъ объясняется какъ вкусомъ и характеромъ Петра, такъ и происхожденіемъ самой Екатерины.

Самые разнообразныя рассказы о первомъ и весьма темномъ періодѣ ея жизни носятъ характеръ легендарный; вотъ одна изъ этихъ довольно сбивчивыхъ легендъ, записанная, уже сто лѣтъ спустя послѣ рожденія Екатерины I, Гельбигомъ: отецъ Марты (Екатерины) былъ литовскій крестьянинъ Самуиль (Скавронскій); кромѣ сына Карла, онъ имѣлъ трехъ дочерей: Марту, Христину и Анну. Вся семья была католической вѣры. По смерти Самуила, семейство переехало въ рижскій округъ, въ деревню Lennewaiden, на рѣчкѣ

¹⁾ О бѣдствіяхъ шведскихъ плѣнныхъ въ Россіи подробно рассказываетъ Берхгольцъ. Ч. I, стр. 46, 56. Ч. II, стр. 44—46, 104 и 105.

²⁾ Берхгольцъ, ч. 2, стр. 98.

³⁾ «Въ верьху» т. е. во дворцѣ. «Ступай на верхъ, зовегъ теба баринъ», въ этомъ выраженіи нынѣшней (1860 г.) прислуги сохраняется прежнее значеніе слова: верьхъ. Въ старину были: верховыя боярыни и боярышни, равнявшіяся нынѣшнимъ статсъ-дамамъ и фрейлинамъ.

Rumbe. Марта родилась, какъ увѣрили иноземцы, 16 апрѣля 1686 года, и лишь только подросла, отдана была матерью, не имѣвшею средствъ содержать большую семью, въ услуженіе къ пастору Daüt, въ томъ же округѣ, въ роопскій приходъ. Марта изъ католички преобразилась въ лютеранку и скоро ушла въ Мариенбургъ, вепденскаго округа, въ услуженіе къ пастору Glück ¹⁾. Къ этому времени относится бракъ ея, по любви, съ шведскимъ драгуномъ Johann. Исторія этого брака разсказывается иноземными писателями съ различными вариантами, всевозможными романическими приключеніями — очевидно, произведеніями фантазій сочинителей; другіе же писатели не только подробности, но и самый бракъ опровергаютъ. Для разясненія этого вопроса недостаточно немногихъ, но весьма важныхъ документовъ, обнаруженныхъ К. И. Арсеньевымъ, С. Соловьевымъ и др. о семействѣ Екатерины: подождемъ еще матеріаловъ ²⁾, а пока, вѣдѣя за Гельбигомъ, повторимъ легенду, что бракъ Марты (Екатерины) съ драгуномъ былъ непродолжителенъ. Драгуна потребовали въ полкъ ³⁾. Это было незадолго до взятія Мариенбурга: Въ числѣ плѣнныхъ была миловидная Марта. Шереметевъ взялъ ее къ себѣ, но скоро уступилъ Меншикову, въ качествѣ служанки. Меншиковъ долго скрывалъ плѣнницу отъ вельможъ и Петра, но въ веселый часъ прихвастнулъ красавицей... Она взята во дворецъ государевъ въ концѣ 1703 г. или въ началѣ 1704 г.; въ 1705 г. имѣла уже отъ царя Петра двоихъ дѣтей, что видно изъ письма, ея именемъ такъ подписаннаго, 6-го окт. 1705 г.: Катерина сама третья. Именовалась она сначала Катерина Василевская (до 1708 г.), потомъ Михайловою (до 1711 г.), пе-

¹⁾ Russische Günstlinge. Тюбингенъ, 1809 г., стр. 31—34. Германъ, въ известномъ сочиненіи своемъ: Geschichte d. russisch. Staats, V, 109, примѣч. 79, свидѣтельствуетъ, что авторъ Russ. Günstlinge—былъ Гельбигъ (Hellbig), тайный совѣтникъ при саксонскомъ посольствѣ, акредитованный къ петербургскому двору въ 1787 году. Въ дрезденской библиотекѣ, на корешкѣ книги R. Günstlinge выставлено имя Гельбига, какъ автора сего сочиненія, весьма интереснаго по отношенію къ русской исторіи XVIII вѣка.

²⁾ Разясненію печатныхъ иноземныхъ извѣстій о происхожденіи Екатерины положило начало П. К. Щербальскій, напечатавшій во 2-й кн. Чтен. Общ. истор. и древн. росс. 1860 г. небольшое изслѣдованіе: „Новое предположеніе о происхожденіи Екатерины I“. Въ позднѣйшіе годы интересная статья, составляющая слодъ шведскихъ извѣстій о происхожденіи Екатерины I, была написана акад. Я. К. Гротомъ.

³⁾ Разсказываютъ, замѣчаетъ Гельбигъ, но за достовѣрность не ручаюсь, что мужъ драгунъ пробрался впоследствии въ Россію посмотрѣть на царскомъ дворѣ на свою жену, но его будто бы схватили и, по повелѣнію Петра, сослали въ Сибирь.

(1860 г.).

решла въ Москвѣ (около 1708 г.) въ лоно православія ¹⁾. Полагають, что крестною матерью была Екатерина Алексѣевна, сестра государя; вѣрно же то, что крестнымъ отцомъ былъ царевичъ Алексѣй Петровичъ, по имени котораго она и получила свое отчество и стала писаться Екатерина Алексѣевна.

Нѣсколько лѣтъ новая любимица считалась во дворѣ государя; съ марта мѣсяца 1711 года къ ней уже обращаются какъ къ царицѣ и она сопровождаетъ государя въ походахъ... Петръ обвинчался съ ней, по рассказамъ нѣкоторыхъ писателей, въ 1711 году.

Въ народѣ, по поводу этого брака, ходили разные толки и слухи...

— „Не подобаетъ монаху, не подобаетъ и ей (Катеринѣ) на царствѣ быть,—такъ говорили солдаты, говорили и въ народѣ,—вѣдь она не природная и не русская; и вѣдаемъ мы, какъ она въ полонѣ взята: приведена подъ знамя въ одной рубахѣ, и отдана была подъ караулъ; караульной, нашъ же офицеръ, надѣлъ на нее кафтанъ.... Она (Катерина) съ кляземъ Меншиковымъ его царское величество кореньемъ обвела“ ²⁾.

Такъ говорили въ толпѣ; писали же и печатали, какъ тогда, такъ и гораздо позже, нѣсколько въ другомъ тонѣ:

— „Великій монархъ,—воскликаетъ одинъ изъ восторженныхъ дѣисписателей царя Петра I,—никогда не оказалъ быть себя отъ плотскаго сластолюбія преодолѣнна. По разводѣ съ царицею Евдокією, пребылъ безбрачно болѣе 12 лѣтъ, не имѣлъ ни въ мысли того, чтобъ ему когда съ вождельніемъ на женской полѣ воззрѣть, пока не уловленъ былъ отъ дарованій, усмотрѣнныхъ имъ на лицѣ или въ сердцѣ Екатерины, которую кой часъ только увидѣлъ, то всю свою любовь къ ней возымѣлъ съ продолженіемъ оной до кончины своей жизни, безо всякія отмѣны! Толь сильное и здравое тѣло имѣлъ великій Петръ!“ ³⁾.

Въ 1715-мъ году, Петру Вестужеву данъ указъ царемъ По-

¹⁾ Въ нашемъ собраніи гравюръ и политипажей есть интересная литографія: Меншиковъ передаетъ царю Петру—Екатерину.

²⁾ Доношеніе дьячка Федорова на капрала и волоколамскаго помѣщика Кобылина въ брани царскаго величества. Пашеч. въ «Чт. Общ. Исторія» 1860 г., ч. 2, стр. 21—24, смѣсь. «Кобылинъ (такъ доносятъ дьячекъ) вообще говорилъ (про Катерину) чудовѣ сказаннымъ словомъ скверно и непристойно», по-своему разрѣшая вопросъ: «чего ради и корона ея, государыни, устроена».

³⁾ Житіе Петра I-го соч. Федозина, Москва, 1788 г. стр. 553.

трома развѣдать о родныхъ Екатерины, и его отвѣтъ—одно изъ достовѣрнѣйшихъ извѣстій о ея происхожденіи.

„Вильгельмъ Ганъ Курлянецъ—доносилъ 25-го іюня 1715 г. Бестужовъ—у него четыре сестры: первая Катерина-Лиза была за мужемъ въ Крейсбурхѣ за Яномъ Веселевскимъ. Вторая сестра Дорота была за Сквородскимъ, имѣла два сына и четыре дочери, была Лютерскова закону: одинъ Карль, другой Фрицъ въ Польскихъ Лифляндахъ, одна дочь Анна, другая Доротея, обѣ въ Польскихъ Лифляндахъ за мужемъ; третья Катерина жила въ Крейсбурхѣ у тетки своей Маріи-Анны Веселевской ¹⁾, которую въ 12 лѣтъ возраста ея взялъ въ Лифляндѣ Шведской Маріенбургской пасторъ; четвертая Анна въ повѣтріе умерла“.

Родилась Катерина не въ 1686 г., а въ 1683 году.

Сильное и здоровое тѣло Петра Алексѣева, вопреки словамъ его историка, любило, хотя и временныя,—но частыя отмины; и вотъ при дворѣ любимицы Екатерины, одна за другой, являются красавицы въ различныхъ званіяхъ, болѣе или менѣе опасныя, особенно въ первое время... Такимъ образомъ, является на сценѣ Марья Даниловна Гамилтъонъ.

Чтобы ближе ознакомиться съ положеніемъ Марьи Даниловны Гамилтъонъ при дворѣ, необходимо познакомиться съ штатомъ прислуги Екатерины; но, къ сожалѣнію, мы не имѣемъ никакихъ документовъ, ни даже списковъ придворнаго вѣдомства 1715, 1716, 1717 годовъ. Самая ранняя роспись, доставленная намъ П. Н. Петровымъ, относится къ 1720 году. Но такъ какъ въ пять лѣтъ не могло произойти важныхъ перемѣнъ въ составѣ и общемъ характерѣ придворнаго вѣдомства, то считаемъ нелишнимъ привести этотъ списокъ или „вѣдніе къ денежному жалованью 1720 года“:

„Комнаты ея величества всемплощинѣйшей государыни царицы:

„Яганъ Петровой—100 р.; Устинъ Петровой—80 р.; Аннѣ Ивановой—50 р.; Татьянѣ Герасимовой—20 р.; Варварѣ Мартыповой—24 р.; Сузанѣ Иваловой—80 р.; камер-пажу Семену Маврину—100 р.; пажу Густаву Голстинцу—70 р.; пажу Антону Детольдену—70 р.; князю Ѳодору Прозоровскому—20 р.; карлу Мокью Чолицеву—40 р.; Козьмѣ Спиридонову—40 р.; Ивану Во-

¹⁾ Отсюда фамилія Василевска я, подъ которою Екатерина была извѣстна въ Россіи. См. «Исторію Россіи» Соловьева, т. XVI, стр. 70; т. XVIII, примѣч. стр. 10.

робьеву—20 р.; бабушкѣ Авдотѣ Павловой—100 р.; Маргаритѣ Даниловой—65 р.; Агнетѣ Ивановой—26 р.; Катеринѣ Нелись—25 р.; карлицѣ Аннѣ Ивановой—20 р.; солдату Денису Иванову—10 р.; прачкѣ Доминѣ Ѳедоровой—12 р.; музыканту Яну Пандуховскому—20 р.

„Комнаты царевны Анны Петровны ¹⁾:

„Авдотѣ Ильиной—120 р.; Дарѣ Ивановой—80 р.; Бятѣ Крестьяновой—80 р.; Софѣ Степановой—80 р.; Катеринѣ Бухвостовой—50 р.; французкѣ Жегетонѣ—40 р.; Марѣ Шепеловой—20 р.; карлицамъ: Устинѣ Никитиной—25 р. и Марѣ Даниловой—20 р.; карлику Фролу Сидорову—15 р.; Матвѣю Демтьеву—12 р.

„Комнаты царевны Елисаветы Петровны:

„Лискинѣ Андреевой—100 р.; Аннѣ Вятѣ—80 р.; Гритѣ Гликше (Glück)—80 р.; Аннѣ Юрьевой—40 р.; карлицѣ Авдотѣ Петровой—20 р.; карлицѣ Аक्सинѣ Тимофеевой—20 р. ²⁾; Авдотѣ Лаврентьевой—21 р.; Никитѣ Вожжинскому—12 р. ³⁾; Лискини Андреевой, сыну Андрееву—12 р.; Афонасью Калугину—10 р.; кухмистру Яну Пельхеру—150 р.; Юрью Липинскому—3 р.; старухѣ Крестинѣ Пиперѣ—70 р.

„Комнаты царевны Натальи Петровны:

„Карлицѣ Марѣ Юрьевой—50 р.; старухѣ Аннѣ Николаевой—30 р.; прачкѣ Марѣ Андреевой—12 р.; дѣвкѣ Еленѣ Ивановой—12 р.; швейкѣ, которая надматриваетъ надъ прачками, Лискини Сигре-Сисели—14 р.; прачкѣ Керинѣ Ѳедосѣевой—12 р.; Прасковѣ Васильевой, Катеринѣ Ивановой, Лискинѣ Ивановой, Марѣ Андреевой—по 12 р. каждой“.

Далѣе слѣдуетъ списокъ 11-ти пѣвчимъ; жалованье имъ было отъ 40 до 80 р.; три коровницы получали по 10 р.; полякъ Гаврило Горскій—10 р.; пяти гребцамъ—по 8 р. и 4 гривны каждому; шалочнику Д. Иванову—23 р. 8 гр. 2 деньги; портному Василью Вонифатову—14 р. 31 гр. 4 ден.; Ѳ. Бухарову—30 р.;

¹⁾ Пѣкоторые изъ названныхъ лицъ приведены Голицынымъ въ спискѣ дѣвушекъ-фрейлинъ, т. VII, стр. 398.

²⁾ Это была московская крестьянка, страшный уродъ, съ бородой. По приказу Петра, сдѣланъ былъ ея портретъ, нагой, Гселлемъ, швейцарцемъ; хранился въ Акад. Наукъ.

³⁾ Подобные списки и близкое знакомство съ штатомъ той либо другой особы весьма важны во многихъ случаяхъ. Они иногда обнаруживаютъ вслѣдствіе какихъ связей и отмошеній то, либо другое лицо пало или возвысилось.

двумъ шведенкамъ, которые у золотыхъ дѣлъ мастера находятся, на обувь и на прочее—по 6 р.; калмыченку—4 р.

Комнатъ великаго князя и великихъ князей:

„Камер-фрауу Солтанине—60 р.; Смендехине-Біате Петровой—50 р.; камер-юнг-фарф Катеринѣ—50 р.; портному Иогану-Фридриху Стембаху—80 р.; Петру Вему и двумъ хайдукамъ не означено.

Въ этомъ спискѣ, на-ряду съ иностранными фамиліями, много русскихъ; въ послѣдніе годы, дѣйствительно, при дворѣ Петра является болѣе русскихъ, нежели прежде; впрочемъ, по фамиліямъ жепцінъ вовсе нельзя судить, чтобъ онѣ были русскія. Иностранныя имена искажались, по волѣ каждаго писца, на русскій ладъ, либо иностранка выходила замужъ за русскаго.

Приведенный списокъ позволяетъ догадываться, что и при поступленіи ко двору Гамильтонъ, тѣ же или подобныя же лица составляли дворъ ¹⁾. Содержаніе получали онѣ довольно скудное, даже и по тому времени; вообще, вся эта толпа русскихъ, пѣмокъ, поляковъ, полекъ, чухонокъ напоминала барскую дворню крѣпостныхъ холоповъ—дворню самую разнохарактерную. Можно судить, какую смѣсь языковъ, одеждъ и лицъ представляла эта толпа; какой странный контрастъ являлъ собою дворъ Петра и Екатерины съ дворами московскихъ царей прежняго времени!

Петръ скоро замѣтилъ красавицу Гамильтонъ и сдѣлалъ для нея отпѣну, вѣроятно „усмотря въ ней такія дарованія, на которыя не могъ не возврѣтъ съ возжелѣніемъ“.

Его-ли вниманіе, вниманіе-ли Екатерины, которая, желая угодить властелину и своему „хозяину“; ласкала временныхъ своихъ соперницъ,—какъ бы то ни было, только Марья Вилимовна или Даниловна Гамильтонъ пользовалась значеніемъ при дворѣ, имѣла много парядовъ, дорогихъ вещей, нѣсколько горничныхъ, изъ которыхъ впослѣдствіи важную роль играютъ въ ея жизни Катерина Терновская, да Варвара Дмитріева. Марью Даниловну ласкали, вслѣдъ за государемъ и государыней, придворные; ей дѣлали значительные подарки.

Такъ, напримѣръ, генеральша Балкъ подарила ей красивую дѣвушку Крамеръ. Анна Иваловна Крамеръ была дочь купца и члена парвскаго магистрата. Взятая въ плѣнъ въ 1704 году, она была

¹⁾ Въбольшимъ единообразіемъ и порядкомъ отличался дворъ Шарлотты-Софьи, супруги царевича Алексѣя Петровича. Штатъ ея составленъ былъ почти весь изъ яблицевъ и пѣмокъ. На содержаніе отпускалось 11 т. руб. Устряловъ, т. VI, стр. 33.

отослана на житье въ Казань, оттуда, нѣсколько лѣтъ спустя, пріѣхала въ Санктпетербургъ и здѣсь подарена г-жѣ Балкъ; послѣдняя презентовала ее Марьѣ Даниловнѣ. Посѣщая Гамильтонъ, государь Петръ Алексѣевичъ шутилъ и съ ея милой прислужницей... „Государь (замѣчаетъ Гельбигъ) находилъ большое удовольствіе въ бесѣдахъ съ ней“¹⁾.

Окруженный подобными красавицами, развлекался съ ними въ часы досуга, Петръ веселился и хотѣлъ, чтобъ веселились всѣ его приближенные: съ этою цѣлью монархъ, среди множества государственныхныхъ дѣлъ, находилъ время устраивать самыя курьезныя празднества; царемъ ихъ былъ прежній его наставникъ, Зотовъ.

„Мудрый государь (поскликаетъ Голиковъ) наименовалъ сего Зотова папою, дабы мечтаемую папою власть надъ христіанствомъ и самую особу папы привести у подданныхъ своихъ въ презрѣніе. Съ этою цѣлью наряжалъ онъ Зотова смѣшнымъ образомъ въ папскіе уборы, представлялъ многіе обряды папскіе въ такомъ же смѣшномъ видѣ и проч. Равнымъ сему образомъ приводилъ царь, мало-помалу, въ неуваженію Патріарха Россійскаго“.

Чтобы приготовить народъ къ небытію Патріарха, повѣствуетъ авторъ „Дѣяній“, и папередъ извѣдать мысли своихъ подданныхъ, государь преобразилъ князь-папу въ князь-патріарха. Онъ одѣвалъ Зотова въ платье, подобное патріаршему; когда тотъ торжественно садился на копя въ назначенные дни, то государь, подражая прежнимъ царямъ русскимъ, держалъ стремя его сѣдла.

Съ цѣлью же осмѣянія патріаршаго званія государь повелѣлъ устроить смѣхотворную свадебную церемонію мнимаго патріарха²⁾.

21-го сентября 1714 года данъ былъ указъ веѣмъ знатымъ особамъ обоего пола, гвардіи офицерамъ и другимъ чиновникамъ быть на свадьбѣ тайнаго совѣтника Никиты Зотова, для чего и приготовить „всесвѣтнаго манера платья, съ тѣмъ, однако, чтобъ каждаго манера было не болѣе трехъ платьевъ“.

10-го декабря государь осмотрѣлъ веѣхъ ряженныхъ въ домѣ секретаря Волкова, на Васильевскомъ островѣ; самъ распредѣлилъ

¹⁾ Russ. Gänstl. стр. 103—104.

²⁾ Голиковъ, т. VI, стр. 278—292. Мы видѣли у П. Н. Урывкова картины 1702 и 1704 гг. свадьбы шутовъ великаго Петра. Дѣйствующія лица изображены въ монашескихъ уборахъ и ризахъ. Гравюры эти потомъ были нами приобрѣтены отъ Урывкова, внѣ покойнаго.

порядокъ поѣзда, собственноручно написавъ реестръ господамъ, кому быть на свадьбѣ, въ какомъ платьѣ и съ какими играми. Вся знать, начиная отъ графа Апраксина, князя Меншикова, митрополита новгородскаго, царевича Алексѣя до послѣдняго царскаго деньщика, всѣ должны были участвовать въ смѣхотворной процессіи. Изъ дамъ приняли въ ней участіе: ея величество государыня въ фрисландскомъ костюмѣ, двѣ царицы Марѳа Матвѣевна и Прасковья Ѳедоровна— въ польскихъ нарядахъ, обѣ женщины чрезвычайно набожныя, для которыхъ, безъ сомнѣнія, имя и званіе патріарха имѣло гораздо болѣе значенія, нежели для Екатерины, перемѣнившей, по волѣ случая, вѣроисповѣданіе. Кромѣ двухъ царицъ, царицы и принцессы, государыню сопровождали пять дѣвицъ-фрейлинъ: онѣ были въ лѣтникахъ и въ нагольныхъ шубахъ (вывороченныхъ?). Въ этомъ странномъ, не совсѣмъ красивомъ нарядѣ, сохранившемся въ настоящее время между кухарками и горничными низшаго разряда, во время ихъ рженій о масляницѣ и святкахъ, должны были нарядиться фрейлины Екатерины I-й. Въ этомъ же нарядѣ, безъ сомнѣнія, была и Марья Даниловна Гамильтонъ.

Гости приглашались особою запискою, написанною въ юмористическомъ тонѣ такого рода: „позвать вѣжливо, особливимъ штилемъ, по торопясь... между многими другими тѣхъ, которымъ со двора отлучиться нельзя“ (т. е. деньщиковъ). Четверо величайшихъ заикъ должны были ходить съ приглашеніями; не принять ихъ никто не смѣлъ, опасаясь тягчайшаго гнѣва государева ¹⁾.

16-го января 1715 года стали съѣзжаться; дамы собрались въ домъ князь-игуменьи Ржевской, каждая въ назначенномъ ей нарядѣ, съ красными дудочками. Весь кортежъ двинулся по городу длинной процессіей, въ линияхъ, каждая о шести лошадяхъ, вслѣдъ за новобрачными; по бокамъ шли скороходы, старцы, уродливые толстяки, не могшіе двигаться безъ пособія другихъ; впереди шли музыканты со всевозможными инструментами. При громѣ пушечной пальбы, звукахъ музыки и колокольномъ звонѣ всѣхъ церковей, семидесятилѣтній князь-патріархъ былъ обвѣнчанъ съ шестидесятилѣтней архіерейшей московскимъ девяностолѣтнимъ священникомъ изъ Архангельскаго

¹⁾ Такъ напр. Матвѣй Алексѣевичъ Головинъ за то, что не хотѣлъ рядиться и мараться сажою, былъ раздѣтъ до-нага и преобразенъ въ демона на невскомъ льду. Демонъ не явилъ силы демонской: онъ простудился, получилъ горячку и вскорѣ умеръ. Родосл. Головинныхъ изд. 1847 г., стр. 60.

собора. Обѣдъ былъ въ домѣ князь-патріарха, откуда съ смѣшными обрядами, поднявъ жениха, процессія двинулась по всему городу. Народъ въ безчисленныхъ толпахъ смотрѣлъ на курьезное зрѣлище; на улицахъ выставлено было для него угощеніе: множество бочекъ съ виномъ, пивомъ и разными яствами. Этотъ народъ, такъ недавно благоговѣвшій предъ патріархомъ, нынѣ забавлялся на счетъ его званія; пьяная толпа, съ ковшами въ рукахъ, съ великимъ смѣхомъ ревѣла: „патріархъ женился! патріархъ женился! да здравствуетъ патріархъ съ патріаршею!“

Забавы продолжались болѣе двухъ недѣль. Подобныя пиршества свадебныя, имениныя и другія, сопровождавшіяся страннѣйшими попойками, по увѣренію Голикова, служили Петру средствомъ „къ узнанію расположенія сердець, сопирующихъ съ нимъ!“¹⁾

Поводовъ къ устройству пооекъ и всевозможныхъ пиршествъ съ такою оригинальною цѣлью было очень много: ни Петръ, ни его приближенные не упустили случая ими пользоваться; церковныя праздники, царскіе и кавалерскіе дни, спуски кораблей, закладки новыхъ зданій, приходъ новыхъ кораблей—все было достаточнымъ предлогомъ для пира. Въ 1715 году, между прочимъ, рожденіе царевича Петра Петровича, чрезвычайно порадовавшее государя, вызвало цѣлый рядъ обѣдовъ „съ зѣло-веселительнымъ пьянствомъ“. Ради веселія и праздника, государь дѣлался снисходительнымъ къ нѣкоторымъ человѣческимъ слабостямъ. Такъ, напримѣръ, въ одинъ изъ большихъ праздниковъ онъ наткнулся на улицѣ на мертвецки-пьянаго работника. Монархъ толкнулъ его ногою, говоря: „вставай, братъ!“, по толчокъ ли былъ слабъ или вино тогдашнее крѣпко, только работникъ не проснулся. Государь велѣлъ убрать его въ караульню. Когда пьяный проспался, его привели къ Петру. Работникъ, не видя въ очахъ и въ голосѣ монарха ничего гнѣвнаго, чистосердечно покался: „обрадовавшись-де празднику и отдохновенію отъ работы, согрѣшилъ—напился“. Государь простилъ кающагося: „да опохмѣлите его, замѣтилъ онъ, отпуская работника: чай, голова у него болитъ...“²⁾

¹⁾ Дѣянія Петра Великаго, томъ VIII, стр. 366. «Въ попойкахъ, по мнѣнію кн. М. М. Щербатова, государь тщился познавать мысли недоброхотствующихъ ему вельможъ... И са, можетъ статься, была причина, что не токмо знатнѣйшихъ бояръ нѣковыми радомъ самовластія унываться принуждалъ, но иногда и женщинъ возлюбилъ... «Чт. Об. Истор.» 1860 г. кн. I, о порокахъ Петра, стр. 19.

²⁾ Дѣянія Петра Великаго, томъ XV, стр. 242—243.

На пиршествахъ присутствовали всѣ знатныя дамы: присутствовала и фрейлина Гамильтонъ. Красавицы, въ угоду пирующимъ, зачастую осушали бокалы... Ассамблеи не получили еще правильнаго устройства; самое слово не закрѣплено было царскимъ указомъ, но собранія танцевальныя были въ большемъ употребленіи, и всѣ дамы, въ особенности молодыя иностранки, чуждыя русскаго предубѣжденія къ этимъ потѣхамъ, отъ души веселились; веселилась и танцевала, безъ сомнѣній, и наша красавица. Она не имѣла первое время опасныхъ соперницъ, которыя могли бы затмить ее своею красотою. Царевны Анна и Елисавета Петровны были „прекрасны, по замѣчанію современника, какъ ангелы“¹⁾; но въ это время были дѣтми. Княгиня Марья Юрьевна Черкаская (род. 1696 г., ум. 1747 г.), обѣ Головкины, Измайлова, считавшіяся въ 1721—1723 годахъ первыми красавицами петербургскаго двора, въ то время также были еще очень молоды²⁾. Въ числѣ непогихъ соперницъ Гамильтонъ, въ 1713—1716 годахъ, была генеральша Авдотья Ивановна Чернышева, пользовавшаяся иногда особымъ вниманіемъ государя.... Онъ называлъ ее обыкновенно: „Авдотья—бой-баба!“³⁾.

Русскимъ дамамъ много вредила дурная и отвратительная мода: онѣ сильно румянились. Почти всѣ петербургскія дамы такъ хорошо умѣли раскрашивать себя, что мало уступали французенкамъ⁴⁾.

Страсть къ парядамъ и уборамъ съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе распространялась при дворѣ⁵⁾; но средства удовлетворять воз-

¹⁾ Берхгольдъ, ч. I, стр. 54, 86 и 101.

²⁾ Въ 1721 году Берхгольдъ насчитывалъ при нашемъ дворѣ до тридцати хорошихъ дамъ, которыя, по его мнѣнію, мало уступали голштинскимъ дамамъ въ привѣтливости, хорошихъ манерахъ и красотѣ. Ч. I, стр. 55.

³⁾ Авдотья Ивановна Чернышева (послѣ графиня) род. 1693 г., ум. 1747 г.; ее любила впоследствии императрица Анна Ивановна. Она часто призывала ее потѣшить себя анекдотами. Разсказница заболѣла; ноги ея такъ сильно отекали, что она не могла стоять. Тѣмъ не менѣе разсказывать нужно было съ почтеніемъ, стоя. Благодушная государыня сжалась однажды надъ ея страданіями и, замѣтивъ, что Авдотья Чернышева совершенно изнемогла и съ трудомъ держалась на ногахъ, сказала ей:

— «Ты можешь наклониться на этотъ столъ; служанка заслонитъ тебя и, такимъ образомъ, я не буду видѣть твоей позы» (Записки Екатерины Романовны Дашковой).

⁴⁾ Въ этомъ отношеніи онѣ ушли впередъ со временъ царя Алексѣя Михайловича. Вотъ что писалъ Олгарій: «русскія женщины вообще красивы, но всѣ почти румянятся, притомъ чрезвычайно грубо и неискусно; при взглядѣ на нихъ, можно подумать, что онѣ намазали себѣ лицо мукой и потомъ кисточкой нарисовали щеки. Онѣ красятъ также брови и рѣсницы черною, а иногда и коричневою краскою». (Глава III, о русскихъ въ отношеніи ихъ вишняго вида).

⁵⁾ Нѣмецкое платье начинаетъ входить въ употребленіе по всей Россіи съ 1705 г. къ этому году относится множество грамматъ царскихъ о поношеніи дворянами сего платья,

никакими потребностямъ были въ самомъ младенческомъ состояніи. „Я отъ вѣрныхъ людей слыхалъ, замѣчаетъ кн. М. М. Щербатовъ, что тогда въ Москвѣ была одна только уборница для волосъ женскихъ; и ежели къ какому празднику, когда должны были младыя женщины убираться, тогда случалось, что она за трои сутокъ нѣкоторыхъ убирала, и опѣ принуждены были до дня выѣзда сидѣть спать, чтобы убору не испортить... Если страсть быть пріятной такое дѣйствіе надъ женами производила, не могла она не имѣть дѣйствія и надъ мужчинами, хотящими имъ удобнымъ быть, то то же тщаніе украшеній ту же роскошь раждало. И уже престаши довольствоваться однимъ или двумя длинными платьями, но многія съ галунами, съ шитьемъ и съ пондеспанами дѣлать начали“¹⁾.

Сама Екатерина Алексѣевна, по свидѣтельству того же историка, любила и старалась украшаться разными уборами и простирала это желаніе до того, что запретила другимъ женщинамъ подобныя ей украшенія носить, какъ, на примѣръ, убирать алмазами обѣ стороны головы, дозволивъ убирать одну лѣвую сторону; запрещено было носить горностаявыя мѣха съ хвостиками, которые одна она носила, и это обыкновеніе, введенное не указомъ и не закопомъ, обратилось въ узаконеніе, въ силу котораго это украшеніе присвоено было только одной царской фамиліи въ то время, какъ въ Германіи и мѣщанки посылъ эти мѣха...“¹⁾.

Примѣръ Екатерины еще болѣе усиливалъ между молодыми придворными женщинами страсть къ нарядамъ. Ея любимица камеръ-фрейлина Гамильтонъ, какъ увидимъ ниже, до такой степени увлеклась этою страстью, что, не имѣя возможности украшать костюмъ такъ, какъ бы это хотѣлось, стала пользоваться вощами изъ туалета своей госпожи. Петръ, по извѣстной бережливости, другіе поклонники Гамильтонъ, по бѣдности, не могли дарить ее необходимыми украшеніями; а между тѣмъ, для поддержанія красоты и значенія между дамами и дѣвицами, она нуждалась во многихъ вещахъ. Эта потребность являлась тѣмъ болѣе насущною, что красота Гамильтонъ стала блекнуть; она уже два раза была беременна... Первая беременность ея отнесется къ 1715 году. Въ это время, впоследствии рассказывала Варвара

подъ страхомъ жестокаго наказанія. Нѣкоторыя изъ грамматъ помѣщены въ Древн. Росс. Внвлюенкѣ, ч. 2, стр. 257, 258 и друг.

¹⁾ «Русская Старина» 1870 г., изд. третье, томъ II, «О поврежденія правовъ», стр. 16 и 27.

Дмитріева, паходившаяся при ней въ услуженіи отъ великаго поста и до Троицына дня, Гамильтонъ была больна: „и въ то время хаживали къ ней явно Семенъ Алабердѣевъ, денщики и прочіе дворцовые служители; но была ли тогда брюхата Марья, того я, Варвара, подлинно не знаю“¹⁾.

Изъ другихъ показаній видно, что сомнѣнія въ беременности Гамильтонъ не могло и быть; несчастна, стыдѣсь множества поклонниковъ своихъ, два раза, какъ сама послѣ создалась, „вытравливала дѣтей лекарствами, которыя брала у лекарей государева двора, причеиъ сказывала лекаряиъ, что беретъ лекарство отъ запору...“²⁾.

За злополучной дѣвушкой, по время ея тяжелыхъ болѣзней, ходила, кромѣ Варвары Дмитріевой, казначейша Анна (Крамеръ). Варвара носила Марьѣ Даниловнѣ (изъ придворной кухни) ѣсть и пить. Въ награду за службу Марья Даниловна дала Варварѣ „два небольшие жемчуга, серьги, да юбку старую, коломинковую“.

Между тѣмъ, царь Петръ уже охладѣлъ къ Марьѣ Даниловнѣ; первая по времени назначенія въ Россіи камеръ-фрейлина³⁾ была для него не болѣе, какъ предметъ временной преходящей любви, подобно Анны Монсъ, Матрены Балкъ, Авдотьи Чернышевой (по словамъ Вильбоа, безпорядочнымъ поведеніемъ своимъ имѣвшей вредное вліяніе на здоровье Петра), Анны Крамеръ, княгини Кантемиръ и многихъ другихъ. Только любовь къ Катеринѣ Алексѣевнѣ, обратившаяся у Петра въ привычку и всѣми средствами поддерживаемая Меншиковымъ, оставалась въ прежней силѣ⁴⁾.

Оставляемая Петромъ, Гамильтонъ обратила вниманіе на одного изъ его денщиковъ, на Ивана Орлова... Надо думать, что предметъ ея любви, по крайней мѣрѣ, въ физическомъ отношеніи, былъ достоинъ выбора: въ денщики выбирались красивые, рослые, видные, расторопные и смышленные молодые люди.

¹⁾ Показаніе 9-го апрѣля и 5-го августа 1718 года.

²⁾ Показаніе 12-го марта 1718.

³⁾ Таковою считаетъ Марью Гамильтонъ П. О. Коробановъ въ своемъ обширномъ и интересномъ трудѣ: «Статсъ-дамы и фрейлины русскаго двора въ XVIII и въ первой четверти XIX вѣковъ». Напечатано въ «Русской Старинѣ» 1870 г., изд. третье, томъ II, и въ «Русской Старинѣ» изд. 1871 и 1872 г., изд. второе. О Гамильтонъ см. у Коробанова въ «Русской Старинѣ» изд. 1871 г., томъ III, стр. 465—466.

⁴⁾ Записки Вильбоа изд. 1855 г. *Anecdotes intéressantes de la cour de Russie*. Londres 1792. Т. IV, р. 73—77. Т. III, р. 257—259. *Lettres d'une dame anglaise*, изд. 1776 г., и друг.

Они поступали изъ дворянъ, болыною частью незнатнаго происхожденія (деньщикамъ петровскимъ въ настоящее время соотвѣтствуютъ флигель-адъютанты). Число деньщиковъ было неопредѣленно, доходило иногда до двадцати; имъ поручались самыя разнообразныя, перѣдко первой важности дѣла: какъ, наприимѣръ: развѣдываніе о поступкахъ генераль-губернаторовъ, губернаторовъ, военныхъ начальниковъ, и проч. На деньщикахъ лежали обязанности: развѣдывать, доносить, производить слѣдствіе, перѣдко исполнять роль палача: по царскому велѣнію, нещадно исправлять провинившагося дубиной. Такая разносторонняя дѣятельность требовала особыхъ способностей и, разумѣется, прежде всего—силы, ловкости, бойкости... Деньщики выполняли и лакейскую службу при столѣ государя, его выѣздахъ, и т. п. Кромѣ ихъ, для ежедневной службы при государѣ было нѣсколько гайдуковъ; они обыкновенно становились, по очереди, при выѣздахъ государя и государыни сзади экипажа. Деньщики были обыкновенно записаны и числились на службѣ въ одномъ изъ полковъ гвардіи и, по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, государь возводилъ ихъ въ высокіе чины, давалъ отличныя мѣста, поручалъ вѣдать государственнымъ дѣлами... Изъ нихъ выходили генераль-прокуроры (Ягужинскій), президенты коллегій, сенаторы, генераль-фельдмаршалы ¹⁾, начальники войскъ, камергеры ²⁾, судьи въ дѣлахъ первой важности, правители областей имперіи и прочіе властные люди. Впрочемъ, нѣкоторые изъ деньщиковъ, либо незаявившіе необходимыхъ способностей, либо имѣвшіе несчастіе сами попасться въ какое-нибудь преступленіе, или теряли это званіе и пропадали въ безвѣстности, гдѣ-нибудь на службѣ въ полку, или навсегда оставались доньщиками.

Какъ велика, лучше сказать, важна была обязанность царскихъ деньщиковъ, можно судить изъ того, что государь, посылая одного шпіона для развѣданія о какомъ-нибудь дѣлѣ, для вѣрней вѣрности, посылалъ вслѣдъ за нимъ другого лазутчика изъ деньщиковъ; этотъ наблюдалъ за первымъ посланнымъ. Эта система наблюденій при великомъ преобразователѣ Россіи пустила глубокіе корни... ³⁾. Впрочемъ, нельзя сказать, чтобъ деньщики зачастую,

¹⁾ Наприимѣръ, Александръ Борисовичъ Бутурлинъ, пользовавшійся въ 1727—1729 годахъ особымъ расположеніемъ цесаревны Елисаветы Петровны.

²⁾ Наприимѣръ, Древникъ.

³⁾ О деньщикахъ см. у Штелина, стр. 184—186. Берхгольцъ, ч. I, стр. 55—58. Голицковъ, т. VI, стр. 265; т. XIII, стр. 372. Шпіонъ перѣдко губилъ шпіона. Такъ,

по особымъ повелѣніямъ, работая палками и батожемъ на спинахъ провинившихся царедворцовъ, губернаторовъ и сенаторовъ, въ то же время сами не подвергались неприяностямъ палочнаго штрафованія. Напротивъ, то переходное время тѣмъ именно достославно, что каждый получалъ свое въ свою очередь ¹⁾). За деньщиками въ этихъ случаяхъ оставалась только одна, впрочемъ, весьма важная льгота: ежечасно находясь при государѣ, они превосходно знакомились съ его характеромъ, странностями, и мастерски иногда пользовались этимъ. Приведу одинъ случай: кумъ и деньщикъ государя, Аонасій Даниловичъ Татищевъ, не сумѣлъ какъ-то исполнить одного приказанія. Повелѣно нещадно отодратъ его батожемъ передъ окнами дворца. Палки и барабанчики были готовы. Татищевъ не торопился идти на штрафъ. Между тѣмъ, выбѣжавъ изъ дворца, встрѣтилъ на дворѣ кабинетскаго секретаря Замятнина. Татищеву пришла гениальная мысль подставить, вмѣсто своей, чужую спину. „Куда ты засунулся?“ закричалъ онъ писарю: „государь тебя уже нѣсколько разъ спрашивалъ и крайне гнѣвается; я ищу тебя, ступай скорѣй“. Замятнинъ приведенъ къ барабанщикамъ. „Раздѣвать!“ закричалъ занятый дѣлами государь, на минуту выглянувъ изъ окна. „Чего жъ вы стали, принимайтесь!“ крикнулъ Татищевъ, указывая на Замятнина. Секретаря его величества въ мгновеніе ока раздѣли, бросили на земь и палки запрыгали по оголенной спинѣ. Татищевъ стоялъ за угломъ. Сѣкуція продолжалась недолго. Государю было некогда; онъ торопился въ адмиралтейство, почему и закричалъ: „полно!“

Послѣ сѣкуціи Замятнина, деньщикъ бросился къ Екатеринѣ съ мольбой о ходатайствѣ. „Что ты это надѣлалъ?“ сказала сердобольная монархия съ нѣкоторымъ смущеніемъ, выслушавъ разсказъ о странномъ, но выгодномъ обмѣнѣ одной спины другою: „вѣдь государь узнаетъ, онъ разсѣчетъ тебя“ ²⁾. — „Вѣдь подъ батожье-

но дѣлу Гагарина, губернатора сибирскаго, по доносу деньщика, посланнаго для надзора за первымъ слѣдодателемъ, послѣдній повѣшенъ. Т. XV, стр. 138—141.

¹⁾ Палочное штрафованіе находило большое сочувствіе въ сердцахъ нѣкоторыхъ русскихъ и въ то время; оно долго не изглаживалось: почти сто лѣтъ спустя, О. Бѣляевъ, описывая кабинетъ Петра и съ умилительнымъ благоговѣніемъ глядя на дубину преобразователя, восклицалъ: «Лестно по истинѣ быть биту отъ такого государя, который въ одну минуту побьетъ и пожалуетъ». Въ этихъ словахъ, сказанныхъ въ 1793 году (Опис. кабин., стр. 141), какъ бы слышится упрекъ царствованію Екатерины II, въ которое не такъ много били людей, но много жаловали душами.

²⁾ «Дѣянія отца отечества», т. XV, стр. 203—205.

то ложиться не весело“, довольно основательно говорилъ Татищевъ и молилъ о пощадѣ и предстательствѣ у государя. Екатерина обѣщала ходатайствовать; нашла удобную минуту, когда государь былъ въ веселомъ расположеніи духа, и Татищевъ былъ прощенъ. „Ну, братъ, сказалъ монархъ съчепному Замятнину, прости меня, пожалуйста; мнѣ тебя очень жаль, но что дѣлать? пеняй на плута Татищева; однакожъ я сего не забуду и зачту побой тобѣ впредь“.

Въ то время счеты сводились чрезвычайно скоро и акуратно. Замятинъ провинился, и великодушный монархъ всемилостивѣйше повелѣлъ соизволилъ: зачесть за настоящій проступокъ прежнюю сѣвкуцію.

Сказаннаго достаточно для знакомства съ обязанностями денщиковъ царскихъ, съ ихъ значеніемъ въ то время, когда за ними ухаживали важнѣйшіе сановники, съ ихъ наконецъ положеніемъ въ тогдашнемъ обществѣ.

На одного изъ этихъ-то царскихъ любимцевъ, Ивана Михайловича Орлова, обратила вниманіе Марья Даниловна Гамильтонъ; она плѣнила денщика и, въ свою очередь, плѣнилась его красотой. Это былъ молодой человекъ, онъ не успѣлъ еще ничѣмъ проявить себя на службѣ и имя его рѣдко встрѣчается въ современныхъ документахъ. Впервые упоминается о немъ въ бумагахъ 1709 года ¹⁾. Въ спискахъ чиновъ преображенскаго полка ²⁾ имя Ивана Орлова, какъ простаго рядового и потомъ сержанта, не встрѣчается ни разу. Тѣмъ не менѣе и онъ, на ряду съ другими денщиками, исполнялъ различныя, впрочемъ, неважныя порученія ³⁾.

Орловъ, равно и другіе русскіе кавалеры тогдашнихъ собраний, всегда вызывали вниманіе красавицъ, предпочтительно предъ нѣмцами-кавалерами. Ростъ ли, красота, другія ли какія свойства, только выборъ львицъ петербургскихъ большею частью падалъ на

¹⁾ Въ запискѣ А. Макарова отъ 23-го марта къ Ф. М. Апраксину: «Господинъ адмиралъ Федоръ Матвѣевичъ! Приказано полковничьимъ денщикамъ сдѣлать епанчи а сколько кому надобно мѣрою на епанчи сукна, того для придуть они сами, и скроя на нихъ, приказать оныя дѣлать не мѣшкаль, а кому имянно, тому при семь росписъ: П. Мурзину, Афанасію Татищеву, В. Пелюбохтину, Ивану Орлову, Семени Баклановскому, Андрею Зыбину». Достоинъ замѣчанія, что изъ этихъ шести человекъ нѣтъ ни одного, который, въ разное время и по разнымъ дѣламъ, не познакомился бы съ богатыми, либо даже съ кнутомъ (напримѣръ Баклановскій въ 1718 г., Зыбинъ въ 1743 и друг.).

²⁾ М. П. Азанчевскій. См. его «Истор. Преобр. полка» 1859.

³⁾ См. указъ Левкину объ отдачѣ Ивану Орлову на наемъ подводъ подъ два фурмана съ нужнѣйшими вещами 100 червонныхъ. Голяковъ, т. XI, стр. 469.

русскихъ гвардейцевъ ¹⁾). Такимъ образомъ, выборъ, сдѣланный фрейлиной Гамильтонъ, вовсе не былъ исключеніемъ... Орловъ сдѣлался ея любовникомъ.

Мы были неправы, ослабѣвъ вслѣдъ за кн. М. М. Щербатовымъ стали утверждать, что любовная страсть, любовныя интриги, блудъ, даже развратъ, до Петра I-го не были „ни въ обычаяхъ, ни въ примѣрахъ“ нашего отечества. Напротивъ, можно привести безчисленное множество свидѣтельствъ изъ иностранныхъ писателей и отечественныхъ документовъ о томъ, что любострастіе, блудъ, развратъ имѣли громадныя размѣры въ до-петровской Руси). Но боясь наполнить нашу статью излишними отступленіями, мы скажемъ, что связи мужчины съ женщинами безъ освященія церковью распространены были не только по всей Россіи, но даже и въ дѣйственной странѣ сибирской: „Вѣдомо намъ учинилось (писалъ въ 1622 году патріархъ Филаретъ), что въ сибирскихъ городахъ многіе служилые и жилацкіе люди живутъ не крестьянскими обычаями, но по своимъ сквернымъ похотямъ... съ поганскими женами смѣшаются и скверная дѣлуютъ... а иные и на матери своя и дщери блудомъ посягаютъ... о нихъ же не точію писати, но и слышати гнусно... многія изъ постригшихся женъ съ мужи своими и съ паложники блудъ творятъ“ и т. д. ²⁾). Иностранцы, какъ, напримѣръ, Олсарій, Кемпферъ и другіе самыми мрачными красками изображаютъ нравственный характеръ русской женщины XVII вѣка. Правдивый Корбъ

¹⁾ Ихъ предпочитали даже въ танцахъ, хотя нѣмцы въ этомъ дѣлѣ были, разумеется, искусны. На такое странное предпочтеніе вносилъ дѣлать горько жаловался Берхгольцъ: «Всѣ дамы охотнѣе выбираютъ молодыхъ неотесанныхъ русскихъ, большею частью унтеръ-офицеровъ гвардіи, нежели насъ, иностранцевъ». Ч. II, 197. «Когда унтеръ-офицеры гвардіи бывають на лицо (въ собраніяхъ), о постороннихъ мало заботятся... дамы предпочитаютъ ихъ иностранцамъ». Стр. 152.

²⁾ Собр. госуд. грам. Ч. III, № 60.

³⁾ Немногія благоразумныя мѣры царей нашихъ, предпринимаемыя противъ разврата, либо оставались безъ примѣненія, либо забывались преемниками. Укажемъ на одинъ весьма основательный законъ Василія Ивановича Шуйскаго. Государь этотъ соборъ постановилъ: «Если господинъ рабовъ своихъ, дѣвку 18-ти лѣтъ, вдову по два лѣтахъ вдовства замужъ не выдастъ, а мужчину до 20-ти лѣтъ не женить, или коли имъ въ сочетаніи брачномъ не дастъ, то волюю таковымъ являться въ судъ; и когда судъ о истиннѣ жалобѣ сихъ удостоитъ, то давать имъ отпущныя... не держи неженатыхъ вопреки законъ божьяго и правилъ святыхъ отецъ, да не умножится блудъ и скверное дѣланіе въ людяхъ». Столь естественно-разумный законъ, при составленіи уложенія, оставленъ безъ вниманія, и историкъ Татищевъ, сожалѣя о томъ, замѣчаетъ: «Сколько мы видимъ такихъ неразумныхъ господъ, которые, не разумѣя ни закона божія, ни своей собственной пользы, держать служителей бозбрачныхъ, яко бы для лучшей услуги! Но сколько отъ того блуда, сквернословія, болѣзней и блудно прижитымъ дѣтямъ убиствъ происходитъ!»

прямо говоритъ въ дневникѣ 1699 года, что „прелюбодѣліе, любострастіе и подобныя тому пороки въ Россіи превышаютъ всякую мѣру. Не напрасно спорятъ послѣ этого (продолжаетъ Корбъ) о русскихъ правахъ: больше ли въ нихъ невѣжества или невоздержанія и непотребства. Сомнѣваюсь, существуютъ ли даже въ законахъ наказанія за подобныя преступленія? По крайней мѣрѣ, мнѣ извѣстно, что когда одного капитана осудили на отсѣченіе головы за преступную связь съ восьмилѣтнею своею дочерью, начальникъ ускорялъ его такими словами: „развѣ ты не могъ удовлетворить своей страсти сношеніемъ съ иною жепщиною, когда можешь имѣть столько распутныхъ женцигъ, сколько у тебя копѣекъ?“¹⁾.

„Не сознавалъ возможности вышей, чистой, нравственной связи съ жепщиною, не возвышался надъ плотскими, чисто животными инстинктами, весьма многіе грубые русскіе люди не сознавали необходимости церковнаго освященія союза мужа съ женою, посредствомъ таинства брака“²⁾.

Желябужскій, оставившій въ своихъ запискахъ замѣтки о нравственномъ растлѣніи русскихъ людей своего времени, записалъ и самыя черты грубаго разврата: растлѣніе дѣвъ, блудодѣйство замужнихъ женъ и женатыхъ мужчинъ и проч. Такъ, на примѣръ, „въ 7192 (1684) году, пишеть Желябужскій, учинено наказаніе Петру Васильеву сыну Кикину: битъ кнутомъ предъ стрѣлецкимъ приказомъ за то, что онъ дѣвку растлилъ“. Надо думать, что этотъ блудодѣй былъ здоровья крѣпкаго, ибо тотъ же Желябужскій отмѣчаетъ: „да и прещъ сего (то есть битья кнутомъ) онъ, Петръ, былъ пытанъ на Вяткѣ“, и т. д.— „7193 г. (1685) Степану Коробьину учинено наказанье, битъ кнутомъ за то, что дѣвку растлилъ“. — „7202 (1694) въ стрѣлецкомъ приказѣ пытанъ Замыцкой, въ разговорѣ дѣвокъ“...— „7202 г. іюня приведены въ Стрѣлецкій приказъ Трофимъ, да Данило Ларіоновы съ дѣвкою, въ блудномъ дѣлѣ его жены, въ застѣнокъ“. — „7205 г. битъ кнутомъ нещадно Иванъ Петровъ сынъ Бартеневъ за то, что бралъ женъ и дѣвокъ на постелю“.... и т. д.³⁾.

Приведенныхъ выписокъ довольно, чтобъ видѣть насколько правъ князь Щербатовъ, утверждавшій, что любострастіе было не

¹⁾ Diarium itineris in Moscoviam. Изд. Вѣна. 1700 г., стр. 205—208.

²⁾ А. Щаловъ, стр. 182—183.

³⁾ Желябужскій, изд. 1845 г., стр. 152, т. II, 146, 30 и друг.

въ обычаяхъ нашей страны до Петра, но едва-ли правъ Афанасій Прокоповичъ Шаповъ, восторженно видящій въ реформахъ великаго монарха: „полное, всецѣлое, нравственное обновленіе, просвѣщеніе и очищеніе русскаго народа отъ умножившейся нравственной тины!“ ... ¹⁾).

Въ самомъ дѣлѣ, если говорить собственно о любострастіи, то эта тина съ петровскаго времени получила еще большее развитіе; нравственнаго очищенія далеко и далеко не воспослѣдовало; развратъ только сдѣлался утонченнѣе, но едва-ли не пошлѣе.

Суровый монархъ, грозный ко всѣмъ преступленіямъ и проступкамъ, уступая духу времени и свойствамъ собственнаго темперамента, былъ очень снисходителенъ къ проступкамъ прелюбодѣянія. Петръ Васильевичъ Кикинъ, нещадно сѣченный кнутомъ за растлѣніе дѣвки, немного времени спустя, въ 1704 году, по волѣ монарха, вѣдалъ всѣми рыбными промыслами и мельницами Россіи.

Осматривая однажды въ Вышнемъ Волочкѣ каналъ, государь, такъ повѣствуетъ Штелинь, увидѣлъ въ толгѣ собравшагося народа красивую и взрослую дѣвушку, которая поглядывала на него и тотчасъ пряталась, когда государь смотрѣлъ въ ту сторону. Петръ подозвалъ ее. Она краснѣла, закрывала лицо и плакала. Думая, что эти слезы знакъ стыдливости и цѣломудрія, государь сталъ говорить ей, чтобъ она напрасно не стыдилась и не робѣла, что она хороша, и ей время выходить замужъ. Прочія крестьянки громко хохотали. Государь, разсердившись, сказалъ:

— „Чему вы, дуры, смѣетесь? Развѣ тому, что сія дѣвушка скромнѣе васъ и плачетъ изъ стыдливости?“ Дуры не унимались. „Чему сіи дуры смѣются?“ спросилъ монархъ, оборотаясь къ одному изъ мужиковъ: „стыдливости-ли этой пригожей дѣвушки, или чему другому? Развѣ имъ завидно, что я съ нею говорю?“

— „Нѣтъ, государь“, отвѣчалъ крестьянинъ, „я знаю, что онѣ по тому смѣются, а другому“.

— „Что-жъ такое?“

— „То“, отвѣчалъ мужикъ, „что вы, батюшка, все называете ее дѣвкою, а она уже не дѣвка!“

— „Что-жъ она такое, неужли замужняла?“

— „Нѣтъ, и не замужняла“, отвѣчалъ крестьянинъ: „она дочь

¹⁾ Стр. 182.

моего сосѣда, рабочая, трудолюбивая и добрая дѣвка; но года два какъ сжилась съ однимъ пѣмцемъ-офицеромъ, который стоилъ у насъ тогда постоемъ и послѣ вскорѣ въ другое мѣсто посланъ; и для того дѣвушки наши съ ней не водятся и ей насмѣхаются“.

— „Великое дѣло“, сказалъ государь: „если она ничего худшаго не сдѣлала, то должно-ли симъ поступкомъ толь долго ее упрекать и ее стыдить за то предъ всѣми? Это мнѣ не угодно; я приказываю, чтобъ ее ни изъ какой бесѣды не исключали, и чтобъ отнюдь никто не осмѣливался дѣлать ей за то ни малѣйшаго попреку“.

Затѣмъ государь самъ успокоивалъ дѣвушку, убѣждалъ не печалиться, не стыдиться; потребовалъ къ себѣ ея сына, мальчика миловиднаго и здороваго и, указывая на него, сказалъ: „этотъ малой будетъ современемъ добрымъ солдатомъ; имѣйте о немъ попеченіе. Я, при случаѣ, о немъ спрошу, и чтобъ его великой разъ показывали, когда только мнѣ случится пріѣхать“. Подаривъ мать деньгами, отпустилъ ее домой ¹⁾).

Этотъ случай достаточно показываетъ, какъ человѣчно смотрѣлъ великій преобразователь Россіи на плотское согрѣшеніе... Кромѣ духа времени, этому воззрѣнію способствовали собственныя склонности монарха. Всѣмъ извѣстно, что тѣлесная крѣпость и горючая кровь дѣлали его любострастнымъ. Можетъ быть, что заграничныя путешествія еще болѣе развили въ немъ этотъ—если не порокъ, то недостатокъ... „Впрочемъ,—такъ думаетъ кн. М. М. Щербатовъ,—еслибъ Петръ въ первой женѣ нашелъ себѣ сотоварища и достойную особу, то не предался бы любострастію; но, не найдя этого, онъ возненавидѣлъ ее и самъ въ любострастіе ввергнулся... Петръ довольствовалъ свою плоть, но никогда душа его не была побѣждена женщинами... среди тѣлесныхъ удовольствій великій монархъ владычествовалъ“ ²⁾).

Вѣрно или невѣрно мнѣніе кн. М. М. Щербатова о началѣ чувственности въ царѣ Петрѣ—судить не беремъ; но замѣтимъ, что примѣръ Петра не могъ не дѣйствовать на его окружавшихъ, въ

¹⁾ Достопамятный сказ. о Петрѣ I-мъ. Спб. 1787 г., стр. 334—338. Я. Штолинъ записалъ этотъ случай со словъ очевидца М. Н. Сердюкова. Олсарій увѣряетъ, что въ XVIII вѣкѣ въ Москвѣ не наказывали за прелюбодѣліе и проступокъ этотъ не имѣлъ особаго названія (Глава VII).

²⁾ «О порокахъ Петра», соч. Щербатова. «Чтенія Общ. Истор.» изд. 1860 г., кн. 1, стр. 17.

особенности на людей, болѣе или менѣе сочувствовавшихъ его реформамъ. Примѣръ въ слабостяхъ еще болѣе заразителенъ: недаромъ же царевичъ Алексѣй Петровичъ, задумавъ обвиняться съ крѣпостной дѣвицей Евфросиньей Ѳедоровной, говорилъ: „вѣдайте-де, что я на ней женюсь, вѣдь и батюшка мой таково учинилъ“; не даромъ генераль-прокуроръ, „государево оно“ — Павелъ Илпловичъ Ягужинскій и нѣкоторые другіе по произволу и капризу развелись съ женами и вступили въ бракъ съ другими...¹⁾ Очень хорошо зная любовстрастныхъ дѣлнй своего повелителя, и дельщикъ Орловъ смѣлѣе и смѣлѣе дѣйствовалъ въ своихъ любовныхъ шашняхъ съ забытой красавицей.

Если тѣсныя комнаты лѣтняго, зимняго и другихъ домовъ государевыхъ, въ которыхъ помѣщалась придворная прислуга, были не всегда удобны для свиданій любовниковъ, то громадный садъ (нынѣ Лѣтній, также садъ у Инженернаго замка) съ своими гротами, островками на прудахъ, бесѣдками, рощами и аллеями, представлялъ прекрасное мѣсто въ лѣтніе мѣсяцы для интимныхъ бесѣдъ Орлова съ Гамильтонъ. Дельщикъ и фрейлина, лакой и горничная — имъ хорошо было извѣстно, когда, не опасаясь господскаго надзора, можно было въ-сласть паговориться и нацѣловаться...²⁾

Нечего и говорить, что подобныхъ нѣжныхъ любовниковъ было очень и очень много. Не все были такъ счастливы изъ падшихъ красавиць, что паденіе ихъ не имѣло особыхъ послѣдствій: многія дѣлались матерями; нѣкоторыя, боясь стыда, вытравливали дѣтей, подобно Гамильтонъ, лекарствами; нѣкоторыя рѣшались налагать руку — умерщвлять плодъ любви... Подобныя преступленія стали

¹⁾ См. бракоразводное дѣло Ягужинскаго въ «Русской Старинѣ» изд. 1877 г., томъ XVIII, стр. 713.

²⁾ Мы говоримъ не вслѣдствіе одной догадки, что садъ былъ мѣстомъ любовныхъ свиданій. Во первыхъ, изъ подлиннаго дѣла видно, что Орловъ весьма рѣдко видѣлся съ Гамильтонвой въ палатахъ; во вторыхъ, намъ извѣстно, что какъ свиданія В. П. Монаса, такъ послѣдствіи интимныхъ бесѣдъ А. И. Шубина съ своими возлюбленными, слабыми красавицами, наконецъ зазорныя бесѣды многихъ другихъ производились въ тѣсныхъ аллеяхъ сего сада, куда возвращенъ былъ входъ только тѣмъ, «кои въ сѣрыхъ кафтаныхъ, а начо съ бородами» (Богдановъ, стр. 56—58). Любопытное описаніе Лѣтняго сада въ частномъ письмѣ 1718 г. напечатано въ приложеніяхъ къ Записк. Марковича 1860 г. ч. 1, стр. 460—462. Подобное описаніе сада см. у Берхгольца ч. 1, стр. 87—92. Главныя садовники были выбраны изъ лѣвннхъ шпедовъ. Любопытныя разсказы о нихъ см. въ Anecdotes etc. Londree, 1792 г., т. III, стр. 34—35, 218—220. Для украшенія грота Петръ повелѣлъ въ 1717 году собрать изъ всехъ рѣкъ, находящихся въ Россіи, по нуу раковины и курьезныхъ камешковъ.

такъ часто повторяется, что государь нашелъ необходимымъ обнародовать 4-го полбра 1715 года слѣдующій указъ:

„Великій государь указалъ: въ Москвѣ и въ другихъ городахъ при церквяхъ, у которыхъ пристойно, при оградахъ сдѣлать гошпитали, въ Москвѣ мазанки, а въ другихъ городахъ деревянные, таковыя, какъ о такихъ же дѣлахъ боготщательное и душеспасительное осмотръніе преосвященный Іовъ, митрополитъ новгородскій, учинилъ въ великомъ Новгородѣ. И избрать искусныхъ женъ для сохраненія зазорныхъ младенцовъ, которыхъ жены и дѣвки рождаютъ беззаконно, и стыда ради отмечаютъ въ разныя мѣста, отъ чего оныя младенцы безгодно умираютъ, а нынѣ отъ тѣхъ же, кои рождаютъ, и умерщвляются. И для того объявить указъ, чтобъ такихъ младенцовъ въ непристойныя мѣста не отмечывали, но приносили къ вышеозначеннымъ гошпиталимъ и клали тайно въ окно, чрезъ какое закрытіе, дабы приносящихъ лица было не видно. А ежели такія незаконнорождающія явятся въ умерщвленіи тѣхъ младенцовъ, и оныя за такія злодѣйственныя дѣла сами казнены будутъ смертью; и тѣ гошпитали построить и кормить изъ губерній изъ неокладныхъ прибылыхъ доходовъ, а имянно давать приставленнымъ (женщинамъ) на годъ денегъ по 3 рубли, да хлѣба по полуосминѣ на мѣсяцъ, а младенцамъ по 3 деньги на день“¹⁾.

Указъ этотъ въ высшей степени замѣчательнъ: въ немъ государь прямо шелъ противъ вѣковаго народнаго предубѣжденія; до него зазорные младенцы оставались безъ всякаго призрѣнія, умерщвлялись родителями, умирали отъ голода и холода заброшенные въ непристойныя мѣста; либо ихъ подбрасывали другимъ, причемъ ребенокъ дѣлался рабомъ, холопомъ, крѣпостнымъ и, такимъ образомъ, обрекался на жизнь, полную страданій. Первая мысль объ устройствѣ домовъ для пріема незаконнорожденныхъ принадлежитъ, какъ свидѣлствуютъ слова указа, митрополиту Іову. Въ 1706 году онъ основалъ пристанище несчастнымъ дѣтямъ въ трехъ верстахъ отъ Новгорода въ упраздненномъ Колмовомъ монастырѣ. Митрополитъ отдѣлялъ часть своихъ доходовъ на наемъ кормилицъ, и повелѣлъ принимать въ Колмовѣ всѣхъ приносимыхъ младенцевъ и ихъ воспитывать. Тотъ же преосвященный основалъ три другія больницы для инвалидовъ, и проч. Государь былъ очень доволенъ столь

¹⁾ П. С. З., т. V, № 2,953. Именной указъ, объявленный изъ сената.

полезною дѣятельностью преосвященнаго; въ 1712 году онъ повелѣлъ опредѣлить въ пособіе ему на содержаніе призрѣваемыхъ половину доходовъ съ монастырскихъ вотчинъ, находившихся въ Олонецкомъ уѣздѣ. Царская фамилія и многіе бояре часто присылали денежные подаванія. Въ 1713 г. во всѣхъ заведеніяхъ Іова содержалось зазорныхъ младенцевъ, нищихъ и сиротъ 170 человекъ¹⁾.

До митрополита Іова и царя Петра законы русскіе предписывали ужасныя казни матерямъ-убійцамъ зазорныхъ дѣтей, но въ то же самое время не предлагали никакихъ о нихъ попеченій. Въ Уложеніи была только одна статья, относящаяся до незаконнорожденныхъ; но, въ силу ея, несчастные лишались всѣхъ правъ на свободу и гражданство: ихъ запрещено было считать наравнѣ съ законнорожденными и отчинъ имъ не давать²⁾.

Какъ относились къ зазорнымъ дѣтямъ, можно видѣть изъ разсказа современника. „А у которыхъ бояръ, и думныхъ людей, и у иныхъ чиновъ людей, будутъ прижиты дѣти отъ наложницъ, отъ вдовъ или отъ дѣвокъ, а послѣ того на тѣхъ своихъ наложницъ поженятся, или неженаты помрутъ, а послѣ ихъ смерти останутся дѣти, которые прижиты по закону, а другія дѣти выблядки, или послѣ смерти ихъ останутся одни тѣ выблядки: и по ихъ смерти даются помѣстья, и вотчины, и животы, сыновьямъ ихъ и дочерямъ тѣмъ, которые по закону прижиты; а которые прижиты до закону, и тѣмъ помѣстій и вотчинъ, и животовъ никакихъ не дѣлать и не даютъ ничего, и честными людьми тѣхъ выблядковъ не ставятъ, чей бы ни былъ, и въ службу царскую ни въ какую не принимаютъ. А кому выблядку дадутъ помѣстье и вотчину, не вѣдалъ, что онъ выблядокъ, а другіе люди учнутъ на него бити челомъ, что онъ выблядокъ, и ему то доведутъ: и то что дано будетъ выблядку, отдадутъ тому человеку, кто на него доведеть; а того выблядка, бивъ кнутомъ, сошлютъ въ ссылку въ Сибирь, для того: не вылыгай и не стався честнымъ человекомъ³⁾“.

Такой взглядъ на „зазорныхъ дѣтей“ и такое презрѣніе было къ нимъ доколѣ Петръ, вслѣдъ за Іовомъ, положилъ начало болѣе

¹⁾ Истор. Рос. іерархіи, ч. IV, стр. 573. Историч. разгов. о древностяхъ Новгорода, митроп. Евгенія. Также Москв. Губ. Вѣдомости 1842 г. Іовъ скончался 3-го февраля 1716 года.

²⁾ Улож. изд. 1737 г., ч. 10, ст. 280.

³⁾ Котошихинъ, изд. 1859 г., стр. 79.

человѣколюбивымъ мѣрамъ. Не остановившись на указѣ 4-го мая 1715 г. и на устройствѣ небольшихъ госпиталей, государь, по смерти любимой сестры Натальи, въ 1716 г., основалъ подобное учрежденіе въ большихъ размѣрахъ. При дворѣ этой царевны была богадѣльня для призрѣнія старухъ; царь обратилъ это заведеніе въ домъ для пріема незаконнорожденныхъ. Съ улицы придѣланъ былъ чуланъ; въ немъ очередная старуха должна была принимать младенца, отнюдь не спрашивая имени матери. И дѣтямъ, и старухамъ отпускалась хлѣбная и денежная дача ¹⁾).

Всѣ эти мѣры должны были быть извѣстны камеръ-фрейлинѣ Гамильтонъ; но, преслѣдуемая стыдомъ, желая сохранить за собой имя честной дѣвушки, съ другой стороны, не довѣряя новому учрежденію о зазорныхъ младенцахъ и тому, что можно въ совершенной тайнѣ отдавать туда дѣтей, она предпочла сдѣлаться преступницей... Но не станемъ опережать событія. Пока, Гамильтонъ все еще имѣла значеніе, могла гордиться расположеніемъ своихъ господъ; наконецъ, въ Ивалѣ Орловѣ любила грубаго, необразованнаго, полудикаго, но страстнаго любовника. Судьба не разлучала ихъ, и 27 января 1716 г., въ свитѣ государя и государыни, они отправились за границу.

II.

Пять государыни, сопровождавшій ее, былъ довольно великъ, тѣмъ болѣе, что при пей была еще царевна Екатерина Ивановна съ прислугой ²⁾. 11-го февраля державная чета была въ Либавѣ,

¹⁾ Описание Слоб. Богданова, 1751 г., стр. 130. Воспитательные домики, въ силу указовъ Петра, стали возникать во многихъ городахъ Россіи. Стали возникать и дѣла по поводу злоупотребленій разныхъ лицъ въ дѣлѣ призрѣнія младенцевъ. Были доносы, какъ напр. доносъ бабушки Марвы, определенной къ сыскванію и содержанію подкидышей, на злоупотребленіе подьячаго Труфанова; допросы Труфанову и проч. Подобныя бабушки были определены во многихъ городахъ. Число подкидышей возрастало. Къ концу царствованія Петра Великаго въ одной Московской губернской канцеляріи ихъ находилось 865 об. пола; при нихъ находилось 218 кормилицъ. Въ 1724 г. для воспитанія подкинутыхъ младенцевъ были назначены монастыри.

²⁾ О путешествіи государя въ 1716—1717 годахъ см. Журналъ или поленную записку Петра, ч. 2-я, изд. 1772 г., стр. 14—58, 397—425. Голицковъ, т. VI, стр. 92—273, 438—654. Переписка Петра съ Шереметевымъ, изд. 1774 г., стр. 160—164. Житіе Петра, соч. Θεодоуи, изд. 1788 г., стр. 396—413. Прилѣч. Болтина на Леккерка, 1788 г., т. I, стр. 574—575. Кабинетъ Петра, соч. Вѣляева, 1793 г., стр. 14—17. Журн. путеш. Петра во Францію. «От. Зап.» 1822 г., №№ 31 и 32. См. также труды С. М. Соловьева, г. Брикнера, нашъ очеркъ «Царяца Пасковъ» и друг.

18-го въ Далцигѣ. Государь былъ занятъ осмотромъ галерей, заключеніемъ союзныхъ договоровъ, распоряженіями, относящимися до продолженія шведской войны; государыня, съ дамами, осматривала все замѣчательное, каталась, гуляла, посѣщала ассамблеи, которыя давались магнатами и владѣтельными особами въ честь ея пріѣзда ¹⁾). Государыню особенно часто посѣщалъ герцогъ мекленбургскій, нареченный женихомъ Екатерины Иваловны.

8-го апрѣля 1716 г. совершенно было бракосочетаніе его съ русской царевной, въ присутствіи царя, царицы, короля польскаго, множества знатнѣйшихъ дамъ и именитѣйшихъ вельможъ ²⁾). Цѣлый рядъ празднествъ сопровождалъ брачное торжество; нечего и говорить, что Гамилътопъ, такъ или иначе, по принимала участіе въ въ общемъ весельи, въ ассамблеяхъ, пирахъ, гулянкахъ; за границей она дѣлалась еще веселѣе, всѣ какъ-то свободнѣе двигались вдали отъ солдатъ, разносившихъ на петербургскихъ пирахъ водку и опанывавшихъ ею всѣхъ и cadaго; вдали отъ шутовъ, придворныхъ дураковъ, допосечниковъ, палачой.

Для увеселенія ихъ величествъ даже мѣщане города Гданска, какъ гласитъ поденная записка, устраивали разныя потѣхи.

¹⁾ «По полученіи сего, — писали отъ имени неужившей писать Екатерины къ кн. Голицыну, — прикажите въ Курляндіи приготовить фуражъ по рижской дорогѣ до Мемля для нашего обоза на 150 лошадей, и чтобъ оный фуражъ готовъ былъ къ 28 числу сего декабря, по всѣмъ почтамъ. Екатерина». Для государя и его свиты готовилось отъ 50-ти до 60-ти подводъ, не болѣе.

²⁾ Петръ вообще являлся, относительно членовъ своей семьи, человѣкомъ весьма заботливымъ. Выдавая замужъ племянницу Катериину, вотъ что писалъ онъ въ Москву къ Ушакову, по поводу сестры своей Катерины, 24-го марта 1716 г.: «Письмо твоо ливари отъ 24-го дня до насъ дошло, въ которомъ пишешь, что бывшимъ подклучникомъ Богдановымъ въ ночномъ необыкновенномъ приходѣ въ комнату сестры нашей, царевны Катерины Алексѣевны, розыскивать ли? то до указа не розыскивай, но держи его за каруломъ». «Могъ ли забыть что-нибудь монархъ?» восклицаетъ авторъ «Дѣяній». Дѣйствительно, память и заботливость замѣчательныя! Государю непремѣнно хотѣлось знать: для чего, въ какихъ видоухъ, съ какими цѣлями подклучникъ Богдановъ ночью хотѣлъ нарушить безмятежный покой его 58-ми лѣтней сестры? (царевна Екатерина, дочь царя Алексѣя, родилась 27-го ноября 1658 года). Но монархъ не велитъ безъ себя розыскивать — пытать: жди, молъ, пріѣзда. Два года путешествуетъ преобразователь Россіи; два года томится въ казематѣ злополучный подклучникъ; царь пріѣзжаетъ — народъ пролипать «токи радостныхъ слезъ ему во срѣтеніе», и они, обидя свое хозяйство, идутъ чинить застѣнокъ. Нѣсколько строкъ, написанныхъ къ Ушакову въ 1716 г., являютъ, такимъ образомъ, началомъ новаго слѣдственнаго дѣла: допросы, очные ставки,писка, кнутъ, встряска, — и государственное дѣло первой важности о томъ, какъ подклучникъ Богдановъ совершалъ ночной походъ къ 58-ми-лѣтней царевнѣ — кончается нещаднымъ наказаніемъ и ссылкой въ Сибирь. На этотъ разъ, романъ кончился трагичѣе: 58-ми-лѣтняя старуха была занозорѣна въ участіи въ политическомъ заговорѣ. Царевна арестована, допрашивается и — 1-го мая 1718 года скончалась въ тѣсномъ заключеніи.

4-го мая государь былъ въ Штетинѣ, куда, вслѣдъ за нимъ, съ свитою явилась государыня. Въ то время, когда Екатерина занята была обѣдами и увеселеніями, устраиваемыми для нея королею прусскимъ, Петръ ѣздилъ въ другіе города, осматривалъ войска, дѣлалъ экзерциціи, составлялъ военный артикулъ. Встрѣчаемый вслѣдъ съ почетомъ, царь держалъ себя совершенно свободно, не измѣняя своимъ привычкамъ. Такъ, въ одномъ изъ германскихъ городовъ, онъ вошелъ съ бурмистромъ въ кирку, во время проповѣди, сѣлъ на первое мѣсто и съ большимъ вниманіемъ слушалъ проповѣдника. Вдругъ почувствовалъ, что головѣ его холодно; не отрывая глазъ отъ проповѣдника, онъ хладнокровно снялъ съ головы бурмистра большой парикъ и надѣлъ на свою голову. Проповѣдь кончилась, и Петръ возвратилъ парикъ хозяину. Дѣло въ томъ, что Петръ у себя, въ столицѣ, каждый разъ, какъ случалось головѣ его холодно, снималъ либо съ Меншикова, либо съ Толстова парикъ и надѣвалъ на себя.

12-го іюля государыня, не торопясь, пріѣхала въ Копенгагенъ, была встрѣчена мужемъ, королею датскимъ и множествомъ знатныхъ особъ. Король, ради именитыхъ гостей, устроилъ празднества и угощалъ великолѣпными обѣдами...

Въ Копенгагенѣ Екатерина гостила довольно долго. Петръ заключалъ конвенціи, писалъ указы въ Россію, велъ громадную переписку, воевалъ съ шведами—государыня съ дамами веселилась. Но невесело было Марьѣ Даниловнѣ Гамильтонъ. Она не могла поладить съ грубымъ и ревнивымъ Орловымъ, который, при каждомъ веселомъ часѣ, то есть послѣ каждой попойки—а пилъ онъ часто, по обязанности царскаго приближеннаго—оскорблялъ любовницу упреками, бранью, нерѣдко поносилъ ее самыми пошлыми ругательствами. Между тѣмъ Гамильтонъ любила его искренно. Страсть къ царскому деньщику была такъ велика, что, не имѣя возможности давать ему подарки и удовлетворять настойчивымъ просьбамъ о деньгахъ, она, какъ сама впоследствии признавалась: „будучи при государынѣ царицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ, вещи и золотые (червонцы) крада, а что чего порознь — не упомянуть... а золотыхъ червонныхъ у ней, государыни царицы, украда же, а сколько — не упомянуть; и изъ тѣхъ червонцевъ деньщику Ивану Орлову дала она триста червонныхъ, будучи въ Копенгагенѣ; да перстень съ руки, да рубахи, а то все (то есть перстень и рубахи) давала она изъ

своего, а не изъ краденаго, а инымъ никому изъ тѣхъ вещей не давала“¹⁾).

Государынѣ было не до червонныхъ, не до надзору за влюбленною камеръ-фрейлиною: она вся отдавалась сначала удовольствіямъ заграничной жизни, потомъ, будучи беременна, едѣлась очень слаба, а наконецъ занята была возникавшимъ важнымъ для нея дѣломъ:

26-го августа отправился изъ Копенгагена въ Петербургъ курьеръ Сафоновъ. Онъ везъ царевичу Алексѣю строгій приказъ отца: либо ѣхать за границу, либо немедля идти въ монастырь!²⁾

10-го ноября государыня пріѣхала въ Шверинъ, была беременна въ послѣднемъ періодѣ и боялась, что переѣзды изъ города въ городъ гибельно подѣйствуютъ на ея здоровье³⁾. Между тѣмъ царь, съ немногими изъ денщиковъ, между прочими съ Иваномъ Орловымъ, ѣздилъ по прусскимъ городамъ, былъ въ Гамбургѣ. Здѣсь магистратъ города, изъ особаго уваженія къ его величеству, выдалъ Войнаровскаго, племянника Мазепы. Войнаровскийъ былъ человѣкъ весьма образованный, превосходно зналъ иностранныя языки, отличался жаркою любовью къ родинѣ и свободѣ. Петръ съ обыкновенною настойчивостью готовъ былъ силою оружія вырвать Войнаровскаго, еслибъ гамбургскій магистратъ не посмѣшилъ схватить несчастнаго. Если вѣрить историкамъ Петра, Войнаровскийъ, ради добровольнаго во всемъ призванія (?), безъ наказанія отосланъ былъ въ Якутскъ⁴⁾.

6-го декабря государь, съ немногими изъ людей своихъ, пріѣ-

¹⁾ Показаніе Марьи Гамантовой 21-го іюня 1718 г.

²⁾ Для царевича предназначался Желтиковъ-Тверской монастырь, гдѣ до сихъ поръ уцѣлѣла царевича тюрьма и сохранились любопытныя преданія о Петрѣ и его сынѣ. См. нашу «Прогулку въ Нижній-Новгородъ», письмо 1-е въ «Русск. Вѣстн.» 1860 г., № 13.

³⁾ Забѣтавъ ксати, что Екатерина употребляла на расходъ свои деньги, то есть, тѣ, которые были опредѣлены ей на содержаніе изъ петербургской канцеляріи. Это видно, между прочимъ, изъ письма отъ ея имени къ Меншикову: «Понеже мы (пачетъ Екатерина) въ бытность свою здѣсь взяли у гамбургскаго купца Ф. Поппа 5,000 рубл. червонныхъ (въ Вейденбергѣ, 12-го декабря 1716 г.), того ради, извольте приказать помянутое число 5,000 рублей отдать въ Петербургъ его, Попповымъ, корреспондентамъ, кому онъ велитъ принять, изъ той суммы, которая намъ опредѣлена изъ канцеляріи на 1717 годъ».

⁴⁾ «Войнаровскийъ представленъ былъ государю въ день именинъ императрицы, и ея заступленіе спасло его отъ казни» (Жизнеописаніе Войнаровскаго, составл. А. А. Вестужевымъ. Напечатано при повѣ К. О. Рылѣва: Войнаровскийъ 1825 г. Москва). Едва ли это извѣстіе справедливо. Вліаніе Екатерины далеко не было такъ сильно, чтобы ради ея Петръ простилъ политическаго преступника. Этыхъ людей онъ каралъ пуще злодѣя, тати и убійцы. Войнаровскийъ былъ еще живъ въ 1737 году въ Якутскѣ, одичалъ, обросъ волосами, забылъ языки и свѣтское обращеніе.

халъ въ Амстердамъ; среди работъ монархъ отдыхалъ съ деньщиками и голландскими матросами за кружкой пива и вина; велъ дружескую переписку съ разными королями и владѣтельными особами; дѣлалъ имъ недорогіе для себя подарки. Въ чемъ они состояли—можно видѣть изъ письма царскаго въ Архангельскъ, къ вице-губернатору: „по полученіи сего указа, сыщите двухъ человекъ самоѣдовъ, молодыхъ ребятъ, которые бъ были дурнѣе рожею и смѣлнѣе, лѣтами отъ 15 до 18, въ ихъ платьяхъ и уборахъ, какъ они ходятъ по своему обыкновенію; ихъ надобно послать въ подарокъ гранъ-дюку флоренскому (тосканскому); и какъ ихъ сыщите, то немедленно отдайте ихъ тому, кто вамъ сіе наше письмо объявитъ“¹⁾.

Тѣмъ временемъ государыня съ фрейлинами медленно ѣхала изъ Шверина въ Везель, куда и прибыла 30-го декабря.

3-го января прискакалъ къ государю пажъ Мавринъ съ извѣстіемъ: царица развѣшилась отъ бремени царевичемъ Павломъ Петровичемъ.

„Объявляю вамъ, что сего 2-го января, писалъ обрадованный государь ко многимъ изъ вельможъ въ Россію, хозяйка моя, не поѣхавъ сюда, въ Везель родила солдатченка Павла... рекомендую его офицерамъ подъ команду, а солдатамъ въ братство“.

Но переѣзды, гулянья, пиры—имѣли пагубное вліяніе на здоровье хозяйки, и новый солдатченокъ вышелъ до того слабъ и хворъ, что на другой день скончался. Петръ былъ опечаленъ этимъ извѣстіемъ. Хозяйка оставалась въ весьма слабомъ состояніи въ Везелѣ, и по ранѣе 2-го февраля 1717 г. могла пріѣхать въ Амстердамъ.

Виродолженіе ея долгой болѣзнію, Петръ, „ради тѣлесной крѣпости и горячности своей крови“, не могъ не отдаваться въ досужіе часы „любострастію“. Если вѣрить иноземнымъ писателямъ, то ему чрезвычайно полюбилась дочь одного пастора, который однако не иначе соглашался уступить русскому владыкѣ дочь, какъ на основаніи законнаго брака. Царь, будто бы, далъ слово²⁾ и Шафировъ, будто бы, закрѣпилъ его контрактомъ. Но едва „высокій пу-

¹⁾ «Собр. разн. записокъ и проч. къ исторіи Петра I». Спб. 1787 г. Ч. V, стр. 97 и 102, изд. Туманскаго.

²⁾ Кстати замѣтить, въ тѣ времена дать слово и не исполнить его считалось, по крайней мѣрѣ въ высшемъ русскомъ обществѣ, дѣломъ весьма обыкновеннымъ. Не исполняли своихъ словъ Меншиковъ, Шереметьевъ, Толстой. Но исполнялъ ихъ и Петръ, а въ настоящемъ случаѣ, если и давалъ слово, то и не могъ исполнить, ибо былъ женатъ. Вспомнимъ его божбу и обѣщанія, щедро расточенныя въ письмахъ къ бѣглому сыну его, царевичу Алексѣю, когда онъ, царь Петръ, выманивалъ его изъ Псаполя и судилъ ему полное прощеніе. А какъ были исполнены эти клятвы?

тѣлственникъ“ въ „тѣлесномъ удовольствіи“ удовлетворилъ тѣлесную крѣпость свою—обѣщаніе было забыто... Дѣвушка возвращена отцу съ подаркомъ въ 1,000 дукатовъ ¹⁾).

Въ Петербургѣ толковали объ отсутствующихъ господахъ, ходили разныя о нихъ слухи, и дядька царевичевъ, Аванасьевъ, пріѣхавъ изъ Мекленбургіи, сказывалъ Воропову, гофмейстеру царевича: „Слышалъ я отъ своего толмача Фридриха, который слышалъ отъ хозяйки, гдѣ мы стояли: „у царскаго-де величества есть матреса, а взята-де она изъ Гамбурга“.—„Здѣсь не слышно“, отвѣчалъ Вороповъ. Нѣсколько дней спустя, Аванасьевъ былъ у Воропова въ гостяхъ. „Слышалъ и я“, сталъ говорить хозяинъ, „что есть у государя матреса, и царица-де про это вѣдаетъ; какъ пріѣхала въ Голландію (2-го февраля?), стала предъ государемъ плакать, и государь спросилъ ее: „кто тебѣ сказывалъ?“ „Мнѣ сказала полковница, а къ ней писалъ Платонъ“. И Платона государь за это билъ“ ²⁾).

У Петра, впрочемъ, была не одна матреса: Авдотья Ивановна Чернышева, „Авдотья-бой-баба“, по выраженію Петра, во время болѣзни Екатерины пользовалась его расположеніемъ.

Но какъ ни часты были отшѣпы нылкаго Петра въ пользу той, либо другой красавицы, все-таки онѣ были и гораздо рѣже, и несравненно скромнѣе, нежели какъ повѣствуютъ о томъ иностранные писатели, алчные до великаго курьезнаго анекдота ³⁾).

Справедливъ или несправедливъ этотъ анекдотъ, по вѣрно то, что Петръ не находилъ преградъ своимъ пожеланіямъ плотскимъ, не находилъ тѣлесныхъ удовольствій въ постоянномъ общеніи съ одной и той же красавицей. Часто доводилось плакать и горевать хозяйкѣ, много хитрости и ума надо было имѣть съ ея стороны, чтобъ подогрѣвать холодѣющую любовь хозяина. Въ такомъ положеніи находились отношенія господъ между собой. Взглянемъ на отношенія слугъ—деньщика съ камеръ-фрейлиной.

¹⁾ Anecdotes secrètes de la Cour de Russie. 1742, t. IV, p. 76.

²⁾ П. Г. Устрьяновъ, т. VI, стр. 187—188.

³⁾ См. напр. рассказъ камергера Польница—о страстныхъ отношеніяхъ царя Петра къ герцогинѣ Мекленбургской Екатерины Ивановны, — «Mémoires pour servir à l'histoire etc. II, p. 65. «Anna Ioannovna. Dargestellt von F. W. Barthold, стр. 22—23. Событіе, описываемое здѣсь (если только оно было), должно было произойти 6-го сентября 1717 года. См. Годикъ о вѣ, т. VI, стр. 255.

Марья Даниловна, подобно Екатериинѣ Алексѣевнѣ, должна была употребить всѣ способности своего женскаго ума и влюбленнаго сердца, чтобъ удерживать непостояннаго Ивана Орлова отъ поступковъ вѣтренныхъ. Она ревновала его къ Авдотѣ Чернышевой, дарила его государынинными деньгами, одаривала собственными вещами — и все-таки возникали ссоры. Любовники зачастую вздорили. Петръ Алексѣевичъ бивалъ тѣхъ, которые не умѣли молчать о его матресахъ, но не трогалъ своей хозяйки. Иванъ Михайловичъ былъ гораздо проще, не былъ такъ деликатенъ и зачастую бивалъ свою хозяйку. Любовники зачастую вздорили. Причинами ссоръ и дракъ, безъ сомнѣнія, были со стороны Гамильтонъ — негодованіе на безпутство и пьянство Орлова, со стороны Орлова — ревность.

— „Въ Голландіи былъ я у Бранта въ саду пьянъ, каялся впоследствии въ собственноручномъ письмѣ Орловъ, и побранился съ Марьєю, и называлъ ее б....., и къ тому слову сказалъ Петръ Балсъ: „что, взбѣсился-де ты, какая она б....?“ — „Чую, что уже троихъ родила“, отвѣчалъ я, и болѣе того нигдѣ ее, Марью, не попрекалъ“.

„Послѣ того я еще ее бранилъ и пьяной поѣхалъ въ тотъ же день въ Амстердамъ, съ Питеромъ инженеромъ, и приѣдучи въ Амстердамъ, ввечеру бранилъ ее при Филиппѣ Пальчиковѣ, при Александрѣ подьячемъ и называлъ ее б....., а робятами не попрекалъ.“

„А на другой день сказала Петръ-инженеръ: „ты-де ее попрекалъ“. И я къ ней писалъ грамотку и просилъ прощенія у нее; и она въ томъ просила у государыни-царицы милости на меня, чтобъ я ее уличилъ, вѣдая то, что я не вѣдалъ (про робятъ); и она нигдѣ не сказывала про робятъ никогда, и я ее нигдѣ больше не попрекалъ робятами.“

„Когда (бывало) и осержусь въ ревности, то ее бранивалъ и называлъ к....., и бивалъ, а робятами не попрекивалъ и въ томъ шлюсь на нее“ ¹⁾.

¹⁾ Показаніе Орлова 5-го августа 1718 г. Пошлая, самая циничская брань, прильчка къ отвратительнымъ ругательствамъ издревле составила недостатокъ русскаго человѣка. Среди буйной, разгульной веселости своей, какъ видно изъ современныхъ актовъ, онъ, еще задолго до Петра, вполне предавался разврату; тутъ совершалось «и мужемъ, и отрокомъ великое прельщеніе и паденіе, женамъ замужнимъ незаконное оскверненіе, и дѣвамъ растаѣніе»... Еще въ 1636 году патриархъ Іоасафъ говорилъ, что «великаго незаконнаго дѣла умножилось, еллинскихъ блдословій и кошунъ; да еще другъ друга лаютъ

Такія непріятности отличали внутренній домашній бытъ путешественующаго двора. Вышняя же сторона этой жизни была блестяща: торжественные приемы, всевозможныя „увеселенія для потѣхи ихъ величествъ“, подарки, осмотръ всѣхъ достопримѣчательностей, ассамблеи при дворахъ, частые переѣзды — все это наполняло время, и оно летѣло быстро ¹⁾.

19-го марта мы видимъ ихъ величества въ Роттердамѣ. Отсюда государь отправился во Францію, а Екатерина возвратилась въ Гагу. Петръ не взялъ жены, во избѣжаніе тѣхъ скучныхъ церемоній, съ которыми блестящій дворъ версальскій готовъ былъ встрѣтить рускую государыню. Свита цари состояла изъ слѣдующихъ лицъ: Толстаго, князя Куракина (онъ былъ свойственникъ Петра по своей жемѣ, Аксинѣѣ Ѳеодоровнѣ Лопухиной, род. 1678 г., ум. 1699 г., третья сестра царицы Авдотьи), Шафировъ, кн. В. Долгорукій, Бутурлинъ, Ягужинскій, Макаровъ, Черкасовъ, Арескинъ, духовникъ, нѣсколько придворныхъ служителей, между которыми былъ Ивалъ Орловъ, и небольшая команда гренадеръ.

8-го апрѣля 1717 г. государь пѣшкомъ осматривалъ городъ Остенде, въ сопровожденіи своихъ приближенныхъ. Въ то время воли на казнь нѣсколькихъ преступниковъ; одинъ изъ нихъ, увидавъ иноземнаго государя, закричалъ: „помилуй, государь!“ Этого крика достаточно было, чтобъ возбудить жалость Петра, и онъ, бывъ тронутъ, испросилъ жизнь преступнику. Фактъ любопытный. Крикъ иноземнаго солдата-преступника склонилъ его къ милости, а вопли и стоны страдальцевъ: сына, сестеръ, жены, родственни-

позорною бранію, отца и мать блуднымъ позоромъ и всякою безстыдною, самую позорною нечистотою лзыки своя и души оскверняютъ». А. А. Э., т. III, № 264. Если вѣрить Олсарию, въ царствованіи Михаила и Алексѣя за подобныя поносныя сквернословія положено было бить кнутомъ и сѣчь розгами. «Теперь на рынкахъ (замѣчаетъ Олсарій) ходятъ между народомъ особенно назначаемые для надзора за этими людьми съ стрѣльцами и палачами, приказываютъ схватывать ругателей, и тутъ же, на мѣстѣ преступленія, для примѣра прочимъ, наказываютъ розгами». Но съ давнихъ временъ укоренившася привычка сквернословить, требуя повсюду строгаго и неуслышнаго присмотра, причиняетъ надзирателямъ, судьямъ и самимъ палачамъ столь невыносимую работу, что имъ уже наскучило наказывать ножи на каждомъ шагу ругающійся народъ». Гл. IV.

¹⁾ Изъ обширнаго собранія писемъ государя изъ-за границы укажемъ на слѣдующее мѣсто въ письмѣ къ генералъ-адмиралу Апраксину (отъ 3-го января 1717 г.): «Писалъ къ намъ господинъ генералъ-фельдцейхмейстеръ Брюсъ, что надобенъ ему для исправленія нѣкоторой книги въ мероводъ адмиралтейскій переводчикъ Гамильтонъ, котораго генералъ-майоръ Чернышевъ (мужъ Авдотьи-бой-бабы) ему не отдастъ, и для того велите ему отдать». Былъ ли этотъ переводчикъ родственникомъ Марьи Даниловны—мы не могли доискаться.

ковъ, ведомыхъ на лютѣйшія муки и истязанія, не могли вызвать милости.

Въ то время, когда Петръ любовался всеѣми достопримѣчательностями, какія представляла ему роскошная столица Франціи ¹⁾, Екатерина довольно однообразно проводила время сначала въ Гагъ, потомъ въ Амстердамъ. Здѣсь и дождалась своего хозяина. Петръ пріѣхалъ 22-го іюля, и первое время послѣ четырехмѣсячной разлуки ни на часъ не разставался съ женой. Цѣлая недѣля прошла въ осмотрѣ флота, стоявшаго на якорѣ въ пяти миляхъ отъ Амстердама, и все это время они ночевали на яхтѣ. Съ ними ли были Гамильтонъ и Орловъ, или оставались въ городѣ—неизвѣстно; надо думать, какъ необходимал прислуга, они сопровождали господъ своихъ и въ этихъ поѣздкахъ.

Въ началѣ сентября государь съ государыней были въ Берлинѣ. Послѣ ряда празднествъ, 14-го числа Петръ поскакалъ на почтовыхъ въ Данцигъ. За нимъ поѣхалъ Иванъ Орловъ; поѣхала часть женской прислуги императрицы. Такъ какъ государыня сама собиралась въ обратный путь, то, чтобъ не имѣть, вѣроятно, задержки въ экипажахъ и лошадахъ, отправила свой штатъ партіями.

3-го октября царь прибылъ въ Ревель, съ нимъ вмѣстѣ были и сопровождавшіе его сапожники, денщики, между ними Иванъ Орловъ; пріѣхали и дамы изъ свиты государыни. Кажется, нѣтъ сомнѣній, что между ними была Марья Даниловна Гамильтонъ, хотя намъ достоверно извѣстно изъ поденной записки Петра, что „ея величество путь свой имѣла отъ Риги къ Нарвѣ прямо на Дерптъ, не вѣзжая въ Перновъ и Ревель“ ²⁾.

Гамильтонъ была въ это время беременна въ третій разъ, притомъ въ послѣднемъ періодѣ, и, вѣроятно, опасаясь подозрѣнія со стороны государыни, либо придворныхъ дамъ, которыя пытливымъ окомъ слѣдили за поведеніемъ другъ друга, отпросилась ѣхать черезъ Ревель, гдѣ, въ страстныхъ объятіяхъ Орлова, старалась забыть и свою болѣзнь, и свою тоску, и тягостное предчувствіе о предстоявшихъ ей страданіяхъ...

¹⁾ Кстати, укажемъ на одну изъ брошюръ, относящихся до пребыванія Петра въ Нарвѣ: «Pierre 1-er membre de l'Académie des Sciences, par le prince Augustin Galitzin. Paris. 1859 г., стр. 10. Изданныя здѣсь документы опровергаютъ лживыя сказанія о томъ же предметѣ Вольтера, П. Шлеваго и друг.

²⁾ Журналъ 1717 г., стр. 424.

Надо думать, что Иванъ Орловъ былъ очень простъ и его легко можно было обманывать: но крайней мѣрѣ, проводя по нѣскольку часовъ съ Марьей Даниловной, Орловъ не догадывался въ какомъ состояніи его возлюбленная.

— „Когда, въ Ревелѣ (писалъ онъ потомъ при допросахъ) я у нея (Гамильтонъ) щупалъ и ее спрашивалъ: что, не брюхата ли ты? и она сказала: „нѣтъ“. И я ее опять спросилъ, и она сказала: „отъ тебя бѣ я не потанла“. А для чего брюхо туго? спросилъ я потомъ. — „Да вѣдь ты вѣдаешь, отвѣчала Марья, что я нездорова. Брюхо у меня туго отъ запору“¹⁾.

Изъ того же показанія видно, что, при отъѣздѣ государя изъ Ревеля, Орловъ не послѣдовалъ за нимъ, а по нездоровью остался въ городѣ. Что же касается до Гамильтонъ, то она отравила ее съ другими въ Петербургъ.

III.

Въ полдень 10-го октября 1717 года Петръ вѣхалъ въ столицу.

„Сія повая его столица, восклицаетъ Голицыновъ, прибытіемъ обожаемаго государя своего обрадована была неслыханно. Всѣ жители оной вышли во срѣтеніе его величеству и изъявили чувство радости своей слезами!“

Не примѣшивалось ли къ этой слезливой радости чувство страха? Гроза-сиверка вновь нагрянула. Государь, по пріѣздѣ, немедленно занялся своимъ обширнымъ хозяйствомъ: обходомъ и осмотромъ всѣхъ построекъ, посѣщеніемъ вельможъ, бесѣдами съ иноземными мастерами, чиновомъ застѣлниковъ.... Нѣсколько дней спустя, пріѣхала государыня—и жизнь двора пошла обычнымъ чередомъ²⁾.

Но далеко необычнымъ чередомъ шла она для Марьи Вилимовны или, какъ ее переименовали по русски—Даниловны: разлука съ любовникомъ, остававшимся еще въ Ревелѣ, беременность въ послѣднемъ періодѣ, страхъ быть узнанной въ своемъ поло-

¹⁾ Показанія Марьи Гамонтовой и Ивана Орлова 5-го августа 1718 года.

²⁾ Любопытные рассказы о томъ, какъ осматривалъ Петръ, по возвращеніи изъ границы, постройки въ Петербургѣ и собственноручно нещадно взыскивалъ за медленность и неакuratность строителей, можно найти въ III томѣ *Anecdotes intéressantes et secrètes de la cour de Russie*, 1792 г., стр. 162—165, 206—208. Книга эта достойна вниманія: это компиляція изъ множества записокъ и сочиненій о Россіи въ XVIII вѣкѣ. Къ сожалѣнію, компиляторъ не вездѣ указываетъ, откуда беретъ интересные факты.

женіи, боязнѣ сплетней, пересудовъ, насмѣшекъ придворныхъ дамъ и кавалеровъ, начиная отъ князей и княженъ до деньщиковъ и горничныхъ—все это дѣлало ея положеніе невыносимымъ. Она жила въ лѣтнемъ домѣ государевомъ, заперлась въ своихъ комнаткахъ, сказывалась больною, никого къ себѣ не допускала и такъ искусно умѣла скрывать свое положеніе, что ея прислужницы Катерина Терповскал, да Варвара Дмитріева и казначейша дѣвка Анна (Крамеръ) долго не подозрѣвали настоящей причины ея болѣзни. Либо не успѣвъ вытравить дитя лекарствами, либо не рѣшившись вновь совершить это преступленіе, Марья Даниловна съ ужасомъ ждала рокового часа, и злополучный ребенокъ, плодъ страстной любви, уже заранѣе, во чревѣ матери, былъ обреченъ на смерть.

Между тѣмъ пріѣхалъ изъ Ревеля Иванъ Орловъ и посѣтилъ разъ, какъ рассказываетъ служанка, свою любовницу на лѣтнемъ дворѣ, днемъ, при людяхъ; послѣ чего вскорѣ уѣхалъ по какому-то новому порученію, вѣроятно, царскому.

Въ это время, около 15 ноября 1717, совершено было задуманное преступленіе. Приведемъ рассказъ свидѣтельницы злодѣяства, служанки камеръ-фрейлины Гамильтонъ; рассказъ этотъ, при всей безыскусственности и простотѣ, прямо переноситъ на мѣсто преступленія и ставитъ лицомъ къ лицу съ убійцей.

— „Мѣсяцъ спустя“ (показывала впоследствии Катерина Екимовна Терповскал), послѣ приходу изъ Ревеля, Марья Гамонтова родила ребенка; про то я вѣдала, а именно такимъ образомъ то дѣлалось: сперва пришла Марья въ свою палату, гдѣ она жила, ввечеру, и притворила себя больною, и сперва легла на кровать, а потомъ вскорѣ велѣла мнѣ запереть двери и стала къ родинамъ мучиться; и вскорѣ, вставъ съ кровати, сѣла на судно и, сидя, младенца оцусила въ судно. А я тогда стояла близъ нея и услышала, что въ судно стукнуло и младенецъ вскричалъ; тогда я, Катерина, охнула и стала ей, Марья, говорить:

— „Что ты, Марья Даниловна, сдѣлала?“

— „Я и сама не знаю, отвѣчала та:—что дѣлать?“

„Потомъ, ставъ и оборотаясь къ судну, Марья младенца въ томъ же суднѣ руками своими, засунувъ тому младенцу палецъ въ ротъ, стала даять, и приподняла младенца, и придала.“

„Тогда я, Катерина, заплакавъ, паки стала ей говорить:

— „Что ты, Марья Даниловна, дѣлаешь?“

— „Молчи, отвѣчала она, дьяволь-ли-де тебя спрашиваютъ?”

„Придавнив ребенка, Марья вынула и обернула его въ поло-
тепцо.

— „Возьми, Катерина, сказала она мнѣ;—отнеси куда-нибудь
и брось.

— „Не смѣю я этого сдѣлать, отвѣчала я.

— „Когда ты не возьмешь, сказала Марья, то призови своего
мужа“.

Быль уже поздній часъ ночи; родильница, въ изнеможеніи отъ
тѣлесной боли и душевной муки, опустилась на постель. Легла спать
и встревоженная служанка. На другой день, по прежнему приказу
Марьи Даниловны, Катерина пошла и прислала къ ней мужа своего,
перваго коюха Василія Семенова ¹⁾.

„Марья Даниловна велѣла мнѣ (свидѣтельствуеть Катерина)
поднести коюху водки, а потомъ просила его, Семенова, при мнѣ,
Катеринѣ:

— „Пожалуй-де, сего мертваго младенца брось куды-нибудь.

„Семеновъ взялъ и, положи въ кулекъ, понесъ вонъ. А тотъ
кулекъ дала мужу своему я, Катерина. И то дѣлали мы съ мужемъ,
и молчали ни для чего инаго, только ища въ ней милости, а иное
ей и бояся, для того, что часто Марья меня, Катерину, бранивала
и упрекала:

— „И-де васъ, какъ нищихъ, разыскала, и вы-де меня не хо-
тите слушать“ ²⁾.

Мы не думаемъ, чтобъ только одна боязнь удержала служеб-
лей Марьи Даниловны отъ доноса на нее. Напротивъ, боязнь до-
проса въ застѣнкѣ скорѣй должна была вызвать съ ихъ стороны
доносъ на убійцу: Катерина и Семеновъ хорошо знали, какому не-
щадному истязанію подвергались вѣдавшіе да недонесшіе на пре-
ступленіе; ихъ карали одинаково съ преступниками ³⁾. Итакъ, не

¹⁾ Изъ дѣла о дѣвкѣ Гамонтовой нельзя понять, за кѣмъ была замужемъ служанка
Катерина. Въ одномъ мѣстѣ мужъ ея названъ «царскаго величества посольскаго приказа
подьячій Савва Терновскій», здѣсь же она зоветъ мужа своего Василія Семенова. Надо
думать, что, схоронивъ мертваго, она вышла за послѣдняго.

²⁾ Подлинное дѣло о дѣвкѣ Гамонтовой, показанія служанки Катерины 9-го апрѣля
и 21-го іюня 1718 года.

³⁾ Страхъ наказаній, награда за доносы до такой степени развили у насъ шпионство
въ ту эпоху, что великій Петръ вѣдалъ о самыхъ сокровенныхъ событіяхъ; ему препро-
возжали доносы изъ самыхъ отдаленныхъ мѣстъ Россіи, даже за границу, въ бытность его
тамъ. Это видно напр. изъ слѣдующаго письма Петра изъ Данцига къ архангельскому гу-

боязнь Гамильтонъ (она ничего имъ не могла сдѣлать), а любовь и преданность къ доброй госпожѣ удерживали прислугу отъ извѣта. Марья Даниловна, дѣйствительно, была очень добра и, по своему времени, щедра для прислуги. Такъ, напримѣръ, сама служанка Катерина говорила, что получила отъ нея въ подарокъ: „серги съ бурмицкими небольшими зернами, чепчикъ парчевой, маленькихъ обломковъ камешковъ пять или шесть яхонтовъ, косякъ камки, двѣ юбки коломянковыя съ быстрогами; наконецъ, предъ отъѣздомъ въ походъ (т. е. за границу въ 1716 г.), Марья Даниловна оставила мнѣ въ Петербургѣ 10 рублевъ“. Изъ боязни ли, или изъ преданности, какъ бы то ни было, только ни Катерина, ни мужъ ея не сдѣлали доноса на учиненное преступленіе. Дѣло должно было открыться гораздо позже...

Иванъ Орловъ скоро возвратился въ Петербургъ изъ командировки. Онъ посѣтилъ Марью Даниловну ночью, на зимнемъ дворѣ (т. е. во дворцѣ). Сидѣлъ съ нею вдвоемъ, наединѣ; бесѣдовали долго... Иванъ Михайловичъ говорилъ, между прочимъ: „что-де слышалъ я, по приѣздѣ отъ Кобылякова, что ты чуть было не умерла. Что съ тобой сдѣлалось?“ спрашивалъ онъ.

— „Вокъ у меня болѣлъ, отвѣчала камеръ-фрейлинка пытли-вому любовнику:—также и м..... пришло“.

Марья Даниловна послала Катерину варить кофе и кофею угощала Ивана Михайловича¹⁾.

Напившись кофе, Орловъ не остался, однако, ночевать, боясь, вѣроятно, чтобъ не хватились его господя и не открыли бы его шашпей.

бернатору (16-го апр. 1716 года): «увѣдомилъ ны, что бывшій москов. успенск. собора ключарь Провъ, который сосланъ и постриженъ въ Соловецкомъ монастырѣ, нынѣ изъ того монастыря свободился и живетъ у холмогорскаго архіерея, котораго (то-есть ключаря), по полученіи сего указа, возьми и розыщи, какииъ случаемъ онъ освободился, и кто его освободилъ? и потомъ къ намъ пиши, а его за карауломъ держи. Петръ». («Собр. записокъ Туманскаго 1787 г.» ч. V, стр. 96). Въ «Чтеніяхъ Московскаго Общ. Исторіи» (1860 г., т. II) напечатаны два любопытные доноса; хорошо бы было, еслибъ явилось въ печати побольше подобныхъ документовъ: они проливаютъ яркій свѣтъ и на петровское общество, и на преобразователя съ его птенцами. Одинъ изъ составителей указанныхъ доносовъ, во всеподданнѣйшемъ прошеніи о наградѣ, съ упрекомъ говорить, что его оставили безъ вниманія въ то время, какъ «по именнымъ е. и. в. указамъ не токмо за такіе важныя (доносы), но и за интересныя дѣла, всякаго чина людямъ давано награжденіе немалое со всякимъ удовольствіемъ и съ повышеніемъ чиновъ».

¹⁾ Показаніе 9-го апрѣля 1718 г. служанки Катерины; показанія Марьи Гамонтовой и Пв. Орлова 5-го августа 1718 г.

Нѣсколько дней спустя, камеръ-фрейлина прислала за деньщи-комъ мальчика съ приглашеніемъ навѣстить ее. Тотъ явился.

— Чтѣ съ тобой сдѣлалось? спросилъ Орловъ, вѣроятно, замѣтивъ страданія и слабость любовницы.

— „Малехонько было не уходилась, отвѣчала больная:—вдруг схватило; сидѣла я у дѣвокъ (т. е. фрейлинъ) и послѣ насилу привели меня въ палату, и мѣсяшное вдругъ хлынуло изъ меня ведромъ“.

Орловъ повѣрилъ.

Между тѣмъ, при дворѣ, между деньщиками, фрейлинами, служанками, дамами придворными ходили разные слухи и сплетни, которые тревожили страданлицу, волновали и самого Орлова. Красавецъ-деньщикъ былъ любимцемъ нѣсколькихъ дамъ придворныхъ и дѣвицъ-фрейлинъ; всѣ онѣ негодовали за то, что предметъ ихъ склонности ухаживаетъ за Гамилтонъ. Съ другой стороны, у Гамилтонъ было нѣсколько поклонниковъ между деньщиками, пажами и камерюнкерами; они, изъ ревности, хотѣли рассорить ее съ Орловымъ. Тѣ и другіе, желая сдѣлать зло—первые Марьѣ Даниловнѣ, вторые Ивану Михайловичу—сплетнями, рассказами, насмѣшками смущали любовниковъ.

Такимъ образомъ услыхалъ Орловъ отъ услужливаго передатчика сплетень Алексѣя Юрова, что будто-бы тотъ слышалъ разговоръ и шуточки насчетъ Гамилтонъ Родіона Кошелева съ Семеномъ Алабердѣевымъ.

— „Она со мною брюхо сдѣлала“, смѣясь, говорилъ Кошелевъ.

Юровъ увѣрялъ, что Алабердѣевъ выдалъ хвастливаго товарища Марьѣ Даниловнѣ и убѣждалъ ее жаловаться на обидчика.

— „Не знаю только, говорилъ Юровъ:—била ли челомъ Марья, или нѣтъ?“

Ходили слухи, что у фонтана ¹⁾ нашли мертваго подкидыша; говорили, что это дитя Гамилтонъ; другіе указывали на прочихъ фрейлинъ и дамъ: это, молъ, ихъ дѣло. Всѣ эти сплетни и толки до такой степени взбѣсили Орлова, что онъ рѣшился лично допросить любовницу.

— Какъ это на тебя говорятъ, спросилъ онъ, лясь къ фрейлинѣ:—что ты родила ребенка и убила?

¹⁾ Въ Лѣтнемъ саду, см. объ этомъ фонтанѣ въ указанныхъ выше сочиненіяхъ.

Та стала плакать и клясться.

— „Развѣ бы тебѣ я не сказала (о родахъ и убійствахъ), говорила она, залпывая слезами:—вѣдаешь ты и самъ, какая (большая охотница) я до ребятъ; развѣ не могла я содержать въ тайнѣ ребенка? вѣдь, ты вѣдаешь, меня здѣсь никто не любитъ“¹⁾.

Девищкѣ-любовникъ, напротивъ, подозрѣвалъ (впрочемъ, напрасно), что Гамильтонъ была любима слишкомъ многими, болѣе, чѣмъ нужно для нея и тѣмъ болѣе для него; что Александръ подъячій и Семенъ Мавринъ жили съ нею въ такой же любовной связи, какъ и онъ, и что ребятъ у нея дѣйствительно не могло быть не отъ убійствъ, а отъ множества возлюбленныхъ.

Какъ ни сильна была увѣренность у Орлова, что у камеръ-фрейлины, отъ множества сотрудниковъ, не могло быть дѣтей, однако, послѣ новыхъ сплетенъ придворныхъ, онъ опять явился къ ней съ допросомъ:

— Какъ же это, спрашивалъ онъ:—другіе-то говорятъ, что ребенокъ, найденный у фонтана, твой?

Марья Даниловна вновь стала плакать и божиться.

— „Я, вѣдь, не одна была, говорила она:—какъ у меня мѣсячное появилось“.

Орловъ вновь повѣрилъ. Чтобы окончательно разсѣять его подозрѣнія и прервать сплетни, камеръ-фрейлина, по убѣжденію Алабердѣева, жаловалась на Родіона Кошелева и его неумѣстные шутки.

Кошелевъ повинился:

— Посмѣялся я съ шутки, а не изъ знанія. Изъ ревности, я хотѣлъ, чтобъ она, постыдившись этихъ словъ, болѣе дружбы съ Орловымъ не имѣла.

Жертва толковъ, пересудовъ, мучимая педугомъ, угрызениями совѣсти и страхомъ наказанія, Марья Даниловна Гамильтонъ грустно встрѣтила 1718 годъ.

Онъ ничего не обѣщалъ ей радостнаго; грозныя тучи скопились на горизонтѣ...

Составитель петербургскаго календаря, уступая общественному предрасудку, а, можетъ быть, и самъ раздѣляя его, что по звѣздамъ можно предугадывать событія „о воинѣ и мірскихъ дѣлѣхъ“,

¹⁾ Показаніе Ив. Орлова 5-го и 20-го авг. 1718 г.

† 1719 г.

пророчилъ, что въ наступающемъ 1718 году случится очень много необыкновеннаго, и болѣе пехорошаго, чѣмъ хорошаго:

„Наипаче дѣло удивительно (гласилъ календарь), что въ августѣ мѣсяцѣ четыре планеты, а именно Солнце, Юпитъ, Марсъ и Меркурій во знакъ Льва, то есть въ домъ солнца весьма близко сойдуть, и оное важнѣе, нежели обыкновенные Аспекты, ибо во столѣтъ и больше едва случается, и токмо нѣтъ Сатурна и Венеры притомъ, ибо они на соединеніе сіе гораздо косо смотрятъ, то есть Сатурнъ съ лѣвой, а Венера съ правой стороны въ неправомъ квадратѣ стоятъ. Я о семъ особливо не могу и не хочу изъясненія чинить, но токмо объявляю, что оное нѣчто особенное и важное покажетъ; не мыслю, чтобъ оное векорѣ въ августѣ учинилось, токмо можетъ дѣйство свое во весь годъ пространить, ибо оное есть Солнечное дѣло, того ради окончанія имѣть съ терпѣньемъ ожидать... Сей же годъ болше къ болѣзнямъ, нежели ко здравію склоненъ, а особливо зима и весна... Того ради во многихъ мѣстахъ слышно будетъ:

Многія врата аду стертн
Избави насъ отъ внезапныя смерти;
И даждь въ мірѣ поживши вѣчно,
Во славу твоею быти безконечно! ¹⁾

Оставимъ, однако, календарь, который, на этотъ разъ, совершенно случайно не солгалъ, предсказавъ болѣзни (много переболѣло отъ пытокъ), смерть, общія моленія о ниспосланіи помощи отъ всѣхъ напастей, и послѣдуемъ за Великимъ Петромъ.

15-го декабря 1717 года, государь, росписавъ во всѣ коллегіи президентовъ, поспѣшилъ въ Москву, чтобъ все приготовить для пріема первенца-сына. За нимъ поскакали его приближенные, его деньщики (между ними Иванъ Орловъ). На другой день, съ своею свитою и фрейлинами (между ними была Гампльтонъ) ²⁾, выѣхала

¹⁾ «Календарь или мѣсяцесловъ на лѣто отъ Р. Х. 1718, указующій затмѣнія солнечная, мѣсячная рожденія, и полный мѣсяцъ съ четвертьми... Учиненный по меридіану и ширинѣ царствующаго Санктъ-Петербурха. Въ Санктъ-Петербурхской типографіи. Лѣта Господня 1717 г. Ноябрь. 25-го. Въ 8 д. Это былъ первый изъ ежегодныхъ календарей въ Россіи; онъ былъ уже отпечатанъ въ сентябрѣ 1717 года, и Меншиковъ, при письмѣ, послалъ его къ царю Петру за границу.

²⁾ Пожитковъ у нея было немного. По показанію служанки, Марья Даниловна взяла съ собой въ Москву одинъ только сундукъ съ платьемъ, остальные два съ пожитками оставила на храненіе у Петра Машкова. Показаніе 9-го апрѣля 1718 г. Ыхала Марія Гампльтонъ въ Москву съ нѣскою Устиньей; подъ ея сани давали по пяти лошадей, по

изъ Петербурга Екатерина Алексѣевна. 23-го декабря державные супруги были въ Бѣлокаменной.

Петръ, по словамъ его поденной записки, по прїѣздѣ въ Москву, „сталъ упражняться въ гражданскихъ дѣлахъ“.

Эти „гражданскія“ дѣла состояли въ слѣдствіи и судѣ надъ сыномъ, первой женой, сестрами; десятками вельможъ, именитыхъ духовныхъ, именитыхъ женщинъ и проч.

Въ нѣсколькихъ словахъ, но прекрасно характеризуетъ это страшное время М. П. Погодинъ: „Связаются со всѣхъ сторонъ свидѣтели, участники; допросы за допросами, пытки за пытками, очныя ставки, улики и пошоль гулять топоръ, пилить пила и хлестать веревка!

„Запамятованное, пропущенное, скрытое однимъ — воспоминается другимъ, третьимъ лицомъ на дыбѣ, на огнѣ, подъ учащенными ударами и вмѣняется въ вину первому, даетъ поводъ къ новымъ встряскамъ и подъемамъ. Слышатся еще имена.... Подайте всѣхъ сюда, въ Преображенское!

„Жену, сестеръ, дѣтей, тетокъ, сватовъ, друзей, знакомыхъ и незнакомыхъ, архіереевъ, духовниковъ, — видѣвшихъ, слышавшихъ, могшихъ догадываться.

— „Мы знать не знаемъ, пичего вѣдать не вѣдаемъ!“

— „Не знаете, не вѣдаете! въ застѣнокъ!“

„И мучатся несчастные, стекаютъ кровью, изнываютъ страхомъ и ожиданіемъ. Они взводятъ на себя и на другихъ напраслину, и вслѣдствіе ея подвергаются новымъ пыткамъ по три, по пяти, по десяти разъ!! Въ застѣнокъ!! восклицаютъ неумолимые, остервенѣлые судьи. — Умплосердитесь, посмотрите, — вѣдь въ нихъ не осталось кровинки; потухли глаза, они потеряли все сознаніе, у нихъ пропали всѣ чувства, они не помнятъ уже, что говорить, да ужъ и дыба устала! застѣнокъ шатается, топоръ изступился, кнутъ измочалился.

„А оговаривается людей все больше и больше! Отъ друзей царевича Алексѣя уже очередь доходить до собственныхъ друзей и наперстниковъ царя: князь Яковъ Ѳедоровичъ Долгорукій, графъ Борисъ Петровичъ Шереметевъ, князь Дмитрій Михайловичъ,

столько же впрягали въ сани Анисья Толстой и Анны Паниной. Государыня ѣхала въ саняхъ на шестеркѣ лошадей. См. наказъ Меншикова отъ 14 дек. 1717 г. о заготовкѣ лошадей для проѣзда двора въ Москву. «Русск. Архивъ» 1883 г., кн. V, стр. 8.

князь Михайло Михайловичъ Голицыны, Бауръ, Стефанъ Яворскій, Говъ Новгородскій, митрополитъ Кіевскій, епископы: Ростовскій, Крутицкій, даже князь Ромодановскій, Стрѣшневъ, самъ Меншиковъ подвергаются подозрѣнію!“¹⁾

IV.

Всѣ были встревожены, каждый опасался за себя; ежедневныя розыски, доносы сдѣлали чутье у сыщиковъ необыкновенно тонкимъ. Положеніе Гампльтонъ дѣлалось невыносимо. При пытливомъ надзорѣ за всѣми и каждымъ, возникшемъ въ это ужасное время, преступленіе ея, хотя и не политическое, не могло остаться въ тайнѣ.

Но оно открылось почти случайно. Объ этомъ обстоятельствѣ многіе писатели разсказываютъ различно. Остановимся на этихъ разсказахъ: они легли въ основаніе всѣхъ баснословныхъ вымысловъ о Маріи Вилимовнѣ или Даниловнѣ Гампльтонъ.

„Деньщикъ его величества, Иванъ Михайловичъ Орловъ — такъ повѣствуетъ И. И. Неплюевъ — узналъ объ одномъ тайномъ сходбищѣ, развѣдалъ о людяхъ, составлявшихъ общество, и вечеромъ подалъ государю обстоятельную записку, доносъ, на заговорщиковъ. Великій государь, прочитавъ доносъ, тщательно уложилъ его въ карманъ; онъ былъ занятъ другими дѣлами; карманъ подпоролся и бумага попала между сукномъ и подкладкой.

Ложась спать, государь обыкновенно приказывалъ скрутку класть или къ себѣ подъ подушку, или на стулъ у кровати.

Лишь только Петръ заснулъ, Орловъ, окончивъ дневальство, отправился къ пріятелямъ и прогулялъ съ ними ночь.

Между тѣмъ, по обыкновенію своему, государь проснулся очень рано и захотѣлъ съ свѣжей головой просмотрѣть доносъ; не найдя

¹⁾ По поводу VI-го тома «Исторіи Петра» соч. Устрялова написано было нѣсколько статей. Между всѣми ими занимаетъ первое мѣсто изслѣдованіе М. П. Погодина: «Судъ надъ царевнечей Алексѣемъ Петровичемъ». «Рус. Бесѣда», 1860 г., № 1. Этотъ трудъ въ высшей степени замѣчательнъ и тѣмъ болѣе долженъ быть интересенъ для всѣхъ, что ученый авторъ, тридцать лѣтъ назадъ, перепечатавъ Розыскное дѣло 1718 года, предположилъ ему, въ видѣ догадки, свой взглядъ на весь этотъ ужасный эпизодъ изъ царствованія Петра. Догадка оправдалась, и чрезъ тридцать лѣтъ развита тѣмъ же историкомъ въ рядъ высшей степени самостоятельныхъ взглядовъ... Изслѣдованіе Погодина проливаетъ яркій свѣтъ на Петра, на Екатерину, Меншикова, царевича Алексѣя, его сторонниковъ и судей. Статья эта навсегда останется драгоценнымъ достояніемъ нашей литературы историческихъ изслѣдованій о XVIII вѣкѣ. [1860 г.]

въ карманѣ, заключилъ, что онъ украденъ, и закипѣлъ гнѣвомъ. Приказано позвать Орлова, который раздѣвалъ его; Орлова не нашли. Государь еще болѣе разсердился; повелѣлъ непремѣнно отыскать гуляку-деньщика. Долго не находили гуляку, и гнѣвъ господина достигъ высшей степени... Наконецъ, гонцы открыли Орлова. Не подозрѣвая настоящей причины царскаго гнѣва, деньщикъ подумалъ, что, вѣроятно, государь узналъ о любовной его связи съ камер-фрейлиною Гамильтоновою, любимницею ея величества.

Съ этою мыслию трепетавшій любовникъ вошелъ къ государю. Тотъ былъ въ ярости. Еще болѣе испугавшись, Орловъ палъ на колѣна: „Виновать, государь, взмолился деньщикъ, люблю Марьюшку!“ (такъ звали при дворѣ камеръ-фрейлину). Петръ увидѣлъ изъ мольбы, что Орловъ не воръ бумаги, а кстати и она была найдена деньщикомъ Пospѣловымъ въ подкладкѣ сюртука.

Между тѣмъ признаніе заинтересовало господина, и онъ уже съ покойнымъ видомъ сталъ спрашивать:

— Давно ль ты ее любишь?

— Третій годъ.

— Бывала ли она беременна?

— Бывала.

— Слѣдовательно и рожала?

— Рожала, но мертвыхъ.

Внезапная догадка освѣтила голову прозорливаго монарха; догадка выразилась въ вопросъ:

— Видѣлъ ли ты ихъ мертвыхъ?

— Нѣтъ, не видывалъ, а отъ нея сіе зпалъ, отвѣчалъ трепетавшій Орловъ.

Къ несчастью для любовницы, не задолго предъ допросомъ, при очищеніи нечистотъ, найденъ былъ мертвый младенецъ, обернутый въ дворцовой салфеткѣ; тогда не могли отыскать матери младенца. Изъ отвѣтовъ деньщика царь увидѣлъ, что убійца ребенка ни кто другой, какъ фрейлина Гамильтонова.

Ее зовутъ къ царю. Петръ при любовникѣ спрашиваетъ любовницу. Та заперлась и стала клясться, что невинна. Ее, однако, улпили въ связи съ Орловымъ, послѣ чего заставили сознаться, что она низвела такимъ образомъ уже двухъ младенцевъ.

— Зналъ ли объ этихъ убійствахъ Орловъ? вновь спрашиваетъ государь.

— „Нѣтъ, отвѣчаетъ фрейлина:— Орловъ не зналъ“.

Петръ не повѣрилъ невинности деньщика, велѣлъ его отвести въ крѣпость, а надъ фрейлиною, убійцею пераскаянною (?), повелѣлъ нарядить уголовный судъ“¹⁾.

Голикова разсказъ (со словъ Неплюева) немного представляетъ вариантовъ противъ разсказа Штеллна; послѣдній, разумѣется, служилъ однимъ изъ источниковъ автору „Дѣяній“. Но и эти немногіе варианты должны вызвать наше вниманіе.

„Премудрый російскій законодатель (восьмичаетъ профессоръ отъ аллегоріи) всегда старался показать собою примѣръ строгаго исполненія законовъ. Онъ благоговѣлъ предъ закономъ Божиимъ и былъ къ уголовнымъ преступленіямъ неумолчимъ, особенно, если замѣчалъ, что преступленіе сдѣлано съ намѣреніемъ или отъ злости. Если дѣло касалось убійства, то убійца не долженъ былъ и надѣяться на помплованіе. „Невинно пролита кровь, говаривалъ Петръ, вопіетъ о мщеніи и ненаказанныя убійства угнетаютъ землю.“

„Одна изъ фрейлинъ императрицы (?) Екатерины I-й, именовъ Гамильтонъ“²⁾, вела распутную жизнь и два раза тайно освобождалась отъ беременности. Она такъ умѣла сбывать съ рукъ младенцовъ своихъ, живыхъ или мертвыхъ, что при дворѣ нимало ее въ томъ не подозрѣвали; но въ третій разъ преступленіе не удалось. Умерщвленный младенецъ былъ найденъ и всѣ обстоятельства привели Гамильтонъ въ подозрѣніе. По царскому приказу, она была заключена въ тюрьму, гдѣ и должна была признаться не только въ этомъ, но и въ двухъ прежнихъ убійствахъ“³⁾.

¹⁾ „Дѣянія мудраго преобразователя“, собранъ Голиковъ, т. XV, разсказъ (Неплюева) 82-й: «Правосудіе его величества и уваженіе къ закону Божию», стр. 182—184. Въ «Русскомъ Архивѣ» разсказъ этотъ перепечатанъ съ поправкою лишь слога. «Русск. Арх.» изд. 1883 г., книжка II, стр. 362—363.

²⁾ Составитель газетной статьи о ней справедливо замѣчаетъ, что «Штеллинъ пишетъ правильно: Гамильтонъ. Будучи самъ нѣмецъ, онъ не могъ, подобно русскимъ, коверкать это имя». Но въ той же статьѣ ошибочно обвиняютъ Н. Г. Устрялова въ томъ, что онъ, при чтеніи имени Гамильтонъ въ подлинныхъ бумагахъ, принялъ л за н. «Слѣдовало бы (говоритъ авторъ статьи) прочесть Гамелтова, а не Гамонтова». Но въ подлинномъ дѣлѣ, какъ мы сами убѣдились, Гамильтонъ именно названа Гамионтовою И. Въ чемъ другожъ можно обвинить исторіографа, но за умѣнье его разбирать рукописи и читать корректуры говорятъ десятки лѣтъ, посвященные составленію и печатанію одного тома (см. предисловіе Н. Г. Устрялова къ VI части «Истор. цар. Петра») [1860 г.].

³⁾ Анекдоты Штеллина. Нѣм. изд. 2-е, разсказъ 88-й. Въ русскихъ изданіяхъ первомъ и второмъ (1786 г., стр. 226—227; 1787 г., стр. 275—276) разсказъ этотъ напечатанъ съ выпусками; гораздо полнѣе онъ въ переводѣ, изданномъ въ 1788 г. Москва. Въ 8 д. Въ типогр. компаніи типографской. Разсказъ 87, стр. 247—250.

Вслѣдъ за Штелинымъ и Голиковымъ приведемъ одинъ изъ многихъ вариантовъ, помѣщавшихся въ разныхъ изданіяхъ о царствованіи Петра. Вотъ что говорится, напримѣръ, въ „Anecd. intéress. de la cour de Russie“ (Londres, 1792, t. 2, p. 272—275): „По приказанію Петра, два гренадера наказали батогами шведскую графиню Марью Даниловну Гамильтонъ. Она пользовалась до сихъ поръ особымъ расположеніемъ Петра, но возбудила его гнѣвъ тѣмъ, что стала распускать дурные слухи объ императрицѣ. Донесъ на нее Меншиковъ. Издавна уже имѣя замыселъ (!) о возведеніи на престолъ Екатерины (послѣ смерти Петра), Меншиковъ не пропускалъ ни одного случая, чтобъ отклонить все, что могло вредить Екатеринѣ, и интриговалъ противъ тѣхъ женщинъ, которыя пользовались расположеніемъ Петра. Кромѣ того, существовала особая причина личнаго недоброжелательства Меншикова къ этой иностранкѣ.

„Про нее ходили слухи, что она задушаетъ своихъ дѣтей тотчасъ послѣ родовъ. Но, по неизмѣнно доказательствъ, все ограничивалось толками праздныхъ людей. Однажды она бросила въ колодезь своего младенца, завернутаго въ салфетку изъ дворцоваго бѣлья. Нѣсколько времени спустя, ребенокъ былъ найденъ; находка усилила подозрѣнія противъ графини. Меншиковъ, который до того времени потерпѣлъ положительную неудачу въ волокитствѣ за нею, воспользовался этимъ случаемъ для ищенія и старался обратить подозрѣнія въ достовѣрные факты. Петръ, по наущенію своего любимца, пошелъ къ обвиняемой графинѣ.

— „Это твое дитя нашли?“ спросилъ онъ ее.

„Гамильтонъ не смутилась и отперлась. Меншиковъ предложилъ сдѣлать обыскъ въ ея сундукахъ. Стали рыться, нашли окровавленное бѣлье. Это была важная улика. Она сильно смутила Гамильтонъ и она уже слабо заприралась. Ее арестовали“.

Приведенныхъ разсказовъ вполне достаточно, чтобъ видѣть, какъ разнорѣчатъ они одинъ другому; впрочемъ на ряду съ вымыслами въ нихъ есть и правда: разсказы эти основаны на современныхъ толкахъ и пересудахъ, и въ этомъ отношеніи они для насъ интересны.

Какъ же открылось преступленіе Гамильтонъ, какъ началось роковое для нея слѣдствіе? Отвѣта на эти вопросы поищемъ въ подлинномъ дѣлѣ: „о дѣвѣ Гамонтовой“.

Изъ него мы видимъ, что Орловъ былъ далеко не вѣренъ Марьѣ

Даниловнѣ; въ послѣднее время забывая ее, часто хаживалъ къ генераль-маіоршѣ Чернышевой (Авдотья-бой-баба). Эти частые визиты деньщика къ генеральшѣ сильно огорчали камеръ-фрейлину: она сердилась, просила любовника прекратить свои посѣщенія къ Авдотѣ; наконецъ, чтобъ рѣшительно его утратить, Гамильтонъ рѣшилась на хитрость, кончившуюся для нея самымъ злополучнымъ образомъ.

Увлекаемая ревностью, Марья Даниловна рѣшилась погубить свою соперницу сплетней, одной изъ придворныхъ интригъ, которыя такъ часто удавались другимъ. Она повела дѣло съ того, что вздумала напугать Орлова и тѣмъ отвести его отъ Чернышевой. Зная простоту и недалковидность любовника, Гамильтонъ могла рассчитывать на успѣхъ.

Пришелъ къ ней однажды деньщикъ поутру пить кофе. Марья Даниловна, подъ видомъ строжайшаго секрета, стала ему говорить:

— „Сказывала мнѣ сама государыня-царица о томъ, что одинъ деньщикъ говорилъ съ Авдотьею (Чернышевой) о ней, о царицѣ: кушаетъ-де она воскъ, отъ того у нея (на лицѣ) угри!“

Со страхомъ и любопытствомъ сталъ спрашивать Орловъ имя деньщика, рѣшившагося на столь ужасное преступленіе!... Гамильтонъ не называла преступника. Иванъ Михайловичъ, какъ самъ впоследствии показывалъ, тщетно допытывался многое время объ имени государственнаго преступника¹⁾.

Между тѣмъ, на третій день послѣ утренней бесѣды, Орловъ отправился по какому-то, вѣроятно, царскому порученію.

Въ это время неосторожная камеръ-фрейлина, всѣми силами желавшая выкопать яму своей соперницѣ-генеральшѣ, стала рассказывать княгинѣ Прозоровской, Василию Ржевскому, Баклановскому и друг., что о страсти царицыной ѣтъ воскъ и происходящихъ отъ того на лицѣ ея угряхъ говорили Орловъ съ Авдотьею Чернышевой. Марья Даниловна пустила въ ходъ эту сплетню, какъ сама потомъ сознавалась: „съ сердца, затѣявъ напрасно, того для, что Орловъ часто хаживалъ къ генераль-маіоршѣ Чернышевой, хотя его тѣмъ утратить, чтобъ онъ къ ней, генеральшѣ, часто не ходилъ, понеже она того желала“²⁾.

Сплетня, какъ всѣ сплетни, разошлась чрезвычайно быстро. Когда

¹⁾ Показаніе Орлова 19-го іюля 1718 г.

²⁾ Показаніе Марьи Гамонтовой 19-го іюля 1718 г.

пріѣхалъ изъ командировки деньщикъ, при дворѣ уже много толковали и о немъ, и о Чернышевой, а главное—о царицыныхъ угряхъ, какъ слѣдствіи страннаго кушанья. Услужливые друзья и противницы Гамильтонъ передали Орлову, что камеръ-фрейлина прямо указываетъ на него, какъ на разскащика объ угряхъ. Тотъ страшно испугался. Государыня считаетъ его виновнымъ! его арестуютъ! стануть пытатъ: гдѣ и когда онъ видѣлъ царицу уничтожающею воскъ! допытаются и вымучатъ отъ него признаніе въ небываломъ преступленіи! Всѣ эти мысли, безъ сомнѣнія, должны были осадить недалнюю голову Орлова, и онъ бросился къ Екатеринѣ съ оправданіемъ, думая, что та въ самомъ дѣлѣ что нибудь знаетъ о немъ и о Чернышевой.

Можно представить себѣ, какъ изумился деньщикъ, когда, въ отвѣтъ на его оправданіе и челобитье у ногъ Екатерины, та отвѣчала, что въ первый разъ слышитъ о придворныхъ толкахъ, о воскѣ и угряхъ.

Немедленно призвана Гамильтонъ. Въ страшномъ гнѣвѣ, Екатерина Алексѣевна стала допрашивать. Марья Даниловна заперлась стала клясться, что она никому и ничего не говорила ни о воскѣ, ни объ угряхъ.

Запрательство еще болѣе разсердило допросчицу, имѣвшую, по увѣренію Голикова, „сердце не токмо не злобое, но самое добродѣтельное“. На камеръ-фрейлину посыпались удары... Нѣтъ сомнѣнія, что они были довольно убѣдительны, ибо въ дѣлѣ отмѣчено: „а по битѣѣ, Гамонтова повинилась: затѣяла-де я, по злобѣ на Орлова, напрасно“¹⁾.

¹⁾ Показ. Орлова 19-го іюля 1718 г. Рука у Катерины была необыкновенно сильна и она частыми упражненіями чрезвычайно укрѣпила свои мускулы. Такъ, напримѣръ, 9-го апрѣля 1722 года, на торжественной свадьбѣ графа Головкина съ княжной Ромодановской, между прочими потѣхамъ, царскіе деньщики, по желанію Петра, сплались поднятъ на вытянутой рукѣ большой маршальскій жезлъ государя, но никому этого не удавалось. Государь, зная какъ сильна рука у императрицы, подалъ ей черезъ столъ свой жезлъ. Она привстала и съ необыкновенною ловкостью нѣсколько разъ подняла его надъ столомъ приною рукою, что всѣхъ немало удивило. Берхгольцъ, ч. 2, стр. 180.

Мы не должны изумляться, что этотъ атлетъ женской силы самъ распорядился при допросѣ камеръ-фрейлины. Въ этомъ случаѣ хозяйка являлась только подражательницею хозяину. Лѣтъ двадцать спустя ему же подражала и его племянница, императрица Анна Ивановна. Она лязвила однажды желаніе видѣть русскій танецъ и приказала четыремъ изъ первыхъ петербургскихъ красавицъ исполнить его въ своемъ присутствіи. Мать княгини Дашковой, замѣчательно граціозная плясунья, была въ числѣ этой партіи. Какъ однакожъ онѣ ни желали угодить волѣ госпожи своей, но испуганная ея строгимъ взглядомъ, смѣшались и позабыли фигуру танца. Среди общей суматохи, государыня встала съ креселъ и, приблизившись къ нимъ, съ полнымъ достоинствомъ отвѣсила каждой по громкой пощечинѣ и велѣла снова начпнать, что тѣ и исполнили, чуть живыя отъ страха. См. Записки княгини Е. Р. Дашковой.

Съ неудачнаго (можетъ быть, и справедливаго) сказанія о воскѣ и угрихъ раздражается надъ Гамильтонъ грозная туча. Нѣтъ сомнѣнїя, что камеръ-фрейлина тогда же была посажена въ тюрьму; но дѣятельный монархъ, занятый московскимъ и суздальскимъ розысками по дѣлу первенца-сына, не имѣлъ еще времени обратиться къ изслѣдованію преступленія своей бывшей любовницы.

Первый отдѣлъ, первая часть многочисленныхъ занятій великаго монарха по заговору сына и его сторонниковъ приходила къ концу.

Въ мартѣ 1718 года загорѣлись костры, засверкали топоры, возвысился колъ, воздвигнулись позорные столбы, покатались колеса.... Степанъ Глѣбовъ, епископъ Досноей, Александръ Кикинъ, Ѳеодоръ Пустынный, Ѳеодоръ Дубровскій мучительною смертью избавились отъ дальнѣйшихъ истязаній. Впродолженіи четырехъ дней на большой площади предъ дворцомъ десятки именитѣйшихъ особъ обоего пола сѣчены кнутомъ, другія батогами, и съ вырванными поздырми¹⁾, либо урѣзанными носами, отправлены въ Сибирь²⁾.

Весь дворъ, самъ государь объѣзжалъ мѣсто казни и зоркимъ окомъ слѣдилъ за точнымъ исполненіемъ приговоровъ.

„Ежелибъ подлинно былъ монархъ (говоритъ Голиковъ) напряженъ умертвить сына своего, то не долженъ ли бы онъ былъ заннматься спмъ единымъ только мучительнымъ воображеніемъ? Не долженъ ли бы онъ былъ оставить или, паче, забыть всѣ другія дѣла, кромѣ сего единаго?“ Но нѣтъ, скажемъ мы, дѣятельность государя и его вѣрныхъ слугъ была необыкновенна: въ то время, какъ заканчивался первый актъ драмы, они начинали, между многими дру-

¹⁾ Ихъ вырывать приказано было не иначе, какъ до самой кости. Высочайшій указъ 7-го февраля 1718 г.

²⁾ Оговоренныхъ, пытанныхъ и сѣченныхъ дамъ и дѣвицъ по одному дѣлу Алексѣя и его матери было 26; въ это число не входятъ служанки, монашенки, крылошанки и другія незначительныя лица, имена которыхъ не считали нужнымъ сохранить на бесмертіе; равно и не отпѣтали члена ударовъ, выпавшихъ на ахъ долю. См. наши замѣтки на VI томъ «Исторіи Петра I» въ Русскомъ Словѣ 1860 г., № 1, стр. 39—45. Пытать женщинъ и дѣвицъ было дѣломъ уже обычнымъ. Въ 1698 году ихъ перепытано было множество. Вѣсто длиннаго перечня и разсказовъ, приведемъ нѣсколько строкъ изъ Записокъ Желѣзучаго: «Брали изъ дѣвичья монастыря боярыни и дѣвокъ, и старицъ въ Преображенской, и здѣсь онѣ разспрашиваны, и по разспросамъ пытаны, и на вискѣ Жукова дочь дѣвка родила». (Стр. 125). Жукова была при царевнѣ Марѣ тѣмъ же, чѣмъ Гамильтонъ при Екаторинѣ, то есть камеръ-фрейлиною. Жуковой на двухъ пыжкахъ дано 30 ударовъ; на которой изъ пытокъ она родила—неизвѣстно. Въ 1716 году Петръ постановилъ не пытать беременныхъ женщинъ (Уставъ Воинскій, ч. 2, гл. 6, арт. 10), но оставилъ, впрочемъ, исключенія для государственныхъ дѣлъ.

гими кровавыми изслѣдованіями, слѣдствіе о дѣвкѣ Марьѣ Гамонтовой.

12-го марта 1718 г., въ среду (на память пр. Теофана, какъ гласитъ современный календарь), въ селѣ Преображенскомъ, въ присутствіи государя и государыни, осматривали пожитки Марьи Гамонтовой. При осмотрѣ вынуты алмазныя и прочія вещи ея величества. Спрашивали Марью: откуда у нея тѣ вещи? И она предъ ихъ величествами винилась, что тѣ вещи себѣ крада¹⁾.

Только что кончились казни 14, 15, 16 и 17 чисель, государь съ государыней 18-го марта 1718 г. оставили Москву.

Москва опротивѣла. Дышать здѣсь стало тяжело. Все покрылось мглою, люди шатались какъ тѣни и въ воздухѣ слышался, кажется, смрадъ. Надо было пережѣнить мѣсто, отдохнуть, освѣжиться, и Петръ съ остальными жертвами—страшнымъ поѣздомъ отправился въ Петербургъ для новыхъ розысковъ²⁾.

V.

24-го марта 1718 г. государь въѣхалъ въ С.-Петербургъ, вслѣдъ за нимъ прибыла и государыня.

Петръ занялся государственнымъ дѣлами, поджидая какъ изъ Москвы, такъ и изъ заграницы подвоза лицъ, замѣшанныхъ по дѣлу сына³⁾. Между тѣмъ крѣпость постепенно наполнялась; днемъ и ночью привозили туда новыхъ жителей казачатъ различнаго зва-

¹⁾ Подлинное дѣло. Записка 19-го марта 1718 г. Она оканчивается словами: «Также надобно ее (Гамонтову) разспросить: koliko число ея величества государыни царицы червонныхъ раздала она деньщику Ивану Орлову и прочимъ». Похищеніе драгоценныхъ камней показываетъ, что Марья Даниловна была далеко нечужда страсти къ украшеніямъ драгоценнымъ, страсти, нашедшей мѣсто даже и при дворѣ Петра, отличавшагося возможною простотою. Въ 1721 году петербургскія дамы имѣли великолѣпнѣйшіе наряды и множество брильянтовъ. «Вообще, здѣшнія дамы очень любятъ драгоценные камни, которыми стараются перешеголять другъ друга». Берггольцъ. Ч. I, стр. 193. Ч. II, стр. 72. Драгоценные камни тѣмъ болѣе были въ модѣ, что царскими указами запрещалось носить золото и серебро. Указъ 13-го декабря 1717 г., 19-го дек. 1718 г. и друг.

²⁾ М. П. Погодинъ, стр. 81.

³⁾ О занятіяхъ государя можно видѣть изъ указовъ того времени: доставка припасовъ въ Петербургъ, обмундированіе войскъ, мѣры о непроездѣ за границу («дабы при нынѣшнемъ розыску не ушли кто изъ тѣхъ, которые приличны»), взисканіе пошлянъ, снятіе заставъ, жалованья льготныя грамоты, постройка домовъ въ Петербургѣ — обо всемъ этомъ государь успѣлъ сдѣлать распоряженія со дня приѣзда по 12-е апрѣля. П. С. З., т. V, № 3185 и послѣдующіе.

ніа, состоянія, возраста, пола,—многіе уже истомленные пыткой, двумя, тремя; многіе томящіеся въ страшномъ ожиданіи истязаній...

Покамѣстъ разсаживаютъ привезенныхъ, зайдемъ въ Петропавловскую крѣпость того времени. Она уже двѣнадцать лѣтъ строилась и украшалась каменными постройками, быстро замѣнявшимися временными, деревянными. Если вѣрить иностраннымъ писателямъ—многія тысячи работниковъ перемерли при созиданіи этой государственной темницы.... Съ необыкновенными усиліями созидались шесть громадныхъ башенъ, шесть куртинъ, два рavelина, пять воротъ—все это составляло внѣшнюю ограду Петропавловской крѣпости.

Укрѣпленія противъ финскаго берега въ 1718 г. были уже окончены, и приступили къ передѣлкѣ тѣхъ, которыя выходили на Неву, особенно средняго бастиона и двухъ куртинъ; готовъ былъ угловой бастионъ, выходившій на Неву, къ Васильевскому острову и дворцовой набережной; это былъ раскатъ Трубецкой; здѣсь сидѣли главнѣйшіе арестанты; жилищами ихъ были казематы, въ толстыхъ, массивныхъ каменныхъ стѣнахъ ¹⁾). Внутренность крѣпости занимали: соборная деревянная церковь апостоловъ Петра и Павла ²⁾, провіантскіе и пороховые магазины, аптека, считавшаяся лучшею въ Россіи, домъ для оберъ-коменданта, главная караульня, монетный

¹⁾ «Описание Петербурга» Богданова. 1751 г. Изд. 1779 г. Здѣсь есть много весьма важныхъ ошибокъ; напр., съ 1718 г., по словамъ Богданова, былъ комендантомъ крѣпости (съ 1717 по 1723 г.) полковникъ Чемезовъ, а изъ книги крѣпостной гарнизонной канцеляріи видно, что въ декабрѣ 1717 года комендантомъ съѣланъ гвардіи капитанъ Бахміотовъ, который и замѣстилъ Чемезова. Ошибку Богданова повторилъ, въ 1857 г., Новоселовъ, (стр. 160). Свѣдѣнія о Петропавловской крѣпости, въ первый періодъ ея существованія, можно найти въ прекрасномъ изданіи публичной бібліотеки «Описание Санктпетербурга въ 1710 году», изд. 1860 г., стр. 6—12. Брошюра эта перепечатана въ «Русской Старинѣ». Подлѣ крѣпости площадь Троицкаго собора занята была висѣльницами; здѣсь почти всегда висѣли тѣла, лежали срубленные головы, стояли позорные столбы. Въ самой крѣпости, на нынѣшней площадкѣ, у главной караульни, стоялъ деревянный конь со спицами острыми и цѣпами. Въ нихъ замыкали и сажали на штрафъ. Любопытная статья «Опытъ историческаго изысканія о тюремномъ заключеніи въ Россіи», Собѣщанскаго, помѣщена въ «Москов. Губерн. Вѣдом.» 1849 г., № 31, стр. 26—30 и др. «О Петропавловской крѣпости начала XVIII вѣка», см. въ статьѣ П. П. Пекарскаго «Петербургская старина», «Современникъ» 1860 г., кн. VI, стр. 329, 330, 331 и друг. Есть свѣдѣнія о крѣпости въ соч. С. Новоселова «Каведраальный соборъ Петра и Павла въ Петербургѣ». Спб. 1857. 8 л. Стр. 308.

²⁾ Она была пуста; алтарь, иконостасъ, престолъ и жертвенникъ были перенесены въ близъ лежавшее зданіе, въ которомъ до того времени помѣщалась канцелярія сената, переведенная на Троицкую площадь (Рубанъ, стр. 34, «Москов. Вѣдомости», 1842 г., № 41). Въ слѣдующемъ году стѣны этой церкви были разобраны и перенесены въ солдатскія слободы; постройка же каменнаго собора, начатая въ 1714 году, продолжалась довольно медленно.

дворъ (близъ Трубецкаго, нынѣ Алексѣевскаго рavelина), три караульни, тайная канцелярія. Почти вся эта постройка была въ то время деревянная. Крѣпость раздѣлялась каналомъ, берега котораго усажены были деревьями; церковь стояла (какъ и теперь) на берегу канала; на ея башнѣ, подъ шпиромъ, висѣло нѣсколько колоколовъ; приставленные къ нимъ люди каждый часъ, по голландскому обычаю, разыгрывали небольшую прелюдію, вслѣдъ за нею часы возвѣщались звономъ колокола; за неимѣніемъ механизма, отбивали въ колоколъ часы тѣ же приставленные люди. На валахъ и крѣпостныхъ веркахъ разставлено было до 300 чугунныхъ и мѣдныхъ пушекъ.

Громъ пушечныхъ выстрѣловъ во время праздниковъ, пировъ и при другихъ торжествахъ, оклики часовыхъ по ночамъ, звонъ церковныхъ колоколовъ да заунывный бой часовъ ¹⁾—вотъ единственные звуки, которые проникали къ заключеннымъ и едва-ли приносили пріятныя впечатлѣнія; напротивъ, есть извѣстія, что часовая прелюдія нагоняла страшную тоску на страдальцевъ...

А ихъ начинали свозить, одного за другимъ, подъ стражею, въ кандалахъ, размѣщали по казематамъ.

6-го апрѣля 1718 г., въ вербное воскресенье, въ 9 часовъ вечера, привезли первую партію. Погода была (по увѣренію календаря) студеная. Десять человекъ изъ привезенныхъ колодниковъ: Иванъ Орловъ, вмѣстѣ съ двумя Богдановыми, Глѣбовымъ, Протопоповымъ, Аванасьевымъ, духовникомъ Игнатьевымъ, дьякомъ Воиновымъ, Темиревымъ и Мееромъ, заключены были въ крѣпости. Остальные оставлены, за карауломъ, въ городѣ ²⁾.

Четыре дня спустя, при пушечной пальбѣ, вѣхалъ въ столицу одинъ изъ главнѣйшихъ героевъ кнута и застѣнка—князь-кесарь Иванъ Ѳедоровичъ Ромодановскій.

Въ это же время привезли камеръ-фрейлину Гамильтонъ ³⁾ и нетерпѣливый государь повелѣтъ созволилъ, въ ожиданіи подвоза лицъ по дѣлу царевича Алексѣя, возобновить розыскъ о дѣвкѣ Гамонтовой.

По этому указу, въ среду ⁴⁾, 9-го апрѣля 1718 года, Иванъ

¹⁾ Объ этихъ курантахъ, между прочимъ, см. у Берхгольца, ч. I, стр. 139—141.

²⁾ Записная книга Спб. гарнизонной канц., стр. 605.

³⁾ Есть, впрочемъ, извѣстіе, что она ѣхала изъ Москвы въ отдѣльной повозкѣ въ штатъ государыни.

⁴⁾ На память мученика Евсіхія.

Ивановичъ Бутурлинъ сталъ спрашивать „царскаго величества, по-
сольскаго приказа подьячаго Саввы Терновскаго жену Катерину,
Екимову дочь, а въ разпросѣ Катерина сказала, что „у Марьи
Гамонтовой жила года съ полтора, въ томъ числѣ при ней была
съ полгода, съ Троицына дня 1715 г. по новыи 1716 г.; а съ
годъ безъ нея, тогда, когда она, Марья, была за ея величествомъ
государынею царницею въ походѣ“. За этимъ объявленіемъ служанка
Катерина рассказала, какъ, мѣсяць спустя послѣ прихода изъ Ре-
веля, Марья Гамонтова родила надъ судномъ, какъ задушила ре-
бенка собственными руками, наконецъ, какъ поручила при ней ко-
нюху Семенову выбросить въ кухню тѣло дитяти. Подробности
этого разказа мы уже привели въ своемъ мѣстѣ.

— „А съ кѣмъ Марья того младенца прижила—говорила Кате-
рина—того я не знала; а Ивана Орлова при родахъ не было, былъ
невѣдомо гдѣ въ отлучкѣ; и болѣе помянутаго Орлова я не видала
у Марьи, какъ онъ былъ только дважды у нея (разъ на лѣтнемъ,
да разъ на зимнемъ дворѣ, см. выше). Краденыхъ вещей и Марьи-
ныхъ собственныхъ у меня, Катерины, ничего не имѣется; только
дала мнѣ Марья, во всю бытность у нея, нѣсколько подарковъ ¹⁾...
А больше того отъ ней ничего (я) не видала; а сундуковъ Марьи
было только одинъ красной, большой, обитъ кожею, да баулъ, и
тѣ отдала на сбереженіе Петру Мошкову, да еще послѣ прибылъ
одинъ баулъ тогда, какъ она изъ походу пріѣхала, и тотъ-де баулъ,
помнится, что она взяла съ собою къ Москвѣ, а достальные два
остались у Петра Мошкова; да по бурмицкимъ, небольшимъ зернамъ
дала она, Марья, на серьги двумъ, Варварѣ да Аннѣ, которыя у
нея жили, а иное что давала ли или нѣтъ, про то онѣ сами ска-
жутъ; а ее ли то было, что она имъ раздавала, или государыни
царицы, про то я, Катерина, не вѣдаю“ ²⁾.

Того жъ числа женка Варвара Дмитріева разспрашивана, а въ
разпросѣ сказала, что „служила она у Гамонтовой отъ великаго
поста 1715 года, ходила за ней во время болѣзни ея; видѣла у
нея деньщиковъ и разныхъ дворовыхъ служителей; про ея беремен-
ность ничего не знала; краденыхъ вещей никакихъ у ней, Марьи,
не видывала и не знаетъ, понеже у ней, Марьи, въ то время была

¹⁾ Они переименованы выше, въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ.

²⁾ Подлинное дѣло, докум. 2-й.

казначейшею дѣвка Анна, а она, Варвара, только служила во время болѣзни; кромѣ немногихъ подарковъ Гамонтова ей, Варварѣ, больше ничего не давала“¹⁾).

На этихъ опросахъ дѣло Гамильтонъ приостанавливается до іюня мѣсяца 1718 г. Почему не была спрошена казначейша Анна, почему тотчасъ, по оговорамъ служанокъ, не были отобраны показанія у самой Гамильтонъ—неизвѣстно.

Что касается ея любовника, то изъ книги гарнизонной канцеляріи мы узнаемъ о его переводѣ изъ крѣпости: „20-го апрѣля, въ воскресенье, приведены въ городъ подъ караулъ у господина поручика Котенева: князь В. Долгорукій, Авраамъ Лопухинъ, Ив. Аванасьевъ-большой, Эварлаковъ, Вороновъ, Дубровский, Щербатовъ, Воиновъ и Иванъ Орловъ“²⁾).

Изъ этого списка мы видимъ, что Орлова переводили (для чего?) въ компаніи именитѣйшихъ и главнѣйшихъ преступниковъ; шестеро изъ нихъ, какъ извѣстно, были казнены въ томъ же году лютою смертію.

Конецъ апрѣля, весь май и іюнь 1718 г. проведены Петромъ въ занятіяхъ по дѣлу первенца-сына³⁾).

Орловъ, Гамильтонъ и немногіе изъ причастныхъ къ ихъ дѣлу лицъ томительно ждали своей очереди...

¹⁾ Подлинное дѣло, док. 3-й.

²⁾ Стр. 608.

³⁾ Какъ исключительно занять этимъ былъ государь, можно видѣть, между прочимъ, изъ того, что со 2-го апрѣля по 21-е іюня 1718 г. издано было только 21 указъ, между тѣмъ какъ въ обыкновенное время указы издавались почти каждый день. Изданные теперь указы касались постройки гребныхъ и парусныхъ судовъ, доставки матчевыхъ деревьевъ, пенки, присылки изъ канцелярій вѣдомостей, о сочиненіи регламента коллегіямъ по шведскому уставу, о хлѣбныхъ запасахъ въ Спб., о должности команданта, конвенціи съ прусскимъ дворомъ, объ устройствѣ юстиц-коллегіи, устройствѣ судебныхъ мѣстъ по шведскому образцу (съ 9-го по 25-е мая не вышло ни одного указа). Инструкція генерал-полицій-мейстеру въ Спб. (въ 9-мъ пунктѣ ея, между прочимъ, было сказано: «въ подозрительные дома, а именно: шники, зернъ, картежная игра и другія пахобства—о нихъ подавать извѣсти, и все велѣть осматривать, дабы всѣ таковыя мурзости, отъ чего всякое зло и лихо происходитъ, были испровергнуты»). Мая 26-го: Объ описаніи имущества за ввны въ казну. Іюня 2-го: Грозный указъ президентамъ коллегій о скорѣйшемъ и точнѣйшемъ вершеніи дѣлъ. 11-го: О мундирныхъ канцеляріяхъ. О сводѣ шведскаго регламента съ русскимъ. О жалованьи служителямъ коллегіи. Іюня 17-го приказано вскрывать въ почтовомъ вѣдомствѣ тѣ письма, которыя приходятъ на имя чужестранныхъ министровъ, такъ какъ въ этихъ конвертахъ были нѣкоторыя подозрительныя письма къ подданнымъ его величества, къ знатымъ нѣкоторымъ особамъ, которыя для нѣкоторыхъ государственныхъ дѣлъ и погрѣшенія противъ его величества, заарестованы, и съ ними по справедливости и по розыску поступаетъ... 18 іюня: О чистотѣ Спб. 19 іюня: О назначеніи фискаловъ изъ небогатыхъ купцовъ. П. С. З. томъ V, № 3193—3211.

† 1719 г.

19-го Іюня 1718 г. государь, по словамъ гарнизоннаго журнала, наки прибылъ въ крѣпость; его сопровождали, по обыкновенію, князь Меншиковъ, адмиралъ Апраксинъ, князь Яковъ Долгорукій, генералъ Бутурлинъ, Толстой, Шафировъ и прочіе; учиненъ былъ застѣнокъ. Работа продолжалась часъ. Между прочими истязанными въ это время, бывшему наслѣднику Россійскаго престола, царевичу Алексѣю Петровичу, дано въ сей день — двадцать пять ударовъ кнutomъ ¹⁾).

Весьма вѣроятно, что при этомъ съѣздѣ государь повелѣлъ приступить къ дѣлу Гамильтонъ; по крайней мѣрѣ, изъ собственноручной помѣтки (руки Макарова) на черновыхъ допросныхъ листахъ (18-го марта и 9-го апрѣля) служанки Гамильтонъ видно, что бумаги эти переданы 18 и 19 іюня Андрею Ивановичу Ушакову и Петру Андреевичу Толстому ²⁾).

VI.

Въ субботу, 21-го іюня (память мученицы Іуліаны), день былъ солнечный и жаркій. Въ природѣ все было такъ весело и чудно; роскошная Нева спокойно катила свои волны, омывая подножіе крѣпостныхъ валовъ... но невесело было за этими валами. Въ канцеляріи тайныхъ розыскныхъ дѣлъ Петръ Андреевичъ Толстой и Иванъ Ивановичъ Бутурлинъ допрашивали камеръ-фрейлину Марью Гамильтонъ, въ „дѣлѣ“ о ней уже попросту именованной: дѣвкой Марьей Гамонтовой.

Марья Даниловна винилась, что, „будучи при государынѣ царичѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ, вещи и золотые (червонцы) крада, а что чего, порознь не упомянуть, а явно то, что у ней, Марьи, вынято“.

Камеръ-фрейлинка сознавалась, что изъ краденыхъ червонцевъ дала Ивану Орлову 300, да кое-что изъ своихъ собственныхъ вещей ³⁾); кромѣ же его, „никому изъ тѣхъ вещей не давала; ребенка при-

¹⁾ Н. Г. Устряловъ: «Исторія царствованія Петра Великаго», томъ VI.

²⁾ 20 іюня вышло два указа: 0 забираніи подъ караулъ празднующихся людей и проч. и 0 помѣжъ нищихъ: вторично-пойманнаго нищаго приказано было «бить нещадно кнutomъ и посылать на каторгу, бабъ—въ шпингаусъ, а ребятъ, бивъ батоги, посылать на суконный дворъ». Въ этотъ же день въ крѣпости вновь чиненъ застѣнокъ.

³⁾ См. выше, гдѣ приведены подробности сего показанія.

жила она съ нимъ, Иваномъ, и родила; а притомъ и помянутая женка была; и того ребенка не давливала, и родила надъ судномъ, который въ то судно выпалъ, и стала безпамятна. И та женка ее съ того судна подняла и положила на постель; а тотъ ребенокъ остался у той бабы; а какъ она пришла въ память, въ то время та женка ей того ребенка подносила, который былъ чуть живъ, и былъ у ней же, женки, и потомъ сказала, что онъ уже умеръ, и она-де, Марья, сказала ей, чтобъ отнесла куды. А Катерина сказала, что уже она то сдѣлаетъ, и понесла вонъ, и гдѣ дѣвала, не знаетъ.

„А ей жонкѣ Катеринѣ, что она разспросомъ своимъ показала и Варварѣ и Аннѣ, то все давала она свое и до родинъ, и послѣ родинъ, а не изъ вышеупомянутаго, и больше того брюхата не бывала.

„И того жъ числа дана дѣвкѣ Марьѣ съ женкою Катериною очная ставка.

„А съ очной ставки сказали:

„Женка Катерина уличаетъ, что конѣчно младенца задавила Марья такимъ образомъ, какъ она родила надъ судномъ: засунула тому младенцу палецъ въ ротъ и подняла его (младенца) и придавила.

„А дѣвка Марья сказала, что того младенца задавила она, и въ томъ, и во всемъ вповсѣта“.

Это страшное признаніе, безъ всякаго сомнѣнія, было вызвано у Марьи не столько уликой служанки, сколько угрозой слѣдователей предать ее пыткѣ.

Фрейлина призналась; казалось бы, и достаточно; но нѣтъ, для любознательныхъ Петра Андреевича и Ивана Ивановича мало сего признанія.

— „Вѣдалъ ли объ убійствѣ дитяти любовникъ твой, Иванъ Орловъ?“

Та отвѣчаетъ: „не вѣдалъ“.

Слѣдователи не вѣрятъ; такъ или иначе, дѣло не можетъ обойтись безъ пытки, и вотъ секретарь въ застѣнкѣ пишетъ:

„Того жъ числа, дѣвка Марья съ виски сказала: что младенца задавила она, а Ивану Орлову о томъ, что брюхата, сказывала и что бросила младенца мертваго, и сказала, что онъ ушибся; а о томъ, что задавила, не сказывала.

† 1719 г.

„А Иванъ Орловъ приведенъ въ застѣнокъ, и на очной ставкѣ съ Марьєю сказала: что онъ съ нею, дѣвкой Марьєю, жилъ блудно, и что она младенца родила и бросила мертвого, о томъ онъ отъ нея не слышалъ, и она ему не сказывала, а онъ-де ей говаривалъ: когда родить, чтобъ она ему о томъ сказала. А триста червонныхъ она ему дала и сказала, что ея, а не государыни-царицы“.

Въ канцелярію тайныхъ розыскныхъ дѣлъ пріѣхалъ царь Петръ Алексѣевичъ ¹⁾. Въ присутствіи его царскаго величества допросъ сдѣлался оживленнѣе. „Дѣвкой Марьєю стали розыскивать.

„А съ розыску сказала: что она Ивану Орлову ни о чемъ томъ (то есть объ убійствѣ) не сказывала и лекарство принимала собою, а Орлову о томъ и ни о чемъ не сказывала; а у государыни-царицы вещи крада она, и о томъ сказала то же, что и въ разспросѣ своемъ.

„Дано ей, камеръ-фрейлинѣ двора ея величества, пять ударовъ“ ²⁾.

Скажи она одно противъ Орлова слово, и этотъ любовникъ былъ бы вздернуть на дыбу: кнутъ, да огонь пошли бы въ дѣло.

Впрочемъ, самое дѣло шло очень медленно; жалѣлъ ли царь Петръ красавицу, либо исподоволь хотѣлъ изслѣдовать трагическое событіе, только камеръ-фрейлину Гамильтонъ оставили оправляться отъ первой пытки...

26-го іюня 1718 г. скончался царевичъ Алексѣй. Его похороны, пиры и пьянство при спускѣ кораблей, разсылка нѣкоторыхъ арестантовъ, допросы остальныхъ, занимаютъ время. Этого времени хватаетъ и на то, чтобъ тщательно просматривать списки пытаныхъ и отмѣчать нѣкоторыхъ на новыя истязанія.

Такимъ образомъ, 5-го іюля 1718 г., слушавъ у себя на дворѣ

¹⁾ Что онъ былъ при допросѣ и пыткѣ Гамильтонъ, о томъ свидѣтельствуетъ Орловъ въ показаніи 30-го авг. 1718 г. (См. ниже). Въ журналѣ гарнизонной канцеляріи, далеко неполномъ, о 21, 22, 23 числа іюня 1718 г. ничего не сказано. Стр. 612—613.

²⁾ Подлинное дѣло, 4-й документъ. Великій монархъ начерталъ въ воинскомъ уставѣ цѣлую главу (ч. II, гл. 6) о разспросѣ съ пристрастіемъ и о пыткѣ. Показывая зачастую лично примѣры производства пытки на практикѣ, государь предлагалъ такимъ образомъ и теорію. Руководствуясь ею, слѣдователи должны были особъ, которыя къ пыткѣ приводятся, разсмотрѣть, и, усмотря, твердыхъ, бестыдныхъ и худыхъ людей пытать жестокае, тѣхъ же, кои деликатнаго тѣла и честные суть люди, легче; и буде такой пытки довольно будетъ, то не надлежитъ судѣ его приводить къ большому истязанію. Притомъ же надлежитъ судѣ у пытки быть осторожну, чтобъ, усмотря подобіе правды, онаго тѣла, котораго пытаетъ, истязаніемъ не озлобить... (то есть, не сдѣлать нечувствительнымъ). Съ этою же цѣлью судья долженъ былъ выжидать, пока болѣзнь минется у пытаннаго разъ, чтобъ паки и паки—пытать.

докладную выписку о колодникахъ, царь Петръ, между другими высочайшими резолюціями, указалъ: „деньщика Орлова прислать за карауломъ на Котлинъ островъ; а Гаментову пытать вдрюгорядъ. И буде въ другомъ розыску скажетъ тожь, что и въ первомъ, а на Орлова ничего не покажетъ, и онаго Орлова сослать на каторгу на время безъ наказанія. Оригиналы (то есть бумаги) всѣ отдать въ посольскій приказъ и поставить ¹⁾ ихъ въ крѣпкую казарму“.

Вскорѣ послѣ этихъ резолюцій, въ началѣ іюля, мы видимъ Петра въ морѣ, во главѣ эскадры изъ 23 линейныхъ кораблей ²⁾. 19-го числа, въ субботу, онъ былъ въ Ревелѣ; между тѣмъ, въ С.-Петербургѣ, Иванъ Орловъ подалъ своимъ слѣдователямъ своеручное письмо, въ которомъ рассказывалъ приведенныя уже нами подробности о томъ, какъ фрейлина Гамильтонъ сочинила, будто одинъ деньщикъ съ Авдотьею (Чернышевой) говорилъ про царицу, что она-де кушаетъ воскъ, и оттого на лицѣ угри; какъ слухъ этотъ разнесся при дворѣ; какъ, испуганный этимъ, онъ кинулся съ оправданіемъ къ Екатеринѣ Алексѣевнѣ и та съ битьемъ стала спрашивать Марью Даниловну.

По письму деньщика, въ тотъ же день Скорняковъ-Писаревъ допрашивалъ камеръ-фрейлину. Она подтвердила обвиненія любовника, пояснивъ, что говорила и о воскѣ, и объ угряхъ, ссылаясь на Чернышеву, съ тѣмъ, чтобъ отвадить отъ нея Орлова ³⁾. Государь все еще былъ въ морѣ, либо въ портахъ, занятый ходомъ переговоровъ о мирѣ на аландскомъ конгрессѣ; въ Петропавловской же крѣпости розыски продолжались.

Во вторникъ, „августа 5-го 1718 г., какъ значитса въ подлинномъ дѣлѣ, ею же, дѣвкой Марьею Гаментовою, розыскивано:

„А съ розыску сказала: блудно-де жила съ Иваномъ Орловымъ и брюхата была трижды; двухъ ребенковъ она вытравила лекарствами, которыя брала отъ лекаря государева двора“ и т. д.

¹⁾ Подлинное дѣло, 5-й документъ.

²⁾ Съ 22-го іюня по 17-е августа 1718 г. вышло только девять указовъ; они относились къ корабельному дѣлу, обмундированію войскъ, о жалованьи ихъ, о недѣланіи парчей, о дорожныхъ: №№ 3214—3223. П. С. З. т. V. Кстати замѣтить, что первое собраніе указовъ Петра, впрочемъ, только съ 1714 по 1725 г., издано было въ 1739 году, 4 д. Спб. Въ это изданіе не вошло и трети тѣхъ указовъ; которые напечатаны въ П. С. З. Любопытно знать, чѣмъ руководствовались составители перваго собранія при выборѣ указовъ для печати? См. также Словарь юридическій Мих. Чулкова. М., 1792. Ч. II, стр. 328—335.

³⁾ Устряловъ, т. VI, стр. 545.

Показанія эти намъ уже извѣстны: Марья Даниловна, повинившись въ томъ, что вытравила двухъ и третьяго ребенка придавила, все-таки не взводила на любовника обвиненія, будто бы онъ вѣдалъ объ убійствѣ.

— „А у государыни царицы, заключала настоящій отвѣтъ камеръ-фрейлина, червонцы и вещи крала, а сколько чего покрала, и то все у меня вынута, а Иванъ Орловъ о томъ не вѣдалъ же“.

Такимъ образомъ, она совершенно выгораживала его изъ отвѣта. Слѣдователямъ не могло это нравиться: по ихъ обязанности, они долгомъ считали вымучить что нибудь новое.

„Дѣвкѣ Гамонтовой (камеръ-фрейлинѣ высочайшаго двора ея царскаго величества) дано (вторично) пять ударовъ“¹⁾.

Насколько молчалива была Гамильтонъ, настолько былъ говорливъ вполне оробѣвшій ея любовникъ. Въ день второй пытки камеръ-

¹⁾ Подлинное дѣло, 6 н докум. Въ исторіи тайной канцеляріи петровскаго времени, если только мы ее дождемся, было бы необходимо обратить большое вниманіе на роды пытокъ, ихъ происхожденіе въ Россіи, указать случаи и обстоятельства, при которыхъ онѣ производились, ихъ историческій ходъ сквозь законы всѣхъ временъ до самаго уничтоженія; при этомъ черпая матеріалы изъ подлинныхъ дѣлъ, нельзя будетъ оставить безъ вниманія немногія печатныя извѣстія о пыткахъ. Укажу на нѣкоторые источники: Судебникъ изд. 1786 г., стр. 59, 60, 61, 264. О л е а р і й въ главѣ IV, о нрав. русскихъ; въ главѣ X о Лже-Шуйскомъ. Г е р б е р ш т е й н ѣ во многихъ мѣстахъ; А н е к д о т ы въ XVIII вѣкѣ. Подъ этимъ заглавіемъ Н. В. Калачовъ напечаталъ въ своемъ журн. «Архивъ» 1859 г., кн. 4-я, стр. 1—22, чрезвычайно любопытныя дѣла судныя петровскаго времени. Между ними особенно любопытенъ разсказъ объ очистительной пыткѣ 1717 г. К о т о ш и х и н ѣ, изд. 1859 г., стр. 85, 94, 95, 96. 98. К о р б а дневникъ на лат. языкѣ 1699 г., отрыв. на французскомъ, изд. 1859 г. У К а р а м з и н а о пыткѣ до Петра: т. VI, стр. 219, примѣч. 609. VII, 123. VIII, 11. IX, 264—270. X, 91, 118, 142. XII, 62, 69, 87, 180, 198. Б о л т и н а, примѣч. на Леклерка 1788 г., т. I, стр. 326—327. У л о ж е н і е изд. 1779 г., стр. 251, 252, и друг. М а р ж е р е т а записки, ч. III, стр. 78. Ж е л я б у ж с к і й 1845 г., стр. 26, 101, 126, 144, 277. В н ѣ л ѣ о е ж к а т. II, стр. 261—262 и друг. Ш т е л и н ѣ 1787 г., стр. 178—181. Б е р х г о л ц ѣ ч. 2, стр. 43; ч. 3, стр. 248. Ч у л к о в ѣ, Слов. юрид. 1792 г., т. I, стр. 241, 410, 571, 572, 573, 574—577. П. С. З. до Александра 1-го. М а л ь г и н ѣ: Опытъ описанія стар. суд. мѣсть въ Россіи 1803 г., стр. 81—83. Г у л а е в ѣ: Росс. уголов. право 1826 г., стр. 24—27. С н е г и р е в ѣ: Русск. послов. 1831 г., ч. 3, стр. 187—200. Ш и х м а т о в ѣ, Похв. слово Александру I, 1831 г., стр. 23 и 106. Записки Д а ш к о в о й, стр. 271. Родословная Г о л о в и н ы х ѣ 1847 г., стр. 53—54. У с т р я л о в ѣ, т. 2, 3, 6. П о г о д и н ѣ, Судъ А л е к с ѣ я, (къ статьѣ приложенъ планъ Преображенскаго). Подробности о селѣ у Р а т ч а, Воен. Сбѣрн. 1860 г., № 1. Г о л и к о в ѣ, т. VI, стр. 338—470; т. XIII, стр. 278—366 и друг. Въ Чтеніяхъ 0 б щ. Исторіи 1858—1859 гг. помѣщены чрезвычайно замѣчательныя разсужденія о смертной казни и пыткахъ кн. М. М. Щ е р б а т о в а, Завадовскаго и друг. 1860 г. кн. I, стр. 47, 48, 63—71. Одинъ изъ послѣднихъ героевъ допросовъ съ пристрастіемъ Шинковскій ум. въ 1794 г. мая 12-го. (См. Описаніе Алекс.-Невской Лавры соч. П о п о в а 1842 г., стр. 111). Марья праху твоему, Степанъ Ивановичъ, какъ кажется, послѣдній по долгу службы и охотѣ подвижникъ внута и за-стѣника!
(1860 г.)

фрейлины онъ написалъ длинное письмо, которое, за неимѣніемъ болѣе существенныхъ фактовъ, наполнилъ обстоятельнымъ разсказомъ о томъ, какъ и гдѣ въ Голландіи онъ былъ пьянъ, бранился съ Марьею, называлъ ее б.....; какъ, по приказу Пигера-инженера, писалъ, протрезвясь, грамотки, прося извиненія у обруганной; какъ велпчалъ онъ ее, вновь напившись, к....., и бивалъ; писалъ Орловъ и о щупаньи живота Марьи въ Ревелѣ, приводилъ свои пытливые распросы о тугости живота и ея уклончивые отвѣты. Затѣмъ далъ подробный отчетъ о сплетняхъ деньщиковъ и бабъ при дворѣ, по возвратѣ въ Спб.; о беременности Марьи, о судьбѣ ея ребенка. Въ заключеніе письма, Орловъ говорилъ о необходимости:

— „Чтобъ у Марьи спросить при другихъ про Александра подьячего, про Семена Маврина, что они съ нею жили, также какъ и онъ. И больше думалъ я про робять, что не было у ней отъ множества; а что сперва онъ, Орловъ, потанлъ отъ царскаго величества, то опасался другихъ причинъ, и хотѣлъ все на себѣ снести, не вѣдая у ней робять; а ежели въ нихъ будутъ заператься, также и они, чтобъ у нихъ взять за ихъ руками письмо“¹⁾.

Изъ этого письма видно, какъ малодушенъ былъ Иванъ Михайловичъ Орловъ. Въ виду любовницы, сносившей мужественно не однѣ угрозы, но и кнутъ, онъ, въ безпамятствѣ отъ страха, лгалъ, какъ увидимъ ниже, на нее, оговаривалъ и другихъ лицъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что донесенія объ этихъ допросахъ и отвѣтахъ отсылались къ царю Петру²⁾, да и вторичная пытка камеръ-фрейлины совершена была съ высочайшаго разрѣшенія. Государь, повидимому, весь отдавшійся морскимъ эволюціямъ, нашелъ, однако, время обнародовать любопытный указъ 18-го августа 1718 г., въ силу котораго во всей Россіи запрещалось писать какія-либо запершия письма; этимъ указомъ монархъ давалъ обширное поле для фискальныхъ изслѣдованій и застѣночныхъ розысковъ. „Причина сего указа, догадывается Голпковъ, заключалась въ томъ, что тайные злоумышленники, соучастные дѣлу царевича, выпускали въ народъ возмутительныя письма, ко вреду высокой монаршей чести; и кодь сіе должно (было) быть чувствительно трудящемуся неусынно о благѣ отечества монарху!“³⁾.

Чувствительный царь Петръ Алексѣевичъ спасалъ свою честь

¹⁾ Подлинное дѣло, 7-й докум.

²⁾ О его развѣздахъ въ то время см. Поденную записку, пзд. 1772 г., ч. II, стр. 62—70.

³⁾ Дѣянія, т. VII, стр. 143.

симъ указомъ; не менѣ чувствительный деньщикъ Иванъ Михайловичъ неуспѣшно хлопоталъ о своей: ему очень не хотѣлось познакомиться съ виской и кнутаомъ, и ради сохраненія спины, онъ вновь подалъ, въ среду 20 августа 1718 г., своеоручное письмо; а въ немъ написалъ:

— „Въ первомъ письмѣ я написалъ про Родивона Кошелева, что онъ посмѣялся Алабердѣеву про Марью, будто она съ нимъ, Орловымъ, сдѣлала брюхо, и то неправда; онъ ему такъ не смѣвался, и отъ другихъ я, Орловъ, такихъ рѣчей не слышалъ; только я слышалъ про этотъ смѣхъ отъ Алексѣя Юрова, а про то не знаю отъ кого онъ слышалъ; сказалъ мнѣ, что Алабердѣевъ съ Кошелевымъ побранился и я, Орловъ, спросилъ: за что? И онъ сказалъ: посмѣялся ему Марьею, тѣмъ ребенкомъ, который явился у фонтана, а я сказалъ: вѣдь ты слышалъ, не про нее говорить“.

Орловъ, какъ извѣстно, допрашивалъ, вслѣдствіе этихъ слуховъ, свою любовницу, и та его увѣрила, что никакого убійства не было. „А на то я не могу прямо написать, заключалъ свое письмо деньщикъ, не могу и упоминать: какъ ее (камеръ-фрейлину) спрашивалъ, или такъ, какъ въ семъ письмѣ писалъ, или можетъ быть, что и убитымъ (ребенкомъ) помянулъ, и въ томъ пусть ее спросятъ, можетъ быть, что она лучше помнитъ; при другихъ ее никогда не спрашивалъ, и отъ другихъ не слыхивалъ.“

„И притомъ прошу себѣ милостиваго помилованія, что я въ первомъ письмѣ написалъ лишнее; когда мнѣ приказали написать, и я со страху, и въ безпамятствѣ своемъ написалъ все излишнее; клянусь живымъ Богомъ, что всего въ письмѣ не упомяну, и ежели мнѣ въ этомъ не повѣрятъ, чтобы у тѣхъ спросить, того не было.“

„И про другихъ (Алабердѣева и Маврина) я написалъ, будто съ Марьею жили, то я мнилъ; однакоже, забывъ то, когда при царскомъ величествѣ былъ розыскъ и она меня въ ту пору оговорила; и на свидѣтельство меня приводили, и тогда ее изволилъ спрашивать Иванъ Ивановичъ (Бутурлинъ), и она сказала, что кромѣ меня никто (у нея любовникомъ) не былъ.“

„А что-де я въ первомъ письмѣ написалъ про нихъ дерзновенно, то въ безпамятствѣ своемъ забывъ. И нынѣ на то свидѣтельства вѣрнаго не имѣю, что они жили съ Марьею блудно“¹⁾.

¹⁾ Подлинное дѣло, 8-й документъ.

Слѣдствіе и изслѣдованіе настоящимъ письмомъ Орлова кончилось; по крайней мѣрѣ мы не имѣемъ извѣстій о новыхъ допросахъ, да едва ли они и были; оставалась развязка любовнаго романа—казнь преступницы.

Но Петръ не слѣшилъ ея. Сентябрь, октябрь и весь почти ноябрь 1718 г. ¹⁾ прошли для Марьи Даниловны въ томительномъ ожиданіи своей судьбы. Надежда на помилованіе ее не оставляла.

Пользуясь этимъ временемъ, рассмотримъ тѣ законы и постановленія, которые имѣли отношеніе къ ея преступленію, и которые могли быть приняты къ свѣдѣнію при пропзнесеніи окончательнаго надъ ней приговора.

VII.

Въ Судебникѣ царя Ивана Васильевича сказано: „А которой отецъ или мать убьетъ сына или дочь до смерти, и отцу за то или матери сидѣть въ башнѣ въ городѣ годъ и шесть недѣль, и послѣ того приходити къ соборной церкви и постъ держати, и грѣхъ свой объявляти предо всѣми людьми“.

Этой статьѣ соотвѣтствуютъ въ древнихъ юридическихъ памятникахъ слѣдующія:

Въ Градскомъ законѣ, гл. 48, стр. 35: „Убивай восходящаго по роду или входящаго, или сродника, огневи преданъ будетъ“.

Въ Литовскомъ статутѣ, ред. 1558 г., разд. XI, арт. 7 оконч.: „А если бы се трафило родичомъ дитя свое забити не съ пригоды, а ни за вину, але умыслне, тогда таковой отецъ и matka

¹⁾ Съ 28-го августа по 20-е ноября 1718 г. вышло девятнадцать указовъ; они относились до управленія юстиц-коллегій, наблюденія чистоты въ Спб., о работахъ Ладожскаго канала, о пошлинахъ съ судовъ и другихъ предметовъ; именной указъ 2-го октября о пріѣздѣ президента въ коллегію два дня въ недѣлю и о точномъ вершеніи дѣлъ: «чтобъ (при этомъ) лишнихъ словъ и болтанья не было, но то время ни о чемъ иномъ, только о настоящемъ говорить; также кто станетъ говорить рѣчи, другому не перебивать, но дать окончить, и потомъ другому говорить, какъ честнымъ людямъ надлежитъ, а не какъ бабамъ торговкамъ». 9-го октября дана инструкция Ижевскому о положеніи всѣхъ раскольниковъ въ окладъ. «Слышу, писалъ государь, что которые раскольники за значными людьми живутъ, и съ тѣми слабо поступаешь, чего берегись!» Указъ о присылкѣ работниковъ съ юга Россіи въ Спб. и на Ладожскій каналъ; объ учрежденіи духовной коллегіи, о сборѣ рекрутъ и проч. П. С. З. т. V, №№ 322А по 3242. Мы говоримъ объ этихъ указахъ только потому, что во все это время розыскъ и судъ надъ сторонниками царевича Алексѣя продолжались; 1718-й годъ былъ не совсѣмъ обыкновеннымъ въ жизни Петра, почему и любопытно, въ параллель, указывать на постановленія, касавшіяся всей Россіи.

мають быти каранн за тоє годъ и шесть недель на замку нашемъ седети у вежи; а выседевши годъ и шесть недель, маєть еще до году чєтыри кратъ при церкви, при костеле якого на боженства христіянського будєть покутовати и визнавати лъвнїй грєхъ свой передъ всими людми собранья христіянського "... 1).

Въ Уложеніи 1649 года, глав. 22, ст. 3: „А будєть отецъ или мати сына или дочь убїєтъ до смерти, и ихъ за то посадити въ тюрьму на годъ, а отсидѣвъ въ тюрьмѣ годъ, приходити имъ къ церкви божиї и у церкви божиї объявляти тотъ свой грѣхъ всѣмъ людємъ въ слухъ; а смертію отца и матери за сына и за дочь не казнити“ 2).

Такого рода снисхожденіе къ убійцамъ въ то время, какъ во всѣхъ остальныхъ случаяхъ убійцы наказывались лютою смертію, достаточно объясняется общимъ положеніемъ родителей въ древней Руси и правами ихъ относительно дѣтей... Обстоятельства эти до такой степени пзвиняли дѣтоубійство, что его считали скорѣе грѣхомъ, нежели нарушеніемъ чьихъ-либо правъ, тѣмъ менѣе дѣтскихъ.

Но снисхожденіе относительно родителей-убійць дѣтей законныхъ вовсе не распространялось на убійць незаконныхъ дѣтей. Въ Уложеніи сказано (гл. 22, статья 26): „А будєть которая жена учнєть жити блудно и скверно, и въ блудѣ приживєть съ кѣмъ дѣтей, и тѣхъ дѣтей, сама или иной кто, по еѣ велѣнью, погубитъ; а сыщєтца про то допряма, и такихъ беззаконныхъ женъ, и єто, по еѣ велѣнью, дѣтей єе погубитъ, казнитъ смертію безо всякія пощады, чтобъ на то смотря, инєе такова беззаконнаго и сквернаго дѣла не дѣлали, и отъ блуда унялися“.

Объясненіемъ столь строгаго наказанія за убійство незаконныхъ дѣтей съ одной стороны можетъ служить меньшая степень родительской власти матери, а съ другой особая цѣль, которую и прєслѣдовало тогдашнее законодательство: „чтобъ на то смотря, инєе таково беззаконнаго и сквернаго дѣла не дѣлали, и отъ блуда унялися“.

Вотъ чтò пишєть современникъ о казни надъ таковыми женщи-

¹⁾ Дополн. статьи къ «Судебнику» царя Ивана Васильевича, изд. А. Ф. Бычковымъ, въ Арх. ист. юридич. свѣдѣн. П. В. Калачова кн. II, отд. III, стр. 83, 84, 116, 117.

²⁾ Уложеніе изд. 1737 г., стр. 235, 239. Свѣдѣнія объ оригиналѣ его помѣщены въ «Архивѣ» Калачова кн. I, изд. 2-е, стр. 1—20. Въ томъ же журналѣ 1859 г., кн. 3-я, стр. 60—104, помѣщена ученая статья г. Колосовскаго: «Възнєніє смертоубійства, по уложенію царя Алексѣя».

наш-преступницами: „Женскому полу бывають пытки такія жъ, что и мужскому полу, окромѣ того, что на огнѣ жгутъ и ребра ломають. А смертныя казни женскому полу бывають за богохульство и за церковную татьбу, за содомское дѣло жгутъ живыхъ; за чаровство и за убійство отсѣкають головы; за погубленіе дѣтей (незаконныхъ) и за пныя такія жъ злыя дѣла живыхъ закапываютъ въ землю, по титки, съ руками вмѣстѣ, и отоптываютъ ногами, и оттого умирають того жъ дня или на другой... А которые люди воруютъ (то есть имѣють связь) съ чужими женами и съ дѣвками, и какъ ихъ пзываютъ, и того жъ дни, или на иной день обѣихъ, мужика и жонку, кто бѣ таковъ ни былъ, вода по торгамъ и по улицамъ вмѣстѣ нагихъ, бьютъ кнутомъ“¹⁾.

Разсказъ Котошихина вполне показываетъ, какъ строго выполнялись на практикѣ статьи „Уложенія“.

Въ „Артикулѣ Воинскомъ“, составленномъ Петромъ въ 1716 году, вся 20-я глава, въ двѣнадцати статьяхъ, отведена для законовъ „о содомскомъ грѣхѣ, о насиліи и блудѣ“.

Какъ ни строги положенныя въ нихъ наказанія, но уже можно видѣть вліяніе духа времени и собственнаго темперамента великаго Петра. Въ толкованіяхъ къ статьямъ представлялись разныя оговорки и смягченія, такъ напримѣръ:

„Ежели невинный супругъ за прелюбодѣющую супругу просить будетъ, и съ нею помирится, или прелюбодѣющая сторона можетъ доказать, что въ супружествѣ способу не можетъ получить тѣлесную охоту утолить, то можно наказанье умалить“. (Толк. къ артик. 170).

„Ежели холостой человѣкъ пребудеть съ дѣвкою, и она отъ него родить, то оный для содержанія матери и младенца, по состоянію его и платы, нѣчто имѣеть дать, и сверхъ того тюрьмою и церковнымъ покаяніемъ имѣеть быть наказанъ, развѣ что оный потомъ на ней женится, и возметъ ее за сущую жену, и въ такомъ случаѣ ихъ не штрафовать“ (арт. 176)²⁾.

¹⁾ Россія въ царствов. Алексѣя Михайловича, изд. 1859 г., стр. 96. Жестокія преслѣдованія прелюбодѣанія вполне объясняютъ, почему въ до-петровской Руси, какъ это видно изъ соч. Озарія и друг., не было ни одного публичнаго, развратнаго дома, хотя тѣ же путешественники много разсказываютъ о склонности нашихъ предковъ къ сладострастію.

²⁾ При артикулѣ военномъ перечислено множество наказаній. Въ этомъ уставѣ, до сихъ поръ еще не совсѣмъ потерявшемъ своего значенія, перечислено до 90 случаевъ, въ которыхъ повелѣвалось казнить смертію. А извѣстно, что военный артикулъ, особливо въ то время, принималъ быль и въ гражданскихъ дѣлахъ. Словарь Юридическій, ч. I, стр. 644, 645, 646.

† 1719 г.

Наконецъ, указъ 1715 г. ноября 4-го, прямо обрекавшій убійцъ незаконныхъ дѣтей на смертную казнь, относительно времени царя Алексѣя Михайловича, является постановленіемъ несравненно снисходительнѣйшимъ ¹⁾).

Такимъ образомъ, и по „Уложенію“ царя Алексѣя, и по петровскимъ законамъ, Гамилтонъ должна была быть казнена смертью. Приговоръ состоялся въ четвергъ, 27-го ноября 1718 года ²⁾).

VIII.

Въ день 27-го ноября 1718 г., пословамъ современнаго документа: „великій государь царь и великій князь Петръ Алексѣевичъ всея великія и малыя, и бѣлыя Россіи самодержецъ, будучи въ канцеляріи Тайныхъ Розыскныхъ дѣлъ, слушавъ вышписаннаго дѣла и выписки, указалъ, по имянному своему великаго государя указу: дѣвку Марью Гамонтову, что она съ Иваномъ Орловымъ жила блудно и была отъ того брюхата трижды и двухъ ребенковъ лекарствами изъ себя вытравпила, а третьяго удавила и отбросила, за такое ее душегубство, также она же у царицы государыни Екатерины Алексѣевны крада алмазныя вещи и золотыя (червонцы), въ чемъ она съ двухъ розысковъ повинилась, казнить смертію.

„А бабѣ Катеринѣ, которая о послѣднемъ ея ребенкѣ, какъ она, Марья, родила и удавила, видѣла и, по ее прошенію, того ребенка съ мужемъ своимъ мертваго отбросила, а о томъ не доносила, въ чемъ учинилась съ нею сообщница, вмѣсто смертной казни учинить жестокое наказаніе: бить кнутомъ и сослать на прядильный дворъ на годъ.

¹⁾ Артикулъ былъ составленъ, какъ извѣстно, въ 1716 году; но первое изданіе его (находящееся у насъ), во время суда надъ Гамилтономъ, не было еще напечатано; оно вышло въ свѣтъ почти годъ спустя съ слѣдующимъ заглавіемъ: «Книга Уставъ воинскіи, о должности генераловъ, фельдмаршаловъ, и всего генералитета, и протчихъ чиновъ, которые при войскѣ надлежитъ быть, и о иныхъ воинскихъ дѣлахъ, и поведеніяхъ, что каждому чинитъ должно. Купно при семь Артикулъ воинскіи и съ процессомъ надлежащимъ къ судящимъ, и вксерціцією, о церемоніяхъ и должностяхъ воинскимъ людямъ надлежащихъ.—Начочатся повелѣніемъ Царскаго величества въ Санктъ-Петербургской Типографіи, лѣта Господня 1719, Октября въ 29 день».—Въ листъ, стр. 102, 80 и 36.

²⁾ Наканунѣ государь обнародовалъ нѣсколько важныхъ указовъ о работахъ на Ладожскомъ каналѣ, объ управленіи губерніями согласно съ шведскими установленіями, о введеніи ревизіи. Въ этотъ же день вышло замѣчательное постановленіе: «о порядкѣ собраній въ частныхъ домахъ, и о лицахъ, которыя въ оныхъ участвовать могутъ». Это былъ приказъ объ ассамблеяхъ. П. С. З. т. V, №№ 3243—3246.

„А Ивана Орлова свободить, понеже онъ о томъ, что дѣвка Марья Гамонтова была отъ него брюхата и вышеписанное душегубство дѣтемъ своимъ чинила, и какъ она алмазные вещи и золотые крала не вѣдалъ—о чемъ она, дѣвка, съ розыску показала имянно.

„Подписали: Петръ Толстой. Отъ лейбъ-гвардіи маіоръ Ушаковъ. Григорій Скорняковъ-Писаревъ.

„И по вышеписанному его великаго государя именному указу, Иванъ Орловъ иза-за аресту освобожденъ того же числа“¹⁾.

Съ подписаніемъ приговора камеръ-фрейлину Марью Гамильтонъ заковали въ желѣзо²⁾.

8-го декабря 1718 г., на Троицкой площади, у крѣпости, казнено девятеро изъ важнѣйшихъ лицъ, замѣшанныхъ въ дѣлѣ царевича Алексѣя; головы ихъ выставлены на позорномъ столбѣ, тѣла на колесахъ.

Царь совершенно успокоился отъ тягостнаго суда, и, въ знакъ полнѣйшаго торжества, повелѣлъ выбить медаль: на одной сторонѣ былъ портретъ императора Петра Перваго, на оборотѣ же изображена корона, лежащая на высокой горѣ, которая выходитъ изъ облаковъ; ее освѣщаетъ солнце, съ надписью: величество твое вездѣ ясно. 1718 г. 20-го декабря.

Увѣковѣчивъ такимъ образомъ память о судѣ и осужденіи сына, царь спѣшилъ отдохнуть и оправиться. 19-го января 1719 года, вмѣстѣ съ Екатериной, царицей Прасковьей Федоровной, барономъ Остерманомъ и знатными особами государь отправился къ марціальнымъ Олонецкимъ водамъ³⁾.

¹⁾ Подлинное дѣло, 9-й докум.

²⁾ Такъ предписывалось гл. 50 Воинскаго устава: «По подписаніи приговора къ смерти осужденнаго, какого бы онъ ранга и проч. не былъ, сковать».

³⁾ «Петръ Великій на марціальныхъ водахъ, открытыхъ 1716 года въ Олонецкой губерніи». Слб. 1852. Н. Самойлова, стр. 9—18. О распоряженіяхъ его за это время см. у Туманскаго 1787 г., ч. V, стр. 105. П. С. З. т. V, №№ 3247—3320. За все это время выходили почти каждый день по два, по три указа въ одно время. Пророчеству о дѣлахъ мірскихъ на 1719 г., календарь хотя и сознавался:... «что невозможно войну и мирныя времена отъ звѣздъ прямо познавать, для того, что онѣя отъ самхотной воли человѣческой зависятъ, одна кожъ иногда съ дѣйствомъ звѣздъ зѣло сходно бываетъ. Причина тому есть, что звѣзды своєю инелуэцию хотя не въ душу, однакожъ въ тѣло человѣческое, яко стіхійной корпусъ влѣвають. И по той своей инелуэции, какова она есть зла или добра, къ тому его и склоняетъ, и понеже какъ Апостолъ Павелъ глаголетъ, что плоть противъ духа возстаеъ, а духъ противъ плоти, которые между собой взаимно вражду имѣють, а у иножайшихъ человѣковъ (какъ являеъся) плоть болѣе перемагаеъ, того ради и случаетъся, когда хотѣнія тѣлесныя исполняются, тогда война и мирныя времена съ небесными признаки зѣло близко бываетъ». Календарь на 1719 г. Слб.

Здѣсь государь пробылъ до марта 1719 г., проводя время въ обычныхъ занятіяхъ дѣлами, на досугѣ веселясь, по-своему, съ приближенными.

3-го марта Петръ и его дворъ возвратились въ столицу.

Долгое заточеніе Марьи Даниловны и ея тяжкія страданія возбудили, наконецъ, жалость у ея госпожи. Екатерина, умоляемая свойственниками и родными злосчастной своей камеръ-флейлины, рѣшилась ходатайствовать о ея прощеніи. Она тѣмъ больше надѣялась на успѣхъ, что видѣла родъ нерѣшительности со стороны мужа казнить ея служанку: четыре мѣсяца протекли со времени подписанія приговора.

О ходатайствѣ Екатерины сохранилось нѣсколько разсказовъ; они-то и составляютъ сущность печатныхъ, столь скудныхъ, извѣстій о Маріи Гамильтонъ.

Если вѣрить имъ, то государыня употребила для ея спасенія всѣ усилія; къ своей просьбѣ она присоединила просьбы разныхъ довѣренныхъ лицъ государя; но все это ни къ чему не повело. Тогда Екатерина убѣдила помочь ей любимую невѣстку Петра, царицу Прасковью Ѳеодоровну, которая пользовалась большимъ уваженіемъ государя ¹⁾. Прасковья не отказалась отъ попытки умоливать Петра, тѣмъ болѣе, что въ этомъ случаѣ выполняла обычай старины, когда, по словамъ Котошихина: „царица, или царевны—царю, били челомъ“, причемъ царь, по ихъ прошенію, все доброе чинилъ, отъ бѣдъ и смертей освобождалъ ²⁾.

Съ этою цѣлью царица Прасковья пригласила къ себѣ наканунѣ казни Марьи Даниловны (то есть 13-го марта 1719 г.), государя, государыню, графа Апраксина, Брюса и Толстого. Всѣ трое были уже приготовлены къ просьбѣ и съ своей стороны обѣщали ее поддержать.

Начался общій разговоръ. Прасковья Ѳеодоровна искусно навела

¹⁾ Эта личность замѣчательна во многихъ отношеніяхъ; къ сожалѣнію, никто изъ писавшихъ о петровскомъ времени не обратилъ на нее ни малѣйшаго вниманія. Мы имѣемъ довольно много весьма важныхъ матеріаловъ для знакомства съ царицей Прасковьей, и впоследствии надѣемся подѣлиться ими въ особой монографіи. (1860 г.)

Это намѣреніе мы осуществили въ слѣдующемъ 1861 г. Нашъ историческій очеркъ: «Царица Прасковья» былъ напечатанъ въ журналѣ братьевъ М. М. и Ѳ. М. Достоевскихъ: «Время» изд. 1861 г. и тогда же вышелъ отдѣльнымъ первымъ изданіемъ въ особой книгѣ. Второе изданіе, исправленное и дополненное, напечатано нами въ 1883 г. Спб. 260 стр. съ портретомъ царицы Прасковьи, отпечатаннымъ красками.

²⁾ Стр. 28.

его на Гамильтонъ, извиняла ея преступленія человѣческою слабостью, страстью и стыдомъ; превозносила добродѣтель въ государѣ, сравнивала земного владыку съ Богомъ небеснымъ, который долготерпѣливъ и многомилостивъ и проч. Апраксинъ, Брюсъ и Толстой, согласно съ царицей, стали просить за злополучную фрейлину, говоря въ смыслѣ словъ псалма: „аще беззаконія навриши Господи, кто постонть?“

Петръ былъ въ духѣ, выслушалъ челобитье терпѣливо, не пербивалъ просителей; когда они кончили, онъ спросилъ невѣстку:

— Чей законъ есть на таковыя злодѣянія?

— Въ началѣ Божій, а потомъ государевъ, отвѣчала Прасковья.

— Что жъ именно законы сіи повелѣваютъ? не то ли, что „проливаяй кровь человѣческую, да проліется и его?“

Царица должна была согласиться съ тѣмъ, что за смерть—смерть.

— А когда такъ, сказала Петръ:—поразсуди, невѣстужка; ежели тяжко мнѣ и законъ отца или дѣда моего нарушить, то коль тягчае законъ Божій уничтожить? Я не хочу быть ни Сауломъ, ни Ахавомъ, продолжалъ царь, обращаясь къ министрамъ—которые, неразсудною милостию законъ Божій преступя, погибли и тѣломъ и душою; и если вы имѣете смѣлость, то возьмите на души свои сіе дѣло и рѣшите, какъ хотите, я спорить не буду“.

Все умоляли; никто не рѣшался ни брать на себя отвѣта, ни дѣлать того, на что не было охоты у повелителя. Прасковья Федоровна, видя, что ходатайство ея ни къ чему не повело, поспѣшила „шуточнымъ прикладомъ рѣчь свою замять“¹⁾.

Что было причиной строгости царя относительно женщины, которая пыткой и годовымъ самымъ ужаснымъ заключеніемъ, причежь четыре мѣсяца въ кандалахъ была, повидимому, достаточно уже наказана? Панегиристы Петра—Татищевъ, Штелинь, Голиковъ, Н. Полевой и другіе находятъ, что строгость Петра прямо вытекала изъ желанія неуклонно выполнить законъ; но въ такомъ случаѣ рождается вопросъ: всегда ли выполнялъ онъ законъ, хотя бы и въ уголовныхъ только преступленіяхъ? Напротивъ, во многихъ случаяхъ Петръ не только уступалъ просьбамъ царицы и приближенныхъ вельможъ, но нерѣдко милостиво принималъ его величество ходатайство смѣ-

¹⁾ Рассказъ В. Н. Татищева въ примѣч. къ 71 статьѣ «Судебника» царя Ивана III. М. 1786 г., стр. 86—88. Штелинь изд. 1787 г., стр. 276. Голиковъ, т. XV, стр. 184—186.

† 1719 г.

лаго шута; даже любимой собаки, на ошейникъ которой догадывались привязать челобитье о помилованіи или, по крайней мѣрѣ, о смягченіи суроваго его закона.....¹⁾

И такъ, не было ли другого обстоятельства, которое вызывало со стороны царя Петра строжайшее наказаніе камеръ-фрейлины Гамильтонъ?...

Гельбигъ разрѣшаетъ этотъ вопросъ любопытнымъ извѣстіемъ, за достовѣрность котораго онъ ручается (sic): „почти всѣмъ извѣстно, говоритъ авторъ *Russische Günstlinge*, изъ № 88 анекдотовъ Штелина о Петрѣ Великомъ, что дѣвица Гамильтонъ извела своего собственнаго младенца и за что ей отрублена была голова, но, можетъ быть, немногіе знаютъ, что отцомъ этого младенца былъ—Петръ I²⁾“.

Мы не беремся рѣшать, кто былъ отцомъ задушеннаго дитяти: Петръ Алексѣевичъ или Иванъ Михайловичъ? Но едва ли можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что ревность, досада на невѣрность Гамильтонъ не мало усугубила строгость къ ней великаго монарха.

IX.

Въ субботу, 14-го марта 1719 г., погода была вѣтряная, утро туманное.

Лишь только стало разсвѣтать³⁾, на Троицкой площади, близъ крѣпости, собралась толпа народа, издавна уже привыкшаго къ казнямъ. Солдаты цѣпью окружали мѣсто казни, наблюдая за порядкомъ⁴⁾. Зѣваки окружали эшафотъ, поджидал жертвы и поглядывая на полуогнившія голѣвы заговорщиковъ казненныхъ 8-го декабря прошлаго года. Государь не замедлилъ пріѣздомъ⁵⁾.

Привели изъ крѣпости осужденныхъ. Марья Даниловна до послѣдняго мгновенья ждала прощенія. Догадываясь, что государь будетъ при казни, она одѣлась въ бѣлое шелковое платье съ чер-

¹⁾ Желябужскій, стр. 100. Штелины изд. 1787 г., стр. 311—313. Бѣляевъ, описаніе кабинета Петра, 1793 г., стр. 126—131 (описаніе собаки Лизеты). Берхгольцъ 1722 г., ч. II, стр. 245 и друг.

²⁾ *Russische Günstlinge*, стр. 109, примѣчаніе къ биографіи Вилма Монса.

³⁾ Въ 5 ч. и 48 м., календарь 1719 г.

⁴⁾ Уставъ воинскій, гл. 67, объ экзекуціи, стр. 105.

⁵⁾ Въ этотъ день не вышло указа. См. указы съ 10-го марта по 16-е число №№ 3321—3329. П. С. З., т. V.

ными лентами, безъ сомнѣнія, въ надеждѣ, что красота ея, хотя уже поблекшая отъ пытокъ и заточенія, произведетъ однако впечатлѣніе на монарха... Она ошиблась. Впрочемъ, государь былъ ласковъ,—по крайней мѣрѣ, не осыпалъ ее упреками, насмѣшками, бранью, чѣмъ сплошь да рядомъ сопровождался прочія казни, какія бывали въ высочайшемъ его присутствіи.

„Дѣвка Марья Гамантова, да баба Катерина!“ воскликнулъ одинъ изъ секретарей, начиная чтеніе приговора: „Петръ Алексѣевичъ, всея великія и малыя, и бѣлыя Россіи самодержецъ, указалъ за твою, Марья, вину, что ты жила блудно и была отъ того брюхата трижды; и двухъ ребенковъ лекарствомъ изъ себя вытравила; а третьяго родила и удавила, и отбросила, въ чемъ ты во всемъ съ розысковъ виновилась: за такое твое душегубство—казнить смертью.

„А тебѣ, бабѣ Катеринѣ, что ты о послѣднемъ ее ребенкѣ, какъ она, Марья, родила и удавила, видѣла; и, по ея прошенію, онаго ребенка съ мужемъ своимъ мертваго отбросила, а о томъ не доносила, въ чемъ учинилась ты съ нею сообщница же,—вмѣсто смертной казни, учинить наказаніе: бить кнутомъ и сослать на рядильный дворъ, на десять лѣтъ“¹⁾:

Трепетала отъ ужаса камеръ-фрейлина, молила о пощадѣ. Петръ, такъ рассказывалъ Штелину Фоеціусъ, придворный столяръ, очевидецъ событія, простился съ нею, поцѣловалъ и сказалъ:

— „Безъ нарушенія божественныхъ и государственныхъ законовъ, не могу я спасти тебя отъ смерти. И такъ прими казнь, и вѣрь, что Богъ проститъ тебя въ грѣхахъ твоихъ, помолись только ему съ раскаяньемъ и вѣрою“.

Она упала на колѣни съ жаркою мольбою. Государь что-то шепнулъ на ухо палачу; присутствовавшіе думали, что онъ изрекъ всемплоштивѣйшее прощеніе, но ошиблись; царь отвернулся, сверкнулъ топоръ—и голова скатилась на помость. Онъ исполнилъ данное прежде обѣщаніе: тѣло красавицы не было осквернено прикосновеніемъ катскихъ рукъ.

Великій Петръ, повѣствуютъ иноземные писатели, поднялъ голову и почтилъ ее поцѣлуемъ. Такъ какъ онъ считалъ себя свѣдущимъ въ анатоміи, то при этомъ случаѣ долгомъ почелъ показать и объяснить присутствующимъ различныя части въ головѣ; по-

¹⁾ Подлинное дѣло, докум. 10-й.

цѣловаль ея въ другой разъ, затѣмъ бросилъ на землю, перекрестился и уѣхалъ съ мѣста казни ¹⁾).

Вечеромъ того же дня малограмотный писарь гарнизонной канцеляріи отиѣтилъ, между прочимъ, въ журналѣ:

„14-го марта: по указу ея царскаго величества, казнена смертію дому ея величества дѣвица Марья Данилова: отсѣчена голова; дѣвица содержалась въ гварнизонѣ подь карауломъ“ ²⁾).

Катерина служанка была высѣчена кнудомъ и сослана по приговору ³⁾).

Что касается до Ивана Орлова, то онъ былъ освобожденъ еще 27-го ноября 1718 года.

По этому поводу И. И. Неплюевъ рассказывалъ слѣдующее: „Не смотря на всѣ увѣренія Орлова въ томъ, что онъ не вѣдалъ о дѣтубійствахъ, Петръ все еще сомнѣвался и цѣлый годъ держалъ его въ тюрьмѣ. Наконецъ, бывши на одной ассамблеѣ, приказалъ привести заключеннаго деньщика. Снова убѣждалъ его, что если онъ вѣдалъ объ убійствѣ, то покался бы чистосердечно, „потому (говорилъ государь) согрѣшить есть дѣло человѣческое, а не признаваться въ грѣхѣхъ есть дѣло дьявольское. Покайся и я тебя прощу!“

Орловъ продолжалъ говорить, что онъ невиненъ, и клятвамъ подтверждалъ увѣренія.

— „Ну, ежели ты и виновенъ, возразилъ Петръ, то какъ нѣтъ точныхъ тому доказательствъ, да судить тебя Богъ, а я долженъ наконецъ положиться на твои клятвы“.

Орлова, по волѣ монарха, одѣли въ новый гвардейскій мундиръ и выбрали ему отросшую въ тюрьмѣ бороду.

— „Жалую ея поручникомъ гвардіи“, сказалъ Петръ: „страхъ подпасть подь неправосудіе въ томъ сомнительномъ дѣлѣ принудилъ меня заключить тебя на годъ, яко виновника несчастію любовницы твоей, и ты самъ долженъ признать наказаніе сіе справедливымъ;“

¹⁾ Штелинъ, въ иѣм. издан., анекдотъ № 88; въ русскихъ изданіяхъ этотъ рассказъ не такъ полонъ, за исключеніемъ впрочемъ Московскаго изданія 1788 г. стр. 247—249.— «Anecd. intéress. de la cour de Russie», 1792. Т. II, стр. 272—275. Бюшпнга Магазинъ, ч. III, стр. 224, прии. въ статьѣ о царевичѣ Алексѣѣ. Бюшпнга называетъ Гамильтонъ: «schwedische Fräulein».

²⁾ Устряловъ, т. VI, стр. 618.

³⁾ Подробный указъ о ссылкѣ на прядильные дворы наказанныхъ бабъ и дѣвокъ, о содержаніи ихъ, работахъ и проч. изданъ 26-го февраля 1719 г. № 3313. Одинъ изъ прядильныхъ дворовъ въ Москвѣ помѣщался въ домѣ казненнаго Авраама Лопухина.

оно послужить и тебѣ, и другимъ наставленіемъ храниться отъ подобныхъ поползновеній“¹⁾.

Насколько вѣрнѣе разсказъ Голикова, записанный со словъ Неплюева—рѣшить, конечно, трудно.

Въ какомъ полку былъ Иванъ Орловъ въ 1719 г.—неизвѣстно; впрочемъ, въ спискахъ преображенскаго полка офицеровъ, представленныхъ въ 1722 году на разсмотрѣніе Петра, для назначенія изъ нихъ судей по дѣлу Шафирова, значится именно—Иванъ Орловъ.

Ловкій ударъ топора, отдѣлившій голову красавицы, безъ сомнѣнія, принадлежалъ опытному и искусному оберъ-кнутмейстеру, старшему палачу. Онъ лично распоряжался при допросахъ и пыткахъ; онъ же исправлялъ должность придворнаго шута. Любопытна его кончина: въ 1722 году, въ бытность въ Олонцѣ съ государемъ, онъ упалъ (пьяный?) съ лѣстницы, переломилъ три ребра и, чрезъ десять дней, въ страданіяхъ умеръ²⁾.

Но возвратимся къ казенной имъ камеръ-фрейлинѣ. Съ отсѣченіемъ головы не все еще кончилось; оставались ея пожитки, которые надо было, какъ конфискованное на царя добро, принять на сохраненіе. Объ этомъ приѣмѣ дошелъ до насъ слѣдующій документъ³⁾:

„1719 г. марта 16-го дня отдано въ домъ царскаго величества стряпчему Петру Ивановичу Мошкову послѣ дѣвицы Марьи Гамантовой:

„Складень алмазной, въ немъ 23 алмазы, да малыхъ 48; перло бурмицкихъ (зеренъ 39), при немъ запонка 15 алмазовъ, перло жемчужное, 49 жемчуговъ, 8 цвѣточковъ по одному алмазу; серги, въ нихъ 8 алмазовъ, другая такая же съ яхонтомъ, серги съ краснымъ камнемъ, при нихъ двѣ искры, два запонка золотые, три подвѣски простыхъ члوماйныхъ, на ручкѣ алмазецъ; съ алмазомъ кафтанчикъ тафтяной полосатой съ юпкою, да другой кафтанчикъ штофовой. Выписанныя вещи въ домѣ царскаго величества Петръ Мошковъ принялъ. А сію роспись писалъ лейбъ-гвардіи преображенскаго полку солдатъ Иванъ Кондыревъ, каптенармусъ Федоръ Зеловъ“⁴⁾.

¹⁾ «Дѣянія великаго монарха» т. XV, стр. 186.

²⁾ Берхгольцъ ч. II, стр. 138.

³⁾ № 11 документъ.

⁴⁾ Изъ всѣхъ лицъ, косвенно замѣшанныхъ въ дѣло Гамильтонъ, какъ-то: Кобыляковъ, Алабердѣевъ, Мавринъ, Кошелевъ, Пальчиковъ, Анна Крамеръ, Семеновъ, Дмитріева, никто не пострадалъ: всѣ продолжали пользоваться и милостями, и довѣріемъ государя.

X.

Забравъ на сохраненіе драгоценныя вещи изъ небольшого скарба камеръ-фрейлины, великій Петръ, если вѣрить Гельбигу, приказалъ конфисковать и сохранить самое драгоценное, что имѣла Марья Даниловна: ея красивую голову.

Голова эта положена была въ спиртъ и отдана въ академію наукъ, гдѣ ее хранили въ особой комнатѣ, съ 1724 года, вмѣстѣ съ головою камергера Монса. Воля монарха была исполнена съ величайшею точностью. За головами былъ большой уходъ до восшествія на престолъ Екатерины I; когда же увидѣли, что императрица забыла о бывшемъ любимцѣ своемъ, отрубленную голову котораго, послѣ казни въ теченіе нѣсколькихъ дней, видѣла предъ собой, то и смотрителя въ академіи забыли ихъ.

Спустя шестьдесятъ лѣтъ о нихъ вспомнили. Это было въ 1780-хъ годахъ. Княгиня Е. Р. Дашкова, въ качествѣ президента академіи, пересматривала счета и нашла, что чрезвычайно много выходитъ спирту. Между прочимъ, она замѣтила, что онъ отпускается на двѣ головы, хранимыя въ подвалѣ, въ особомъ сундукѣ, ключъ отъ котораго ввѣренъ былъ особому сторожу; но онъ не зналъ чьи головы находились подъ его охраной.

Судьба Анны Крамеръ въ особенности интересна; Гельбигъ отвелъ и ей въ «R. Günstlinge» нѣсколько страничекъ; зтотъ кропотливый собиратель 1780-хъ гг. интересныхъ разсказовъ и легендъ о русскомъ дворѣ и русскихъ любимцахъ счастья, на основаніи нѣкоторыхъ извѣстій, изъясняетъ сомніе въ вѣрности слуховъ, будто бы, послѣ казни Гамилтъонъ, Петръ сдѣлалъ своею любимцею Крамеръ. Онъ только любилъ съ ней бесѣдовать (замѣчаетъ Гельбигъ), и чтобъ облегчить случая бесѣды, пожаловалъ ее камерюнгферою Екатерины. Анна Ивановна Крамеръ скоро приобрѣла такую довѣренность, что, въ числѣ немногихъ лицъ, знала объ умерщвленіи царевича Алексѣя Петровича; она-же поставила (!!) отрубленную (?) голову Алексѣя, вообще приготовила его тѣло къ погребенію. Тщательное исполненіе такого рода порученій, за которыя бы конечно не многія женщины взялись, — заслуживало награды. Нечего и дивиться, что бывшая служанка, «казначейша камеръ-фрейлины», превратилась въ придворную даму. Она сдѣлана гофрейлиною императрицы, а вскорѣ гофмейстерною царицы Натальи Петровны, пережившей отца шесть недѣлями. Похоронивъ свою питолицу, Крамеръ оставила дворъ, уѣхала въ Нарву и жила здѣсь съ братьями, возвратившимися изъ заточенія. Анна Ивановна жила пенсією и доходами съ небольшой вотчины въ рижскомъ округѣ, которую получила отъ Екатерины I; замужемъ не была и скончалась въ 1770 году, на 76 г. отъ рожденія. Анна Крамеръ была красавица, умна, умѣла снискать довѣренность и держаться при дворѣ, наконецъ была женщина безчувствительная». Гельбигъ, стр. 103—105. Ей принадлежатъ нѣсколько разсказовъ въ анекдотахъ Штелина, 1787 г., стр. 45, 46, 181, 312, 313 и друг. Голяковъ, т. VI, стр. 304. т.; VII, стр. 120.

Долго рылся въ архивѣ академіи наукъ; наконецъ нашли имена владѣльцевъ головъ—то были: двора императрицы Екатерины I фрейлина Марья Даниловна Гамильтонъ и камергеръ Вилимъ Ивановичъ Монсъ. Книгиня Дашкова донесла о находкѣ императрицѣ Екатерины II. Головы принесли во дворецъ, разсматривали и все удивлялись сохранившимся слѣдамъ ихъ прежней красоты. Когда любопытство было удовлетворено, головы, по приказу императрицы, закопали въ погребу¹⁾.

Въ разсказѣ Гельбига многое весьма вѣроятно. Петръ дѣйствительно любилъ всевозможные монеты и курьезы, старался обогащать ими основанную имъ кунсткамеру, осматривалъ съ большимъ вниманіемъ многіе лучшіе заграничные кабинеты рѣдкостей, скупалъ ихъ у ученыхъ собирателей большими коллекціями, требовалъ доставки рѣдкостей со всехъ концовъ Россіи, вообще занимался этою частью, столь полезною для науки и образованія. Въ кунсткамеру поступилъ желудокъ петровскаго гайдука-француза; гайдукъ привезенъ былъ имъ ради необыкновенной толстоты, и умеръ отъ сильнѣйшей венерической болѣзни. До 105 родовъ собрано было Петромъ; сотня зародышей и недоносковъ человѣческихъ хранилась въ кунсткамерѣ.

Здѣсь кстати вспомнить, что любовница царевича Алексѣя Петровича, Евфросинья Θεодоровна, разрѣшилась отъ бремени (какъ можно предполагать) въ Петропавловской крѣпости... Куда дѣлся ребенокъ?—Н. Г. Устряловъ не отыскалъ. Не отправили ли его въ число недоносковъ, разумѣется, мертвымъ, на храненіе въ кунсткамеру? Это могло быть тѣмъ скорѣе сдѣлано, что мертворожденные младенцы болѣе именитыхъ лицъ, нежели крѣпостная дѣвица Евфросинья Θεодоровна, поступали въ банки на храненіе; такъ, напримѣръ, сохраненъ былъ выкидышъ маршальши Олсуфьевой²⁾. Кромѣ мертвыхъ экземпляровъ, Петръ повелѣвалъ сохранять и живые экземпляры всевозможныхъ монстровъ. Такъ, напримѣръ, въ его время можно было видѣть въ

¹⁾ «Russische Günstlinge». Тюбингенъ. 1809 г., стр. 108—109.

²⁾ См. Голяковъ. Т. I, стр. 580, 581.—Т. VI, стр. 101, 198, 199, 200, 201, 226, 255, 261, 597.—Т. VIII, стр. 67, 69.—Т. X, стр. 25, 41, 43, 402. Указъ 1718 г. февр. 3 и 1721 г.—Штелинъ 1787 г., стр. 89—95.—Берхгольцъ. Ч. I, стр. 52, 153—157.—Богдановъ. «Описаніе Спб.» 1751 г., стр. 101—104.—«Кавианетъ Петра Великаго», описаніе О. Бѣляева. Спб. 1793 г. Ч. I, стр. 42—45, 64, 72, 141.—Ч. II, стр. 135—138, 147—148. Изд. 1800 г. Ч. II, стр. 4, 10, 19, 31, 32. Основанная въ 1714 году кунсткамера находилась въ Книжныхъ палатахъ, бывшихъ близъ нынѣшняго Зимняго двора.

кунсткамерѣ живого человѣка, безъ половыхъ органовъ, вмѣсто которыхъ у него былъ родъ грибообразнаго нароста, похожаго на коровье вымя. и имѣвшаго посреднѣ мясистый кусокъ, величиною съ рубль, откуда постоянно выходила густая моча, стекавшая въ привязанный для этого пузырь. Все это было страшно отвратительно, тѣмъ болѣе, что экземпляръ распространялъ отъ себя невыносимый запахъ; для него былъ не шкафъ, но особая комната. Экземпляру предоставлялись развлеченія: онъ рубилъ дрова; но готовъ былъ дать 100 руб., такъ говорить очевидецъ, чтобъ только вернуться на родину, въ Сибирь, откуда его прислали по царскому указу. Въ кунсткамерѣ же жили нѣсколько живыхъ мальчиковъ-уродовъ (einige lebendige Jungen)...¹⁾

Всего сказаннаго достаточно, чтобъ видѣть какъ тщательно и многосторонне обогащалъ свою коллекцію курьезовъ великій Петръ; слѣдовательно, нѣтъ ничего невѣроятнаго, что онъ послалъ туда на храненіе и снятыя имъ головы первой, по времени назначенія въ Россію, камеръ-фрейлины и любимѣйшаго его супруги Екатерины камергера.

Но вотъ чтò странно: Дашкова, какъ извѣстно, внимательно занимавшаяся дѣлами академіи наукъ вообще и нѣкоторыми отдѣлами (минералогическимъ кабинетомъ) кунсткамеры въ особенности; Дашкова, оставившая въ своихъ запискахъ подробный и весьма обстоятельный разсказъ объ этомъ періодѣ ея жизни—ничего не говоритъ ни о своей находкѣ, ни о докладѣ о немъ императрицѣ, ни о приказѣ ея закопать головы Гампльтонъ и Моиса въ землю.

Находка ея не такъ была обыкновенна, чтобъ не сказать ни слова, либо забыть о ней.

Да еслибъ княгиня Дашкова и забыла голову фрейлины, то о ней напомнила бы фамилія ея задушевнаго друга—леди Гампльтонъ, дочери туанскаго архіепископа²⁾.

Леди Гампльтонъ много путешествовала съ княгиней Дашковой во Франціи, пріѣхала, въ 1784 г., для свиданія съ нею въ Петербургъ въ то время, когда Екатерина Романовна стояла уже во главѣ академіи наукъ.

¹⁾ Множество экземпляровъ петровскаго времени погребло въ пожарѣ 5-го декабря 1747 года. Въ этотъ день сгорѣли всѣ почти вещи, хранившіяся во 2-мъ и 3-мъ этажахъ кунсткамеры.

²⁾ О ней см. въ Зап. Дашковой, стр. 107, 117, 165, 221, 222, 225, 290, 353.

Президентъ показывалъ своему другу всё рѣдкости столицы. Показывалъ, разумѣется, и купецкамеру. Одну изъ новыхъ деревень своихъ Дашкова назвала, въ честь дорогой гостыи, Гамильтонъ. Наконецъ, по просьбѣ двоюродной сестры леди Гамильтонъ, миссъ Уильмотъ, посѣтившей Дашкову въ Россіи въ 1803 г., Екатерина Романовна написала свои въ высшей степени драгоцѣнные для исторіи XVIII-го вѣка записки.

Всѣ эти обстоятельства должны были часто наводить ее на мысль о головѣ однофамилицы ея друга... Тѣмъ болѣе непонятно со стороны Дашковой молчаніе о головѣ фрейлины (если только голова эта была найдена и проч.), что она вносила въ записки множество мелочей, въ особенности все то, что вызывало у нея какія-нибудь сношенія съ императрицей; а не сочувствуя Петру, она разумѣется, не упустила бы записать новый эпизодъ, подкрѣплявшій ея мнѣніе о его жестокости ¹⁾).

Итакъ, вопросъ о томъ, вѣрно или невѣрно сказаніе Гельбига объ отысканіи и погребеніи головы Гамильтонъ, остается нерѣшеннымъ; но что голова хранилась въ академіи—о томъ свидѣлствуютъ, кромѣ печатныхъ извѣстій, и устные преданія, повторявшіеся еще въ 1860-мъ году.

„Лѣтомъ 1830 г. я былъ въ кунсткамерѣ“, пишетъ г. Эндогуровъ ²⁾. „Нѣсколько посѣтителей, должно быть изъ купцовъ, осматривали монстровъ, въ сопровожденіи чичероне-сторожа, который объяснялъ имъ все, по своему разумѣнію. Услышавъ ѡханье и ѡханье купцовъ, я подошелъ къ нимъ и со мною вмѣстѣ очень почтенный человѣкъ съ орденомъ на шеѣ. Сторожъ, указывая на банку съ головой, объяснялъ: „при государѣ Петрѣ I была необыкновенная красавица, которую какъ увидѣлъ государь, такъ и приказалъ отрубить ей голову и поставить въ спиртъ въ кунсткамерѣ, на вѣчныя времена, чтобъ всё и во всё времена могли видѣть, какія красавицы родятся на Русь“. Почтенный человѣкъ, съ орденомъ на шеѣ, выслушавъ разсказъ, возвысилъ голосъ и сталъ выговаривать сторожу, что онъ разсказываетъ нелѣпости, и, обратясь ко всѣмъ окружаю-

¹⁾ Не умолчала ли Дашкова о Гамильтонъ изъ приличія? Не нашла ли она, какъ женщина, неудобнымъ передавать скандальный эпизодъ и помѣщать его въ запискахъ, писанныхъ для дѣвочки? Но эти предположенія остаются неудовлетворительными, если вспомнить, что княгиня Е. Р. Дашкова, не вдаваясь въ подробности, могла ограничиться небольшою замѣткою о Гамильтонъ.

²⁾ «Сѣверная Пчела» 1860 г., № 91. «Письмо къ издателю».

щимъ его, сказалъ: „какъ можно, чтобъ такой великій и правосудный государь, каковъ былъ Петръ I, поступилъ такъ съ невинною красавицею! Напротивъ, это голова придворной особы, которая дѣвицею разрѣшилась отъ бремени, и изъ желанія скрыть свой стыдъ, убила ребенка, чтд и было открыто; судъ же приговорилъ ее къ смертной казни. А такъ какъ она была красавица, то государь повелѣлъ хранить голову ея въ спирту вмѣстѣ съ прочими монстрами“. „Не помню“, продолжаетъ г. Эндогуровъ, „про кого изъ преемниковъ Петра I онъ говорилъ, что, увидѣвъ голову красавицы, онъ приказалъ выставить ее въ кунсткамерѣ на видное мѣсто, чтобъ простой народъ, имѣвшій доступъ въ музей во время святой недѣли, могъ видѣть голову женщины, рѣшившейся на такое злодѣяніе, рассказывать исторію ея, а съ тѣмъ вмѣстѣ, что будто бы участь этой красавицы вложила монарху мысль основать воспитательный домъ и пріемъ въ оный, секретно, незаконнорожденныхъ дѣтей“.

„Въ 1833 году я опять былъ въ кунсткамерѣ“, продолжаетъ г. Эндогуровъ, „и тотъ же сторожъ поспѣшилъ рассказать намъ свою прежнюю исторію. Я напомнилъ ему о томъ господинѣ, который остановилъ его въ 1830 году, но ветеранъ, махнувъ рукою, сказалъ: „гдѣ имъ знать! мы не мало лѣтъ живемъ здѣсь, такъ ужъ лучше знаемъ“.

Какъ почтенный господинъ съ орденомъ, такъ и словоохотливый чичероне—оба дѣлали довольно важную ошибку: за голову убитой красавицы они принимали голову мальчика.

„Эта голова“, по описанію О. Бѣляева (1800 г., ч. 2, стр. 31), „дѣйствительно принадлежитъ къ числу любопытнѣйшихъ предметовъ собранія; съ нея снятъ черепъ, но мозгъ, съ объемлющею его сорочкою и множествомъ простирающихся на немъ тончайшихъ нервъ, сохраненъ прекрасно. Искусство, съ какимъ сохранено лицо головки и всего сплетенія мозговыхъ жилокъ, есть такая тайна, которую природа открыла одному только Рюйшу, изъ собранія котораго и поступила эта голова въ кунсткамеру въ 1717 году“.

Бѣляевъ прямо говоритъ, что „сія головка извѣстна нынѣ публикѣ подъ названіемъ головы одной дѣвицы-красавицы 15 лѣтъ, о которой плетутся разныя басни и нелѣпности. Какимъ образомъ сіе случилось“, заключаетъ Бѣляевъ, „поистиннѣ, недоумѣваю!“

Посѣтивъ въ 1860 году анатомическій кабинетъ академіи наукъ,

мы уже не нашли одного изъ усердныхъ раскащиковъ этихъ басней: унтеръ-офицеръ Яковъ Андреевъ лѣтъ восемь предъ тѣмъ опочилъ на Смоленскомъ; онъ унесъ съ собою и басню, которую не могъ передать намъ ни одинъ изъ оставшихся сторожей¹⁾; что же касается головы мальчика, такъ долго состоявшаго въ подозрѣнн, что она принадлежала дѣвицѣ, мы ее видѣли, благодаря обязательной услужливости К. И. Иванова.

Голова дѣйствительно сохранилась прекрасно; мальчикъ лѣтъ 12—15 былъ замѣчательный красавецъ: свѣжій, полныя щеки, маленькій ротъ, прекрасный подбородокъ, прямой носъ, немного приплюснувшійся отъ банки, русые волосы, такія же брови, правильно очерченныя, надъ закрытыми глазами, длинныя рѣсницы— все это и красиво, и сохранилось такъ, что, глядя на головку, въ голову не придетъ, что она лежитъ въ банкѣ полтора ста лѣтъ! Кровеносные сосуды налиты чрезвычайно искусно, и во всей головѣ только на лѣвой сторонѣ отсталъ лоскутокъ кожи²⁾.

Велико было преступленіе Марьи Даниловны Гамильтонъ, жестоки и безчеловѣчны были истязанія ея, страшна была и казнь, ее постигшая. Тѣмъ-то болѣе должны мы радоваться, что наше современное законодательство заявило себя, по обыкновенію, прогрессив-

¹⁾ Въѣсто нея мы пишемъ басню, напечатанную въ видѣ исторической повѣсти Соколицыными: «Царь—рука Божья, былъ времяя Петра Великаго». Разказы Штелина и Голицова авторъ былъ дополнял вымыслами собственной фантазіи. См. «Москвитинъ» 1841 г., ч. IV., № 7, стр. 23—105.

²⁾ Голова хранится въ банкѣ «С. № 10». Въ каталогѣ противъ этого номера записано: *Caput pueri, cuius cranium cum dura matre ablatum est; cerebrum vero, arteriis Piae matris materia caeracea injectis superbiens, et situm et magnitudinem ordinariam servat: facies, obcolorem naturalem, non sine jucunditate spectatur.* Подъ № 27-мъ въ банкѣ хранится другая голова, немного менѣе. Всѣ остальные четыре или пять еще меньше. Въ сосѣдней залѣ мы видѣли маски съ двухъ разбойниковъ, наказанныхъ въ 1840 году, Ча й к и н а и Б ы к о в а; онѣ изображены съ полувыбритыми головами. Скелеты ихъ хранятся въ музеѣ казанскаго университета. Осматривалъ нашу кунсткамеру, невольно сравнивая ее съ иностраннымъ; какъ незначительна она въ сравненіи, напримѣръ, съ парижскимъ музеемъ! Можно ли подумать, что это кабинетъ рѣдкостей не о б ѣ я т н о й Россіи? Да и вотъ к а б и н е т ы к ѣ многіе ли знаютъ! Любопытный долженъ дожидаться известнаго времени: года, известнаго дня, выхлопотать билетъ, но и съ билетомъ случается, что предъ нимъ заперты двери: нынче-де передѣлываютъ, пускать не велѣно. Подобныхъ отказовъ я самъ былъ свидѣтелемъ въ 1860-мъ году, когда и написаны эти строки. Съ тѣхъ поръ, однако, прошло двадцать-три года, порядки и въ кунсткамерѣ измѣнились къ лучшему, а музеи академіи обогащены весьма многими новыми приобрѣтеніями и цѣлыми научно собранными коллекціями.

нымъ въ вопросѣ о наказаніи матерей, ради стыда посягающихъ на жизнь незаконнорожденныхъ своихъ дѣтей.

„За убійство предумышленное—читаемъ мы въ проектѣ новаго уложенія о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ ¹⁾ — виновный подвергается лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ каторжную работу въ рудникахъ безъ срока; а буде онъ по закону не изъять отъ наказаній тѣлесныхъ — и наказанію плетьюмъ чрезъ палачей: сто ударовъ, съ наложеніемъ клеймъ.

„Наказаніе смягчается тремя степенями: въ случаѣ, когда убійство незаконнорожденныхъ, сына или дочери, совершено матерью отъ стыда или страха, при самомъ рожденіи младенца: виновная подвергается работѣ въ крѣпостяхъ на время отъ 10 до 12 лѣтъ и наказанію плетьюмъ отъ 60 до 70 ударовъ“ ²⁾.

1860 г. августа 9-го дня.

Слб.

По дѣйствующему (въ 1883-мъ году) „Уложенію о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ“ —

по статьѣ 1451: Лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ каторжную работу въ рудникахъ безъ срока подвергается виновный въ убійствѣ предумышленномъ.... сына своего или дочери.

¹⁾ Изд. 1844 г., Слб., стр. 14 и 1202 — 1203, статья 21, 22 и 1856. Уложеніе о наказ. уголов. и исправ. изд. 1845 г., статья 1922. Замѣчательное мнѣніе Щербатова о дѣтоубійствѣ см. Чт. Об. Ист. 1860 г., кн. I, стр. 72. Изъ литературы сочиненій о дѣтоубійствѣ на русскомъ языкѣ укажемъ на изслѣдованіе доктора Г. I. Блосфельда: О правахъ утробныхъ и новорожденныхъ недоношенныхъ младенцевъ вообще, и объ умерщвленіи и умышленномъ изгнаніи плода въ особенности. Казань. 1856 г., стр. 78. Въ юридической части сочиненія ученый авторъ разсматриваетъ: узаконенія различныхъ народовъ относительно правъ новорожденныхъ; преступленіе убійства и умышленнаго изгнанія плода, по нынѣшнему взгляду уголовного права; наконецъ дѣлаетъ критическій разборъ преступленій дѣтоубійства, убійства плода и зародыша. Во II части изслѣдованія, въ медицинской, г. Блосфельдъ говоритъ о правахъ плодовъ вообще, объ опредѣленіи и показательствахъ беременности, о предшествовавшихъ родахъ; о возрастѣ, жизнеспособности и причинахъ смерти плодовъ; въ заключеніе говоритъ объ участіи судебного врача при раскрытіи и опредѣленіи субъективнаго состава дѣла. Кстатіи укажемъ также на весьма интересную исторію воспитательныхъ домовъ въ С.-Петербургѣ и Москвѣ съ открытіи оныхъ по 1851 г., напечат. въ II т. Чтен. Общ. Исторіи, 1860 г., стр. 94—160.

²⁾ „Мы признали необходимымъ въ этомъ случаѣ смягчить наказаніе—сказано въ проектѣ—потому, что положеніе виновной въ томъ женщины есть необыкновенное, и часто она, терзаемая стыдомъ, страхомъ, угрызениями совѣсти и изнуренная тѣлесными страданіями, почти лишается разсуда, сдѣдственно, покушается на ужасное преступленіе безъ яснаго объ ономъ предъ самой собою сознанія. Смягченія сего рода допускаются во всѣхъ ячущихъ иностранныхъ законодательствахъ.“

ФРЕЙЛИНА ГАМИЛЬТОНЪ.

„Наказаніе смягчается тремя степенями въ случаѣ, когда убійство незаконнорожденныхъ сына или дочери совершено матерью отъ стыда или страха при самомъ рожденіи младенца, если однако-жъ при семъ не будетъ доказано, что она была уже прежде виновна въ томъ-же преступленіи. Когда же дѣтоубійство сего рода было непредумышленное, виновная въ ономъ женщина, особенно, если она незамужняя и разрѣшилась отъ бремени въ первый разъ, подвергается токмо:

„лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылки на поселеніе въ отдаленнѣйшихъ или менѣе отдаленныхъ мѣстахъ Сибири“.

СНЫ ПЕТРА ВЕЛИКАГО

1714—1719.

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ ВЪ ЕГО СНАХЪ

въ 1714 — 1719 гг.

Въ кабинетныхъ дѣлахъ Петра I-го, въ Государственномъ Архивѣ, находится нѣсколько имъ собственноручно записанныхъ „сновидѣній“; нѣкоторыя изъ этихъ записокъ тщательно перебѣлены его деньщиками и секретарями. Видимо, что нѣкоторые сны, какъ нѣчто курьезное, интересовали государя, разсказывались имъ своимъ приближеннымъ, вызывали разныя замѣчанія и проч. Эти обстоятельства достаточно показываютъ почему не безынтересно остановиться и на такомъ странномъ, повидимому, предметѣ, каковы: „сны Петра Великаго“.

Преобразователь Россіи, какъ извѣстно, былъ врагъ суевѣрій и предрасудковъ; нѣтъ свидѣтельствъ и о томъ, чтобы онъ придавалъ какое-либо серьезное значеніе снамъ, и находилъ бы въ нихъ какой-либо таинственный, знаменательный смыслъ; если же онъ ихъ записывалъ иногда, то только ради курьеза, какъ любитель всего особеннаго.... Извѣстно, что по большей части и во снѣ мы видимъ то, чѣмъ особенно заняты, либо о чемъ думаемъ па-яву; отсюда еще интереснѣе знать каковы же должны были быть сны суроваго монарха?

1714 г. ноября съ 9-го на 10-е: „сонъ видѣлъ: (корабль?) въ зеленыхъ флагахъ, въ Петербургѣ“.

1715 г. января съ 23-го на 24-е: „видѣлъ сонъ: звѣрей—льва да бобра“.

1715 г. января съ 28-го на 29-е число: „будучи на Москвѣ, въ ночи видѣлъ сонъ: господинъ полковникъ ходилъ на берегу, при

рѣкъ Большой, и съ нимъ три рыбака, и волновалася рѣка, и большія прибывали волны. И идетъ волна, и назадъ отступала, и такъ были волны, что покрывало ихъ (т. е. полковника съ тремя рыбаками). И назадъ (рѣка) отступила, а онѣ (они?) не отступили. И такъ меньше, меньше и уступила вода въ старое состояніе свое“.

.....„Въ Яворовѣ: пришелъ къ башнѣ высокой, и съ той башни спущена была веревка, по которой онъ туда взлѣзъ. И взошедъ на башню и хотѣлъ взойти на шпигъ, но было мягко—и ноги вязли и взойти нельзя и онъ, сдѣлавъ лыжи, и на тотъ шпигъ на тѣхъ лыжахъ взошелъ, на которомъ шпигъ было яблоко поставлено; а на яблокѣ, въ сторонѣ, царской гербъ двоголовой орель; — а въ срединѣ яблока стержень; потомъ факсу (не флагъ-ли?) съ лѣвой руки постановилъ на тотъ стержень“.

1715 г. февраля съ 19-го на 20-е число: „въ ночи видѣлъ сонъ: въ подобіи и въ лицѣ Клакачова, и казался (онъ) съ большими морщинами и онаго (и) покололъ шпагою“.

1715 г. февраля на 25-е число: „видѣлъ: волны и солнце“.

.....„Апрѣля на 26-е число: видѣлъ сонъ: яко бы орель сидѣлъ на деревѣ, а подъ него подлѣзъ или подползъ какой звѣрь не малый, на подобіе крокодила или дракона, на котораго орель тотчасъ бросился, (и) пзъ затылка у онаго голову отѣлъ, а именно переѣлъ половину шеи и умертвилъ. И потомъ, какъ много сошло людей смотрѣть, то подползъ такой же другой звѣрь, у котораго тотъ же орель отѣлъ и совсѣмъ голову, что яко бы было уже явно всѣмъ“.

1715 г. октября съ 20-го на 21-е число: „сновидѣніе. Море покрыто какъ лѣсомъ цвѣтетъ, на которомъ буеръ ходилъ в котормъ вакарбартъ і другава народа. Г. (государь?) в синемъ кафтанѣ потомъ другой буеръ пришолъ в котормъ левень-ерь оба хотѣли авантажъ нѣкоторой (чего не помнятъ) здѣлать, но не могли к чему звали і насъ, і какъ мы пришли то учинилось, а именно зелень густую отѣхали отъ правава берега і к землѣ прпстали“¹⁾.

¹⁾ Писано рукой Петра, также сохранилась и современная копія. Помѣта: «отдано въ 21 день октября 1721 г.», т. е. отдано въ кабинетъ для храненія.

1716 г. апрѣля на 24-й день, въ Гданскѣ: „видѣлъ государь сонъ, что у турковъ на барабанахъ были жемчуги“.

1716 г. октября на 9-е число въ Копенгагенѣ: „видѣлъ его царское величество сонъ: яко бы онъ послалъ фельдъ-маршала Шереметева и велѣлъ оному съ войскомъ пройти мимо каланчей тихо, не нарушая съ турками мира. Но потомъ, когда самъ его царское величество къ каланчамъ приблизился, тогда увидѣлъ ихъ, сдѣланныхъ хорошею архитектурою и украшенныхъ знаменами, и турки мечуть съ нихъ знамена. И когда на одну изъ нихъ вшелъ, то показалось въ нихъ такожь гораздо убрано картинами и прочимъ, и увидѣлъ турковъ въ платьѣ разныхъ націй и говорятъ разными языки, между которыми и съ его величествомъ говорилъ одинъ по голландски; и убраны (турки) зѣло богато, въ сабляхъ и поясахъ съ каменьями разными, и было изъ нихъ нѣсколько побитыхъ. И началъ (государь) говорить фельдъ-маршалу, яко бы съ гнѣвомъ: для чего тѣ каланчи онъ взялъ и тѣмъ миръ съ турками разорвалъ? На что онъ (Шереметьевъ) сказалъ: для того, что турки добровольно ихъ не пропустили. На что онъ (государь) сказалъ: (такъ какъ), что они (турки) его безъ бою не пустили, и для того онъ принужденъ съ ними биться. Однако-же хотя бой и былъ, но немногихъ побилъ“.

1716 г. ноября на 9-е число въ Шверинѣ: „видѣлъ его царское величество сонъ о туркахъ, яко бы оныхъ много видѣлъ въ Петербургѣ на лугу въ богатыхъ одеждахъ, въ томъ числѣ былъ и визирь, который пришедъ къ его величеству, нѣчто говорилъ и рукою тогда держалъ..... ¹⁾ за крыжъ ²⁾; также и прочіе (турки) за визиремъ слѣдовали въ сабляхъ же. И поясы, на которыхъ сабли, у многихъ богатыя каменьями владены, и послѣ визирь, также и другихъ (другіе) снявъ съ себя сабли съ тѣми богатыми поясами, отдали царскому величеству“.

.....„Сонъ видѣлъ, тогда какъ въ Померанію вошли: что былъ (я) на галіотѣ, на которомъ мачты съ парусы были не по пропорціи; на которомъ (галіотѣ) поѣхали и обратъ (т. е. бортомъ) его оборотило на бокъ и воды захлебнулось, съ котораго (га-

¹⁾ Не разобрано, кажется, «за саблю»....

²⁾ Латинскій крестъ.

ліота) попадали и поплыли къ другому борту и обратно къ дому и поле (полегоньку?) поѣхали и у себя приказалъ воду выливать....“.

Попадись выписанные нами сны Петра I-го велерѣчивому Крекшину, трудолюбивому Голикову или красноглазовому Н. А. Полевому — и мы бы по поводу этихъ сповѣй имѣли удовольствіе прочитать не одну дюжину громкихъ фразъ съ восклицательными знаками: „воззрите, о благосклонный читатель на проя нашего! Великій духъ отца отечества бодрствуетъ и во снѣ!... И во снѣ, въ тѣ немногіе часы, когда преславный монархъ предавался отдохновенію отъ неизрѣченныхъ, громадныхъ трудовъ, геній его сражался съ турками, бралъ крѣпости, виталъ надъ морями, казнилъ крамольниковъ ¹⁾). Великій преобразователь, но что я говорю — бессмертный возродитель, создатель нынѣ преславной монархіи російской, — о монархъ престопамятный, — и со виѣ входитъ на недосягаемыя вершины! Державный работникъ — онъ самъ дѣлаетъ лыжи, наставляя и подвизая тѣмъ своихъ вѣрнопопданныхъ, боготворящихъ его россіянъ, на трудъ непрестанный! Россіяне воз.....“ и т. п.

Но если въ нынѣшнее время не совсѣмъ ловко разразиться столь велелѣпными рѣчамъ, то что же выѣсто нихъ можно сказать о курьезныхъ снахъ Петра I-го? — То, что и въ сонныхъ, безсвязныхъ видѣніяхъ, — видѣніяхъ, находившихъ можетъ быть послѣ хмѣльно законченнаго дня какой-нибудь попойкой-вечериной, и въ этихъ видѣніяхъ мы узнаемъ характеръ дѣятельности и постоянныхъ думъ Петра: катанья по водѣ... корабли... прилаживанье на нихъ парусовъ по препорціи... строгость наказанія какого-то... война... осада крѣпости... (эти калачи напоминаютъ его Азовскіе походы)... плѣненіе визиря, столь досадившаго ему на берегахъ Прута, и проч.... Всѣ эти обстоятельства, помимо ихъ фантастической обстановки, какъ бы выхвачены спящимъ Петромъ изъ думъ и стремленій Петра бодрствующаго...

Совсѣмъ другіе, но опять-таки не безынтересныя видѣнія являються во снѣ его супругѣ, Екатерины Алексѣевны.

„1719 г. января съ 13-го на 14-е число, такъ писалъ компат-

¹⁾ На этотъ разъ крамольники разумѣлись бы въ Клокачовѣ, дерзнувшемъ предстать съ морщинами предъ царскія очи, за что и прозвѣнъ шпагою.

ный секретарь Екатерины, — ея величество государыня царица, передъ свѣтомъ на 14-е число, изволила видѣть сонъ, что яко бы въ огородъ-какомъ ¹⁾ у палатъ былъ прикованъ одинъ звѣрь, бѣлъ шерстью, на подобіе льва и зѣло сердитъ; на всѣхъ бросался и переѣлъ зубами у цуковой ея величества соловой лошади ногу. — Между тѣмъ же были въ огородѣ министры и множество людей. — И у женщинъ юбки или самары вѣтромъ подымало на головы; и были бѣлыя знамена, о которыхъ говорили, что (то) мирные знаки. — И кричалъ тотъ сердитый звѣрь часто: салдореѣ! салдореѣ! А другой такой же (звѣрь) ходилъ на волѣ на какомъ (то) будто дворѣ; только сей послѣдній (звѣрь) зѣло былъ ласковъ; у него же была корона на головѣ и въ коронѣ зажепныя три свѣчи; и оной ходилъ за его величествомъ и ласковъ къ нему былъ“.

„1719 же года, января съ 14-го на 15-е число передъ утромъ, какъ значится изъ другой записки ея секретаря, — государыня царица (вновь) во снѣ слышала, что кричали вышеописанное слово: салдореѣ!“... Весьма вѣроятно, что странное видѣніе звѣрей, „бѣлыхъ шерстью, бродящихъ въ какомъ-то огородѣ“ — приснилось Екатеринѣ при воспоминаніи о бѣлыхъ медвѣдяхъ, стражей московскаго двора князя-кесаря Ѳ. Ю. Ромодановскаго. Екатеринѣ не разъ случилось видѣть, какъ медвѣди Ромодановскаго подносили гостямъ на золотомъ блюдѣ большой кубокъ водки; если кто отказывался отъ нея, медвѣдъ вѣплялся въ парикъ или въ волосы гостя, раздиралъ платье и вообще трепалъ нещадно, „своимъ обычаемъ“. Этыхъ медвѣдей, послѣ смерти Ѳ. Ю. Ромодановскаго, ихъ царскія величества вытребовали къ себѣ въ Петербургъ.

„Алексѣй Васильевичъ — государь!“ писалъ по этому случаю къ кабинетъ-секретарю Макарову оберъ-фискаль Нестеровъ... „по письму вашему къ ближнему стольнику, князю И. Ѳ. Ромодановскому, о присылкѣ медвѣдей съ учителями ихъ... два медвѣдя со учителями ихъ двумя человѣками, которые обрѣтались въ Москвѣ, при дворѣ его сіятельства, отправлены съ Мельгуновымъ 8-го февраля, и на ихъ кормъ, и на подводы, прогоны даны изъ преображенскаго приказу; а другихъ такихъ ученыхъ медвѣдей и учителей медвѣжьихъ по ихъ сказкамъ учителей, которые посланы изъ мясныхъ рядовъ ста-

¹⁾ Подъ словомъ огородъ разумѣлся садъ для гуляній.

рость и тѣхъ рядовъ купеческихъ людей въ Москвѣ нѣтъ. А его сіятельство кн. Иванъ Ѳедоровичъ отъ Москвы отлучился на Олонецъ къ водамъ 1720 г.“¹⁾

Говоря о снахъ ихъ царскихъ величествъ, вообще любопытно бы было прослѣдить, какія обстоятельства предшествовали имъ въ ближайшіе дни, такъ какъ зачастую содержаніе сновъ составляется подъ видѣніемъ недавнихъ происшествій, разговоровъ, понятій и размышленій; но мы оставляемъ другимъ толковать объ этомъ интересномъ предметѣ.

¹⁾ Государств. Архивъ, Каб. дѣла, полов. II-я, кн. XLVII, стр. 398.

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ КАКЪ ЮМОРИСТЪ

1682—1725.

ИЗДАНИЕ ТРЕТЬЕ.

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ КАКЪ ЮМОРИСТЪ.

...Отрѣшасмъ васъ отъ шумства и отъ кабаковъ,
дабы не ходить!...

(Шут. посланіе Князь-Папы къ царю Петру).

Въ 1861 году, въ малораспространенномъ, хотя и весьма почетномъ и интересномъ научно-литературномъ журналѣ „Свѣточъ“ (кн. IX), помѣщено было нами собраніе подлинныхъ документовъ, ярко освѣщающихъ одну изъ любопытнѣйшихъ сторонъ въ характерѣ Петра Великаго: его юморъ. Документы эти, сочиненные и собственноручно написанные Петромъ, суть шуточные обряды избранія и поставленія Князь-Папы, шуточные возглашенія, грамоты, отписки, росписи церемоніаловъ, и т. п. Нынѣ, дополнивъ это любопытное собраніе матеріаловъ вновь найденными, мы считаемъ не лишнимъ воспроизвести всю статью изъ журнала, составляющаго едва-ли не библиографическую рѣдкость.

Позволяемъ себѣ надѣяться, что въ настоящее время, когда взглядъ на дѣятельность и характеръ Петра Великаго вполне выяснился, когда вновь открытые и обнародованные матеріалы устранили всякую односторонность въ сужденіяхъ о личности и царствованіи Петра, никто не заподозритъ насъ въ желаніи унижить этого величайшаго изъ монарховъ всей Европы XVII и XVIII вв. Нынѣ, надѣемся, не осудитъ насъ за изданіе матеріаловъ, въ которыхъ все принадлежитъ самому Петру I, а потому, такъ или иначе, но есть достоинствѣ исторіи и подлежитъ ей критикѣ. Если же сарказмъ шуточныхъ произведеній Петра Великаго бросаетъ темный свѣтъ на его забавы и развлеченія, то не нужно забывать, что Петръ при всемъ своемъ геніи, былъ прежде всего человѣкомъ своего времени.

Широкій, грубый разгулъ, которому предавался Петръ среди своихъ „птенцовъ“ — сподвижниковъ въ часъ отдыха послѣ всеобъемлющей дѣятельности, — этотъ разгулъ не долженъ насъ поражать. „Богатырскимъ силами“, — скажемъ словами историка С. М. Соловьева, — соотвѣтствовали страсти, не умѣренные правильнымъ искуснымъ воспитаніемъ. Мы знаемъ, какъ могъ разнуздываться сильный человѣкъ въ древнемъ русскомъ обществѣ, не выработавшемъ должныхъ границъ каждой силѣ; могло-ли такое общество сдерживать страсти человѣка, стоявшаго на самомъ верху? Но одна наблюдательная женщина-современница отозвалась совершенно справедливо о Петрѣ, что это былъ „очень хорошій и вмѣстѣ очень дурной человѣкъ“... („Исторія Россіи въ эпоху преобразованія“. Соч. Соловьева, т. VI, Москва, 1868 г., стр. 259) ¹⁾.

25-го мая 1872 г.

I.

Всецѣпнѣйшій соборъ.

Въ характерѣ великаго преобразователя Россіи, между прочими его особенностямъ, есть черта въ высшей степени интересная, рѣзкая, не ослабѣвавшая въ теченіе всей его жизни, и очень часто проявлявшаяся то въ письмѣ, то въ пиршествѣ, то въ какомъ нибудь маскарадѣ, то наконецъ въ цѣломъ учрежденіи.

Мы говоримъ про юморъ Петра Великаго.

На эту особенность никогда и никто не обращалъ надлежащаго вниманія; а между тѣмъ, кто не согласится, что для полного и яснаго представленія характера Петра нельзя обойти ту его сторону, которая служила для него источникомъ удовольствія и отрады.

Прослѣдить всѣ случаи, въ которыхъ проявился юморъ Петра, нѣтъ возможности; намъ пришлось бы пересмотрѣть массу его писемъ, записокъ, государственныхъ и домашнихъ распоряженій. Въ громадной корреспонденціи Петра надо бы обратить особенное вниманіе на письма къ Ромодановскому. Сколько юмору во многихъ изъ нихъ, сколько насмѣшки злой и остроумной въ санѣ князь-кесаря,

¹⁾ Нѣкоторыя интересныя соображенія по поводу статьи нашей: «Петръ Великій какъ юмористъ» см. въ «Русской Старинѣ», изд. 1874 г. томъ XI, въ статьѣ покойнаго Ивана Носовича, стр. 734—739.

которымъ облечены были, одинъ за другимъ, оба Ромодановскіе! Въ лицѣ ихъ Петръ смѣялся надъ внѣшностью, надъ обстановкою, надъ атрибутами этого импровизированнаго имъ сана; князь-кесарю отводили первыя мѣста во всѣхъ церемоніяхъ, князь-кесарю отдавались особенныя почести, къ нему приближались иначе, съ нимъ не говорили, въ присутствіи его не сидѣли такъ, какъ говорятъ и сидятъ въ обществѣ простыхъ смертныхъ, однимъ словомъ, все, что Петръ находилъ въ своемъ царскомъ положеніи скучнаго, натянутого — все предоставлялъ Ромодановскому; именуя себя „холопомъ и послѣднимъ рабомъ“ его, получая отъ него чины и повышенія, Петръ всю сущность власти удержалъ за собой. Ромодановскій, по одеждѣ, обычаямъ и роду своей жизни, былъ пародіей власти; это была подставная кукла, кукла весьма комичная. Но этого комизма не замѣчалъ онъ, не замѣчали и его окружающіе, мало замѣчали и потомки въ лицѣ писателей, останавливавшихъ свое вниманіе на личности князь-кесаря. Мы не говоримъ, чтобы Ромодановскій не имѣлъ власти, не имѣлъ другой дѣятельности, кромѣ постояннаго разыгрыванія невеселой роли государя, нѣтъ — ему предоставлена была значительная доля въ административномъ управленіи, еще бѣльшая доля въ совершеніи жестокостей, которыя, съ точки зрѣнія того вѣка, не должны поражать нынѣшняго изслѣдователя... А что за дѣятель былъ на отведенномъ ему полѣ князь Ѳеодоръ Юрьевичъ! Въ поэтическомъ увлеченіи, въ какой-то восторженности отъ влута и застѣнка, онъ доходилъ до такого пафоса, что поражалъ усердіемъ даже самаго Петра..... Однажды государь рѣшился наконецъ наекнуть кесарю на то, что тотъ слишкомъ заработался.

— „Звѣрь! Долго-ль тебѣ людей жечь?... Перестань знаться съ Ивашкою (т. е. пьянствовать). Быть отъ него рождѣ драной!“

Впрочемъ, угроза какъ бы противъ воли сорвалась у Петра; спустя четыре дня (31 декабря), онъ вновь уже именуется себя и своихъ приближенныхъ: „холопами государскими“, и пишетъ къ князю-кесарю Ѳ. Ю. Ромодановскому почтительное письмо.

Внимательно разсматривая подобныя письма и вникая въ отношенія переписывавшихся, нельзя въ то же время не послушать устныхъ бесѣдъ, разсужденій и замѣчаній Петра на торжественныхъ обѣдахъ; прослѣдить за нимъ въ его разъѣздахъ по Россіи и Европѣ; отправиться на всевозможныя свадьбы, крестины, маленькіе и большіе балы-ассамблеи и тому подобныя увеселенія, не обхо-

двигшіяся безъ его присутствія; нельзя не полюбоваться на него въ походахъ, на бивуакахъ, въ сраженіяхъ; мало того, заглянуть два—три раза въ застѣнокъ, либо осторожно выйти, вслѣдъ за нимъ, на мѣсто казни... Будьте увѣрены, что во всѣхъ, самыхъ разнообразныхъ обстоятельствахъ жизни Петра, при небольшой внимательности, вы найдете черты его юмора, его сарказма не всегда удачныя, но всегда замѣчательно бойкія и своеобразныя.

Но, не вдаваясь въ столь обширныя разысканія, мы прямо остановимся на „князь-папѣ“ и его „сумасброднѣйшемъ, всепутнѣйшемъ и всепьяннѣйшемъ соборѣ“. Это учрежденіе есть созданіе петровскаго юмора. Съ молодыхъ лѣтъ до конца своей жизни Петръ постоянно измѣнялъ его уставъ новыми добавленіями и всевозможными варіаціями; къ нему онъ обращался, когда хотѣлъ отпраздновать торжество побѣды, празднество мира, спускъ корабля, чье-нибудь тезоименитство, либо святки; къ нему же обращался въ черныя минуты, члобъ разсѣяться, освѣжиться, стряхнуть съ себя тяжкія думы и государственныя заботы.

Шутливыя записки, инструкціи, уставъ для „всепьяннѣйшаго собора“, „чины“, т. е. обряды избранія и поставленія новаго главы, либо новаго члена—все это Петръ сочинялъ, составлялъ и собственноручно писалъ—все до послѣдней замѣтки. Собраніе этихъ документовъ есть цѣлая литература юмористическаго содержанія, — матеріаль, драгоцѣнный для знакомства съ духомъ времени, матеріаль, необходимый для знакомства съ характеромъ Петра.

Но прежде, нежели станемъ перечитывать произведенія бойкаго (и ксати замѣтимъ—до крайности неразборчиваго) пера Петра Великаго, скажемъ нѣсколько словъ о времени основанія „сумасброднѣйшаго собора“ и о его первомъ предсѣдателѣ.

Государь очень рано возложилъ этотъ шутовской санъ на дядьку и перваго воспитателя своего, Никиту Моисеевича Зотова.

Зотовъ былъ человекъ вполне ему преданный. Служебное его положеніе состояло въ томъ, что онъ былъ начальникомъ ближней, походной канцеляріи государя и именовался: „Ближней совѣтникъ и ближней канцеляріи генераль-президентъ“. Старый, опытный излагатель царской воли — Зотовъ далеко не пользовался такимъ значеніемъ, какъ молодой кабинетъ-секретарь Макаровъ, и былъ сановникъ ума недалекаго. Досуги отъ возложенныхъ на него должностей Зотовъ „со всеусердіемъ“ посвящалъ „служенію Бахусу и честному

обхожденію съ крѣпкими напитками“; этою особенностью своего характера „тайный совѣтникъ“ Зотовъ пріобрѣлъ званіе князь-папы, т. е. главы самыхъ отборныхъ пьяницъ и обжоръ.

Уже въ 1690-хъ годахъ государь въ письмахъ своихъ зачастую посылаетъ поклоны „всешутѣйшему“, и всешутѣйшій рано начинаетъ „благословлять“ одну изъ овецъ своей паствы. „Геру протодіакону П. А. (т. е. Петру Алексѣевичу), пишетъ Зотовъ 23-го февраля 1697 года, — со всею компанією посылаю миръ и благословеніе!“

Титуль протодьякона, а еще болѣе слѣдующее письмо Зотова показываетъ, что уже въ эти года „соборъ всешутѣйшаго“ сформировался и получилъ тотъ видъ и назначеніе, которые не измѣнялись до конца дней одинъ за другимъ опочившихъ отъ многочисля членовъ „шумнаго собора“.

„23-го февраля 1697 года. Нашего смиренія сослужителю, геру протодіакону П. А. со всею компанією о Господѣ здравствовать! Благодарствую вашей любви за возвѣщеніе путешествія вашего (за границей) при добромъ здравіи (о чемъ увѣдомленъ отъ азовскаго владыки), и впредь о семъ намъ вѣдоме чinite. Зѣло удивляемся вашей дерзости, что изгнанную нашу рабыню, т. е. масляницу, за товарища приняли, не взявъ у насъ о томъ свободы; только вѣдайте: есть при ней иные товарищи Ивашка (т. е. пьянство) и Еремка (распутство), и вы отъ нихъ опаситесь, чтобъ они васъ отъ дѣла не отволокли; а мы ихъ дружбу знаемъ больше вашего. Сего числа поѣхали къ вамъ споддіаконы Готовцевъ и Бехтѣевъ, съ которыми наказано отъ насъ подати вамъ словесно миръ и благословеніе; а масляницу и товарищевъ ея отлучати: понеже при трудѣхъ такіе товарищи непотребны; а къ симъ посланнымъ нашимъ споддіаконамъ будьте благопріятны. При семъ миръ Божій да будетъ съ вами, а нашего смиренія благословеніе съ вами есть и будетъ. Smirenni Anikit власною рукою“.

Съ этого времени переписка смиреннаго Нпкиты съ Петромъ, не всегда смиреннымъ, велась большею частію въ одномъ и томъ же родѣ, въ одномъ и томъ же тонѣ; самыя остроты всешутѣйшаго зачастую цѣлкомъ повторялись въ письмахъ различныхъ годовъ. Изъ нихъ видно, что годъ отъ году іерархія всепьянѣйшаго увеличивалась новыми чинами; онъ имѣлъ достойныхъ сотоварищевъ; достойнѣйшіе изъ нихъ носили званіе „владыкъ“ различныхъ городовъ; ихъ окружали протодіаконы, діаконы и прочіе мелкіе чины...

Занятый въ обыкновенные дни различными дѣлами, всецѣлѣйшій соборъ только въ праздники, и въ особенно торжественные дни, являлся въ полномъ своемъ блескѣ.

Такъ, напримѣръ, въ извѣстной свадьбѣ царскаго шута, Шанскаго, въ 1702 году, соборъ былъ въ полномъ сборѣ. Свадьба совершена была съ выполненіемъ мельчайшихъ обычаевъ старины; опаивали между прочимъ горячимъ виномъ, пивомъ и медомъ съ неотступными просьбами и поклонами. „Ваши предки, шутилъ Петръ, обрадался къ поборникамъ старины, употребляли эти напитки, а старинные обычаи всегда лучше новыхъ“ и т. п. ¹⁾.

Главные роли въ сатирическомъ спектаклѣ Петръ предоставилъ князю Ромодановскому и Никитѣ Зотову. Первый былъ въ одѣяніи русскаго царя XVII вѣка, послѣдній—въ облаченіи патріарха ²⁾. Это сопоставленіе двухъ именитыхъ лицъ въ двухъ различныхъ роляхъ вполне подтверждаетъ намъ, что титулъ князь-кесаря былъ

¹⁾ Исторія Петра I, изд. въ Венеціи, перевед. въ Спб., ч. I, л. 268. Въ моей библиотекѣ есть современная интересная гравюра, изображающая эту свадьбу. На ней изображенъ пиръ въ большой двухъ-свѣтлой залѣ, съ восемью зеркалами, большою люстрою посреди, изразцовою печкою въ лѣвномъ углу и большимъ образомъ распятія въ правомъ. Десять столовъ уставлены въ четыре линіи покоемъ; за отдѣльными столами на возвышеніи, въ глубинѣ зала, сидятъ именитѣйшія лица. Каждый столъ пронумерованъ и внизу, подъ соответствующимъ номеромъ, мы находимъ слѣдующія объясненія: «Описаніе свадьбы остроумнолюбнаго Теофилакта Шанскаго, который державѣйшаго великаго монарха многоуважаемый шутъ, смѣхотворецъ; бывшей (т. е. свадьбы) 1702 г., февраля въ 1-й день. въ палатѣ бывшаго господина генерала Франца Лефорта: 1) Столъ, при которомъ сидятъ въ облаченіи, подобно монаршескаго, князь Федоръ Юрьевичъ Ромодановскій, Иванъ Ивановичъ Бутурлинъ. При нихъ-же (съ лѣвой стороны), въ видѣ патріарха, Никита Моисѣевичъ Зотовъ. 2) При семь столѣхъ: новобратный Теофилактъ Шанскій. Царевичи Сибирскій, Касимовскій, да Тимохъ. 3) При семь столѣхъ ближніе боярѣ, етманъ, офицеры морскіе и земные, между которыми и самодержавѣйшій монархъ. 4) Гдѣ сидятъ иноземцы торговые. 5) Гдѣ сидятъ окошничіе, думные дворяне и дьяки. 6) Гдѣ сидятъ дьяки, гости и нѣмцы торговыхъ чиновъ люди. 7) Гдѣ сидятъ разныхъ чиновъ люди. 8) Гдѣ сидятъ дворовые люди. 9) Средь палаты нѣмцы державѣйшаго государя поютъ. 10) Поставъ съ серебрянной и золотой посудой».

Пирующихъ насчитывается болѣе 300 фигуръ съ прислугой, которая суетливо подаетъ кушанье. Фигуры сдѣланы очень грубо,—за портретнымъ сходствомъ художникъ не глязелъ; но строгій историческій истинѣ событій, представилъ почти всѣхъ въ монашескихъ платьяхъ, съ кашпонами, откинутыми назадъ, но безъ клобуковъ. Столы покрыты яствами, высокими кубками съ виномъ и громадными канделябрами съ зажженными свѣчами; на первомъ планѣ можно отличить какую-то, должно-быть важную особу, которая нещадно деретъ за шнуръ брата-послушника—слугу, вѣроятно за нерасторопность. Женскіе-карликъ чиновно сидитъ за столами на правой сторонѣ, какъ объяснено подъ вторымъ номеромъ.

Петръ I, устраивая это забавное торжество всенародно, въ то же время печатаніемъ гравюры давалъ возможность всѣмъ отдаленнѣйшимъ жителямъ Россіи познакомиться съ юмористической затѣей. Въ соответствіе этой гравюры есть другая: шутовской объѣдъ въ другой залѣ того же дома женщинъ.

²⁾ Послѣдній патріархъ Адрианъ скончался незадолго до этого: 16 ноября 1701

придавъ Ромодановскому не столько изъ уваженія, какъ это увѣряютъ позднѣйшіе писатели, сколько изъ шутовства, ради насмѣшки; но съ княземъ шутить было опасно, смѣяться надъ его званіемъ и разсуждать о его значеніи мало кто рѣшался, и вотъ почему въ письмахъ, реляціяхъ и всевозможныхъ форменныхъ бумагахъ, либо о немъ, либо къ нему писанныхъ, мы нигдѣ не видимъ какой-либо остроты надъ его званіемъ, и только два-три слова, да общій тонъ нѣкоторыхъ къ нему писемъ Петра разоблачаютъ предъ нами настоящее значеніе сего званія.

Что касается до Зотова, то къ нему относились смѣлѣе; царскіе любимцы позволяли себѣ иногда шутить надъ нимъ, хотя не безъ риска, ибо, если въ вѣдѣніи Зотова не было застѣнка, въ рукахъ кнута, а на дворѣ медвѣдей, готовыхъ, по мановенію господина, помять дерзкаго (какъ это было при Ромодановскомъ) ¹⁾, то за нимъ была власть опонть или не опонть лицу, его прогнѣввишее.

Вотъ что рассказываетъ по этому поводу Неплюевъ, хорошо знавшій Зотова. Полковникъ Блеклый имѣлъ съ князь-папой тяжбу; рѣшалась она въ сенатѣ. Блеклый былъ правъ; Яковъ Долгоруковъ общалъ ему свое содѣйствіе, но, вопреки данному имъ слову, Блеклый былъ обвиненъ, и между прочими сенаторами, подписавшими неправый приговоръ, былъ Яковъ Долгоруковъ. Это обстоятельство поразило Блеклаго. Онъ съ негодованіемъ жаловался всеѣмъ и каждому на такой странный поступокъ. „Что ты правъ, то я вновь повторяю, говорилъ Долгоруковъ, и совѣтую подать апелляцію на сенатское рѣшеніе, а на меня челобитную къ государю“.

Блеклый такъ и сдѣлалъ. Государь разсмотрѣлъ тяжбу и нашелъ, что челобитчикъ правъ. Призываютъ кн. Долгорукова. Петръ спрашиваетъ: какъ онъ могъ подписать такое рѣшеніе? „Блеклый правъ, а Зотовъ виноватъ,—вновь повторилъ правдивый сенаторъ,—по сильная рука Зотова превозмогла; нынѣ наступили святки, а онъ брата моего, по злобѣ на него, уже опонлъ ²⁾, то если бы я обвинилъ Зотова, мнѣ предстояла бы та же участь. А какъ ты, государь, заключилъ водкобоязливый сановникъ, передѣлаешь и насъ обвинишь, такъ не на кого будетъ и сердиться Зотову“...

Этотъ владыка мощный, между прочими титулами, носилъ званіе

¹⁾ О пересылкѣ его ученыхъ медвѣдей въ Слб. въ монхъ бумагахъ есть документъ 1720 г.

²⁾ Дѣянія Петра I-го, изд. 1843 г., т. XV, стр. 124—125.

всесвятѣйшаго. „Мы здѣсь, пишетъ государь въ 1705 г. изъ Мятавы къ Головину, великое несчастье имѣемъ, понеже господишъ Ленингоптъ, яко Нарцисъ отъ Эхо, отъ насъ удалется. Пожалуй, поклонъ отдай всесвятѣйшему и прочимъ, за котораго благословеніе всё до лица земли челомъ колотимъ, или бьемъ“.

Отъ военныхъ бурь, походовъ и непріятностей бивуачной жизни, государь, при первомъ досугѣ, спѣшилъ отдохнуть въ лонѣ любимаго собора; такъ, напримѣръ, въ письмѣ къ Головину изъ Минска, отъ 12-го марта 1706 г., дѣлалъ распоряженія о присылкѣ въ порубежный городъ Великія Луки желѣзныхъ пушекъ, дробовиковъ, ядеръ и дрови, государь тутъ же отиѣчаетъ: „Пожалуй, доложи, паче же побей челомъ, чтобы всесвятѣйшій (Зотовъ) изволилъ конечно къ празднику быть въ Нарву и съ собою взялъ (владыкъ) Казанскаго и Мусина (Пушкина); тако-жъ изволь имъ придать Гаврилу Меншикова, чтобъ скорѣе ѣхали, и конечно къ празднику стали въ Нарву“.

Скучалъ государь безъ собора, скучалъ и соборъ, въ лицѣ своихъ шуточныхъ представителей, безъ шумѣйшаго протодьякона.

„Прелюбезнѣйшему сыну нашему и сослужителю нашея мѣрности, протодіакону Петру, миръ и благословеніе, и молитвы наши да будутъ съ вами!—такъ писалъ Петръ Бутурлиинъ государю:

„Понеже мы веселимся въ С.-Петербургѣ, однако-жъ мы имѣемъ печаль великую, что вашу святость не имѣемъ при себѣ въ милости, а коли-бъ милость ваша и святость нашей епархіи была персона при насъ, веліе-бы веселіе.

„Пожалуй, отдай благословеніе отъ меня всешутѣйшему Киръ... Никитѣ Пресбургскому ¹⁾, за Яузскому отъ великихъ Мытищъ и до..... патріарху и всему сумасбродному собору.

„Смирный, царствующаго и великаго града С.-Петербурга, Ижерской и Кроншлотской Ингерманландіи, митрополитъ Петръ... благословеніе посылаю“ ²⁾.

(На оборотѣ: господину протодіакону Петру Михайлову).

Петербургскимъ владыкою съ 1706 до 1717 года былъ Петръ

¹⁾ Пресбургъ, бывшій въ 1691 году стольнымъ градомъ Ромодановскаго, былъ не что иное, какъ земляное укрѣпленіе, сооруженное Петромъ близъ Преображенскаго села, подъ Москвою, для его юношескихъ военныхъ погѣхъ.

²⁾ Привода подлинныя документы отъ слова до слова, мы однако не считаемъ нужнымъ сохранять ореографію того времени, такъ какъ ея особенности всёмо хорошо извѣстны.

Ивановичъ Бутурлинъ († 23 авг. 1723 г.). Этотъ сановитый и престарѣлый бояринъ принадлежалъ къ одной изъ древнѣйшихъ и именитѣйшихъ фамилій въ Россіи. Его близкій родственникъ, Петръ Васильевичъ Бутурлинъ, женатый на Анисѣ Михайловнѣ Самариной, былъ окольничимъ († 1716 г.), братъ палъ въ 1708 г. въ сраженіи подъ Лѣвнымъ, въ чинѣ капитана гвардіи; его родные племянники были любимцы Великаго Петра: изъ нихъ Иванъ Ивановичъ, генераль-аншефъ и гвардіи подполковникъ, заявилъ себя какъ искусный военачальникъ и суровый членъ розыскныхъ дѣлъ тайной канцеляріи; другой, Александръ Борисовичъ—красивый, расторопный денщикъ Петра, приближенное лицо къ цесаревнѣ Елисаветѣ, былъ впоследствии графъ, фельдмаршалъ и противникъ Фридриха Великаго. Двадцать девять Бутурлиныхъ въ 1699 году были богатыми помѣщиками.

И такъ, на сторонѣ Петра Ивановича Бутурлина были: знатность рода, богатство, большія связи—и все это не спасло его, какъ жаркаго поклонника Бахуса, отъ ближайшаго участія въ „всепьянѣйшемъ соборѣ“; да и не видать, чтобы онъ тяготился своимъ избраніемъ; напротивъ, изъ его писемъ видно полное довольство. Рано начавъ службу въ свитѣ всешутѣйшаго, онъ довольно быстро подвигался по іерархической лѣстницѣ шутовскихъ чиновъ. Мы встрѣчаемъ его въ 1702 году на потѣшной свадьбѣ князя Шанскаго; встрѣчаемъ здѣсь и супругу его въ костюмѣ русской царицы стараго времени ¹⁾; затѣмъ ни одно торжество, т. е. ни одно пьянство не обходится безъ его участія. Съ основаніемъ Петербурга государь далъ ему большее назначеніе, сдѣлалъ его, впрочемъ отъ лица собора и предсѣдателя, „владыкой“ новаго города. Въ Петербургѣ Петръ Ивановичъ Бутурлинъ окружилъ себя новыми членами: то были, по большей части, лица знатныя—по происхожденію, богатые—по состоянію, вѣчно пьяные—по душевной склонности и царскому назначенію.

Чадолюбивый пастырь довольно часто извѣщалъ государя о себѣ и о своемъ соборѣ.

„Сыну нашему и сослужителю, любезнѣйшему протодьякону Петру, миръ и благословеніе, и молитвы наши да будутъ съ вами!

¹⁾ Эта шутиха-царица со всѣмъ синклитомъ женскимъ изображена, по повелѣнію царя Петра, на особой большой гравюрѣ, 1702 г. См. примѣч. выше.

„Понеже мы просимъ васъ, дабы приказали отписать о своей святости до насъ, чего желаемъ повсечасно слышать, (то) повторяемъ. Просимъ отдать отъ насъ поклонъ брату моему, всепутѣйшему князю-патрѣ и духовнику Козьмѣ, архидіакону Гедеону и всему шумному собору. При семъ я, смиренный, царствующаго и великаго града С.-Петербурга митрополитъ Петръ... благословеніе посылаю. Спб. 19-го іюля лѣта“ (годъ не означенъ).

Государь милостиво отвѣчалъ Бутурлину, и тотъ спѣшилъ благодарить за вниманіе, при чемъ давалъ отчетъ о нѣкоторыхъ дѣлахъ, не совсѣмъ для насъ понятныхъ, такъ какъ мы не отыскали еще всей коллекціи его писемъ:

„Сыну и сослужителю нашей мѣрности, протодьякону Петру, миръ и благословеніе и молитвы моей да будутъ вамъ!

„Благодарство за твое писаніе, изъ котораго выразишь, что скорое къ намъ пришествіе твое не будетъ; о семъ много имѣю печали. Разумѣю же, что нѣсть вашего желанія къ намъ; причину показуешь намъ; (но) непріятнаго сосѣда (Карла XII) могъ бы, вапа милость, чрезъ другихъ удовольствовать (и) сосѣду воздати за его дѣло. Мы же долготерпѣливы суще; еще никакого на кельи, и сады, и фонтанахъ (нападенія) не учинимъ. Аще ли же не имѣете нужды, коя бы возбранила прибытію къ намъ, то сотворимъ, еже ипсахъ въ первомъ писмѣ; (о) Алеутовыхъ внучатахъ, по прошенію ризничаго, учинимъ (?).

„Прошу вашего все... ность, господине протодьяконъ, буди помощникъ и заступникъ, и обо мнѣ челобитчикъ всепутѣйшему патриарху: который крестьянинъ мой сбѣжалъ и получилъ монашескій чинъ, а нынѣ уже митрополитъ Казанскій ¹⁾, прошу дабы по правиламъ отданъ былъ въ крестьянство, по прежнему. Смиренный Петръ... Ижерской и С.-Петербургской. Съ Москвы 5-го января 1709 года“.

Годъ, означенный на посланіи, краснорѣчиво указываетъ на то, что даже во время войны съ Карломъ XII, въ борьбѣ тяжелой и упорной, когда всей Россіи грозила большая опасность, Петръ не измѣнялъ своему характеру.

Почти стоя предъ врагомъ, онъ обращаетъ взоръ къ пьянымъ

¹⁾ Эта просьба была не болѣе какъ шутка, а владыка Казанскій—ни кто иной, какъ одинъ изъ подчиненныхъ Бутурлину, членъ сиб. пьянаго собора.

отцамъ, отвѣчаетъ на ихъ письма, и весело пробѣгаетъ ихъ курьезныя посланія. Отвѣчать однако на нихъ часто не позволяло время, не позволяли тяжкіе труды; тогда Петръ Ивановичъ Бутурлинъ, пародируя папскія отлученія отъ церкви, посылалъ Петру за его молчаніе грозную грамоту:

„Отъ прешутѣйшаго и отъ пнянѣйшаго, отъ Петр.... митрополита великаго царствующаго града Санктпѣтербурха и Эрмоландіи, и всѣхъ принадлежащихъ городовъ, любезнѣйшему нашему сыну и сослужителю нашей мѣрности, протодьякону Петру, миръ и благословеніе наше есть и будетъ съ вами!

„Послаше отъ насъ къ вамъ грамота и, по той грамотѣ, мы отъ васъ письма не получили, и за то отрѣшаемъ васъ отъ шумства и отъ кабаковъ, дабы не ходить. А объ насъ изволишь вѣдать, и мы въ частыхъ трудахъ во всеошной пребываемъ; а паче печалимся, что васъ при себѣ не имѣемъ. Пожалуй, отдай поклонъ брату моему меньшому ¹⁾; (также) всешутѣйшему Кирь... князь-папѣ Аникитѣ и духовнику Козьмѣ, и архидіакону Гедеону, и дьяконамъ Александру, и Кіевскому Гаврилѣ, и С.-Петербуржскому дьякону Василью.

„При семъ смиренный царствующаго и великаго града митрополитъ Петр.... и со служителями, миръ и благословеніе посылаю. Сентября въ 20-й день“.

Грамота отлучительная скрѣплена красною, вензелевою печатью и для полноты шутки писана на большомъ листѣ.

Случалось (да и не рѣдко) петербургскому владыкѣ провиниться; тогда онъ просилъ у „отлученнаго“ прощенія и заступничества, причемъ облекалъ свою просьбу въ грубую форму тогдашней юмористики.

„1708 г. февраля 15-го дня. Преосвященной Петро.... корчага провинился въ томъ, что противъ своего обѣщанія, уже въ другой рядъ занялъ дворъ, противъ указу, и нынѣ въ томъ просить прощенія, съ такимъ закладомъ: ежели паки также провинится, то отдаетъ въ послуженіе, на нѣсколько времени, во всякую волю жену свою Аксиныю Михайловну ²⁾, которую предъ тѣмъ въ крайнемъ угожденіи имѣлъ окольничій Иванъ Ивановичъ Чаадаевъ, несмотря на то, что она ему невѣстка была. Петръ Бутурлинъ“.

¹⁾ Вѣроятно, капитану гвардіи Борису Ивановичу Бутурлину, убитому подъ Лѣснымъ; следовательно отлученіе отъ кабаковъ писано не позже 1708 г.

²⁾ П. И. Бутурлинъ женатъ былъ впоследствии на графинѣ Аннѣ Еремѣевѣ Зотовой, рожденной Пашковой (Род. кн. ч. 2, стр. 158); но кто была упомянута здѣсь Аксиныя

†

„Нашія высокопочтенныя мѣрности: сыну и сослужителю, священно-протоіакону, всероссійскому императору, непобѣдимому Августу, великому государю, царю Петру Алексѣевичу и всему его христіюлюбивому воинству, обоихъ путей, какъ преславному флоту морскому, такъ и сухопутной арміи, отъ всемогущаго Бога, мира, здравія многолѣтнаго, со приумноженіемъ всякихъ благъ, всеусердно жалаемъ, и наше благословеніе преподаемъ.

„Сего настоящаго сентября 21-го дня, отъ вашего величества, за подписаніемъ собственныя вашей руки, получили мы писаніе, и отъѣнное намъ неизреченныя радости о благополучной побѣдѣ на враговъ и о взятіи преславнаго града Абова, со всею финскою провинціею; о чемъ радостными душами Господа Бога молимъ, дабы и впредь оружіе ваше благословило, и на враги ваша побѣду даровало; и сею виеторіею васъ поздравляемъ.

„А отъ великія радости, за преумножительныя ваши воинственныя труды, кую вамъ хвалу принесемъ? понеже ваше дѣло превосходитъ всякаго разума; но токмо едино совокупно со святою церковію, еже поютъ въ день Свѣтлага Христова Воскресенія, и мы торжествуемъ днесь спасеніе міру, яко всероссійскому народу, воскресилъ Христосъ, и нынѣ даруетъ всякихъ благъ исполненіе свободное и отъ враговъ нашихъ безстрашное житіе.

„При семъ просимъ и благонадежно ваше величество, и все воинство молимъ, для сей великой радости сотворите, яко же и мы сотворихомъ, чашу спасенія душевнаго и тѣлеснаго примите и имя Господне призовите; потомъ, утѣшенія ради, употребите по немалой красовулѣ отъ прилучившагося питія, и нашего смиренія не забывайте. За сіе и паки, благодаря Господа Бога, миръ и благословеніе ведемъ вамъ преподаемъ. Smirennny Anikit, властною рукою“.

«Изъ Москвы, сентября 22-го дня, 1713 г.»

На оборотѣ: „Всемилоств. государю, его царскому велчеству“.

Михайловна, была-ли она первая жена Бутурлина, или онъ въ шутку ее называетъ женой—неизвѣстно. Нашъ вопросъ (1861 и 1872 гг.) получилъ отвѣтъ въ томъ же 1872 г. отъ Петра Федоровича Самаряна: Аксинья Михайловна Самарина была замужемъ за окольничимъ Петромъ Васильевичемъ Бутурлинымъ († 1716 г.). Князь-папа въ шутку называлъ Аксинью Михайловну своею женою. «Аристократка»—Аксинья Михайловна грамоты однако не знала; въ первомъ бракѣ она была замужемъ за Ив. Ив. Чаадаевымъ. См. «Русскую Старину» изд. 1872 г., т. VI, стр. 559—560.

Читатель приведенных документов, может быть, замѣтитъ что въ нихъ не видать собственно петровскаго юмора; всё эти письма не его руки, не его сочиненія; такъ, но они писаны въ духѣ и тонѣ Петровомъ, и, какъ ниже увидимъ, нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что первоначальная форма посланій Бутурлина и графа (съ 1710 г.) Зотова съ товарищи указана самимъ Петромъ; такъ по крайней мѣрѣ мы имѣемъ право думать, имѣя предъ собой цѣлый рядъ шуточныхъ объявленій и посланій, которыя составлялись отъ лица князь-папы, но всегда съ черновыхъ, собственноручныхъ писемъ великаго государя.

Кромѣ того, одинъ взглядъ на письма Бутурлина достаточно показываетъ, что ихъ изложеніе, манера писавшихъ, вступленіе и заключеніе есть ни что иное, какъ пародія на русско-старинныя грамоты, разсылавшіяся отъ различныхъ лицъ; подобную форму писемъ Бутурлинъ съ товарищи не иначе могли взять, какъ по указанію, либо изъ угожденія государю.

А юморъ Петра появлялся не въ одной только перепискѣ. Онъ заявлялъ себя въ поступкахъ громаднхъ и всенароднхъ. Къ числу подобныхъ проявленій Петрова юмора мы относимъ свадьбу князь-папы.

Къ этой свадьбѣ подалъ поводъ старикъ графъ Зотовъ тѣмъ, что вздумалъ отпроситься въ Москву съ цѣлію поступить въ монастырь. Петръ, вмѣсто этого, указалъ ему въ Москвѣ выбрать жену, — 70-ти лѣтній старикъ былъ вдовъ. „Генералу-президенту Ближней канцеляріи“ и верховному жрецу Бахуса любо показалось это предложеніе, и онъ послѣшилъ обратиться къ государю съ слѣдующимъ письмомъ:

†

„Премногомилостивый государь, царь Петръ Алексѣевичъ! Доношу вашему величеству, яко самому Богу: получилъ я отъ вашихъ государскихъ устъ изволеніе ваше со утвержденіемъ истиннымъ, что въ монастырь меня отпускать и монахомъ быть не изволите; а указалъ мнѣ, для домоваго осмотрѣнія, имѣть въ супружествѣ жену, избравъ добрую, средовѣчную, дабы старость мою покоила; и нынѣ, по вашему царскому милостивому призрѣнію, для покоя старости моей, указано мнѣ пожить на Москвѣ до зимняго пути, а если, государь, въ сихъ числахъ обратится жена, къ супружеству моему

годная, позволю, милостивый нашъ государь, мнѣ здѣсь въ Москвѣ супружество принять не разглашательное, и отъ разбивки злыхъ челоуѣкъ петербургскимъ жителямъ сокровенное; а впредь, государь, мнѣ къ тому такого удобнаго времени не получить; а въ прїѣздѣ, государь, нашемъ въ Петербургъ, какую изволишь для увеселенія вашего государскаго публику учинить, то радостною охотою васъ, государя, тѣшить готовъ, только-объ бабу супружествомъ изъ Москвы уволочь, а безъ того никакая вдова съ женихомъ безъ супружества ѣхать не похочеть, по замерзѣлому своему стыду.

„Сіе все да будетъ въ волѣ вашей государской, о семъ прошу вашего царскаго милостиваго извѣстія. При семъ благонадежно пребываю, и миръ и благословеніе вамъ преподаю. Smirennıi Anikit, властною рукою“.

«Изъ Москвы, октября 2-го дня 1713 г.»

„Пожалуй, государь, прикажи сына моего Конона отпустить къ Москвѣ для свиданія съ братомъ его, Иваномъ, на одрѣ смертномъ лежаща, также и платьишкомъ обносился, дабы вновь что сдѣлать, и чтобъ меня засталъ на Москвѣ“.

На оборотѣ: „Великому государю, его царскому величеству“.

Свадьба была совершена въ 1715 году; мы не станемъ передавать ея подробностей, такъ какъ у Голикова напечатано довольно обстоятельное ея описаніе ¹⁾, но нельзя не упомянуть объ этой интересной церемоніи.

Приготовленія къ ней начались еще въ сентябрѣ 1714 годѣ.... Но здѣсь необходимо остановиться на слѣдующемъ характерномъ эпизодѣ. У Зотова отъ перваго брака были дѣти; изъ нихъ старшій сынъ, Кононъ Никитичъ, съ отличіемъ служилъ капитанъ-лейтенантомъ и исполнялъ многія важныя порученія государя. Свѣдавъ про предстоящую шутовскую свадьбу отца, Кононъ Зотовъ глубоко огорчился. Устрашила-ли его мысль, что отъ новаго брака могутъ быть дѣти, которыя оттѣснятъ его и брата Ивана отъ отцовскаго наслѣдства; быть можетъ обидѣло его и поруганіе, на которое, впрочемъ, мы, какъ видѣли, самъ старикъ Зотовъ напрашивался. Какъ бы то ни было, но Кононъ Никитичъ ударилъ государю слѣдующимъ челобитьемъ:

¹⁾ Дѣянія Петра, изд. 1843 г., т. VI, стр. 277—290. Мы сочли не безынтереснымъ перепечатать въ прилож. (№ 1) рассказъ Голикова, основанный на подлинныхъ документахъ.

„Державнѣйшій царь, государь милостивѣйшій! Смѣлости иже приѣмлю въ приношеніи сего, не есть иная причина, только единое упованіе въ премилостивое призрѣніе вашего величества, яко суще образъ Божій, видимъ его неизмѣнно свѣтятся божескими добродѣтелями.

„Умилосердись, государь! предвари искушенію діавольскому, и хотящей намъ быти наглою напасти: подлежить убо сіе вашей премудрости и милости. Такимъ-ли вѣнцомъ пристойтъ короновать конецъ своей жизни, яко нынѣ приведенъ отецъ мой чрезъ искушеніе? Смѣло называю искушеніемъ, понеже премудрость Соломонова такими гнушается, написавши, яко трехъ вещей возмердѣ его совѣсть, изъ нихъ же гнуснѣйшее бысть предъ нимъ старыхъ прелюбодѣйство, суще умаленныхъ смыслу. По сей пунктъ отдаю послѣдній мой сыновской долгъ, душевнымъ плачемъ моля ваше величество, дабы изволеніе ваше причинствовало его совѣсти умному о себѣ расположенію.

„А что я вмѣняю себѣ въ напасть, и то есть, что онъ такъ долго не можетъ жить, какъ бы еще могъ безъ сей женитьбы продлить свою жизнь. Я въ его здоровѣіи оной (мачихѣ) весьма не вѣрю, но чаю, что польстя себя наслѣдствомъ по смерти его всего, получить свободу, какъ можно будетъ радѣть; есть бо противъ натуры желающему съ недовольствуемымъ жить: крайняя же моя погибель, что я отъ него ничего не имѣю, во опредѣленіе къ моей грядущей въ службѣ вашей жизни; конечно еще я вѣрю, что она для того идетъ въ замужество, чтобъ ей насъ, дѣтей его, лишитъ отъ Бога и отъ васъ, государя, достойнаго намъ наслѣдства, которыми вы удостоили отца нашего, чая по немъ отъ насъ заслуги; для покоя старости его довольно будетъ, если укажетъ ваше величество брату моему, Ивану, быть при немъ; который такъ долгое время за его же волю коснѣлъ, и милости вашей былъ удаленъ; однако нынѣ, изволитъ говорить намъ отецъ нашъ: „я бы и радъ отречся моей женитьбы; но не смѣю царское величество прогнѣвать, столько-де стариковъ собрано для меня, и платья надѣлано“. Все сіе разсудя, помилуй и его старость, и насъ сиротъ, которыхъ такъ долгое время изволилъ имѣть подъ своимъ кровомъ, хотя нынѣ одинъ изъ насъ и обнесенъ предъ вашимъ величествомъ, что надлежитъ до его настоящего дѣла; понеже въ прочемъ предъ Богомъ и предъ вами, кто постоитъ или оправданъ можетъ быть, аще вся беззаконія наша

назрите. А когда уже сему положено быть непремѣнно, то можешь показать Богоподобное милосердіе, приказать отцу нашему закрѣпить старую духовную, и пункты къ нашему равнораздѣленому и безвраздѣбному житію: Онъ изволить говорить, что „я-де васъ не оставлю“, однако тому не вѣримъ, ибо онъ же говорилъ: „когда-де вы чрезъ волю мою по своему желанію производитесь, то вамъ такова чорта на шею навяжу, что вы своему животу не будете рады.

„Я надѣюсь, что ваше величество не въ той образъ нашу фамилію милостиво призрѣлъ, дабы мы отъ пришедшія внезапно утѣснены и разорены были. А сію прискорбность держалъ на сердцѣ моемъ такъ долго, какъ могъ, нехотя быть въ лицѣ навѣтниковъ отцу моему, а нынѣ крайняя нужда и видимая напасть принуждаетъ тако дерзвать предъ вашимъ величествомъ прямою совѣстію, яко предъ самимъ Богомъ, усмотрѣвая весьма, что онъ женится нарочно для особливаго, намъ невѣдомаго его (аще и неповинны) немилосердія. Не прогнѣвайся, государь, что такъ дерзнулъ трудить ваше величество; помысли, государь, яко кійждо имать ожидать милосердіе отъ трехъ, отъ Бога, отъ царя, и отъ отца. Нынѣ отецъ меня, близко того, что оставляетъ; вы, государь, призрите, хотя и не заслужилъ вашего милосердія, но помилуй яко Богоподражательный царь. Его-жъ величества есмь вѣчный рабъ Кононъ Зотовъ“.

«Слб., 14 января 1715 года».

Слезное моленіе Конона Зотова осталось неуслышаннымъ. Приготовленія къ свадьбѣ продолжались безостановочно.

Еще въ декабрѣ государь сдѣлалъ смотръ всѣмъ лицамъ, назначеннымъ въ свадебный маскарадъ, т. е. осматривалъ ихъ курьезныя платья, экипажи и проч. Все до послѣдней мелочи было назначено самимъ Петромъ; по его повелѣнію, именитѣйшія лица, начиная съ его супруги до послѣдняго деньщика, всѣ должны были принять участіе въ потѣхѣ. Въ рукахъ у каждаго былъ какой-нибудь инструментъ: гудокъ, балалайка, мѣдныя тарелки, колокольчики, скрипцы, собачья свистки, охотничьи дудочки, ворганы, трещотки, пузыри съ горохомъ и т. п. Въ числѣ „дамскихъ персонъ“ была „архіерейша“ Бутурлина въ нагольной шубѣ и лѣтникѣ; князь-игуменья Ржевская—въ шубѣ и тѣлогрѣбѣ. Приглашеніе гостей предоставлено было отборнѣйшимъ заикамъ и совершалось по особому

объявленію, составленному самимъ Петромъ. Въ этомъ документѣ ¹⁾ много юмору; но бѣлая часть саркастическихъ выходокъ теперь непонятна, такъ какъ неизвѣстны лица, противъ которыхъ онѣ направлены.

Молодые только по роли, а не по возрасту, были обвиняемы въ Архангельскомъ соборѣ девяностолѣтнимъ священникомъ. Въ храмъ и изъ храма процессія шла съ музыкою; къ дикимъ звукамъ свистковъ, гудковъ, тарелокъ и т. п. инструментовъ присоединялся колокольный звонъ всѣхъ церквей. Почти весь январь 1715 года проведенъ былъ въ пиршествахъ, въ церемоніальныхъ прогулкахъ по улицамъ столицы, въ выполненіи всевозможныхъ смѣшныхъ церемоній, на изобрѣтеніе которыхъ Петръ I былъ неистощимъ. Безчисленные толпы народа тѣснились по улицамъ и площадямъ московскимъ; чернь, щедро угощаемая виномъ да пивомъ, по словамъ Голикова: „только уважавшая достоинство патріарха, въ сіи дни съ великимъ смѣхомъ забавлялась насчетъ онаго“. (Изд. 1843, т. VI, стр. 289).

Если-бъ можно было перенестись въ эту толпу, побродить между зрителями, мы бы слышали, безъ сомнѣнія, не одинъ смѣхъ, не одно глумленіе. Нѣтъ! русскій простолюдинъ не могъ такъ скоро оторваться отъ завѣтныхъ преданій, не могъ такъ быстро отказаться отъ привычнаго уваженія патріарха, чтобы сочувствовать странной и несомѣлимъ понятной насмѣшкѣ надъ нимъ; были, вѣроятно, и въ толпѣ такія лица, которыя съ затаеннымъ недовольствомъ и ропотомъ смотрѣли на таковыя шутки. Но высказывать недовольство было дѣломъ щекотливымъ: каждый берегъ и спину, и голову, хулили и роптали одинъ на одинъ, за замкомъ, робко озираясь, нѣтъ ли извѣстчика; здѣсь же на улицахъ все покрывалось общимъ крикомъ пьянѣвшихъ изъ пьяныхъ: „Патріархъ женился! Патріархъ женился!“ Новые ковши вина и пива придавали еще болѣе восторженности, и лишь только одинъ возгласъ замиралъ, какъ раздавался новый крикъ: „Патріархъ женился! да здравствуетъ патріархъ съ патріаршей!“ ²⁾. И возгласы народа, подобно волнамъ морскимъ, переливаясь отъ толпы до толпы, долго не замолкали въ столицѣ россійскаго государства!.... ³⁾.

¹⁾ См. въ приложеніи № I. Голиковъ ошибочно говоритъ, что князь-папа, приглашенный на свадьбу, былъ Бутурлинъ. Бутурлинъ, какъ увидимъ ниже, возведенъ въ это званіе въ концѣ 1717 года, а до этого года, какъ самъ же Голиковъ на стр. 373 правильно указываетъ, Бутурлинъ именовался с.-петербургскимъ архіереемъ.

²⁾ Дѣянія Петра Великаго, т. VI, стр. 289.

³⁾ Приведа въ приложеніи подробный разсказъ Голикова о свадьбѣ князь-папы и сужденія того-же писателя, основанныя на разсказахъ современниковъ, о причинахъ и

II.

Чинъ избранія.

Въ концѣ 1717 года было зрѣлище не столь публичное, но не менѣе интересное: то были избраніе и поставленіе новаго князь-папы, на мѣсто умершаго Зотова ¹⁾).

Прежде всего для насъ въ высшей степени важно время, въ которое совершилось это торжество: то былъ декабрь мѣсяць 1717 года ²⁾). Государь въ лихорадочномъ нетерпѣніи ждалъ первенца-сына; царевича уже захватили сыпчики, его везли въ отчизну, для него готовилась роковая встрѣча. Страшась упустить жертву, Петръ посылалъ письмо за письмомъ, то къ царевичу, то къ Толстому и Румянцеву; первому посылалъ прощенія, позволялъ жениться на крѣпостной дѣвицѣ Ефросинѣ Ѳедоровнѣ; послѣднихъ же всячески торопилъ привозомъ сына. И въ эту-то эпоху, въ виду безконечныхъ пытокъ и казней московскихъ, суздальскихъ, преображенскихъ, петербургскихъ, Петръ находитъ досугъ и исписываетъ цѣлыя листы

цѣли этой потѣля, считаемъ не лишнимъ обратить вниманіе читателей на отзывъ о той же забавѣ историка Соловьева: «Свадьба Зотова заслужила особенное вниманіе: одни вооружаются противъ несправедливости этого торжества, другіе стараются оправдать его, и вообще хотятъ видѣть здѣсь насмѣшку надъ патріаршествомъ, желаніе унизить санъ, который хотѣлось уничтожить. Но мы знаемъ, что это была просто игра въ короли, папы и патріархи, игра понятная при тогдашнемъ состояніи юнаго общества. Зотовъ назывался Кокуйскимъ патріархомъ еще тогда, когда настоящій патріархъ былъ въ Москвѣ, когда, по всѣмъ вѣроятностямъ, не западала еще мысль объ уничтоженіи патріаршества; теперь этотъ Кокуйскій, шутовской патріархъ, вздумалъ жениться, и свадьбу его отпраздновали и рличнымъ его званію образомъ. Если предположить, что Петръ хотѣлъ посмѣяться надъ патріаршествомъ, то надобно предположить, что онъ хотѣлъ посмѣяться и надъ своею собственною царскою властью, потому что у него былъ и шутовской пресбургскій король, впоследствии кесарь; со смертью старика Зотова шутовское патріаршество упразднилось, но осталась князь-папа въ соответствии князю-кесарю («Исторія Россіи въ эпоху преобразования», С. Соловьева М., 1866 г., т. IV, стр. 284).

¹⁾ Зотова женили въ потѣшной свадьбѣ на Аннѣ Еремеевнѣ, рожденной Пашковой, въ первомъ замужствѣ за капитаномъ-поручикомъ Стремоуховымъ. Предчувствія Конона Никитича—о томъ, что у него съ братьями лягнется разладъ съ маичкой—оправдались. По смерти его отца, сенатъ присудилъ вдовѣ—четвертую часть имѣнія; Кононъ Зотовъ обратился, въ 1719 г., съ просьбой къ Петру и просилъ защитить его «отъ обиды наглої, безбогобоязливой и безстыдной...». Любопытно, что А. Е. Зотова, овдовѣвъ, вышла замужъ за новаго князь-папу, П. И. Бутурлина.

²⁾ Время избранія и поставленія новаго князь-папы обозначено въ письмѣ П. Бутурлина къ втуменѣ Ржевской: декабрь 1717 г. Церемонія совершалась при новомъ князь-кесарѣ, Иванѣ Ѳедоровичѣ Ромодановскомъ, возведенномъ въ это званіе по смерти отца, 17 сентября 1717 года.

бойко-юмористическими предписаніями о порядкѣ предстоящаго избранія и поставленія новаго князь-папы. Черновые списки перебѣливаются; онъ просматриваетъ и выправляетъ переписанное, затѣмъ на новомъ списокѣ дѣлаетъ новыя поправки; такимъ образомъ по три, да по четыре раза переправлена и передѣлана имъ почти каждая записка, относящаяся до всепьянѣйшаго собора.

Избраніе новаго главы началось просьбой собора къ князь-кесарю:

„Великій Г. К. Ц. имя. Извѣстно в. в., пишетъ Петръ отъ лица собора, что отецъ вашъ и богомолецъ ¹⁾ в. князь-папа, всешутѣйшій Аникита отъ житія сего отъиде, и нашъ сумазброднѣйшій соборъ остави безглавенъ; того ради, просимъ в. в. призрѣти на вдовствующій престолъ избраніемъ Бахусоподражательнаго отца“ ²⁾.

Князь-кесарь соизволилъ разрѣшить избраніе, послѣ чего приготовленія быстро начались:

„1) Сбору, приказывалъ Петръ, быть на старомъ дворѣ и оттуда итти церемонію въ палаты.

2) Сдѣлать лаговицы (вѣроятно, — мѣста для членовъ собора) по образцу, и обить аксамитами самой лучшей, лухской работы.

3) Окна забить войлоками до половины, снизу.

4) Надъ логовищемъ у каждаго повѣсить по флагѣ или иному судну, которыя хозяинъ пришлетъ.

5) Въ дверяхъ сдѣлать бочку поворотную, чрезъ чтобъ подавать потребное.

6) Караулъ для осмотра съ одною духовною особою (т. е. съ членомъ шуточного собора).

7) Въ залѣ уготовить мѣсто для избранія и поставленія папы.

8) Камора, гдѣ быть архи-игуменѣ и князь-игуменѣ съ балами“.

Какъ дѣятельно хлопоталъ государь о предстоявшемъ торжествѣ, видно изъ его отрывочныхъ замѣтокъ, разбросанныхъ на различныхъ бумагахъ; напримѣръ: „посовѣтовать — когда изберутъ (папу), какой знакъ дать вмѣсто пушекъ“? Либо такого рода отмѣтки для памяти: „1) Докладъ. 2) Мѣсто. 3) Время. 4) Платя Макарову. 5) М... Яну (т. е. Ивану Ромодановскому)“.

Уставъ или чинъ избранія долго занималъ Петра; онъ со-

¹⁾ Это слово въ подлинникѣ зачеркнуто.

²⁾ На подлинникѣ замѣчено: «и когда соизволить. Потомъ доложить, когда злекціи быть»; т. е. Петръ отиѣчалъ, что нужно вписать въ бѣловую просьбу, которой при дѣлахъ нѣтъ.

ставлялъ и дополнялъ его раза четыре,—наконецъ уставъ выразился въ слѣдующей формѣ:

„I. Чинъ избранія. Собраннымъ на старомъ дворѣ папы и съѣдшимъ архиереямъ: начинаютъ оны пѣть пѣснь Бахусову, потомъ восходитъ князь, великій ораторъ, на высокое мѣсто и чинить предиду, увѣщевая, дабы прилежно просили Бахуса и не по какимъ факціямъ, но ревностнымъ по ономъ сердцемъ избирали. И потомъ итти въ всѣмъ въ каменный домъ, по учрежденной конклавіи, по приложенному реестру“.

На реестрѣ и двухъ отдѣльныхъ спискахъ съ графою для числа участниковъ процессіи, порядокъ былъ обозначенъ такимъ образомъ:

„1) Весна ¹⁾	IIII
2) Синодальные (пѣвчіе).	IIII
3) Пѣвчіе государевы	IIII
4) Подстѣнная братія	IIII
5) Діаконы	IIII

¹⁾ Такъ назывались свистуны, набранные изъ различныхъ мѣстъ, мастера высвистывать по птичьи. По свидѣтельству Пащокина, на свадьбѣ князя-шута М. А. Голицына, въ 1740 г., тверскіе ямщики безподобными высвистами являли весну. Объ этихъ же свистунахъ говорить Третьяковскій въ извѣстномъ стихотвореніи на дурацкую свадьбу, бывшую въ ледяномъ домѣ.

Архиереи по одному	I
	I
	I
	I
	I
	I
	I
	I

„II. Пришедъ въ домъ каменный ¹⁾, вышнимъ жрецамъ заключиться въ оной конклавѣ: дому князь-папину (т. е. его служителямъ) въ другую; прочимъ чинамъ въ третій апартаментъ, а народу въ залу. И тако ношеденствіе сотворить, прилежно подвизаяся, яже о отцѣ Бахусѣ, дабы явилъ избраннаго подражателя себѣ, пастыря же намъ. И избираетъ трехъ персонъ кандидатовъ“.

Какъ видно изъ отдѣльной записки, это избраніе дѣлалось по особой просьбѣ цесаря: „Проводя отцевъ цесарь въ опредѣленное мѣсто и поклоняся, прося (просить) ихъ о прилежныхъ людяхъ Бахусовыхъ и о исправленіи настоящаго дѣла, дабы избрали трехъ особъ; и потомъ заточаетъ ихъ двери замкомъ и печатью, и отходить“.

„III. Утру бывшу, его князь-цесарское величество придетъ на мѣсто свое и сядетъ; тогда изъ конклавѣ и прочихъ мѣстъ придутъ всѣ по чину, и поклоняся, сядутъ на своихъ мѣстахъ.

„Во утріе, въ часу (?),—объясняетъ государь въ отдѣльной запискѣ,—приходитъ князь-цесарь (къ) собраннымъ уже внѣ всѣмъ. И отверзаетъ двери къ отцѣмъ; и повелитъ исходити на учрежденныя имъ мѣста, и прочимъ съ ними; самъ же садится на свой тронъ; назначенные же поклоняются и отходятъ въ особое мѣсто“.

„IV. Пошлется отъ князь-цесаря и отъ собора ключарь къ архи-игуменѣ, дабы балы прислала къ князь-игуменѣ.

„V. Пришедъ князь-игуменья (съ) послѣднимъ за нею балы діаконисамъ съ музыкою и, поклоняся, сядетъ противу князь-цесаря; балы же поставятъ предъ нею на столѣ.

„VI. Избранные же кандидаты да посадятся въ особой каморѣ на прорѣзанныхъ стульяхъ.

„VII. Тогда отъ собора посылаются папны архидіаконъ, клю-

¹⁾ Мы обозначаемъ разрядкой тѣ слова, которыя вставлены, либо измѣнены Петромъ на послѣднемъ, бѣловомъ спискѣ.

чарь и протодіаконъ свидѣтельствовать ихъ крѣпкимъ осязаніемъ. Они же, осязая, воскликнуть: „Габеть, габеть, габеть—оорамень!“

„Князь-цесарь,—объясняетъ государь въ особой запискѣ,—повѣлываетъ служителямъ князь-папы осматривать избранныхъ, которые служителя, (по) его указу, осматриваютъ: аще совершенное естество имѣютъ? Сіе чинятъ тако: сѣдящу оному или онымъ на прорѣзанномъ стулѣ, и открытъ епанчею; тогда подъ покрывало протягиваетъ руку, ему-же (т. е. кому-же) повѣрено отъ кесаря; и щупаетъ по подобію: и аще обрящеть довольно, да возгласить велегласно: „Габеть, габеть!“ аще-ли же ни то: „нонѣ габеть“¹⁾.

„VIII. По семъ свидѣтельствѣ, архиереи и протчіе сидящіе въ соборѣ идутъ по чину и берутъ балы, по единому, отъ руки князь-игуменн по два: бѣлое и черное, цѣлуя оную въ перси. Потомъ возгласить ключарь имя перваго кандидата.

„IX. Потомъ первая діакониса примааетъ ящикъ и ходитъ ко взявшимъ балы. Они же по ряду кладутъ въ оной ящикъ: хотящій—въ бѣлой, а нехотящій—въ черной. И когда все положатъ, тогда оныя принесетъ предъ князь-цесаря, гдѣ записываетъ (кто-

¹⁾ Въ этомъ пунктѣ избирательнаго чина пародируется обычай, нѣкогда существовавшій въ Римѣ при избраніи папы. «Возведеніе на престолъ римскаго первосвященника, рассказываетъ Вольтеръ, сопровождалось весьма странными обрядами, данъ тогдашней простотѣ и невѣжеству. Такъ, наприимѣръ, избраннаго папу сажали на прорѣзанной стулѣ, называемый *Stercoratum*, потомъ на тронъ, крытый порфирю» и т. д. *Voltaire. Essai sur les mœurs, t. II.* Рассказываютъ, что этотъ странный обычай возникъ съ того времени, когда на престолъ папскій возсѣла женщина. Это была папесса Іоанна, будто бы возведенная на престолъ въ 855 году, подъ именемъ папы Іоанна VIII. Она была родомъ вѣника изъ Майнца, называлась Гильбертою, и послѣ долгаго странствія въ монашескомъ платьѣ, пришла наконецъ въ Римъ. Здѣсь ея необыкновенный умъ и благочестіе привлекли къ ней вниманіе достопочтенныхъ отцевъ церкви, властію которыхъ и возведена она на тронъ первосвященника. Минимый мущина правилъ наслѣдіемъ ап. Петра и Павла 2 года, 5 мѣсяцевъ и 4 дня. Прощаствовалъ бы и дольше, еслибъ только не забеременнъ отъ одного кардинала, которому, разумеется, хорошо было извѣстно, какого пола былъ св. отецъ. Разрѣшеніе отъ бремени совершилось посреди Рима, во время крестнаго хода, при стеченіи безчисленнаго народа. Рассказываютъ, что мать-папа тутъ-же умерла, по другимъ-же, вскорѣ послѣ родовъ. Увѣряютъ, что обычай, осмѣянный Петромъ еще въ началѣ XVIII вѣка, сохранился и по настоящее время; говорятъ, что онъ былъ даже исполненъ при избраніи папы Пія IX, но что вѣрно—это то, что обрядъ удостовѣренія «въ годности папы» исполнялся еще въ XVII вѣкѣ, доказательство этого см. во II-мъ приложеніи къ настоящей главѣ.

О папессѣ Іоаннѣ писано было много и въ стихахъ, и въ прозѣ; англичанинъ Егбертъ Гринъ посвятилъ разсказу о ней цѣлую книгу, въ которой приводитъ свидѣтельства 135 различныхъ авторовъ; но многіе писатели, даже нѣкоторые изъ протестантовъ, отвергаютъ существованіе мать-папы. Въ русской литературѣ позднѣйшихъ годовъ есть особое любопытное изслѣдованіе г. Билъбасова о папессѣ Іоаннѣ, изд. въ Кіевѣ, въ 1870 г.

нибудь) изъ его бояръ, кому повелить. И сіе творить на каждое имя по единожды, восклицая оное, предъ положеніемъ баловъ“.

Порядокъ баллотировки совершался однако съ большими церемоніями, нежели какъ изложено въ IX пунктѣ „чина избранія“. Въ дополнительной запискѣ государь постановилъ слѣдующее:

„Князь-цесарь повелѣваетъ принести яйца.... для выбора (они замѣняли шары), и служители раздаютъ по два каждому; на каждое имя едино натуральное и другое обшито, (также) и отцѣмъ, сидящимъ въ епанчахъ и.... тайно держащимъ. Потомъ князь-цесарь осматриваетъ чашу (или ящикъ) покрытую и заключаетъ оную своею печатью. И повелѣваетъ гласити перваго имя. И носити на его имя, поднося чашу къ каждому. Отцѣмъ подобаетъ класти яйца, аще кого соизволяетъ, то натуральное (вѣроятно—куриное), аще же кого не соизволяетъ, то обшито да кладеть.

„Когда всѣ яйца уже положить, тогда приносятъ чашу предъ цесаря. Онъ же отверзаетъ предъ всѣми и сыплеть на столъ предъ собою и раздѣляетъ, сколько натуральныхъ, и сколько обшитыхъ. И повелитъ записать. Потомъ паки пустую чашу заключаетъ, и равнымъ образомъ на другога имя и третьяго балотируетъ. Потомъ же, когда уже на всѣ имена балотировано, тогда архидіаконъ велегласно читаетъ предъ князь-цесаремъ, сколько на кого вынялось. И на комъ болѣе натуральныхъ будетъ, тотъ да наречется“.

. Затѣмъ по

X-му п. „чина“: „Когда изъ трехъ, на кого болѣе баловъ падеть, тогда по онаго пошлется ключарь и архидіаконъ. И приведши постави (тъ) прямо (предъ) лицомъ князь-цесаревымъ, среди собора. Первый изъ жрецовъ говоритъ рѣчь новоизбранному.

XI. „По окончаніи же рѣчи, одѣнуть его папиною мантиєю, и (надѣнуть на него) шапку. А плѣшивые подъемятъ на главы свои, и несутъ на его престолъ, и поютъ князь-цесарю и новоизбранному многолѣтіе.

XII. „Потомъ цѣлуютъ его всѣ въ руку, держащую орла ¹⁾; такожъ и въ..., подъ лономъ. И піютъ изъ десницы въ знакъ присяги вѣрности закона.

¹⁾ Известно, что этимъ пшнемъ названъ былъ чудовищной величины кубокъ, который должны были осушать сановники, а иногда и сановницы, въ видѣ шуточного наказанія за несоблюденіе нѣкоторыхъ обычаевъ, напримѣръ, за невниманіе къ князь-цесарю, къ князь-папѣ и т. п.

ХІІІ. „Потомъ приносятся столы князь-цесарю и новозбранному, такожъ архиереямъ и прочимъ знатнымъ; гдѣ никакая ядь (т. е. кушанья) не становится, токмо оныя балы съ ихъ долгими и ихъ гнѣздами.

„И тако сотворившуся, посаждаютъ новозбраннаго въ ковшь (громадныхъ размѣровъ). И провождаютъ всеѣмъ соборомъ къ дому его. И опускаютъ (князь-папу) въ чанъ, какъ и прежде бывало, наполненный пивомъ и виномъ ¹⁾. И пиво изъ онаго расходятся ²⁾“.

За чиномъ избранія слѣдовалъ чинъ поставленія; это уже было какъ-бы посвященіе новаго главы на поприще многотрудное, въ сагѣ высокоѣ и знаменательномъ. Обрядъ поставленія былъ важнѣе, значительнѣе обряда избранія, почему производился еще торжественнѣе; здѣсь было больше церемоній, одна другой своеобразнѣе; больше пѣли, больше говорили, наконецъ пили, пили и пили. Нѣкоторыя мѣста сего чина, отъ перваго до послѣдняго слова составленнаго „протодіакономъ шумнаго собора—Петромъ“, блещутъ неподдѣльною веселостію... Несмотря на чрезвычайную грубость формы, съ которою волею-неволею миришься, вспоминая время сочиненія, многія слова, обороты, цѣлыя рѣчи и предписанія до того остроумны, что даже и въ настоящее время срываютъ улыбку. Справедливость нашихъ словъ вполне подтверждается текстомъ любопытныхъ документовъ.

III.

Чинъ поставленія.

1) „Когда все уже собраны и сядутъ на своихъ мѣстахъ, тогда приходитъ поставляемый. Предъ нимъ-же несутъ двѣ фляги, одна вызолочена, другая высеребрена; и два блюда одно съ огурцами, другое съ капустой ³⁾“.

¹⁾ Отдѣльная записка Петра, приведенная выше, заключается слѣдующимъ варьянтомъ: «Два первые отъ сидящихъ отцовъ идутъ. И приводятъ нареченнаго предъ цесаря, который поздравляетъ ему, такожъ и вси. И поютъ многолѣтіе князь-цесарю и новозбранному. Потомъ повелитъ (цесарь) на особомъ стулѣ близь себя сѣсти оному (т. е. новозбранному). И потомъ бываетъ орлочитаніе за радость избраннаго (т. е. пьютъ). Когда же все совершится, тогда князь-цесарь повелѣваетъ новозбранному и прочимъ идти къ столу, гдѣ во очію поставляются яйца, бывшія на избранія, прочее же ничто (?)».

²⁾ «Чинъ избранія» имѣется въ нѣсколькихъ спискахъ, и каждый изъ нихъ представляетъ больше или меньше варьянтовъ.

³⁾ Чинъ поставленія мало измѣнялся при приѣмѣ въ соборъ жрецовъ и другихъ меньшихъ членовъ; перемѣнялся только нѣкоторыя слова. При представленіи цесарю о по-

2) „Когда придетъ предъ поставляющаго, тогда поклонится; и оные дары, едино по другому, вручаетъ поставляющему, говоря краткій комплиментъ о своемъ поставленіи; потомъ сядетъ противъ поставляющаго.

3) „Тогда поставляющій вопрошаетъ его разные вопросы и отвѣты. На что избранный и отвѣщаетъ. Потомъ поставляющій папи говоритъ ¹⁾. Вопрошаетъ поставляющій: „что убо брате пришелъ еси и чего просиши отъ нашея немѣрности?“

4) „Отвѣщаетъ поставляемый: „еже быти сыномъ и сослужителемъ вашея немѣрности ²⁾“. А ежели папа поставляется, то глаголетъ: „еже быти крайнимъ жрецомъ и первымъ сыномъ отца нашего Бахуса“.

5) Поставляющій глаголетъ: „Пьянство Бахусово да будетъ съ тобою ³⁾“.

Еще вопрошаетъ: „Како содержиши законъ Бахусовъ, и во ономъ подвизаешься?“ ⁴⁾.

6) Поставляемый отвѣщаетъ:

„Ей орла подражательный и всепьянѣйшій отче! Возставъ по утру, еще тьмѣ сущей и свѣту едва являющуся, а иногда и о полунощи, сливъ двѣ или три чарки, испиваю. И продолжающуся времени не иначе, но симъ же образомъ препровождаю. Егда же придетъ время обѣда, пью по чашкѣ не малой; такжеже перемѣняющимся брашнамъ всякій рядъ разными питьями; паче же виномъ, яко лучшимъ и любезнѣйшимъ Бахусовымъ (питьемъ) чрево свое, яко бочку, добрѣ наполняю; такъ что иногда и ядѣмъ (кушанья),

ставляемыхъ жрецахъ или владыкахъ говорилось: «приводятся бахусолюбивѣйшіе избранные (номинаты имперекъ), поставляются бахусовозлюбленнымъ — городамъ». Цесарь отвѣчалъ: «Сила Бахусова да будетъ на васъ!»

¹⁾ На одномъ изъ списковъ противъ этого пункта рукою Петра отмѣчено: «вписать вѣсто сего подлинныя вопросы и отвѣты». Тѣ и другіе, имъ же составленные и пронумерованные, написаны на особомъ листѣ, съ котораго мы и переносимъ ихъ въ соответствующее мѣсто.

²⁾ Вариантъ: «Еже сумасялится въ бахусовозлюбленныхъ кабакахъ, имперекъ городамъ».

³⁾ Въ другихъ спискахъ вѣсто пьянство сказано обжорство. На приведенномъ нами спискѣ выставленъ 1721 годъ. Не только точно, но и приблизительно опредѣлять время составленія каждаго документа невозможно, такъ какъ на нихъ время не обозначено, въ печати же до сихъ поръ ничего или почти ничего не было о предметѣ настоящаго разсказа. Такъ, напримѣръ, трудолюбивый Голиковъ всего два или три упоминаетъ о Петрѣ Бутурлинѣ, и то сбивается и путаетъ факты. Безъ сомнѣнія, списки разбираемыхъ нами чиновъ составлялись въ разное время, вслѣдствіе новаго избранія въ жрецы или въ папы, подновлялись, являлись вставки и проч.

⁴⁾ Вариантъ: «Како пьете? Явите своя сиршая?» и т. д.

мимо рта моего. носимымъ отъ дрожанія моего десницы, (въ) предстоящей въ очесахъ моихъ мглѣ (не вижу). И тако всегда творю. И учить мнѣ врученныхъ общаюсь. Инако же мудрствующія отвергаю, и яко чужды творю, и... матствую всѣхъ пьяноборцевъ. Но я жо, (какъ) выше рѣхъ, творити общаюсь до скончанія моей жизни, съ помощію отца нашего Бахуса, въ немъ же живемъ, а иногда и съ мѣста не движемся, и есть-ли мы или пѣть не вѣдаемъ; еже желаю тебѣ, отцу моему, и всему нашему собору получитьи. Аминь ¹⁾“.

7) „Поставляющій глаголетъ: „Пьянство Бахусово да будетъ съ тобою, затемнѣвающее, и дрожающее, и валяющее и безумствующее ты во вся дни жизни твоея“.

8) „Потомъ поставляемый кленкнувъ (т.-е. упавъ на колѣни), ляжетъ персями, руками и главою на подлежащую делву; а жрецы поютъ пѣснь Бахусову“.

Какъ кажется, пѣснь эта ни что иное, какъ слѣдующее воззваніе, сохранившееся въ двухъ отдѣльныхъ замѣткахъ: „О всепьяннѣйшій отче Бахуса, отъ сожженія Семиллы рожденный, изъ Юпитеровой... возвращенный! Изжателью винограднаго веселія, и проведшему оное сквозь огонь и воду, ради вящша утѣхи возслѣдователямъ вашимъ! Просимъ убо тебя со всѣмъ симъ всепьяннѣйшимъ соборомъ: умножи сугубо и настави сего вселенскаго князь-цесаря Іоанна (Ромодановскаго) стопы во еже тещи влѣдъ тебѣ! И не точію тещи сему, но и во власти сущихъ вестя. Также да вси послѣдуютъ стопамъ твоимъ! И ты, всеславнѣйшая Венусъ, множа умножи отъ своего..... къ сего заднему! Аминь!“

9) „Потомъ поставляемый, вставъ приходитъ къ поставляющему, гдѣ облачаютъ его архиереи во всѣ одежды, кромѣ шапки“.

¹⁾ Эта рѣчь нѣсколько разъ и весьма старательно передѣлывалась Петромъ Великимъ. Укажемъ на важнѣйшіе варианты противъ приведеннаго текста двухъ другихъ списковъ: «Ей орлоподрожательный всепьяннѣйшій владыко! Вопросенное тобою, по слгъ мой, исправлю. Аще егда утреннее, еже выше рѣхъ, еще не минуется, а обѣду уже настоящаго времени, пью по чашкѣ не малой» и т. д. Послѣ словъ: «въ очесахъ моихъ мглѣ»—чит.: «наче же тшуся, чтобъ отъ оныхъ нитей мозгъ мой и умъ непрестанно въ густыхъ туманяхъ, и въ пьяной мглѣ пребывалъ» и т. д.

Въ другомъ списокѣ вариантъ значительнѣе: «Еще не точію утро единое, яко же взрекомъ препровождаемъ, но въ полдни ваче испиваемъ; на вечеръ же великую смощницу употребляемъ. Также въ среднощіе и въ первое, второе и третье кураташеніе творимъ. Яко мѣху или делвѣ (т.-е бочкѣ) надутся утробамъ нашимъ, опухлѣти очесамъ, осинѣти лицу, трастися рукамъ и прочее. Сіе же общаемся не точію самимъ творити, но и врученнымъ намъ стадамъ также являти; противужемудрствующихъ отвергаемъ и... матствуемъ».

Облаченіе сопровождалось слѣдующими возгласами архиерецовъ: При возложеніи одежды: „облачается въ ризу певѣденія своего!“ Возлагая наплечники: „возлагаю, яко жерны сельскіе о винѣ твоей!“

Флягу возлагая: „сердце исполнено вина да будетъ въ тебѣ!“

Нарукавники возлагая: „да будутъ дрожащи руцѣ твои!“

Отдаля жезлъ: „дубина Дидана вручается ти: да разгоплениши люди твоя!“

10) „Первый жрецъ помазуетъ крѣпкимъ виномъ главу его и около очей образъ круга, глаголя: „такъ да будетъ кружиться умъ твой, и такіе круги разными видами, да предстанутъ очесамъ твоимъ отъ сего во всѣ дни живота твоего“. Тако-жъ (помазуетъ) обѣ длани, и четыре перста, ими-же и чарка пріемлется образомъ лученки, глаголя: „такъ да будутъ дрожати руцѣ твои во вся дни жизни твоей“¹⁾.

11) „Потомъ налагаютъ руки архиерецы; первый (изъ нихъ) читаетъ: „рукополагаю азъ пьяный сего нетрезваго: во имя всѣхъ кабаковъ, во имя всѣхъ табаковъ, во имя всѣхъ водокъ, во имя всѣхъ винъ, во имя всѣхъ каразиновъ, во имя всѣхъ брагъ, во имя всѣхъ бочекъ, во имя всѣхъ ендовъ, во имя всѣхъ ковшей, во имя всѣхъ плошекъ, во имя всѣхъ чарокъ, во имя всѣхъ стакановъ; тако-жъ во имя вкупѣ собранныхъ капарейки, синицы, жаворонка, синигря, соловья, чайки, сойки, грача, лебедя, ворона, сокола, кречета, орла великаго, корабля и кита, носящаго ихъ“²⁾.

12) „Потомъ налагаютъ шапку, съ возгласомъ: „вѣнецъ мглы Бахусовой возлагаю на главу твою. Да не познаеши десницы твоей, ниже шуйцы твоей, во пьянствѣ твоемъ!“ Послѣ чего поетъ: аксіось!“

13) „Потомъ сядетъ на свой престолъ и вкушаетъ орла; и прочимъ подаетъ. И тако оканчивается“³⁾.

¹⁾ Вариантъ: Поливан виномъ на главу, архиерецъ восклицаетъ: «помазуется помазаніемъ пьянства. Да буде вину затемнѣвающее, и дрожащее, и безумствующее во всѣ дни жизни твоея».

²⁾ Эти названія носили разнокалиберные сосуды, назначенные для питья; вѣроятно, они имѣли форму тѣхъ птицъ и животныхъ, имена которыхъ носили. При составленіи этого рукоположенія Петръ Великій непрерывно вставлялъ новыя имена, переимѣнялъ порядокъ прежнихъ и т. д.; это видно изъ черновыхъ собственноручныхъ его замѣтокъ.

³⁾ Приведенный нами списокъ поставленія имѣетъ много вставокъ и вариантовъ; на важнѣйшія изъ нихъ мы указали.

По желанію Петра, соизволенію князь-цесаря и большинству голосовъ членовъ собора, въ князь-напы избранъ былъ извѣстный уже намъ Петръ Ивановичъ Бутурлинъ, столь долго и безупречно правившій петербургскою епархіею пьяницъ, обжоръ и шутовъ.

Церемонія эта однако не могла быть совершена въ Петербургѣ; Петръ спѣшилъ въ Москву, въ сердце Россіи, чтобъ кончить свое дѣло съ сыномъ: тамъ отрѣшить его отъ престола, тамъ зачать его судъ, тамъ, наконецъ, казнить главнѣйшихъ изъ его совѣтниковъ и друзей.

15-го декабря 1717 г. государь поскакалъ съ своею свитою въ Москву, за нимъ на другой день выѣхала государыня и дворъ ея. 23-го числа оба они были уже въ Бѣлокаменной.

А 28-го декабря, со всею церемоніею и точнымъ выполненіемъ мельчайшихъ предписаній, данныхъ Петромъ, совершено было избраніе Бутурлина ¹⁾.

Вскорѣ послѣ избранія, а именно 10-го января 1718 года, совершенъ былъ обрядъ поставленія. Гдѣ былъ совершенъ обрядъ—изъ документовъ не видно, но если судить по подписи Бутурлина на письмѣ 29-го декабря: „Прешбургъ“, то надо думать, что оно было совершено близъ Москвы, въ Преображенскомъ. Тамъ развлекался государь въ ожиданіи подвоза сына и его сторонниковъ.

О благополучномъ совершеніи важнаго обряда возвѣщено было длинною реляціею; въ ней подробно изложено весь порядокъ церемоніи. Сочиненіе это не было напечатано, но за то видѣнный нами списокъ переписанъ съ замѣчательнымъ искусствомъ уставцемъ, по линейкамъ, церковно-славянскими буквами, между тѣмъ какъ всѣ остальные документы переписаны обыкновенною скорописью. Всѣ заглавныя литеры на этомъ спискѣ тщательно разукрашены киноварью. Безъ всякаго сомнѣнія, такая тщательная переписка сдѣлана была по волѣ Петра: въ этомъ видна его острота и насмѣшка надъ нелюбимой имъ старинной орѳографіей.

Вотъ эта интересная реляція ²⁾:

¹⁾ Надо думать, что въ началѣ подобныхъ церемоній дѣйствующія лица шли не много; въ противномъ случаѣ рождается вопросъ: какъ могли говорить затверженные рѣчи, какъ не путались поставляющіе и поставляемые, въ то время, когда языкъ не вращался и ноги плохо держали?

²⁾ Она имѣетъ довольно много вариантовъ противъ приведеннаго нами чина поставленія. Притомъ здѣсь сведено все въ надлежащій порядокъ, между тѣмъ какъ тотъ списокъ составленъ нами по отдѣльнымъ вставкамъ, дополненіямъ, замѣткамъ и проч.

„О чинѣ князь-папы поставленія въ (отъ?) епископы въ 1 недѣлю по крещеніи, января 10.

1) Повелѣно того дни жрецамъ, и всѣмъ прочимъ не освященнаго собора чинамъ съѣхатца на князь-папинской каменной дворъ пополудни въ 3-мъ часу.

2) Когда всѣ собрались въ князь-папинъ домъ, тогда въ князь-папинской палатѣ жрецы и другіе достойные сѣли на своихъ мѣстахъ.

Тогда посланные по новоизбраннаго отъ всего собора: ключарь старой, да кардиналъ протодіаконъ, и изъ уединенной его палаты, ввели его почтенно въ собранную палату.

Предъ нимъ несли двѣ фляги, наполненныя виномъ пылственнѣйшимъ; одна фляга позлащенная, другая высеребрена, и два блюда—одно съ огурцами, другое съ капустою.

Поставили предъ его кесарскимъ величествомъ, на изрядномъ, посланномъ, аксамитномъ луховскомъ коврѣ.

3) Архижрецы на высокомъ тронѣ сѣдѣли по степенямъ, справую и слѣвую стороны.

4) Тогда новоизбранный поклонялся его царскому величеству и жрецамъ сѣдящимъ трижды.

И вышепомянутые дары, едино по другомъ, подносилъ поставляющему, говоря краткій комплиментъ о своемъ поставленіи.

И потомъ сѣлъ на стулѣ прямо поставляющаго.

5) Тогда поставляющій вопрошалъ его: „что убо брате пришель еси и чесога отъ нашея немѣрности просиши?“

6) Тогда отвѣщаль поставляемый: „еже быти крайнимъ жрецемъ и первымъ сыномъ отца нашего Бахуса“.

7) Поставляющій глаголилъ: „пьянство Бахусово да будетъ съ тобою!“

8) Оный-же поставляющій еще вопрошалъ: „како содержиши законъ Бахусовъ и во ономъ подвизаеши?“

9) Поставляемый отвѣщавалъ:

„Ей орла подражательный и всепьяннѣйшій отче! Возставъ по утру, еще тмѣ сущей, и свѣту едва являющуся, а иногда, и о полунощи сливъ двѣ, или три чарки испиваю, и продолжающуся времени, не туне оное, но симъ же образомъ препровождаю; егда же пріидеть время обѣда, пью по чашкѣ не малой, такожде перемѣняющимся брашномъ, всякой рядъ не пусть препровождаю, но каждой рядъ, разными питьями, паче же виномъ, яко лучшимъ и

любезнѣйшимъ Бахусовымъ, чрево свое, яко бочку добрѣ наполняю, такъ что иногда и ядѣмъ мимо рта моего носимымъ, отъ дрожанія моея десницы, и предстоящей во очесахъ моей мглѣ; и тако всегда творю, и учити мнѣ врученныхъ общаюсь, инакоже мудрствующія отвергаю, и яко чужды и... матствую всѣхъ пьяноборцевъ; но якоже выше рѣхъ, творити общаюсь до скончанія моея жизни, съ помощію отца нашего Бахуса, въ немъ же живемъ, а иногда и съ мѣста не движемся, и есть-ли мы или нѣтъ не вѣдаемъ; еже желаю отцу моему, и всему нашему собору получитьи. Аминь“.

10) Поставляющій глаголилъ:

„Пьянство Бахусово да будетъ съ тобою затемнѣвающее, и дрожашее, и валяющее, и безумствующее тя во вся дни жизни твоея“.

11) Потомъ поставляемый кленкнувъ на колѣна и легъ, и преклонился персями, и руками, и главою, на подлежащую делву, и тогда жрецы пѣли пѣснь Бахусову.

12) Потомъ поставляемый вставъ, пришелъ на высокій амвонъ къ поставляющему, гдѣ облачали его архижрецы во вся одежды его, кромѣ шапки.

13) Тогда же первый жрецъ помазывалъ его крѣпкимъ виномъ, на главѣ его, и около очей, образъ круга, глаголя: „такъ да будетъ кружитися умъ твой, и такіе круги, разными видами, да предстанутъ очесамъ твоимъ отъ сего во вся дни живота твоего“; тако-жъ и обѣ длани, и четыре перста, ими же чарка пріемлется образомъ лученки, глаголя: „такъ да будутъ дрожати руцѣ твои, во вся дни жизни твоей“.

14) Потомъ налагали руки архижрецы, и первый читалъ рѣчь такову:

„Рукополагаю азъ старый пьяный сего нетрезваго:

Во имя всѣхъ пьяницъ,
 Во имя всѣхъ сляницъ.
 Во имя всѣхъ зерщиковъ,
 Во имя всѣхъ дураковъ.
 Во имя всѣхъ шутовъ,
 Во имя всѣхъ сумазбродовъ.
 Во имя всѣхъ литровъ,
 Во имя всѣхъ водокъ,
 Во имя всѣхъ винъ,
 Во имя всѣхъ пивъ,
 Во имя всѣхъ медовъ,
 Во имя всѣхъ каразиновъ,

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ КАКЪ ЮМОРИСТЪ

Во имя всѣхъ сулеевъ,
Во имя всѣхъ брагъ,
Во имя всѣхъ бочекъ,
Во имя всѣхъ ведеръ,
Во имя всѣхъ кружекъ,
Во имя всѣхъ стакановъ,
Во имя всѣхъ чарокъ,
Во имя всѣхъ картъ,
Во имя всѣхъ костей,
Во имя всѣхъ бирюлекъ,
Во имя всѣхъ табаконъ,
Во имя всѣхъ кабаковъ,
Яко жилище отца нашего Бахуса.
Аминь!

15) Потомъ наложили на главу его шапку и пѣли: аксіось!

16) Потомъ онъ новопосвященный сѣлъ на свой престолъ, на великую покрытую бочку, и вкушалъ вина изъ великаго орла и прочимъ всѣмъ подавалъ, пѣвцы же въ то время пѣли многолѣтіе кесарю и новопоставленному.

И оное окончавъ, вси распущены въ дома свои, князь-папа же, разоблачась отъ своей одежды, пошелъ въ свои покоевы палаты, и остался въ томъ домѣ“.

По совершеніи чиновъ избранія и поставленія, новый князь-папа поспѣшилъ возвѣститъ подвластныхъ ему пьяныхъ вѣрноподанныхъ о своемъ восшествіи:

„Понеже, по соизволенію великаго государя князь-цесаря Іоанна (И. Ѳ. Ромодановскаго), и соизволеніемъ всего сумазброднаго собора избранъ есмь азъ недостойный митрополитъ на превысочайшій сей князь-папы престолъ, того ради подтверждаю свое обѣщаніе, еже изрекъ при хиротоніи моей ¹⁾, предъ блаженныя и вѣчно достойныя памяти тогда отцемъ моимъ, нынѣ же братамъ, великимъ господиномъ Киръ-Никитою Прешбургскимъ, Яузскимъ и Калужскимъ отъ самыхъ м..... предъ всѣмъ сумазброднымъ соборомъ. Нынѣ же къ прежнему обѣщаю еще, обѣщаюсь вяще и вяще законъ Бахусовъ не точію исполнять, но и врученное мнѣ стадо денно и пощю тому поучать, еже да поможетъ мнѣ честнѣйшій отецъ нашъ Бахусъ, предстательствомъ антицесаревъ моихъ Милака (3) и Аникиты, дабы ихъ даръ духа былъ сугубъ во мнѣ. Аминь“ ²⁾.

Такимъ образомъ „всепутнѣйшій и всепьяннѣйшій“ въ одно и

¹⁾ Т. е. когда поставлялся въ архиереи.

²⁾ Писано рукой Петра.

то же время объявлялъ о своемъ восшествіи на князь-папинъ престолъ и подтверждалъ данный собору завѣтъ: оправдать ихъ лестный выборъ и пить, пить, да смотрѣть, чтобъ другіе пили до положенія ризъ. Но новопоставленный хотѣлъ, чтобъ всё ликовали по случаю его великаго торжества поставленія и потому спѣшилъ властною рукою разсыпать милости и возвысить въ высшія званія лицъ, ему подчиненныхъ.

Одну изъ первыхъ и самыхъ лестныхъ милостей удостоилась получить князь-игуменья:

„Всепумнѣйшая и всепутнѣйшая мати, писалъ къ ней князь-папа, возлюбленная о Бахусѣ дщи!

„Объявляемъ вамъ, что сего мѣсяца, въ 28 день, изволеніемъ вселепскаго князь-цесаря и всего сумазброднаго собора, избранъ есмь я недостойный и въ 29 день возведенъ на высочайшій князь-папинъ престолъ; и понеже наша неумѣренность всегда паству свою добрѣ смотрѣти и во оной пещиися общахуся, того ради и о васъ, яко древней, монах.... не и великой наставницѣ не припомнилъ, но его величеству князь-цесарю и всему собору предъявилъ ваши подвиги, чего ради его величество и соборъ соизволи(ли). Азъ же, аще и тѣломъ отстоимъ, обаче духомъ присутствуя, данною мнѣ отъ Бахуса властію произвожду тя отъ степени князь-игуменьиной въ архи-игуменьи, и яко присутствуя возглашаю: „аксіось, аксіось, аксіось!“ По учиненіи же вамъ сего возвышенія, на мѣсто ваше возведена монахиня, изъ дальнихъ пустынь пришедшая, Анастасія. Данъ въ Прешбургѣ. Мѣсяца декабря въ 28 день. 1717 года. Вселенскій князь-папа.

Петр.... “¹⁾.

Необходимо замѣтить, что князь-игуменей издавна уже была Ржевская, разбитная, смѣлая и угодливая старуха²⁾. Съ этимъ титуломъ она нѣсколько разъ встрѣчается въ разсказѣ Голикова при

¹⁾ Черновой списокъ руки Петра, бѣловой—Бутурлина.

²⁾ Князь-игуменей, а потомъ архи-игуменей была Дарья Гавриловна Ржевская, дочь Гаврилы Петровича Соковнина, родного дяди заученнаго Петромъ околыничаго, Алексѣя Прокофьевича Соковнина, пылкаго сторонника царевны Софьи. Анастасія, пожалованная званіемъ игуменей — есть княгиня Анастасія Петровна Голицына, дочь и наследница знаменитаго боярина Петра Ивановича Прозоровскаго. Она родилась въ 1655 г., скончалась въ 1729 г., на 74 году отъ рожденія; была статсъ-дамою, послала портретъ Петра I-го и исправляла должность придворной шутихи. (См. «Русскую Старину», изд. 1870 г., т. I, стр. 507; т. II, стр. 479 и 482).

описаніяхъ различныхъ церемоній. Въ приложеніяхъ къ настоящей статьѣ (№ III) мы приводимъ нѣсколько ея писемъ къ государю; кромѣ того одно изъ писемъ Ржевской, отъ 8-го іюля 1714 г. къ Петру о Шарлоттѣ-Софіи напечатано Устряловымъ (т. VI, стр. 322). На немъ также, какъ и на всѣхъ письмахъ Ржевской, подпись: „Князь-игуменя Санктпитебургская, Бога молю и челомъ бью“. Фактъ любопытный: шутиху, бабу пьяную и грубую приставили къ женѣ наслѣдника престола для надзора и тайныхъ доносовъ о ея поведеніи. Несчастная Шарлотта нѣсколько разъ заявляла свое неудовольствіе, но надзирательницу не смѣняли.

Впрочемъ, нельзя думать, чтобъ новый архи-владыка былъ чело-вѣкъ вполне милосердый и правитель слабый, нѣтъ: по инструкціямъ самого государя, онъ долженъ былъ тщательно наблюдать, чтобъ весь его достойный штатъ былъ въ сборѣ и славилъ Бахуса питіемъ непомѣрнымъ. Нарушители сего строго наказывались; тѣ же изъ его подчиненныхъ, которые уклонялись отъ высокихъ обязанностей, тѣхъ, по особымъ предписаніямъ, вновь высылали ко двору князь-папы.

Такъ, напримѣръ, въ 1723 году всешутѣйшій представилъ слѣ-дующій

„Реестръ архіереевъ, которые учинились ослушны святѣйшему князь-палѣ и нынѣ обитаютъ въ Москвѣ своеволіемъ, также и прочіе, а именно:

Архіереи.

Өедоръ Шереметевъ	.
Князь Юрій Щербатовъ	.
Матвѣй Колычовъ	.
Михаиль Собакинъ	.
Князь Яковъ Лабановъ	.
Матвѣй Головинъ	+
Василій Ржевскій	.
Антонъ Савеловъ	.
Архидіаконъ Строевъ	.

Ключари:

Иванъ Денисовъ, сынъ Субота, онъ же Даниловъ.
Өедоръ Протасевъ.

Попы:

Князь Михайла Оболенскій	.
Иванъ Стрешневъ	.

Василій, онъ же Самойла Глѣбовъ.

Діаконъ Левъ Воейковъ

Крестова попа Ивана Чирикова. Галагтена Бунакова.

Подписалъ: Святѣйшій князь-папа и патріархъ Петро...“.

Нечего и говорить, что представленный списокъ былъ составленъ и написанъ никѣмъ другимъ, какъ самимъ государемъ; имъ дѣланы отмѣтки противъ именъ ослушниковъ, по его же распоряженію писано, 23-го апрѣля 1723 года, къ московскому вице-губернатору Воейкову о немедленной высылкѣ членовъ собора въ Петербургъ ¹⁾.

Такимъ образомъ и тутъ, въ дѣлахъ шутовскаго собора, желѣзная рука Петра крѣпко тяготѣла надъ всѣми; князь-папа распоряжался собой и своими подчиненными не иначе, какъ по собственноручнымъ предписаніямъ и уставамъ своеобычнаго протодіакона. Зато аристократическая гордость князь-папы совершенно была удовлетворена. Вокругъ него блистали представители древнѣйшихъ, знатныхъ и славнѣйшихъ фамилій, нѣкогда честь и гордость Россіи.

Вотъ составъ всепьянѣйшей коллегіи по списку, далеко, впрочемъ, не полному:

„Архи-князь-папа.

При немъ служители:

Протокопай. Мухановъ.

Духовникъ Иринар...

Архидіаконъ иди на Строевъ.

Протодіаконъ Пахомъ пихай. . Михайловъ ²⁾.

Діаконъ Іонъ попирай Вутурдинъ.

Ключари:

Почини Апраксинъ.

Ери Хилковъ.

Носи. Суббота.

Ризничій изымай Мусинъ-Пушкинъ.

Уставщикъ незманъ. Рѣпинъ.

Попъ Теофанъ. Шушеринъ.

¹⁾ Въ приложеніяхъ (№ IV) приводимъ обращикъ того, какъ люди стараго, до-петровскаго закала, старались уклоняться отъ участія въ шутовскихъ потѣхахъ.

²⁾ Т. е. государь царь Петръ Алексѣевичъ.

Діаконы:

Посадникъ	Головинъ.
Лови.	Воейковъ.
Ронь.	Роновъ.
Дунь на.	Шемякинъ.

Иподіаконы:

Филаретъ ярится на	Прозоровскій.
Посошники: медвѣдь	вытащи.
Благочинной: Аюпти	Юшковъ.
Грозные: Сомни	Тургеневъ.
Кречетникъ изымай	Колтовскій.
Лопатчики: На.	Палибинъ.
Рвани	Губинъ.
Розмахни	Васильевъ.
Возьми	Тимашевъ.
Комисарскій.	Ключаревъ.
Имай	Лихаревъ.
Новгородскій подъячій паси.	Козыревъ.
Сибирской комендантъ Григорій	Кашнинъ.
Разлами.	Троханіатовъ.

Дьяки: Ивась Лосевъ.
Осипъ Метлинъ“.

Конклавъ, кромѣ непремѣннаго засѣданія на всѣхъ полуторжественныхъ и торжественныхъ пирахъ, кромѣ участія во всѣхъ процессіяхъ и маскарадахъ, имѣлъ особыя занятія. Онъ посвящалъ свои досуги на наѣзды къ разнымъ лицамъ. Предъ всешутѣйшими все и вся отворялось; хозяева и хозяйки, едва-ли довольные, спѣшили однако оказать нежданномъ гостямъ всевозможное гостепримство....

Непзвѣстность времени пріѣзда членовъ конклавѣи естественно вводила въ издержки хозяевъ, такъ какъ они всегда должны были быть готовыми къ ихъ встрѣчѣ. Вотъ почему всемилостивѣйшій князь-папа, со словъ государя, обнародовалъ слѣдующій указъ:

„Указъ всешутѣйшева и всепьянѣйшева князь-папы.

„Объявляетъ наша немѣрность, что мы иногда такъ утруждены бываемъ, что съ мѣста двинуться не можемъ; отчего случается, что не все дома посѣтить можемъ, которые того дня обѣщали; а хозяева оттого въ убытокъ входятъ, ради другога приуготовливанія. Того

ради, симъ объявляемъ и накрѣпко заповѣдуемъ, подѣ наказаніемъ великаго орла: дабы ядей никакихъ никто не готовилъ; но точію слѣдующее по семъ. А буде у кого соизволимъ трапезу снѣсть, и тому заранѣе будетъ указъ нашъ объявленъ.

„И для вящаго увѣренія, сей указъ нашею рукою подписали и великою Гавріиловскою печатью запечатать повелѣли“.

При указѣ приложено „объявленіе“¹⁾: „что имѣтъ въ домѣ, въ оны же входимъ“:

„Хлѣбъ, соль, калачи, икра, сельди, окорока, сухія куры или зайцы, ежели случится; сыръ, масло, калбасы, языки, огурцы, капуста, айцы и шабашъ.

„Надъ всѣми же сими превозлюбленныя напи вина, пиво и меды, сего что вяще, то намъ угоднѣйше будетъ, ибо въ томъ живемъ, и не движемся, и есть ли или нѣтъ, не вѣдаемъ“.

Въ минуты, когда превозлюбленные напитки болѣе и болѣе оживляли перваго жреца Бахусова, когда языкъ его лепеталъ бойче, рѣчь пересыпалась выраженіями болѣе фигурными, болѣе приятными, нежели слова „шумнаго протодьякона“, когда руки князь-папы двигались свободнѣе, въ подобныя минуты, казалось бы, что всепутѣйшій и всепьянѣйшій могъ бы возжелать власти неограниченной: начать крушеніе зубовъ вѣрноподанныхъ ошую и одесную, украшать очеса фонарями неподобными, тузить спины неповинныя и трепать за волосы манеромъ, нещадно своеобычнымъ; однимъ словомъ, князь-папа могъ предаться полному разгулу властителя неограниченнаго, просвѣтителя самовластнаго, алчущаго не единого назиданія словомъ, но и дѣломъ рукъ своихъ. Но нѣтъ! Все это провидѣлъ остроумный учредитель всепутѣйшаго собора и ограничилъ папскую власть даже и на время восторженнаго состоянія достойнаго главы собора.

Это ограниченіе состояло въ томъ, что заблаговременно отбиралась отъ новопоставленнаго слѣдующая подписка: „Всепутѣйшій князь-папа даетъ сіе письмо протодіакону, что во время шумства его, оному протодіакону унимать словесно и ручно. И для того подписалъ сіе письмо своею рукою и чинить по сему письму“²⁾.

¹⁾ Указъ и объявленіе написаны вчераи самими государемъ.

²⁾ Приведенная записка Петра подписана «Smireнный Anikit» и проч.; безъ сомнѣнія, такіа-жъ подписки отбирался и отъ его славныхъ премирниковъ; впрочемъ, это было не болѣе какъ форма. Петръ, не выжидая никакихъ подписокъ, усмирялъ какъ словесно, такъ и ручно.

Всѣ уставы шутовской конклавіи пребывали въ полной силѣ до самой смерти Петра Великаго ¹⁾.

Такъ, напримѣръ, въ августѣ 1723 г., въ маскарадной компаніи соборъ занималъ одно изъ важнѣйшихъ мѣстъ въ длинной шутовской процессіи.

Въ интересномъ описаніи этого маскарада, напечатаннаго княземъ М. А. Оболенскимъ (прилож. къ 3-й части Дневн. Берхгольца, изд. 1860 г.), подъ № 46-мъ мы читаемъ: „Неусыпаемая обитель“: архимандритъ въ странномъ уборѣ, отъ гвардіи фендрихъ (прапорщикъ) Аванасій Татищевъ. Князь ярославскій отъ гвардіи фендрихъ Василій Нелюбохтинъ съ своею княгинею и со всею своею фамиліею и синклитомъ.

„При оной обители служащихъ всякаго званія въ разныхъ духовныхъ, арликинскихъ, въ нищенскихъ и въ протчихъ странныхъ уборахъ, какъ мужеска, такъ и женска полу.

№ 50. Въ одеждѣ царской: князь-цесарь—князь Иванъ Федоровичъ Ромодановскій.

№ 51. Бахусъ: пѣвчій Кононъ Карповъ.

№ 52. Архіереи: Ианикандръ..., митрополитъ санктпетербургской Морай..., митрополитъ кроншлоцкой и котлинской, Тарай..., митрополитъ великаго Нова... и великихъ...; Ияковъ Прыткой..., митрополитъ дербенской и мидской; Гниль..., митрополитъ сибирской и тобольской; Бибабръ, митрополитъ рѣки охтинской и седмимельницей; М...—....., митрополитъ псковской и изборской, Теофанъ Красной..., митрополитъ смоленской и дорогобужской; архидіаконъ Иди на... Строевъ; ключарь Оормасовъ... Протасевъ. Итого 10 человекъ“.

Въ числѣ знатнѣйшихъ дамъ были: ея величество государыня князь-цесарева Ромодановская; архи-игуменья—Стрешнева, заступившая мѣсто покойной Ржевской; князь-игуменья—княгиня Голицына; госпожа адмиральша краснаго флага—Михайлова, т. е. императрица“.

Въ этомъ печатномъ спискѣ мы не находимъ князь-папы. Ревностное служеніе Бахусу сломило, наконецъ, его здоровье; опившійся

¹⁾ Въ дневникѣ Берхгольца 1721, 1722, 1723 и 1724-хъ годовъ разсѣяно множество пренеприятныхъ подробностей о князь-папѣ, его соборѣ и участіи ихъ въ пирѣхъ, всякаго рода празднествахъ и публичныхъ маскарадахъ. Мы не цитируемъ Берхгольца, такъ какъ дневникъ его напечатанъ на русскомъ языкѣ (Москва, 4 ч., 1857—1860 гг.) и извѣстенъ всѣмъ любителямъ отечественной исторіи.

и обожравшейся сановникъ всешутѣйшей слегъ въ постель и умеръ въ первой половинѣ 1723 года ¹⁾).

На вдовствующій престолъ былъ избранъ новый князь-папа; но еще за мѣсяцъ до своей смерти Петръ Великій вновь былъ озабоченъ „чиномъ новаго избранія“. Объ этомъ свидѣтельствуесть слѣдующая помѣтка на одномъ изъ списковъ чина:

„Писано 19-го декабря 1724 года, а съ сего копія дана графу Ивану Алексѣевичу Мусину-Пушкину въ 20-й день декабря 1724 года“ ²⁾.

¹⁾ Въ родословной книгѣ, изд. кн. П. В. Долгорукихъ (1855 г., ч. II, стр. 158, № 128), годъ смерти П. И. Бутурлина показанъ 1724 г.; но это невѣрно, ибо въ сентябрѣ еще мѣсяцѣ 1723 г. государь принялъ на себя заботы о передачѣ деревень племяннику покойнаго, деньщику Александру Бутурлину. Петръ приказалъ сдѣлать справки въ помѣстьяхъ Петра Бутурлина: какиимъ образомъ и по сколько собираютъ съ его крестьянъ подати и проч. Голицковъ, т. IX, стр. 449, 526; т. XI, стр. 488 и проч.

²⁾ Вотъ описъ документовъ того сборника подлинныхъ собственноручныхъ бумагъ Петра Великаго, на основаніи которыхъ преимущественно составлена настоящая статья:

«Резстръ нѣкоторымъ увеселительнымъ письмамъ о князь-папѣ и собора онаго, писаннымъ рукою государя императора Петра Великаго и другихъ.

«Объявленіе, какому быть прошенію къ князь-цесарю отъ собора отцевъ, о избраніи имъ въ отца князь-папу, л. 1. Чинъ избранія и съ оныхъ списки съ пополненіемъ, л. съ 3 по 18. Обѣщаніе отъ князь-папы о законѣ и о содержаніи онаго, л. 18. Чинъ поставленія въ князь-папы чрезъ баллотированіе съ нѣкакимъ осазаніемъ; съ росписаніями рукоположенія и одежды, съ вопросами ко избранному, и отвѣтами его, и къ тому съ принадлежностями, л. съ 20 по 47. Два письма князь-папы къ протодіакону Петру, писанныя въ іюль и въ сентябрѣ мѣсяцахъ безъ годовъ, на которыя требовалъ себѣ отвѣту и уѣдомленія въ С.-Петербургъ, будучи и пишущее въ оныхъ митрополитомъ, лл. 50—52. Подписка Петра Бутурлина извинительная съ написаннымъ въ ономъ (если впрелѣ провинится) не какиимъ закладомъ, л. 53. Письмо отъ митрополита къ протодіакону Петру Михайлову, писанное съ Москвы, генваря въ 5 день 1709 года, л. 54. Письмо отъ него-жъ вышешепоманутому-жъ протодіакону, л. 55. Двѣ записки или загадки, лл. 59—60. Нѣкоторая подписка Дмитрія Сибиряка, Автомона Дубасова, князя Дмитрія Щербатова, л. 61. Подписка князь-папы своему протодіакону, чтобъ во время шумства его, оному протодіакону унимать словесно и ручно (писано до окончанія рукою государя Петра Великаго), л. 62. Два указа князь-папы, всешумѣйшей мати, возлюбленной о Бахусѣй лицѣ, что произведена она отъ степени князь-игумены, въ архи-игуменьи (изъ конхъ первой руки е. в.), писанныя 1717 года, декабря въ 28 день, лл. 64, 65. Два указа отъ всешутѣйшаго и всепьянѣйшаго князь-папы: къ объявленію хозяевамъ, о пицѣ и питьяхъ, какия въ славленъи имѣть имъ въ домахъ своихъ (первый писанъ, а другой правленъ рукою его величества), лл. 68—70. Резстръ архіереевъ и прочихъ, обитающимъ въ Москвѣ, которые учились ослушны святѣйшему князь-папѣ, 1723 года, апрѣля 23-го дня, л. 72. Роспись яманная того собора сослужителямъ и ключаремъ, діаконамъ, подѣдіаконамъ, грознымъ, лампадчикамъ и другимъ между оными, л. 73».

Изъ всего сборника мы оставили безъ вниманія двѣ непонятныя загадки, да слишкомъ салыную росписку пьяныхъ членовъ всепьянѣйшаго собора, князя Дмитрія Сибиряка, Автомона Дубасова и кн. Дмитрія Щербатова; документы эти не важны и не имѣютъ прямого отношенія къ нашему разсказу.

29-го ноября 1860 г. С.-Петербургъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Разсказъ Голикова о свадьбѣ князь-папы.

(Дѣянія Петра Великаго, М., изд. 1792, т. X, стр. 232; изд. второе, М., 1838, т. VI, стр. 277).

Въ концѣ 1714 года начались приуготовленія къ свадьбѣ тайнаго совѣтника Никиты Моисеевича Зотова, называвшагося князь-папою.

Читатели, конечно, не поскучаютъ, ежели я оную, яко достойную любопытства, опишу съ подробностями, какія только могъ я собрать, но прежде за нужное почитаю сказать, или паче повторить уже сказанное мною въ разныхъ мѣстахъ исторіи монаршей, что все его величества забавы и шутки имѣли цѣлю своею какую нибудь пользу и намѣреніе. Сія же забава, о которой мы говоритъ намѣрены, имѣла цѣлю' своею весьма важный предметъ.

Мудрый государь, дабы мечтаемую папою власть надъ христіанствомъ, и самую его особу въ большее привести у подданныхъ своихъ презрѣніе, наименовалъ бывшаго учителя своего, речепнаго г. Зотова, папою; наряжалъ его смѣшнымъ образомъ въ его папскіе уборы, представлялъ многіе обряды папскіе въ такомъ же смѣшномъ видѣ, и проч.

Равнымъ сему образомъ приводилъ онъ мало-по-малу въ неуваженіе патріарха россійскаго. Мы уже видѣли въ своемъ мѣстѣ, что великій государь, рѣшившись отъ самой смерти послѣдняго патріарха Адріана упразднить патріаршее достоинство въ Россіи, но что вѣдал привязанность народную къ сей верховной главѣ духовенства, предоставилъ оное времени, пока то есть нѣсколько предразсудки народныя придуть, такъ сказать, въ ослабленіе, наименовавъ между тѣмъ рязанскаго митрополита Стефана блюстителемъ патріаршаго престола.

Но наконецъ видя, что народъ, дворянство и самыя даже знатныя особы все еще съ нѣкоторою нетерпѣливостію ожидали посвященія новаго патріарха: тогда-то уже монархъ, а именно, въ концѣ минувшаго года, рѣшился открыться, что ожиданіе ихъ есть тщетно;

онъ собралъ первѣйшихъ духовныхъ имперіи своей и другихъ знатныхъ особъ, объявилъ имъ, что онъ хочетъ быть одинъ начальникомъ россійской церкви, и предоставляетъ учредить духовное собрание, состоящее изъ просвѣщеннѣйшихъ въ государствѣ особъ духовныхъ, дабы принимать ихъ совѣтъ въ дѣлахъ, до церкви касающихся, и съ которыми вмѣстѣ будетъ онъ стараться объ уничтоженіи вкравшихся въ церковь, къ великому соблазну народа, разныхъ злоупотребленій, присовокупя къ тому, что сіе собрание состоятъ будетъ подъ именемъ святѣйшаго синода, и которое откроется такъ скоро, какъ окончится настоящая война, и проч. А дабы къ сему приготовить умы, то восхотѣлъ государь напередъ извѣдать мысли своихъ подданныхъ и о тѣхъ перемѣнахъ, которыя положилъ онъ учинить въ правленіи церковномъ; на сей-то конецъ того-жъ князь-палу преобразилъ въ патріарха; онъ одѣвалъ его иногда въ подобное патріаршему платье; сей послѣдній, когда представляющій патріарха садился на лошадь, держалъ стремя коня его, по примѣру нѣкоторыхъ царей россійскихъ, при возсѣданіи патріарха на коня въ назначенные дни ¹⁾. Сему же концу соотвѣтствовала и выдумка монаршая толь смѣшной церемоніи свадебной сего мнимаго патріарха; и такъ, опишемъ мы оную.

Еще въ минувшемъ году, а именно 21-го сентября, данъ былъ слѣдующій приказъ: „По указу великаго государя объявить нижеписаннымъ, чтобъ быть имъ на свадьбѣ тайнаго совѣтника Никиты Моисеевича Зотова, всесвѣтнаго манера въ платьѣ каждаго манера по три человѣка, и въ томъ согласясь, и о платьѣ, кто какое возмнѣтъ сдѣлать, объявить государственному канцлеру и кавалеру графу Гаврилу Ивановичу Головкину, сего сентября 22-го, дабы однимъ образцомъ больше трехъ платьевъ и другихъ не было, и конечно-бъ оное платье въ готовности было сентября къ 29 числу.

Сіе объявленіе касалось до обоего пола, и разослано ко всѣмъ знатымъ особамъ, гвардіи офицерамъ и другимъ чиновникамъ, имена которыхъ увидимъ мы ниже.

Всѣ тѣ, которымъ сіе сообщено, должны были подписаться, какое они себѣ избрали платье.

¹⁾ Такъ описываетъ безымянный сочинитель исторіи Петра Великаго, въ Голландіи напечатанной; подобное же и служащее сему подтвержденіемъ слышалъ я и отъ стариковъ тогдашнихъ времянь.

Октября 6-го монархъ, прочтя подписку сію, многое перемѣнилъ и назначилъ именно кому въ какомъ быть нарядѣ.

Декабря 10-го того-жъ 1714 года его величество повелѣлъ всѣмъ симъ въ назначенномъ имъ уборѣ быть на смотрѣ въ домъ секретаря Волкова, на Васильевскомъ острову. Но чтобъ народъ онаго не видалъ, то покрыться имъ епанчами, и проч., а головные уборы, не надѣвая на себя, таь бы привезли. Князь Меншиковъ, сообщая сіе монаршее повелѣніе къ графу Головкину, заключаетъ такъ: „Также при семъ прилагаю роспись его царскаго величества собственной руки ¹⁾, по которой извольте тѣмъ персонамъ объявить, чтобъ каждый изготовилъ къ тому браку сани, а именно липенъ такіхъ, какова у царскаго величества, на которой бы можно десяти персонамъ сѣсть, а на полозья кріули брать изъ адмиралтейства“.

Въ силу сего повелѣнія и по разосланнымъ ко всѣмъ повѣсткамъ, въ показанный домъ явились къ монарху пополудни во 2 часу, декабря 12-го.

По осмотрѣ должны были всѣ подписаться, въ какомъ кто платѣ неотмѣнно явится въ назначенный день свадьбы.

Потомъ монархъ далъ всѣмъ слѣдующую роспись:

Реестръ, кому господамъ на свадьбѣ тайнаго совѣтника Никиты Моисеевича Зотова быть въ какомъ платѣ и съ какими играми.

Женихъ въ кардинальскомъ.

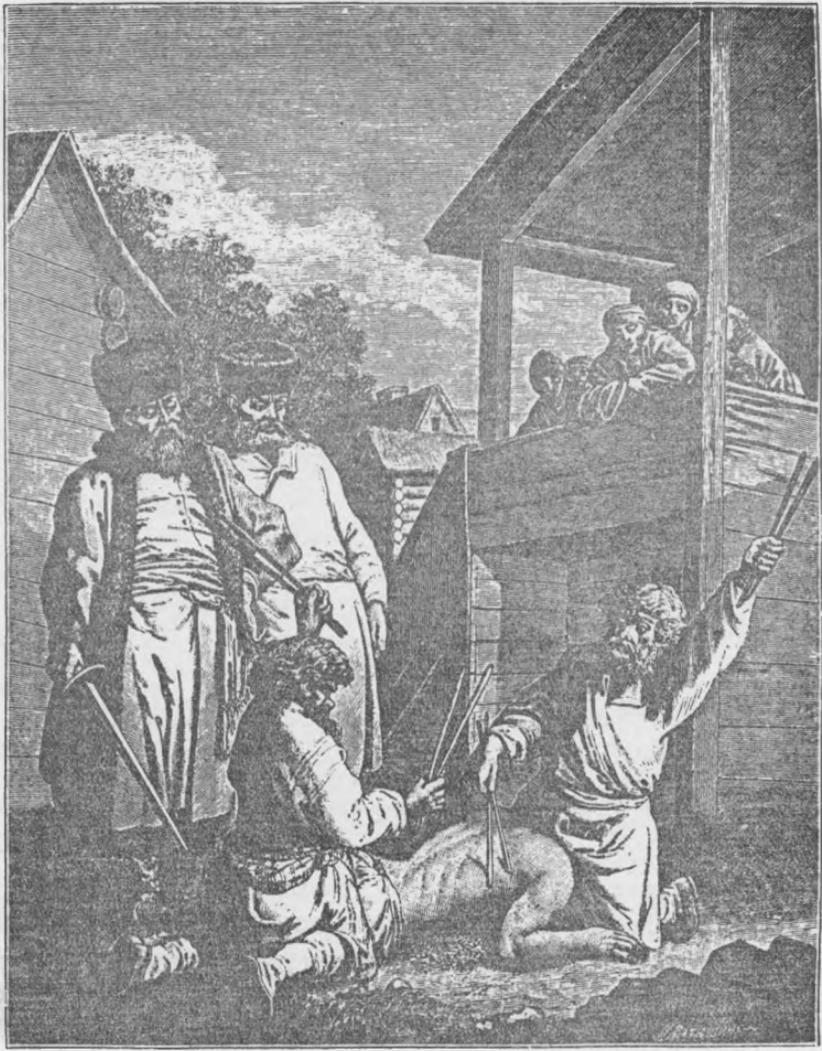
Кесарь въ царь-давыдовскомъ.

Платѣ гамбургскихъ бурмистровъ. Свѣтлѣйшій князь (Меншиковъ). Адмиралъ графъ Апраксинъ. Генералъ Брюсъ, генералъ Вейде. Графъ Фицтумъ. (Игра рылѣ).

Разной манеры. Господинъ вице-адмиралъ. Господинъ генералъ-лейтенантъ Бутурлинъ. Господинъ Трубецкой. Господинъ Скляевъ. (Барабаны).

Въ китайскомъ. Графъ Головкинъ. Князь Яковъ, князь Григорій Долгорукіе. Князь Петръ, князь Дмитрій Голицыны. (Дудочки).

¹⁾ Роспись сія такова: «Реестръ липеней: жениховы, царскаго величества, господина губернатора князя Меншикова, господина адмирала графа Апраксина, господина графа Головкина, господина графа Муслина-Пушкина, князя Якова Федоровича Долгорукова, князя Григорія Федоровича Долгорукова, митрополита новгородскаго, господина генерала Брюса, господина генерала Вейде».

НАКАЗАНИЕ БАТОГАМИ ВЪ РОССИИ
ВЪ XVIII ВѢКѢ.

Въ венецкомъ. Графъ Мусинъ-Пушкинъ. Генералъ князь Рѣпинъ. Князь Василій, князь Михайло Долгорукіе. Сава Рагузинскій. (Черныя удочки) ¹⁾.

Скороходское. Баронъ Шафировъ. Баронъ Левольдъ. Комендантъ Чемесовъ. Князь Григорій Прохоровичъ Долгорукій. (Палки скороходскія).

Арцибискупское. Алексѣй Петровичъ Салтыковъ. Тихонъ Никитичъ. Бояринъ Бутурлинъ. Окольнічій Бутурлинъ. Андрей Корсаковъ. (Роги большіе).

Турское. Господинъ Толстой. Господинъ Вестужевъ. (Тарелки мѣдныя).

Рудокотное. Баронъ Лось. Фалкъ. Егужинскій. Макаровъ. (Цытра. Скрыпичи).

Нѣмецкое пастушье. Цесарской резидентъ Влеэръ. Господинъ Веберъ ²⁾. Господинъ Ахенбахъ. Голландскій резидентъ. (Флейты).

Ассесорское. Генералъ Чернышевъ. Князь Алексѣй Черкасской. Василій Зотовъ. Иванъ Зотовъ. Кононъ Зотовъ. (Съ соловьями).

Въ золотѣ. Князь Петръ Ивановичъ Прозоровскій, яко маршалъ съ штатомъ.

Въ терликахъ. Алексѣй Тимошеевичъ Лихаревъ. Михайло Ивановичъ Глѣбовъ. Князь Петръ Лукичъ Львовъ. Петръ да Никита Хитровы. Борисъ Ивановичъ Лихаревъ. Андрей Крефтъ.

Сіи безъ игръ для того, что отъ старости своей не могутъ ничего въ рукахъ держать.

Въ венеційскомъ. Господинъ Щукинъ. Иванъ Чередѣевъ. Иванъ Губинъ. (Съ урны).

Американское. Князь Осипъ Щербатой. Алексѣй Волковъ. Авраамъ Веселовской. Левольдъ молодой. Дефортъ. (Вилы деревянные).

Лифляндское старорыцарское. Господинъ Шлипенбахъ. Господинъ Ниротъ. (Верхи отъ флейтъ).

Офицеры.

Однорядки. Лутковскій. Киселевъ. Ѳеодоръ Синявинъ. (Гудки).

¹⁾ По списку архивскому показано по нарѣ свирѣлей.

²⁾ Ганноверскій министръ.

ДОКТОРЫ.

Докторское. Красныя спанчи какъ въ процессіяхъ живутъ. Арескинъ, Блюментрость, Поликола. (Книги).

Матросское. Матвѣй Олсуфьевъ, Василій Олсуфьевъ. Янъ Кохъ. Данило Чевкинъ. Родіонъ Кошелевъ. Дмитрій Шепелевъ. (Трещотки).

Охабни. Царевичъ Сибирской. Князь Ѳедоръ Голицынъ. Панкратій Сумароковъ. Алексѣй Юшковъ. (Тулумбасы).

Въ охабняхъ. Михайло Самаринъ. Князь Юрѣя Хилковъ. Степанъ Нелединскій. (Набаты).

Венгерское. Касимовской царевичъ. Иванъ Родіоновичъ Стрѣшневъ. Василій Глѣбовъ. Иванъ Пушкинъ. Князь Ѳедоръ Волконскій. (Скорододы).

Польское. Ѳедоръ Бутурлинъ. Иванъ Потемкинъ. Ѳедосей Мануковъ. Петръ Тарбѣвъ. (Сырпыцы).

Норвежскихъ мужиковъ. Маршалъ Виберштейнъ. Цізеръ. Будберхъ. Михайло Бестужевъ.

Калмыцкое. Иванъ Строевъ. Иванъ И. Стрѣшневъ. Князь Оболенскій. Михайло Голенищевъ. (Балалайки).

Въ шубахъ. Князь Засѣкинъ. Семенъ Чебышевъ. (Тазы).

СЕКРЕТАРИ.

Пасторское Лютерское. Василій Степановъ. Петръ Курбатовъ. Андрей Остерманъ. Капитанъ Роде. Капитанъ Кнутовъ. (Съ перепелочными дудками).

Китоловное. Баронъ Гизенъ. Секретарь Григорій Волковъ. (Шкульки).

Шипорское. Генераль-маіоръ Головинъ.

Корабельные мастера: Ковенць. Броунъ. Най. Гаврило Мешниковъ. (Собачы свисты).

Поповское. Князь Юрѣя Щербатой. Иванъ Ржевской. Князь Михайло Шаховской (Пастушыя рога).

ДЪЯКИ.

Въ армянскомъ. Иванъ Молчановъ. Иванъ Позняковъ. (Флейты).

Въ японскомъ. Александръ Докодовскій. Василій Казариновъ. Иванъ Ларіоновъ. (Флейты).

Почтамтiонское прусское. Семень Васильевъ. Лука Тарсуковъ. (Почтовые рожки).

Егерское. Государь царевичъ. Ѳедоръ Глѣбовъ. Михайло Матюшкинъ. Князь Григорій Юсуповъ. Герасимъ Кошелевъ. (Егерскіе рога).

Въ Никонскомъ. Семень Салтыковъ. Князь Григорій Долгорукой. Князь Михайло Щербатовъ. (Габои).

Въ Нѣмецкихъ кирейкахъ. Капитанъ Соловой. Капитанъ Мавринъ. Капитанъ Тишинъ. (Съ трубами).

Въ Тунгусскомъ. Григорій Писаревъ. Богданъ Писаревъ. Петръ Татаринъ. (Колокольчики).

Турецкихъ дровостъковъ. Илья Орловъ. Василій Парсуковъ. Семень Пискарской. (Варганы).

Офицеры морскіе.

Трелемарскихъ мужиковъ. Шхелтинъ. Сиверсъ. Змаевичъ. (Артиллерійскіе рога).

Гондулярскіе. Василій Салтыковъ. Егоръ Пашковъ. Александръ Лукинъ. Алексѣй Леонтьевъ. (Новгородскія трещотки).

Баурское. Капитанъ Лихаревъ. Князь Г. Урусовъ. Капитанъ Сухотинъ. (Ложки съ колокольчиками).

Македонское. Капитанъ Ѳедоровъ. Капитанъ Измайловъ¹⁾. Капитанъ Бредихинъ. (Свириели черныя).

Въ стрыхъ кирейкахъ. Капитанъ Бахтіоновъ. Василій Головинъ. Алексѣй Вибиновъ. (Пузыри съ горохомъ).

Въ бернардинскомъ. Аврамъ Бухольцъ. Ѳедоръ Митрофановъ. Капитанъ Карповъ. (Дудочки глиняныя).

Лопарское. Подполковникъ Савенковъ. Маіоръ Аничковъ. Капитанъ-поручикъ Синявинъ. (Горшки хивинскіе).

Шубы короткія на выворотъ. Ермолай Скворцовъ. Капитанъ-поручикъ Гослеръ. (Сиповки старинныя).

Въ матроскомъ. Иванъ Кочеть. Филипъ Пальчиковъ. Василій Шишиловъ. (Волянки).

¹⁾ По другому списку—Руманцовъ.

Въ рудокопномъ. Анисимъ Моляровъ. Шпаковской. Францъ Кичиль. (Органныя трубы).

Рыболовское. Майоръ Заборовской. Капитанъ Дмитрій Лихаревъ. Капитанъ Никита Бегичевъ. (Одни литавры. Двое накры) ¹⁾.

ДАМСКІЯ ОСОБЫ.

Ея величество, въ фрисландскомъ, при ней восемь персонъ. Царица Марѳа Матвѣевна, въ польскомъ. Царица Праскевія Ѳедоровна, въ польскомъ. Принцессы дѣти ея, въ испанскомъ. Пять дѣвицъ (фрейлингъ) въ шубахъ, въ лѣтникахъ и въ шубахъ нагольныххъ. Государыня царевна, въ польскомъ, при ней три дамы. Государыня кронъ-принцесса. Принцесса Фрисландская. Гофъ-дама фонъ-Брсеніепъ. Всѣ въ старонѣмецкомъ платьѣ. При нихъ три дамы въ страбургскомъ. Княгиня Меншикова, генеральша Брюсса, въ испанскомъ. Графиня Мусина-Пушкина, госпожа Головкина и госпожа Неронова, въ китайскомъ.

Супруги царевича Сибирскаго, Головина, Чернышева и Пупкина, въ польскомъ.

Госпожа архіерейна (Бутурлина), княгиня Оболенская и Хилкова, Суморокова и Чебышева, въ шубахъ и лѣтникахъ.

Госпожа князь-игуменья (Ржевская) и госпожи Бутурлина и Глѣбова, въ шубахъ и тѣлогрѣяхъ.

Госпожи Стрѣшнева, Бутурлина, Волконская и Потемкина, въ венгерскомъ.

Голенищева и Юшкова, въ новгородскомъ.

Въ архивѣ коллегіи иностранныхъ дѣлъ находится позывная къ сей свадьбѣ бумага; я оную здѣсь также помѣщаю, яко показывающую, что монархъ иногда любилъ шутить, и что въ самыхъ сихъ шуткахъ усматривается намѣреніе; вотъ она:

„Позвать вѣжливо, особливимъ штилемъ, не торопясь, тово, кто фамилією своею гораздо старѣе чорта (то-есть оберъ-корсикаго Маразина“).

¹⁾ Я имѣю у себя списокъ оригинальный; разрядкой означенныя слова писаны, кажется, собственною его величества рукою. Я говорю «кажется», ибо не смѣю заочно утвердить, но весьма однако же на его руку похожее; оный сообщенъ мнѣ отъ господина Курбатова. Г.

„Лучшаго изъ пустыхъ хвастуновъ Бѣлохвастова, который, кромѣ души, весь въ заплатахъ“.

„Тово, кто съ похмѣлья гораздо притокъ...и бѣлая дорогая“.

„Тово, кто всѣхъ обидитъ смѣхами и хохотаньемъ“.

„Сумозбродныхъ и спорливыхъ по именамъ, и немного ихъ и всѣ въ лицахъ“.

„Древняго стариннаго архимастера; тово, кто немного учился и ничего не вѣдаетъ; тово, кто не любитъ сидѣть, а все похаживаетъ“.

„Сосѣдовъ тѣхъ, которые по глазамъ и по платью не затѣйнаго содружества и сосѣдства, надъ всѣми бочками коменданта, и пьяницу, и ѣдуна, старова оберъ-боярина, старова князь-дворянина“.

„Тово-бы не забыть, кто пятнадцать дней чирика прискивалъ, да не сыскалъ; не знаю о томъ, можетъ-ли онъ и то сыскать, куда онъ устремляется и куда гости призываются, и торжество готовится; тово человѣка, кто въ Алепѣ родился; тово, кто кушать приготовить умѣетъ; тово, кто не по силѣ борца сыскалъ“.

„Къ тому брачному торжеству гости: полковникъ Преображенской, полковница Преображенская, дѣти ихъ величествъ, великаго и великія, и со внучаты немалыми“.

Къ тому-жь звать:

„Государя князь-кесаря“.

„Всепренеосвященнѣйшаго князь-папу¹⁾ архіоверъ скосыря.

„Тово, кто именуеть гостей, благороднаго Толстаго, благородныхъ Кантемировъ“.

„Тово, кто неусыпаемаго сумозбродства президентъ; тѣхъ, котормъ со двора отлучиться нельзя (то-есть деньщиковъ)“.

„Тово, ково князь чортъ Смоленской изъ яйца вынялъ хуже прежняго, а и до того была Шпанская мушка, ни яманъ, ни якши средней руки“.

Чаятельно таковую насмѣшку всѣ тѣ разумѣли, до кого оная

¹⁾ Не должно сего князь-папу принимать за г. Зотова; сей другой былъ, и также именовался, по увѣренію нѣкихъ писателей, г. Бутурлинъ. Сіе послѣднее подтверждается и хранящеюся въ собственномъ его величества кабинетѣ запискою. Въ разстрѣ дѣлъ онаго записка сія внесена такъ: Нѣкому сержанту гвардіи въ подтвержденіе, какимъ образомъ пожитки князь-папы Петра Ивановича Бутурляна описать и отдать. Г.

касалась. Къ позыву опредѣлены четыре человѣка, которые были великіе заики.

15 января повѣщено всѣмъ, чтобъ по утру 16-го числа по выстрѣленіи изъ трехъ пушекъ, съѣхались мушны въ домъ графа Головкина, а женщины въ домъ князь-игуменьи, въ платьѣ, изготовленномъ на бракъ для смотра.

А линейя и сани большія, въ чемъ дамамъ ѣхать, были-бы въ то же время къ тѣмъ домамъ, и стали на Невѣ противъ оныхъ, и чтобъ каждый былъ съ назначеннымъ всякому инструментомъ, а женскому полу имѣть дудочки красныя.

Въ день свадьбы весь сей кортежъ, въ предшествіи жениха, шествовалъ въ домъ канцелярскій съ своею музыкою. Знатныя ѣхали въ большихъ линейяхъ, каждая о шести лошадей; такихъ-же было 16 линейя для поѣзжанъ. Изъ онаго съ невѣстою шествовали въ церковь. Четыре престарѣлыя человѣка (придаютъ къ сему иностранныя писатели) вели обрученную чету, и которые заступали мѣсто церемоніймейстеровъ; предъ ними шли въ скороходскомъ платьѣ четыре-же претолстыя мужика, и которые были столь тучны и тяжелы, что имѣли нужду, чтобъ ихъ самихъ вели, нежели чтобъ бѣжать имъ предъ мнимымъ патріархомъ и его невѣстою. Самъ монархъ между поѣзжанами находился въ матросскомъ платьѣ. Собора Архангельскаго священникъ, вѣнчавшій обрученныхъ, имѣлъ болѣе 90 лѣтъ. Изъ церкви тѣмъ-же порядкомъ весь кортежъ сей слѣдовалъ, съ тою-же музыкою и тѣмъ-же порядкомъ¹⁾, въ домъ новообвѣнчавшагося мнимаго патріарха, гдѣ имѣли и обѣденный столъ; молодыя²⁾ въ продолженіе онаго непрестанно подчивали гостей своихъ разными напитками. На другой день по утру тѣмъ-же порядкомъ, въ тѣхъ-же уборахъ и съ такою-жъ смѣшною музыкою весь кортежъ сей шествовалъ въ домъ сего князь-папы, или какъ на то время называли его, князь-патріарха; и съ пресмѣшными обрядами поднявъ ихъ, слѣдовали въ домъ адмирала Апраксина, а по другому списку вице-адмирала, въ которомъ отобѣдавъ, возили молодыхъ, въ предшествіи всего-же кортежа, по всему городу.

Въ первый день брака угощенъ былъ и весь народъ, стеченіе

¹⁾ Иностранные писатели, въ числѣ коихъ и самъ бывшій въ семь празничествъ г. Блѣеръ, къ сему придаютъ, что во время шествія кортежа, къ чрезвычайному шуму тѣхъ смѣшныхъ орудій присоединялся и колокольный въ церквахъ звонъ.

²⁾ Изъ коихъ первому полагаютъ около 70-ти лѣтъ.

котораго было безчисленно; для него выставлены были многія бадьи съ виномъ и пивомъ и разныя яства. Сей народъ, толико уважавшій достоинство патриаршее, въ сіи дни съ великимъ смѣхомъ забавлялся на счетъ онаго¹⁾.

Забавы сіи продолжались по самый февраль мѣсяць.

Читатели не оставятъ, надѣюсь, сдѣлать заключеніе о всей забавѣ сей монарха, толико впрочемъ исполненнаго твердости и благоговѣнія къ закону; а я съ своей стороны въ забавѣ сей ощущаю еще и послѣдній, такъ сказать, ударъ остаточному предразсудку, какой еще имѣли къ старинному мѣстничеству.

Ив. Голиковъ.

1789 г.

II.

Удостовереніе въ годности папы

въ IX—XII вв.

При разборѣ бібліотеки Виленскаго Музея, между сваленнымъ въ уголь разнымъ печатнымъ хламомъ, найдена въ 1867 году латинская книга, весьма любопытная по своему содержанію, подъ заглавіемъ „Roma Triumphans“, объ избраніи и посвященіи римскихъ папъ и въ особенности Климента X. Книга печатана въ 1645 году, и иллюстрирована многими рисунками. Въ числѣ другихъ обрядовъ и церемоній выбора и посвященія главы римской церкви, описывается здѣсь и та сцена, гдѣ римскій конеклавъ удостоверяется въ годности избраннаго на папство. На приложенной къ тексту картинкѣ²⁾ представленъ новоизбранный папа, уже въ тройственной тиарѣ, стоящимъ въ „прорѣзномъ мраморномъ сѣдалищѣ“, около его по обѣ стороны кардиналы; одинъ изъ нихъ стоя на колѣняхъ около сѣдалища, всунулъ руку въ сдѣланное съ боку отверстіе; отъ рта его идутъ слова: „Pontificalia habet“ (перво-

¹⁾ Народъ говорилъ тогда съ великимъ смѣхомъ: Патриархъ женился! Патриархъ женился! Другіе съ ковшикомъ вина или пива кричали: «да здравствуетъ патриархъ съ патриаршем!» и проч. Г.

²⁾ Фотографическій снимокъ съ этой любопытной картинки, снятый въ величину подлинника, подаренъ въ нашу бібліотеку въ 1867 г. бывшимъ попечителемъ Виленскаго учебнаго округа, тайн. сов. Иваномъ Петровичемъ Корниловымъ. М. С.

священническое имѣть). Приводимъ цѣликомъ латинскій текстъ книги объ этомъ обрядѣ съ русскимъ переводомъ.

„Послѣ сего (врученія палтѣ ключей и цѣлованія ногъ) его понесли къ мраморному сѣдалищу съ отверстіемъ, находившемуся не въ дальнемъ разстояніи, чтобы, поставивши его въ немъ, осмотрѣть его половые органы, какъ объ этомъ я упоминалъ уже на стр. 91. Никто да не сомнѣвается въ этомъ: извѣстно достовѣрно, что мраморное сѣдалище съ отверстіемъ находилось въ латеранской базиликѣ, и мы сами многократно видѣли оное; также достовѣрно извѣстно, что повоизбранные папы, прежде чѣмъ допускались до свѣтской власти, были поставляемы въ этомъ сѣдалищѣ, какъ о томъ свидѣлствуютъ, между прочимъ, и сами католики: Platin & Sab. in. vit. Joh. VIII. Stella sacerdot. Venetini ejusdem vit. Marian. Schot qui vixit circa annum 1000. Raph. volater. Anthropol. lib. 22 pag. mihi 794. Balaeus in vita Pontific. Petr. Greg. Tholos. syntagm. jur. univers. lib. 15, cap. 3, num. 23.

„Дѣвица изъ Майнца, по имени Ангелика, скрывшая свой полъ, за свою необыкновенную ученость и способности ума, по смерти Леона IV была избрана папою римскимъ, и названа Иоанномъ VIII. Потомъ, отправившись однажды въ латеранскую базилику, между театромъ, называемымъ Колизеемъ, отъ колоссальной статуи Нерона, и церковью св. Климента, родила и на томъ же мѣстѣ умерла отъ родовъ, на второмъ году своего папства, 1-го мѣсяца 4-го дня, около 857 года по Р. X. Platin in ejus vita Raph. Volat. anthrop. lib. 22 pag. m. 794. Balaeus in vita Pontific. Joann. Stell. in Joann. VIII Tholos. syntagm. jur. univers. lib. 15, cap. 3, num. 23. Sabell. in ejus vita. Потому на этомъ мѣстѣ даже до нашего времени находилась ея статуя съ младенцемъ на рукахъ, и по этой дорогѣ къ базиликѣ намѣренно никогда не ходятъ папы, хотя она короче другихъ и столь же удобна. И послѣ ея смерти опредѣлено было, какъ свидѣлствуютъ объ этомъ многіе, не возводить папу на первосвященническую кафедру, пока въ сѣдалищѣ съ отверстіемъ, нарочно для сего приготовленномъ, не ощупаютъ его половыхъ органовъ. Platin & Sabell. dict. loc. & post eos Tholos. syntag. jur. univers. lib. 15, cap. 3, num. 23“.

Стран. 387. «Postea, ab usdem ad sedem Marmoream perforatam, quae non procul inde collocata fuit, portatus ut super eadem positus, ejus virilia attectarentur, veluti supra pag. 91 notavi. Nec dubitandum quin res ita habeat; etenim

III.

Письма архи-игуменъ Ржевской.

1708—1717.

†

1) „Всемилоствѣйшій государь полковникъ, поздравляемъ васъ съ полученною вашею викторією, о которой увѣдомаясь отъ васъ здѣсь, воздавъ хвалу Вышнему, съ удовольствомъ веселились, а чѣмъ наипаче желаемъ добраго окончанія слышать, а по добромъ окончаніи ея желаю душевно очи ваши видать въ своей святой обители въ санктпетербургской.

Также прошу объ отданіи моего низайшаго повлona его сіятельству принцу Меншикову и съ княгинею; а я къ вамъ другое письмо пишу, а отъ васъ къ себѣ ни одного не получу.

Многogrѣшная санктпетербургская игуменья съ сестрами Бога молю и челомъ бью“.

«Отъ Санктпетербурга, октября 2-го дня 1708 года».

На оборотѣ: „Всемилоствѣйшему государю“.

cerlissimum est, sellam illam mormoream & perforatam in eadem Basilica Lateranensi servari, quam multoties nos ipsi vidimus. Certissimum quoque est, noviter creatos Pontifices ante, quam ad seculare reginam Lateranense admittantur, super eadem sellâ reponi & collocari, veluti salis probant inter alios, ipsi quoque Catholici. Platin & Sabel. in vit. Joh. VIII. Stella sacerdos venetus, in ejusdem vita. Marianus Schotus, qui vixit circa annum 1000. Raphael. Volaterranus Antrop. lib. 22, pag. mihi 794. Balaeus in vita Pontif. Petrus Gregorius Tholoss. Syntagm. jur. univers. lib. 15, cap. 3, num. 23».

Стран. 90—91. «Moguntina puella, Angelica nomine, sexum ementita, ob doctrinam singularem & alias ingenii dotes, mortuo Leone IV summus Pontifex Romanus est facta, & Joannes VIII nominata. Post modum vero compressa, dum ad Lateranensem Basilicam proficiscitur, inter Theatrum quod colosseum nominant a Neronis colosso, & S. Clementem peperit, eoque loco mortua est, pontificatus sui anno 2, mense 1, die 4, circa annum Christi 857. Platin in ejus vita. Raph. Volater. Anthrop. lib. 22 pag. m. 794. Balaeus in vit. Pontific. Joann. Stell. in Joann. VIII. Tholoss. syntag. jur. univers. lib. 15, cap. 3, num. 23. Sabell. in ejus vita. Hinc eo loco, ad nostra usque tempora fuit ejus statua cum puero, & viam hanc, ad eam Basilicam tendentes consulto praetereunt & declinant tifices, licet ea brevior sit, nec minus commoda, quam aliæ. Post ejus vero mortem, cautum est, veluti plerique scribunt, ne post illum tempus, summus Pontifex, in Pontificalem proveherent cathedram, neve confirmaretur, quin prius in sella, ad id parata & perforata, existens, positusve, ejus virilia perspicerentur & attractarentur. Platin & Sabell, dict. loc. & post eos Tholoss. syntag. jur. univers. lib. 15, cap. 3, num. 23». Sabell.

†

2) „Дорогой нашъ батюшка господинъ, господинъ полковникъ. Поздравляю васъ съ презрядною викторією, какую ни праотцы наши не слышали, а нынѣ за помощію великаго Бога и вашею премногою службою мы сподобились слышать.

И за такую нечаянную радость хвалу Богу воздали, и за ваше здоровье ей-ей изрядно веселились съ великимъ громомъ пушечнымъ.

Дай, дай Боже, намъ очи ваши видѣть въ твердомъ камени въ Санктпетербургѣ и также при васъ веселиться.

Ей государь, вельми печальна, что я непорядована отъ васъ на письма, только за нынѣшніе труды служивые Богъ простить.

Также поздравляю свѣтлѣйшаго князя господина, господина Меншикова, съ тою же вышписанною викторією, которою получили юня 27-го.

Грѣшная игуменья санктпетербургская съ сестрами Бога молю и челомъ бью“.

«Отъ Санктпетербурга, іюля 17-го дня 1709 года».

†

3) „Всемилоствѣйшій государь! У насъ въ царствующемъ Санктпетербургѣ, слава Богу, все благополучно. Истинно, всемилоствивый государь, великую печаль имѣю, что отлучены отъ вашего величества и непрестанно прошу: Боже! дай ваше величество намъ видѣть въ добромъ здоровьи и во всякомъ счастливымъ случаѣ.

Доношу вашему величеству о домѣ своемъ старомъ разорила, а новый не зачинала за малолетствомъ работныхъ людей, и если, государь, вы меня въ своей милости въ томъ моемъ строеніи оставите, и я совѣшъ приду въ скудость.

Денегъ на палаты собрано семь сотъ восемьдесятъ рублей. Племянниковъ подписалъ девяносто рублей, не далъ ни копѣйки и неколи было ему считать: по отъѣздѣ вашемъ скоро побѣжалъ къ Москвѣ, и я чаю, что онъ въ такомъ мнѣніи, что ему вишь не быть въ Санктпетербургѣ.

Но мало печалюсь, что при нынѣшнемъ случаѣ не имѣю у себя мужа своего Ивана Ивановича; онъ бы управилъ лучше меня.

Грѣшная монахиня санктпетербургская, князь-игуменья, Бога молю и челомъ бью.

Пожалуй, всемилостивѣйшій государь, заступи свѣтлѣйшему князю, чтобы пожаловалъ на строеніе палатъ, что воля его надлежитъ“.

«Отъ Санктпетербурга, іюня 20-го дня 1712 года».

†

4) „Всемилоствѣйшій государь! Иного къ доношенію не имѣю то, что у насъ въ царствующемъ Санктпетербургѣ все благополучно состоятъ.

Ваши государскія дѣти и внучата, а наши государи, слава Богу, въ добромъ здоровьи.

Отъ сердца желаю и прошу, дабы я не оставлена была милостивымъ вашимъ письмомъ властной ващей руки, въ чемъ бы имѣла въ болѣзни своей великую радость.

Доношу о себѣ, для великой болѣзни мужа моего, съ благословенія отца нашего князь-папы дерзнула изъ обители своей отѣхать къ мужу своему и съ проѣздомъ въ пути была два мѣсяца и въ томъ прошу прощенья.

А мужу моему учинился параличъ и въ памяти помѣшаніе есть. Прошу милости, поблагодари свѣтлѣйшаго князя на письмѣ, что ко мнѣ добръ.

Грѣшная санктпетербургская князь-игуменья Бога молю и челомъ бью“.

«Санктпетербургъ, февраля 18-го дня 1717 года».

†

5) „Всемилоствѣйшій государь! У васъ въ царствующемъ Санктпетербургѣ, слава Богу, все благополучно. Всемилоствѣйшая наша государыня царица Екатерина Алексѣевна въ добромъ здоровьи, изволила пойтить въ Сарскую мызу.

Поздравляю васъ съ новополученнымъ чномъ, котораго во истину съ немалымъ трудомъ воспріяли; дай Воже и выше воспріять.

Пожалуй, отдай услужливый мой поклонъ вашему флагману, изволь ему попенять, что къ намъ не пишеть, во истину не диво въ дальнемъ разстояніи можно уничтожить.

Санктпетербургская князь-игуменья Бога молю и челомъ бью“.

«Августа 20-го дня».

„И, если изволишь видѣть сіятельнѣйшаго адмирала, изволь, по своей ко мнѣ милости, ему попенять, что къ намъ не пишеть и въ томъ намъ печаль приноситъ“!

IV.

Просьба дьяка Протопопова о небытіи въ маскарадѣ

1722 г.

Императорскаго величества въ кабинетъ. Доношеніе дьяка Алексѣя Протопопова.

Написанъ я въ маскарадъ, а по указу изъ государственной юстицъ-коллегіи, президентъ спрашиваетъ многихъ дѣлъ и репортовъ, да къ тому-жъ многихъ прибудущихъ господъ и царедворцевъ противъ прошлыхъ лѣтъ, въ Москву непрестанныя сдѣлки и прочія крѣпости, по которымъ много пишущихъ крѣпостей, а у того дѣла я одинъ, а великія крѣпости безъ подписки моея быть не могутъ, отъ чего я опасень, чтобы отъ того пошлинамъ утраты и въ дѣлахъ бы остановки и требующимъ писать волокиты не было. О семъ требую его императорскаго величества указу. Дьякъ Алексѣй Протопоповъ.

V.

Петръ Великій о ханженствѣ и лицемеріи.

Неоспоримо, что подъ формою насмѣшки надъ князь-папою и его конклавомъ императоръ Петръ бичевалъ и темныя стороны быта современнаго ему духовенства, какъ бѣлаго, такъ въ особенности чернаго. Положеніе того и другого было завѣцано древнею Русью въ самомъ неудовлетворительномъ состояніи, рѣзко засвидѣтельство-

ванномъ церковнымъ и гражданскимъ правительствами. „Мѣры, принятыя преобразователемъ“, пишетъ историкъ Сергѣй Мих. Соловьевъ (т. XVIII, стр. 200—201), „для исправленія зла—не имѣли успѣха“. Возгорѣлась вражда противъ него духовнаго чина, царь отвѣчалъ тѣмъ же чувствомъ.

— „Отъ 1722 г. осталось написанное рукою Петра толкованіе заповѣдей; на одной сторонѣ написаны заповѣди, на другой—какіе грѣхи противны тому. Противъ 1-й заповѣди написано: „идолопоклонники и атеисты.“ Противъ 2-й: „Кто страха Божія не имѣетъ и все почитаетъ легко, другіе отъ незнанія ученія.“ Противъ 3-й: тѣжъ, о которыхъ во второмъ пунктѣ писано, и презорцы и лѣнивые. Противъ 4-й тожъ, что во 2-мъ и 3-мъ. 5—Разбойники и имъ подобные. 6—Есть отъ тѣхъ же страха Божія немущихъ, есть отъ нужды, есть отъ великаго вождельнія. 7—Тати. 8—Бездупшники. 9—Лбедники. 10—Они-жъ. Описавъ всѣ грѣхи противъ заповѣдей, единъ токмо нахожу грѣхъ лицемѣрія или ханжества необрѣтающійся—чего для? Того ради, понеже заповѣди суть разны и преступленія разны противъ каждой, сей же грѣхъ всѣ вышени-санные въ себѣ содержитъ. Противъ первой: грѣхъ есть атеистство (атеизмъ), который въ ханжахъ есть фундаментомъ, ибо первое ихъ дѣло сказывать видѣнія, повелѣнія отъ Бога и чудеса все вымышленные; и когда сами они вымыслили, то вѣдаютъ уже, что не Богъ то дѣлалъ, но они; какаѣ же вѣра въ оныхъ, а когда оной нѣтъ, то суть истинные атеисты. Противъ второй: страха Божія немущіе, понеже когда лгутъ на Бога, какой уже страхъ Божій въ нихъ обрѣстися можетъ? Противъ третьей: сія равна второй, къ томужъ прилагается: святѣ его, сирѣчь молятся; молитва же отъ ханжей пріятна ли Богу; которая во живыхъ чудесахъ и фарисейскихъ мѣстахъ и атеистовскою совѣстью исполнена. Противъ четвертой: можетъ быть, что натуральныхъ отцовъ нѣкоторые и почитаютъ, но сіе на удачу, но пастырей, иже суть вторые по натуральныхъ отцы отъ Бога опредѣлены какъ почитаютъ? когда первое ихъ мастерство въ томъ, чтобы по послѣдней мѣрѣ ихъ обмануть, а вѣще тѣшатся бѣдство имъ приключить подчиненныхъ пастырей оболганіемъ у вышнихъ, и вышнихъ всѣяніемъ въ народъ хульныхъ про оныхъ словъ, подвизая ихъ къ бунту, какъ многихъ головы на кольяхъ свидѣтельствуютъ. Противъ пятой: который на свѣтѣ разбойникъ только можетъ людей погубить какъ заводчикъ бунта,

и все то чинялъ. образомъ святыни, подь видомъ агнца, прикрытые его кожей. На шестую: какъ бы могъ мужъ незнакомаго человѣка къ женѣ допустить, и особливо добраго и хорошаго, а ханжу еще и подь руку принявъ, отведеть для благословенія и пророчества, и провожая назадъ, руки выцѣлуеть и накланяется, считая за великую себѣ добродѣтель, что такого адскаго сына въ свояки себѣ принялъ. На седьмую: не токмо одною рукой, но духомъ и обоними все крадутъ. На восьмую: въ семъ ихъ и мастерство состоитъ, какъ выше писано. На девятую и десятую: сіе все безъ разбору, понеже чѣмъ бы имъ питаться какъ слѣдуетъ? Скажутъ, что явилась икона гдѣ въ лѣсу или на иномъ мѣстѣ и явленіе было, чтобъ на томъ мѣстѣ монастырь сдѣлать или пустыню, а монастырю безъ деревень быть нельзя, какъ недавно такое дѣло было въ Преображенскомъ, что два крестьянина пришли и сказали такое явленіе, чтобъ построить монастырь и господина ихъ деревню тутъ отдать. И тако сей грѣхъ все въ себѣ содержитъ, а изъ грѣховъ прочихъ не каждый можетъ, на примѣръ колибъ разбойникъ сталъ ханжить, ктобъ его въ артель принялъ? Когда бъ изъ шумницъ (пьяницъ) кто пришелъ на кабакъ святымъ образомъ и не сталъ бы пить и шалить съ ними, всѣбъ отъ него побѣжали; когдабъ охотникъ молодой до Венуса пришелъ бы въ компанію дѣвицъ въ ханжескомъ образѣ, то ни у одной бы дружбы не сыскалъ. Когдабъ тать такъ себя учинилъ, товарищей бы не нашель, понеже чаяли бъ, что ихъ искушаетъ. Наконецъ Христось Спаситель ничего апостоламъ Своимъ бояться не велѣлъ, а сего весьма велѣлъ: блюдитесь, рѣче, отъ кваса фарисейскаго, еже есть лицемѣріе“¹⁾).

Петръ.

¹⁾ Государ. архивъ мин. ин. дѣлъ, кабинетъ I, кн. № 31.

ПОКУШЕНІЕ НА ЖИЗНЬ ПЕТРА ВЕЛИКАГО

1720.

ПОКУШЕНІЕ НА ЖИЗНЬ ПЕТРА ВЕЛИКАГО

1720 г.

На той самой сторонѣ Лѣтняго сада, на которой сдѣлано было преступное покушеніе 4-го апрѣля 1866 года—почти полтора столѣтія тому назадъ совершено было покушеніе на жизнь императора Петра Великаго.... Такъ какъ эпизодъ этотъ едва-ли многимъ извѣстенъ, то мы считаемъ не безынтереснымъ привести о немъ нѣкоторыя, къ сожалѣнію, впрочемъ, довольно неполныя свѣдѣнія.

Въ углу Лѣтняго сада, при отдѣленіи Фонтанки изъ Невы, стоитъ и до сихъ поръ небольшой дворецъ. Онъ выстроенъ Петромъ Великимъ въ 1711 году и извѣстенъ былъ всегда подъ названіемъ „Лѣтняго“. Великій Петръ любилъ этотъ домикъ, для своего времени и красивый, и удобный, и здѣсь проводилъ весну и лѣто, когда только былъ въ своемъ неоцѣненномъ „парадизѣ“, какъ онъ обыкновенно называлъ Петербургъ. Въ этомъ же Лѣтнемъ дворцѣ императоръ Петръ Великій работалъ съ своими министрами, здѣсь составлялъ онъ регламенты, отсюда разсылались его указы.

Доступъ къ государю, какъ извѣстно, всегда былъ чрезвычайно легокъ, хотя, впрочемъ, Петръ I въ послѣднюю половину своего царствованія неоднократно издавалъ строжайшіе указы о томъ, чтобы никто не дерзалъ подавать ему челобитныя, а представлялъ бы ихъ въ подлежащія и имъ учрежденныя коллегіи и другія мѣста. Какъ бы то ни было, по независимо отъ подачи челобитенъ, доступъ къ государю былъ легокъ. Этимъ и воспользовался злодѣй.

Въ 1720 году, однажды вечеромъ,—такъ рассказывалъ профессору Штелину, уже послѣ смерти Петра I, бывший его деньщикъ, по нынѣшнему—флигель-адъютантъ, графъ Александръ Борисовичъ Бутур-

линь:—у государя, въ Лѣтнемъ дворцѣ, собрались на совѣтъ министры. Въ это время, пользуясь темнотою и невниманіемъ слугъ и деньщиковъ—въ переднюю прокрался какой-то незнакомецъ; подъ пазухой у него виднѣлась киса, сшитая изъ разныхъ лоскутковъ. Киса та была въ родѣ тѣхъ, въ какихъ секретари и писцы того времени приносили къ разсмотрѣнію или подписи своимъ начальникамъ различныя дѣла. Никто изъ деньщиковъ и слугъ, бывшихъ въ то время во дворцѣ, не обратилъ вниманія на незнакомца; вѣроятно они приняли его за подьячаго или писца изъ какой-нибудь коллегии, явившагося къ государю съ дѣлами; незнакомецъ тѣмъ скорѣе не обращалъ на себя вниманіе служителей, что стоялъ совершенно равнодушно и покойно, и въ теченіе нѣсколькихъ часовъ съ кисой подъ мышкой терпѣливо ждалъ выхода государя. Наконецъ совѣтъ кончился. Царь Петръ I, по обыкновенію, пошелъ проводить своихъ министровъ въ прихожую. Въ это мгновеніе незнакомецъ обернулся къ стѣнѣ и незамѣтно вынулъ что-то изъ кисы и вынутую вещь завернулъ въ кису..... Государь, между тѣмъ, обернулся и пошелъ было уже назадъ къ себѣ въ комнаты; незнакомецъ такъ смѣло и рѣшительно послѣдовалъ за нимъ, что окружающіе могли подумать, будто бы самъ государь приказалъ ему идти за собой; но такъ какъ подобнаго приказанія никто не слышалъ, то одинъ изъ служителей побѣждалъ за незнакомцемъ и въ дверяхъ передней загородилъ ему дорогу. Когда же послѣдній сталъ проталкиваться, служитель толкнулъ его и спросилъ: „кто ты такой, и что тебѣ надобно?“ Тотъ, не отвѣчая, продолжалъ проталкиваться вельдѣ за государемъ. Петръ услышалъ шумъ и, обратясь, спросилъ: „что тамъ?“

Должно быть, могучій голосъ и грозный видъ Петра испугали злодѣя: у него вывалилась изъ-подъ пазухи киса, а изъ-подъ нея выскочилъ „превеликой ножъ“. Преступникъ палъ на колѣни и признался въ своемъ умыслѣ.

Государь самъ схватилъ его и спросилъ:

— „Что ты хотѣлъ съ ножомъ сдѣлать?“

— Тебя зарѣзать, отвѣчалъ преступникъ.

— „За что? продолжалъ спрашивать Петръ съ совершенно спокойнымъ духомъ:—развѣ я тебя чѣмъ обидѣлъ?“

— Нѣтъ, отвѣчалъ злодѣй, оказавшійся раскольникомъ:—ты мнѣ никакого зла не сдѣлалъ, но сдѣлалъ нашей братіи и нашей вѣрѣ....

— „Хорошо, продолжалъ Петръ:—разсмотримъ это“.

въ 1720 г.

Государь велѣлъ взять преступника подъ караулъ и ничего съ нимъ не дѣлать, пока онъ его завтра самъ обстоятельно не разспросить.....

Къ сожалѣнію, ни профессоръ Штелинь, поселившійся въ С.-Петербургѣ въ 1735 году, и, слѣдовательно, знавшій, и притомъ весьма многихъ, „птенцовъ Петра Великаго“, отъ которыхъ, бѣльшею частію, и слышалъ всѣ рассказы, внесенные имъ въ его книгу: „Любопытныя и достопамятныя сказанія объ императорѣ Петрѣ Великомъ“, ни Голиковъ, повторившій, со словъ Штелина, это же сказаніе, ни одинъ изъ нихъ не говоритъ о дальнѣйшей судьбѣ дерзкаго преступника, не называетъ его даже и по имени. Между тѣмъ, это тѣмъ болѣе было бы интересно, что въ дѣйствительности событія едва ли можно усумниться, такъ какъ Штелинь прямо ссылается на то, что событіе передано было ему „фельдмаршаломъ графомъ Бутурлинымъ, который при Петрѣ Великомъ былъ денщикомъ“; дѣлать же ложную ссылку на лицо, сынъ и ближайшіе родственники котораго были еще живы въ то время, когда книга Штелина была напечатана, авторъ „Сказаній“ едва ли бы рѣшился.

4-го апрѣля 1866 г.

БАТОГИ И ВИСКА НА ДЫВЪ,

пытки въ Россіи въ XVIII в.

Два рисунка, приложенные къ настоящей книгѣ, составляютъ вполне точное воспроизведеніе гравюръ изъ извѣстнаго сочиненія „Voyage en Siberie“, совершеннаго въ этотъ край чрезъ Европейскую Россію въ 1761 г. par M. l'Abbé Chappe d'Auterroche, de l'Academie royale des Sciences. Paris, 1768 г., tome premier, стр. 224, грав. № 12 и стр. 227, гравюра № 14. Рисунки исполнены тогда же съ натуры въ Россіи, художникомъ M. le Prince.

Первый изъ воспроизведенныхъ нами, въ гравюрахъ художника И. И. Матюшина, рисунокъ представляетъ весьма обычную сцену на Руси въ XVIII вѣкѣ: это *supplice des batogues*—наказаніе батогами или палками—самое обыкновенное, самое обыденное, въ то суровое время, исправительное, хотя зачастую и полное самой свирѣпой жестокости, наказаніе.

Незабвенный Царь-Освободитель Александръ II, державною волею своею разбивъ цѣпи крѣпостнаго ига, снялъ позоръ и палочнаго избіенія русскаго человѣка.

Другой рисунокъ, который читатель находитъ въ этой же книгѣ, это *supplice du grand knout*,—такъ называется этотъ видъ истязанія ученый путешественникъ. Но въ дѣйствительности это не казнь, а лишь подготовка къ казни: это тотъ допросъ съ пристрастіемъ въ Россіи XVIII-го вѣка, эта та виска или дыба, на которой, кромѣ массы лицъ, былъ истязанъ до смерти царевичъ Алексѣй Петровичъ, которую старался уничтожить Петръ III, противъ которой была Екатерина II, но окончательно уничтожилъ лишь Александръ I въ 1801 году. Съ того времени если въ нашемъ отечествѣ и истязывали кой-кого при допросахъ, то уже это было увлеченіе не только не законное, но и преступное, преслѣдуемое, по обнаруженіи его, закономъ,—увлеченіе мелкихъ властей при разныхъ дознаніяхъ и допросахъ.

Это также вычеркнуто и смыто съ страницъ исторіи Россіи тѣмъ Державнымъ Вождемъ русскаго народа, кто даровалъ ему „Судебные уставы“ 1862—1864 гг.

Михаилъ Семевскій.

1860—1866 гг.

5-го сентября, 1883 г.
С. Мерекюль.

